ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2006

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.naukaran.ru
http://www.malk.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2006

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство "Наука"»

© Российская академия наук, 2006 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2006

Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры
Демещенко С. А. 5

К интерпретации одного из сооружений "теменоса" поселения Телль Хазна 1 в северо-восточной Сирии
Амиров Ш. Н. 17

Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века Волго-Донской лесостепи
Ставицкий В. В. 31

Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье
Стефанов В. И. 44

Особенности геофизических исследований на археологических объектах Израиля
Эппельбаум Л. В., Хесин Б. Э., Иткис С. Е. 59

Проблемы скифо-сарматской археологии

Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V–IV в. до н.э.
Таиров А. Д. 71

К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье
Маслов В. Е. 79

Защитный доспех скифского времени на Среднем Дону
Савченко Е. И. 88

Серебряная чаша из Прохоровки
Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т. 98

Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований
Мещеряков Д. В., Федоров В. К., Яблонский Л. Т. 107

Сарматское погребение на севере Волгоградской области
Сергацков И. В., Захаров П. Е. 117

Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития
Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. 124

Публикации

Новые данные по хронологии Камской неолитической культуры
Волокитин А. В., Зарецкая Н. Е., Карманов В. Н. 137

Утюжок с личиной из южного Тургая
Логвин В. Н., Ченченкова О. П. 143

Погребения V века н.э. с конями могильника "Гора Великанов" (Hünenberg)
Тюрин Е. А. 148

Застройка "старого города" Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь)
Черных Н. Б., Карпухин А. А. 157

Критика и библиография

Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003
Ковалевская В. Б. 164

Bill Adel. Studien zu den Gräbern des 6. bis I. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Bezichungen zu den Steppenvölkern. Bonn, 2003
Молодин В. И., Наглер А. 169

Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры Харьков, 2004
Внуков С. Ю. 171

Хроника

II международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э." (Азов, 2004)
Гуляев В. И., Лукьяшко С. И., Яблонский Л. Т. 176

Конференция "Археология и естественнонаучные методы" (К 90-летию со дня рождения Б.А. Колчина)
Завьялов В. И. 179

Десятая региональная научная конференция "Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья" (Калуга, 2003)
Прошкин О. Л. 182

К юбилею Наталии Вадимовны Рындиной
Авилова Л. И., Дегтярева А. Д., Конькова Л. В. 185

Памяти Андрея Геннадьевича Атавина
Паромов Я. М. 188

Список сокращений 191

Правила для авторов 192

Сдано в набор 18.10.2005 г. Подписано к печати 20.12.2005 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23. 2 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 947 экз. Зак. 951

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель – Научно-производственное объединение «Издательство "Наука"», 117997 Москва, Профсоюзная, 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2006

Specific features of the ornaments of Kostenki – Avdeevo culture
Demeshchenko S. A. 5

On the religious character of a construction investigated in the "temenos" of the settlement Tell Hazna I in North Syria
Amirov Sh. N. 17

The dynamics of interaction of the Early Bronze Age culture in the Volga–Don forest-steppe
Stavitsky V. V. 31

The cemetery Tovkurtlor 3: Seima–Turbino traces in the Lower Ob' basin
Stefanov V. I. 44

Specifics of geophysical investigations at the archaeological sites in Israel
Eppelbaum L. V., Hesin B. E., Itkis S. E. 59

Problems in Scytho-Sarmatian archaeology

Ethno-cultural processes in the South Uralian steppes in the second part of the 5th–4th cc. BC
Tairov A. D. 71

Concerning formation of pottery complex of Early Scythian period in the Central North Caucasus piedmont
Maslov V. E. 79

Protective armour of the Scythian time on the Middle Don
Savchenko E. I. 88

Silver bowl from Prokhorovka
Balakhvantsev A. S., Yablonsky L. T. 98

Old collection of finds from Prokhorovka in the light of the recent archaeological investigations
Meshcheryakov D. V., Fedorov V. K., Yablonsky L. T. 107

Sarmatian burial in the north of the Volgograd region
Sergatskov I. V., Zakharov P. E. 117

Late Sarmatian culture of the Volga-Don interfluve. The problem of formation and development
Krivosheev M. V., Skripkin A. S. 124

Publications

New data on the chronology of the Kama Neolithic culture
Volokitin A. V., Zaretskaya N. E., Karmanov V. N. 137

Smoother decorated with human mask from Yuzhny Turgai
Logvin V. N., Chenchenkova O. P. 143

Burials of the 5th c. AD with horse skeletons from the cemetery Hünenberg
Tyurin E. A. 148

Constructions of "The Old City" of the Kirillo-Belozersky monastery according to the data of dendrochronological analysis (Ivanovsky monastery)
Chernykh N. B., Karpukhin A. A. 157

Book reviews

Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse
Kovalevskaya V. B. 164

Bill Adel. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1 Jahrhunderts v. Chr. In Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Bezichungen zu den Steppenvölkern. Bonn: Habelt, 2003
Molodin V. I., Nagler A. A. 169

"Chersonese Taurian in mid 1st c. BC – 6th c. AD. Essays on history and culture. Collective monograph. Kharkov: Maidan, 2004
Vnukov S. Yu. 171

Chronicle

II International conference "The Scythians and the Sarmatians in 8th – 3rd cc. BC"
Gulyaev V. I., Luk'yashko S.I., Yablonskii L.T. 176

Conference "Archaeology and methods of natural seiences"
(In commemoration of the 90th anniversary of B.A. Kolchin)
Zavyalov V.I. 179

Tenth regional scientific conference "Problems of archaeology, history, culture and natural environment of the Upper Oka basin" (Kaluga, 2003)
Proshkin O. L. 182

In commemoration of Natalia Vadimovna Ryndina's jubilee
Avilova L. I., Degtyareva A. D., Konkova L. V. 185

In memory of Andrei Gennadievich Atavin
Paromov Ya. M. 188

List of abbreviations 191

Information for the contributors of the journal 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 5–16

ОСОБЕННОСТИ УКРАШЕНИЙ КОСТЕНКОВСКО-АВДЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2006 г. С. А. Демещенко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Понятие "украшение" имеет достаточно широкий диапазон значений и может выступать в качестве элемента дизайна, отделки или художественного оформления вещи, являться раскраской тела человека, но в наиболее распространеном смысле представляет название определенных предметов эстетического характера, к которым могут быть отнесены бусы, ожерелья, браслеты и прочие украшения в нашем, современном понимании их назначения.

В духовной культуре первобытных народов и обществ с традиционной культурой украшения приобретают особое значение. Употребление данного названия для палеолитических предметов, так называемых малых форм, всегда остается условным. Своеобразие древнейших подвесок, как и других типов украшений, можно объяснить только на основе сложившейся системы ассоциативного мышления первобытных охотников, что давало преобладание смысловой нагрузки, символического значения предмета над эстетическими представлениями. В архаичных обществах с их традиционной культурой доминантой любого предмета или орнамента, используемого как украшение, является его особая значимость защиты, силы, помощи, заслуги или знака принадлежности и социального статуса.

В данной статье предлагается рассмотреть украшения костенковско-авдеевской палеолитической культуры, распространение которой в Восточной Европе приходится на период 24–22 (21) тыс. лет назад.

Целью работы является выделение особенностей украшений одной из граветтийских культур Европы и их сопоставление на основе находок из двух жилых комплексов Костенок 1 (Воронежская обл., р. Дон) и двух объектов Авдеева (Курская обл., р. Сейм).

В качестве источников здесь использованы серийно представленные и единичные формы подвесок, диадемы, фрагменты браслетов, острия, из которых можно выделить разновидности заколок, а также изображенные на статуэтках нательные украшения.

Впервые украшения костенковско-авдеевской культуры были найдены в результате исследований первого жилого комплекса Костенок 1 П.П. Ефименко (1931–1936 гг.) и затем работ М.В. Воеводского (1946–1948 гг.), А.Н. Рогачева (1949 г.) на площади старого объекта Авдеева. В 1950–1960 гг. данная категория предметов получает более детальное описание и подразделение в публикациях М.Д. Гвоздовер (1953), П.П. Ефименко (1958) и З.А. Абрамовой (1962).

Изучение второго комплеска Костенок 1 (А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов, с 1972 г.) и нового объекта Авдеева (М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев) значительно пополнило категорию украшений, позволило выявить новые, ранее неизвестные типы подвесок, сопоставить орнаментальные композиции на диадемах, а также выделить среди острий заколки с фигурным навершием.

Подвески являются наиболее многочисленной группой украшений костенковско-авдеевской культуры (рис. 1).

Название предметов предусматривает характер их использования как шейно-нагрудного или поясного "украшения"-навески с символико-образным значением. Это могут быть естественные предметы (зубы животных, фигурные плоские гальки, раковины ископаемых моллюсков) с искусственным отверстием или нарезкой, а также изделия, полученные в результате моделировки формы и вырезанные из бивня мамонта, кости и мягкого камня. Отверстие для подвешивания создавалось посредством встречного прорезания на уплощенных частях предмета или, в редких случаях, сверлением. Для закрепления на шнурке могли использовать круговую нарезку или особенности формы подвески при ее фиксации посредством петли. Довольно распространенным видом подвесок являлись клыки животных со встречным, прорезанным отверстием на уплощенной корневой части. Наличие подвесок из клыков песца и лисицы на первом комплексе Костенок 1 отмечается в публикации П.П. Ефименко (1958. С. 334), аналогичные формы были встречены и на втором жилом комплексе стоянки. В материалах старого объекта Авдеева было определено 8 клыков песца с прорезанными отверстиями, 13 резцов и клыков волка с отверстиями и пропилами и 2 клыка медведя с нарезками для подвешивания (Гвоздовер, 1953. С. 210). За период 1972–1988 гг. на новом объекте Авдеева бы-

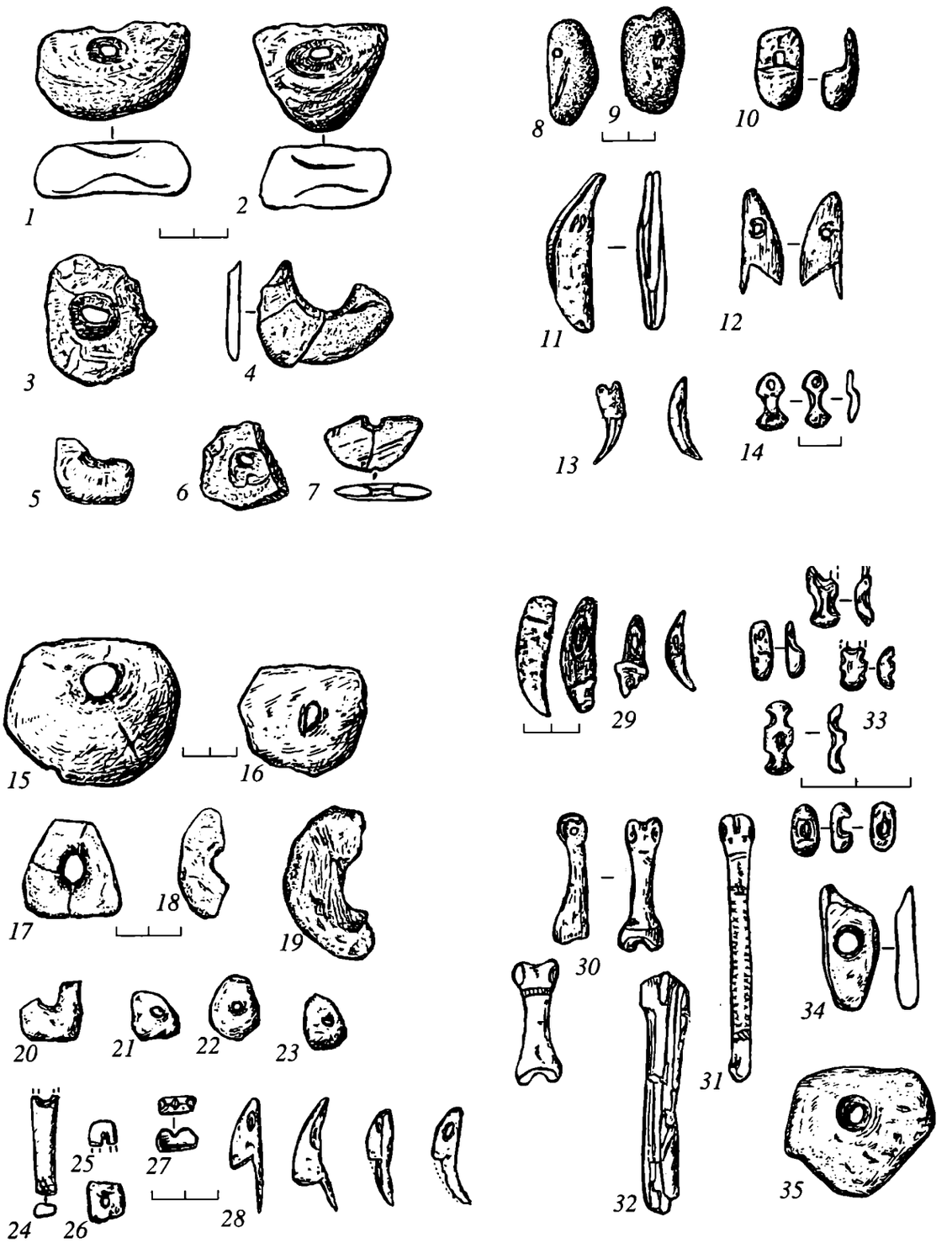


Рис. 1. Подвесные формы украшений костенковско-авдеевской культуры. *1–14* – Костенки 1 (первый комплекс): *1–7* – различные формы мергелевых подвесок; *8, 9* – фигурные гальки; *10* – кость; *11, 13* – зубы животных; *12* – когтевидная подвеска (бивень мамонта); *14* – фигурная подвеска (кость); *29* – Авдеево, старый объект: подвески из зубов животных; *15–28, 30, 31* – Авдеево, новый объект: *15–23* – подвески из мергеля; *24, 25* – фрагменты подвесок из бивня мамонта; *26* – бусина (позвонок); *27* – нашивка (бивень мамонта); *28* – когтевидные подвески (бивень мамонта, зубы животных); *30* – фаланги с орнаментом; *31, 32* – метаподии волка (приводится по: Гвоздовер, 1993; Gvozdover, 1995). *33–35* – Костенки 1 (второй комплекс): *33* – пять миниатюрных подвесок – бусин (бивень мамонта); *34, 35* – подвески из сланца, раскопки А.Н. Рогачева 1926, 1957: ГЭ № 2699–46, Оп. 129–1008.

ло найдено 140 подвесок из зубов песца (Гвоздовер, 1993. С. 27). Зубы животных могли входить в композитные украшения (ожерелья) или надетыми на нить прикрепляться к одежде и головным уборам.

Отличительной особенностью костенковско-авдеевской культуры является использование мергеля/известняка для изготовления не только объемной скульптуры, но и подвесок: К1, п.к. – 6 целых, много фрагментов, (около 20); К1, вт. к. –

имеются фрагменты (материалы не опубликованы); Ав. ст. о. – 30; Ав. н. о. – 145 по М.Д. Гвоздовер (Gvozdover, 1995. P. 9).В Костенках 1 были выделены и подробно описаны П.П. Ефименко "калачиковидные" и уплощенные мергелевые подвески (1958. С. 340, 341). Среди объемных изделий преобладала форма в виде кольца с утолщенным основанием и двусторонним уплощением верхней части, на котором и находилось прорезное отверстие. Размеры данных подвесок варьируют в пределах 5.6–4, 5 × 5–3, 8 см. Есть также подвески подтреугольной формы с закругленными углами. Более мелкие мергелевые подвески (2–3 см) в основном представлены фрагментами.

Заготовками для подвесок служили небольшие куски мергеля (известняка), из которых серией последовательных операций создавалась необходимая форма: первичные снятия на стадии грубой обработки, выравнивание поверхности, подготовка места для будущего отверстия посредством двустороннего уплощения верхней части, двустороннее встречное прорезание, выскабливание отверстия на лунке-впадине, последующее выравнивание изделий по контуру, т.е. моделировка формы (огранка сторон, выравнивание края отверстия), заглаживание поверхности. Многие из образцов асимметричны, грубы, поэтому вызывают сомнение в том, что могли использоваться в качестве нательных украшений человека. Вполне допустимо их символическое значение, когда художественному оформлению отводилась второстепенная роль. Они могли относиться к поясным привескам ("амулеты"-?) или, обладая некой символической значимостью, подвешиваться в жилище (рис. 1, *1–7, 15–23*).

Калачиковидные формы мергелевых подвесок (21) были выделены М.Д. Гвоздовер преимущественно среди находок на новом объекте Авдеева (1993. С. 28), здесь же найдены 5 подчетырехугольных изделий и серия более мелких фигурных подвесок 3–5 см с отверстием на верхней части или посередине. Миниатюрные мергелевые подвески с размерами 1.5–2 см и отверстием в центре (рис. 1, *20–23*) М.Д. Гвоздовер называет бусинами (Gvozdover, 1995. P. 88).

Использование плоских фигурных галек с отверстием в качестве подвесок П.П. Ефименко отмечает в Костенках 1, обращая внимание на их "странную, причудливую форму, которая, видимо, привлекала внимание древнего человека" (1958. С. 338, 339) (рис. 1, *8, 9*). Две фигурные подвески из сланца происходят из раскопок второго жилого комплекса Костенок 1, проводившихся под руководством А.Н. Рогачева и поступивших на хранение в Государственный Эрмитаж в 1957 г. (№ 2699/46, Оп. 129/1008) (рис. 1, *34, 35*, н.в.). Особенностью данных подвесок с природным контуром является наличие просверленных отверстий диаметром 0.4–0.5 см.

Своеобразная группа когтевидных подвесок представлена на двух жилых объектах Авдеева (рис. 1, *28*). Впервые название предметам было предложено М.Д. Гвоздовер. Согласно ее определению, – это "предметы не больше 35 мм – по форме напоминают коготь животного". Нижний конец изделий образован косым срезом с узким острым шипом, на верхнем, овальном конце находится отверстие. На другой разновидности предметов "верхний конец – изогнутое асимметричное острие, и тогда отверстия нет; нижняя часть оформлена аналогично описанному выше". Шип всегда расположен на выпуклом крае предмета. (Гвоздовер, 1993. С. 34). Данные поделки изготавливали из зубов песца или вырезали из бивня мамонта. М.Д. Гвоздовер называет их поделками или орудиями (АВ ст. о. – 4 из бивня, 1 – клык животного; АВ н. о. – 45 из бивня, 23 фрагмента из клыков) (Gvozdover, 1995. P. 9. Tab. 2).

В Костенках 1 (первый комплекс), на наш взгляд, имеется единственная аналогичная авдеевским когтевидная подвеска. П.П. Ефименко приводит описание миниатюрной поделки с отверстием, вырезанной из кости или рога оленя (1958. С. 405). Это плоская фигурка треугольной формы с выемкой в основании, образующей сбоку тонкий заостренный выступ. Отверстие находится в верхней части предмета и выполнено посредством двустороннего сверления на подготовленных округлых лунках. Размеры изделия – 3.6 × 1.7 × 0.9 см. П.П. Ефименко интерпретировал подвеску как изображение головы фантастической птицы с глазом – отверстием. Но при сопоставлении подвески с когтевидными изделиями из бивня мамонта Авдеевской стоянки можно обнаружить их полную аналогию по моделировке (рис. 1, *12, 28*).

Достаточно единичные подвески миниатюрных форм имеются в материалах Костенок 1 (первый комплекс): одна из них воспроизводит недоразвитый клык оленя (1.2 см), другая обладает фигурной формой в виде восьмерки с краевыми утолщениями и выступом – изгибом в средней части (длина 1.7 см). Отверстие последней подвески просверлено. В первой публикации она получила название "миниатюрной косточки естественного происхождения" (Ефименко, 1958. С. 322) (рис. 1, *10, 14*). Необходимо отметить, что на втором комплексе Костенок 1 были также найдены аналогичные двум предыдущим формы миниатюрных подвесок или нашивок длиной 0.9 – 1.2 см (Каталог выставки "Образ зверя и человека...", 2002 г., ГЭ, в процессе подготовки к публикации) (рис. 1, *33*).

Отдельную группу предметов среди украшений, вероятнее всего одежды, занимают нашивки. Это изделия небольших размеров с перехватом – нарезкой посередине или одним – двумя краевыми отверстиями для прикрепления к основе (одежде). На поселениях костенковско-авдеевской культуры встречены лишь единичные экземпляры предметов, которые можно причислить к нашивкам с различной долей вероятности. Это выше упомянутые миниатюрные изделия из второго комплекса

Костенок 1 и изделие прямоугольной формы с закругленными концами и насечкой для закрепления (Gvozdover, 1995. P. 92) (рис. 1, *27*).

Особого внимания среди категории символических предметов заслуживают орнаментированные фаланги и метаподии животных (песец, заяц, волк), которые в связи со своей миниатюрностью и характерными для костенковско-авдеевской культуры графическими элементами орнамента и композиций также могли прикрепляться посредством петли, например, к поясу и служить в качестве предметов символического характера. На новом объекте Авдеева выделен 31 предмет данной категории, в одном случае была выполнена имитация метаподия волка, вырезанная из бивня мамонта (Гвоздовер, 1993. С. 27) (рис. 1, *30–32*).

Поверхность фаланг и метаподий покрыта нарезками и штриховыми элементами, образующими пояски и орнаментальные мотивы из сочетания столбиков наклонной линии, клиновидной насечки и производных от крестика. На фалангах волка нарезались пояски из двойных поперечных линий, иногда группы бессистемных штриховых нарезок.

На первом комплексе Костенок 1 фаланги песца и волка были найдены большими скоплениями в ямках-хранилищах, приуроченных к жилым или производственным объектам. Например, из хранилища на кв. М–12 происходит 21 фаланга песца (Ph 1; Ph 2). Расположение отобранных фаланг связано, видимо, с углублением в западине № 4 (здесь же были обнаружены кости обрубленных лап пещерного льва, много других костей – заготовок, обломок статуэтки и подвеска из мергеля, костяной стержень с нарезками и подвески из клыков животных). В яме на кв. С, Д – 12 (?) , расположенной перед землянкой "Б", было отмечено 14 фаланг волка (Ph 2; Ph 3).

В коллекции Авдеева (н. о.) имеется единственный фрагмент украшения, который М.Д. Гвоздовер называет бусиной по аналогии с уплощенными, квадратными в плане изделиями с отверстием в центре из Сунгиря (рис. 1, *26*). Имеется также упоминание о пронизках цилиндрической формы, изготовленных из трубчатых костей мелких животных (Gvozdover, 1995. P. 12).

Многочисленную группу украшений костенковско-авдеевской культуры составляют диадемы и браслеты, изготовленные из пластин бивня мамонта (рис. 2, *1–16*). По причине использования одинаковых заготовок и идентичной техники обработки иногда невозможно подразделить фрагменты изделий согласно их назначению, поэтому одним из определяющих признаков является степень изогнутости их формы. Диадемы представлены тонкими пластинами, сужающимися к закругленным краям. Максимальная ширина изделий приходится на середину заготовки. Для девяти фрагментов диадем из первого комплекса Костенок 1 отмечена ширина 1.5–2 см при толщине пластин 0.2–0.4 см. Обломки диадем и браслетов найдены и на втором комплексе поселения. Среди них особенно выделяется крупная диадема с утраченными краями. Особенностью оформления обруча является сложный рельефный орнамент на лицевой поверхности пластины, состоящий из трех зон. Вся поверхность покрыта мотивом горизонтального зигзага, разделенного посередине длины изделия узкой полосой ритмично поставленных резных насечек, создающих миниатюрные квадраты, внутри которых находятся вдавленные ямки. Частично сохранилась окрашенность вогнутой поверхности диадемы. Ширина изделия составляет 4.5–5 см (Рогачев и др., 1982. С. 59) (рис. 2, *8*).

К диадемам старого объекта Авдеевской стоянки можно отнести 11 фрагментов, и только одно изделие имеет вид целой пластины из бивня мамонта с прорезанными с обеих сторон отверстиями на закругленных концах (размеры 23 × 2.1 (0.9 – концы) × 0.3 см) и орнаментацией в виде группы коротких изогнутых линий на лицевой поверхности. Пять фрагментов небольших пластинок орнаментированы геометрическим мотивом горизонтальной "елочки" с несомкнутыми нарезками, расположенными самостоятельно (1 экз.) или в зоне ограничителей (1 экз.), краевыми нарезками или крестиком различной конфигурации (2 экз.), элементами типа "завернутых углов" (1 экз.) и "линии со шпорами" (2 экз.), образующей рельефные пояски, аналогичные изображенным на статуэтках. Четыре обломка диадем являются концевыми частями украшений.

Диадемы и браслеты из нового объекта Авдеева представлены типичными формами, вырезанными из бивня мамонта. На 1988 г. в коллекции находилось 22 обломка диадем и 5 фрагментов, которые можно рассматривать в качестве браслетов (Gvozdover, 1995. P. 9. Tab. II), наиболее миниатюрное изделие изготовлено из узкой – 0.5 см – пластинки толщиной всего 0.2–0.3 см. По всей видимости, пластинка относится к браслетам, ибо ширина авдеевских диадем составляет 1.2–1.4 см. Сохранившаяся часть одного из широких браслетов (2.5 см) обладает сильной изогнутостью формы, на выпуклой, хорошо заглаженной поверхности предмета прорезано 3 горизонтальных линии с группами перпендикулярно поставленных к ним насечек (рис. 2, *19*). По определению М. Д. Гвоздовер, данный орнамент "линии со шпорами" является типичным для костенковско-авдеевской культуры в целом (1985. С. 13). Крупный фрагмент второго массивного браслета шириной 0.8 см и толщиной 0.4 см сохраняет природный изгиб бивня (Gvozdover, 1995. P. 12).

Среди художественно оформленных предметов Костенок 1 и Авдеева особого внимания заслуживают острия с фигурным навершием. По форме их вполне можно рассматривать и как орудия, и как заколки для одежды. Окончание стержня заострением может являться основанием для зачисления изделий к шильям. С другой стороны,

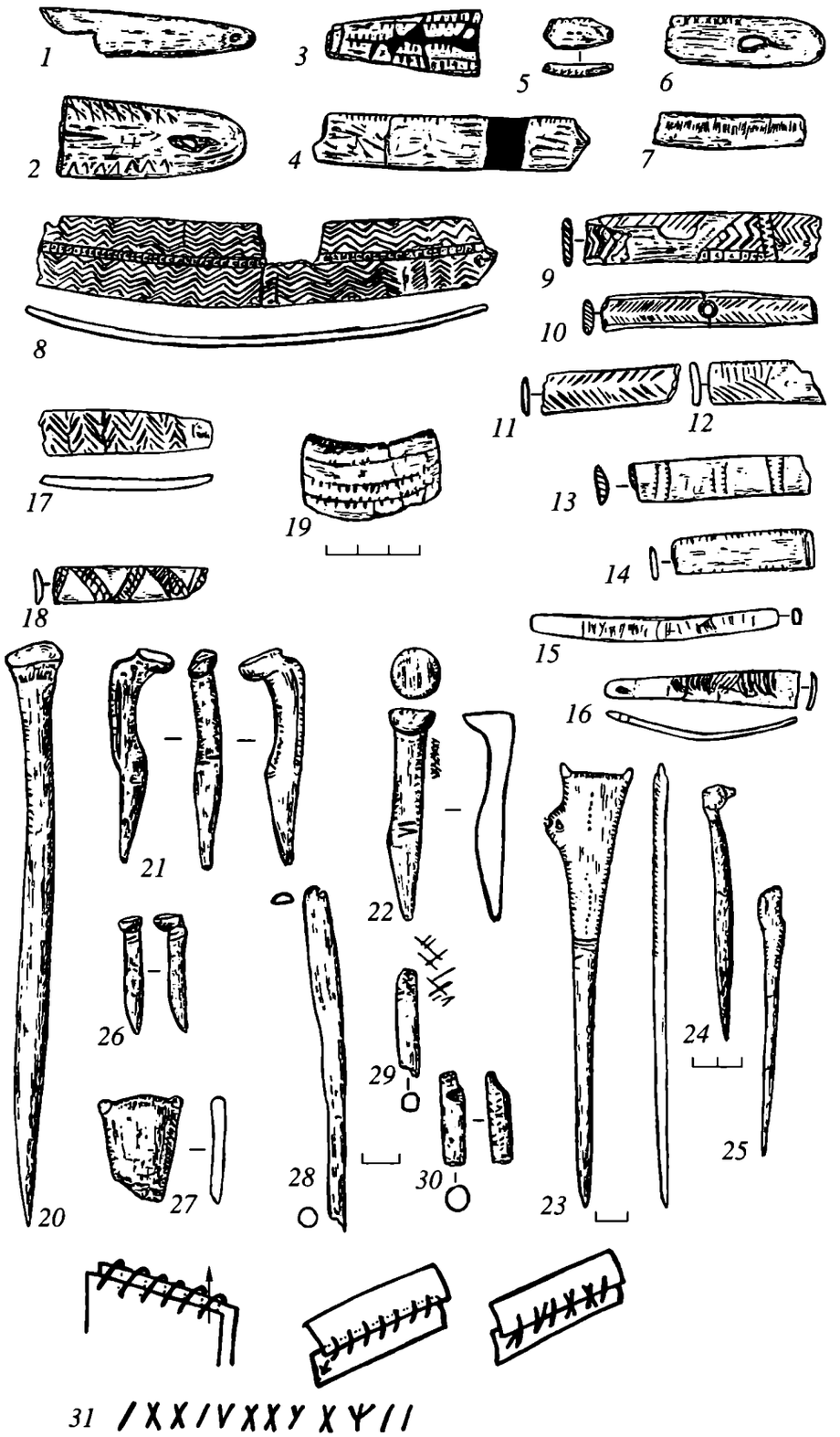


Рис. 2. Фрагменты браслетов и диадем, заколки из Костенок 1 и Авдеева. *1–7* – Костенки 1, первый комплекс; *8, 26–30* – второй комплекс; *9–16, 20–22* – Авдеево, старый объект; *17–19, 23–25* – новый объект; *31* – предполагаемое изображение швов и возможный процесс сшивания кусков кожи.

наличие фигурного навершия и приуроченных к нему орнаментальных зон ставит поделки в иной по сравнению с шильями ряд (рис. 2 , *20–30*).

На костенковском материале П. П. Ефименко выделил 10 фрагментов острий. Единственная целая находка 1923 года наиболее интересная в плане интерпретации навершия. Изделие высотой 5.3 см, изготовленное из бивня мамонта, имеет короткий стержень с незначительным заострением нижнего конца. Причем, это заострение не типично для шильев или проколок. В профиле стержень изогнут, а тыльная сторона предмета обладает выступом в верхней части. На лицевой поверхности ниже шляпки стержень украшен

тремя параллельными нарезками, создающими поясок. Округлая шляпка острия усечена горизонтально таким образом, что фигурная головка "напоминает... верблюжью ножку с массивной округлой ступней. Однако, в них можно скорее увидеть упрощенную, вполне условную передачу того же женского образа, с присущей ему нередко уплощенной, характерно склоненной головой" (Ефименко, 1958. С. 318) (рис. 2 , *26*).

Аналогичные формы заколок происходят с жилой площадки второго комплекса поселения, но публикуются уже под новым названием "фибул" со шляпкой (Аникович, 1979. С. 12). Находка 1972 года (3.9 × 0.6 × 0.7 см) по граням прилегающей к навершию части орнаментарована крестиком, параллельными прямыми и наклонными нарезками. Фибула 1978 г. (8.1 × 0.8 × 0.8 см) частично украшена поясками из параллельных нарезок. По сообщению А.Н. Рогачева, из второго комплекса Костенок 1 происходит 4 целых предмета, относящихся к данному типу украшений (Рогачев и др., 1982. С. 58).

Подобные предметы (3) были найдены в Авдеево в 1948 г. (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950. С. 12; Гвоздовер, 1953. С. 12). Здесь также отмечалось наличие навершия "в виде ноги животного и орнаментация косым крестиком". В материале нового объекта стоянки М. Д. Гвоздовер выделяет 6 заколок, относящихся к данной разновидности предметов, но с новой интерпретацией навершия, которое рассматривается как одно целое из сочетания усеченной шляпки и орнаментированной части изогнутого стержня как "условно-схематическое изображение женщины" (1985; 1993. С. 33) (рис. 2 , *21, 22*).

Стилизация образа животных отмечена и в уплощенных навершиях заколок второй разновидности, которые вполне можно расценивать как особенность украшений костенковско-авдеевской культуры. Это округлые в сечении стержневидные заколки с подтреугольной, зооморфной формой навершия, воспроизводящего удлиненные морды волка или медведя анфас с типичными для них выделенными ушками (Демещенко, 2004. С. 54).

Из раскопок П.П. Ефименко (Костенки 1, п.к.) происходит только один фрагмент навершия заколки в виде стилизованного изображения головы медведя. На старом объекте Авдеева аналогичные поделки были представлены фрагментами, но целые их экземпляры, вырезанные из бивня мамонта, имеются среди изделий нового объекта стоянки (Гвоздовер, 1993. С. 33). Это значительно уплощенные в сечении заколки с вытянутой, подтреугольной формой навершия, воспроизводящего голову медведя или волка в стилизованной манере. Вид животного определяется по моделировке головы и форме ушей (округлые или приостренные выступы). Медвежья морда всегда изображалась более широкой в районе предполагаемых щек, резко сужаясь в носовой части, продолжением которой являлся стержень заколки (рис. 2, *23, 27*).

В Авдеево подобная стилизация образа кошачьих представлена на навершиях лопаточек, но в данном случае, округлые, выступающие уши животного, как один из характерных признаков вида, сочетаются с округлой плоской головой и передачей глаз в виде насечек или прорезей.

Среди других предметов с оформленным острием в новом объекте Авдеево выделены: 1 – округлая в сечении заколка с зооморфным навершием в виде морды медведя, изображенного в условно обобщенной манере (рис. 2, *24*); 2 – острия с миниатюрным навершием-шишечкой (0.3 см), отделенной круговым пояском или при помощи нарезок (2 предмета); 3 – заколки небольших размеров (5.5 – 8 см), уплощенные в сечении, с заострением нижней части и лопаточкоподобной формой навершия (3); 4 – плоско-выпуклые в профиле острия с геометрической орнаментацией по краю.

Но все ли острия с художественным оформлением навершия и орнаментацией могли являться заколками/фибулами? Вероятно, нет. Не исключено, что часть таких острий использовалась обитателями костенковско-авдеевских поселений в качестве орудий для прокалывания, например, кожи при изготовлении каких-то вещей. С другой стороны, на стоянках были найдены в значительном количестве простые формы костяных проколок (шильев) с более тщательной подточкой конца и совершенно без наличия на их поверхности каких-либо орнаментальных элементов. Длина таких шильев может составлять 10 см. Среди изделий, служивших для сшивания, например кожи, П.П. Ефименко выделил "менее обычный тип орудий – иглы, для изготовления которых использовалась слоновая кость". На первом комплексе поселения они представлены в основном только фрагментами, толщина которых 0.4–0.7 см. Типичным образцом подобных орудий можно назвать хорошо выточенный стержень с сохранившейся у верхнего конца выемкой, "служившей для привязывания нити", как полагает П.П. Ефименко (1958. С. 317). Длина предмета 6.5 см, толщина в основании – 0.7 см. На поверхности некоторых фрагментов игл фиксируются строго локализованные композиции геометрического орнамента. Особенностью костенковских орудий является отсутствие прорезного ушка. Это можно объяснить, во-первых, фрагментарностью материала, во-вторых, невостребованностью оформления отверстий для продевания нити. При сшивании кожи вполне достаточно было прорезать или проткнуть материал острием или шилом, а затем через прорези продеть нить, проталкивая ее тем же острием.

Авдеевские острия, столь различные по длине и характеру оформления стержня, можно также подразделить на заколки и орудия, но это требует

специального изучения всей группы изделий. Например, к заколкам можно отнести образцы с фигурным навершием и орнаментальными композициями. Моделировка заколок "верблюжья ножка" (т.е. острия с навершием в виде стилизованного изображения женщины) вполне допускает их использование для скрепления одежды: стержень с изгибом, наполовину усеченное округлое навершие. Что же касается длины изделий, то в палеолите имеются свидетельства использования в качестве заколки предмета 17 см с острым концом и почти шарообразным навершием в погребении девочки из Сунгиря. "Положение булавки на груди справа вниз налево острием предполагает закалывание ее правой рукой" (Бадер, 1998. С. 73). С другой стороны, в Авдеево действительно можно выделить группу острий – иголок с наличием орнаментальных элементов. В коллекции нового объекта стоянки имеется серия так называемых "игольников" из диафиза трубчатых костей животных. Орнаментальные сочетания геометрических элементов в виде столбиков коротких нарезок, клиновидных насечек и производных от крестика, композиции из поясков сближают некоторые виды заколок и острий с игольниками и лопаточками. Причем, некоторые навершия лопаточек также представляют стилизованное изображение женщины. Если сделать предположение, что изготовление одежды являлось типично женским трудом, то столбики параллельных нарезок и их производные элементы могли вполне воспроизводить шов на двух частях соединяемой кожи (сшивание не "встык", а "через край"). Полученные заготовки расправлялись при помощи узких лопаточек, которые выполняли функцию лощил и разглаживателей швов. В результате шов соединял два куска кожи "внахлест" по краю, одновременно, представляя не только ряды коротких параллельных линий, но и при повторном прошивании – различные вариации крестика и клиновидной насечки, тем самым являясь еще и украшением одежды, и своеобразным свидетельством культурной принадлежности (рис. 2, *31*).

Отдельной темой изучения украшений являются изображенные на статуэтках нагрудные и поясные перевязи, браслеты и головные уборы (Абрамова, 1960. С. 126–149; Гвоздовер, 1985; Praslov, 1985. P. 184; 1993. S. 165–173; Gvozdover, 1995). Перевязи, выполненные на фигурках в технике глубокого прорезания и посредством клиновидных или полулунных насечек, создающих объемную форму рельефного жгута, представляют уникальные источники для понимания характера их использования и сопоставлений с найденными на поселениях типами украшений (рис. 3; 4).

Нагрудные перевязи изображены на четырех бивневых статуэтках и на гравировке женщины из первого комплекса Костенок 1, на одной фигурке из старого объекта Авдеева, поясные перевязи отмечены также в четырех случаях из Костенок 1 (п.к.) (Абрамова, 1962; 1966). Браслеты в виде поперечных полосок имеются на женских фигурках Авдеева (ст. о. – 1) и Костенок 1 (п.к. – 1). Впервые "рельефный жгут", воспроизводящий нательные перевязи, был встречен в изображении поясного украшения на костенковских статуэтках из первого комплекса (рис. 3, *2, 3*). Из опубликованных сейчас статуэток костенковско-авдеевской культуры его наличие отмечено примерно в 10 случаях. В основном, это нагрудные перевязи, реже браслеты.

Идеальная сохранность изображений рельефного жгута отмечается только на статуэтках и фрагментах из известняка/мергеля. На скульптурах из бивня мамонта можно увидеть локальную затертость его изображения, о которой в свое время было упомянуто еще З.А. Абрамовой (1966. С. 188). В этом отношении более показательна статуэтка из Костенок 1 (п.к.), на которой обычно до сих пор указывают нагрудное ожерелье, изображенное двумя параллельными рядами насечек (рис. 3, *3*). При детальном изучении фигурки видно, что над грудью первоначально был изображен рельефный жгут, сходящийся под углом между грудями. Тем более, что любое ожерелье, свисая, не может создать аналогичный угол, если нет центральной подвески. Это подтверждает вывод о том, что каменные и бивневые статуэтки изготавливались для разных целей: первые из них для кратковременного использования, например ритуалов, в результате которых и разбивались, а ко вторым, из бивня мамонта, неоднократно обращались и хранили в специальных углублениях.

Костенковская статуэтка 1988 г. (известняк) с изображением рельефного жгута, свисающего на живот и завернутого в виде браслетов, доказывает наличие среди обитателей стоянки подобных рельефных лент, изготовленных из мягких, органических материалов, например, полосок кожи, меха, жгутов из растительных волокон или скрученной шерсти животных (рис. 5). Только при существовании определенных способов плетения можно было создать подобные рельефные ленты и использовать их в различных комбинациях как нательные украшения и мягкие браслеты. Впервые изображение релъефного жгута в виде браслетов было встречено на статуэтке из 9-го слоя Виллендорфа (Австрия). В качестве второй разновидности нательных украшений на статуэтках представлены перевязи в виде поперечных надгрудных полос или двух лент, расположенных на плечах и соединяющихся крестом между объемами грудей и на спине, а затем переходящих в пояс. В одном случае на статуэтке из первого комплекса Костенок 1 передана надгрудная перевязь, состоящая из трех параллельных линий, на которые нанесены наклонные нарезки. Изображение нательных украшений на фигурках выполнялось в технике глубокого прорезания, иногда наличие

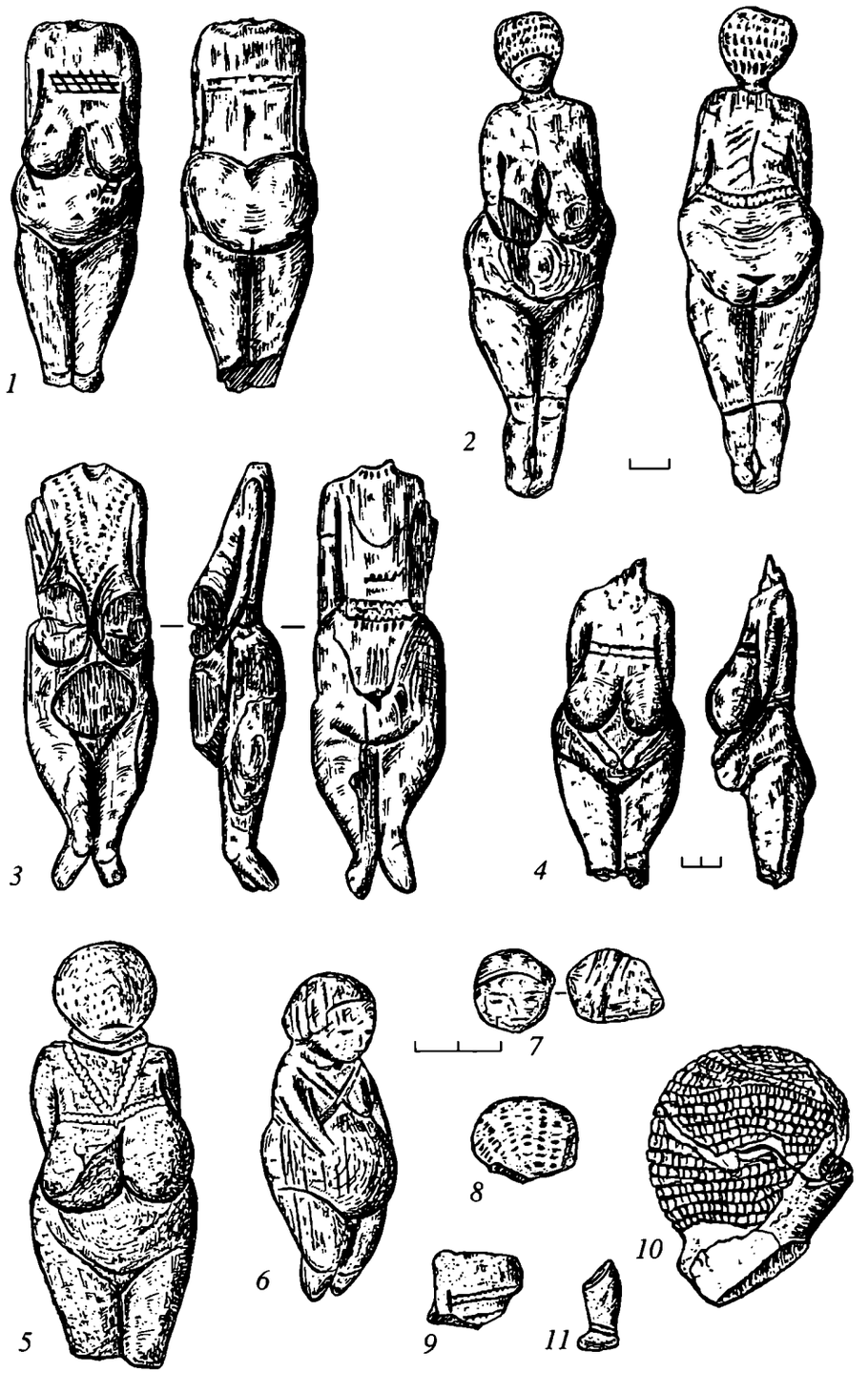


Рис. 3. Изображение украшений на статуэтках из Костенок 1: *1–3, 7–9* – первый жилой комплекс; *4–6, 10, 11* – находки из второго комплекса.

перевязи на спине обозначалось частично, только небольшими параллельными нарезками в районе пояса или лопаток.

Пластинчатые браслеты, фрагменты которых представлены в культурном слое поселений, изображали на статуэтках в районе запястий рук двумя резными линиями, что и создавало относительно уплощенное украшение. Совершенно объемно выглядит браслет или выделенный край обуви на скульптурной ножке из Костенок 1 (второй комплекс) (рис. 3, *11*).

В принципе, что касается функционального назначения некоторых орнаментированных пластин из бивня мамонта, а также узких браслетов, то здесь правомерно сделать некоторые дополнения. Всегда ли они использовались в качестве налобных обручей и браслетов? Вполне допустимо предположить, что часть таких пластин представляла нагрудное украшение, закрепляемое посредством шнурка, продетого через отверстия. В данном случае оно могло находиться и на одежде. Неожиданным примером использования обычного пластинчатого браслета явилась находка из сун-

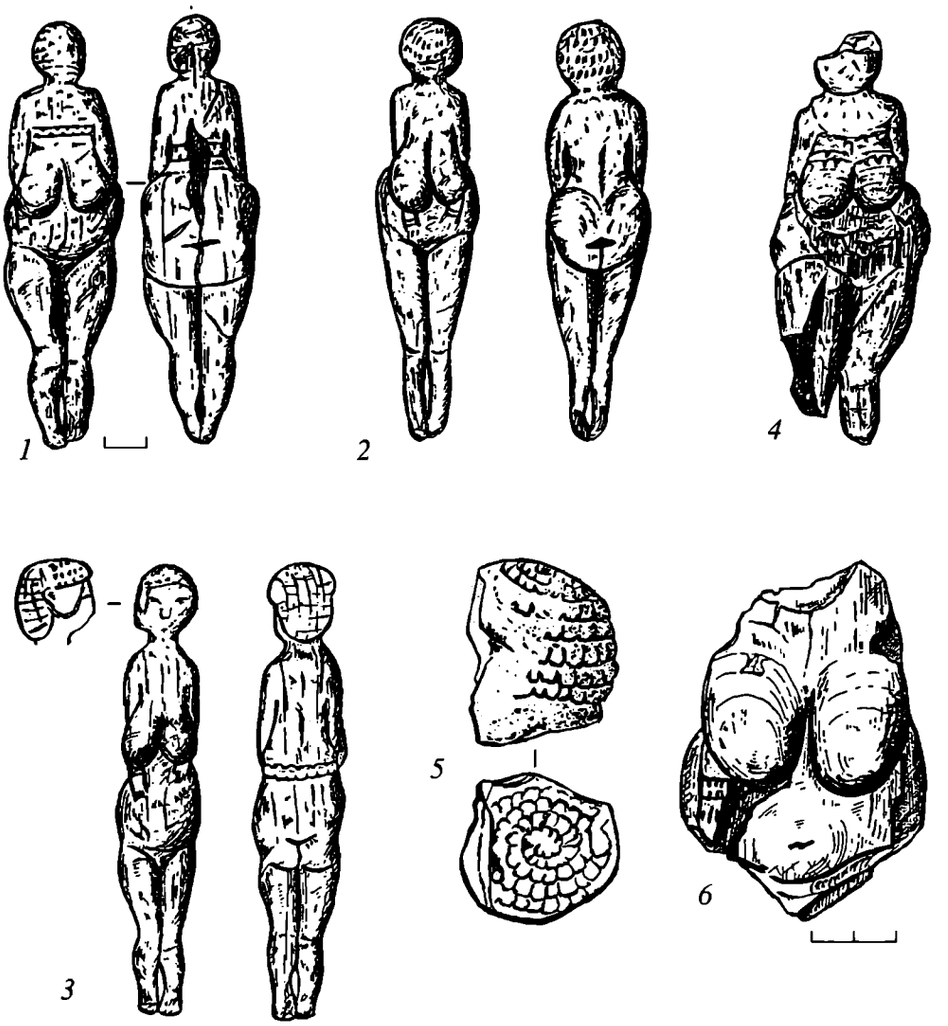


Рис. 4. Изображение украшений и головных уборов на статуэтках Авдеева.

гирского погребения мальчика. Реконструкция головного убора показала, что кроме тройной ленты бус и клыков песца на верхней его части находилась узкая, изогнутая пластинка бивня мамонта с отверстиями на краях, полностью аналогичная палеолитическим браслетам, но используемая для скрепления волос под шапкой или "песцовых хвостов на шапке" (Бадер, 1998. С. 112).

Головные уборы, изображенные на статуэтках и отдельных скульптурных головках, показывают различные варианты комбинаций таких элементов, как глубокая простая или полулунная нарезка, клиновидная насечка, отходящая от горизонтальной линии, плоский или рельефный квадрат, созданный пересечением вертикальных и горизонтальных резных линий. Все эти элементы при определенной организации их в орнаментальные ряды создают изображение сетки или неких предметов, нашитых на поверхность головного убора, отделенного специальной нарезкой от плоскости лица. На некоторых статуэтках можно увидеть скорее изображение прически, смоделированной более объемно и определенной контурной линией. Основная серия изображений передает плотно обтягивающие голову шапочки, прикрывающие лоб и уши. Эффект редуцирования плоскости лица создается посредством моделировки наклоненной вниз головы статуэтки.

На костенковской статуэтке 1983 года изображена шапочка с более сложным узором, по всей видимости из составных лент или нашивных деталей: спереди, около поперечной линии (определитель края головного убора), идет ряд насечек, затем ряды аналогичных элементов расположены двумя пересекающимися группами справа и слева ("внахлест"), теменная и затылочная части убора воспроизведены сеткой из глубоких резных линий. Таким образом, на основу головного убора могли прикреплять отдельно изготовленные нити или ленты с нашивками, используя при этом и плетенные сетки (рис. 3, *5*; 6). Своеобразный декор головных уборов на скульптурных головках из Костенок 1 (вт. к.) и Авдеева (н. о.) передан в технике глубокого рельефа (Праслов, 1979. Рис. 2; Гвоздовер, 1993). Обе головки были разбиты в древности, но дают представление о воспроизведении шапочки посредством горизонтальных рядов из неправильных квадратов и прямоугольников (рис. 3, *10*;

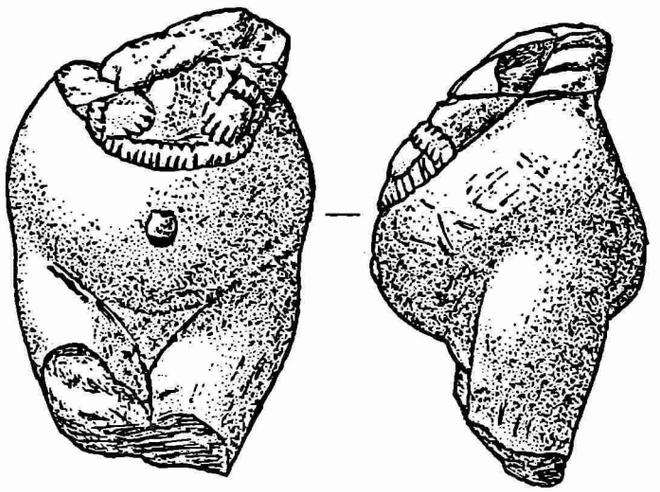


Рис. 5. Женская статуэтка 1988 г. (известняк). Костенки 1.

4; 5). На костенковской фигурке убор состоит из отдельных, скрепленных межну собой частей, а на авдеевской головке создан накладной лентой, подразделенной поперечными насечками и закрученной на голове в виде спирали. Здесь следует привести в сравнение головной убор на статуэтке из Виллендорфа. Рельефные жгуты образуют на голове фигурки круги, каждый последующий из которых по направлению к макушке уменьшен в диаметре.

На авдеевской статуэтке с так называемой "прической" лицо с условной трактовкой черт поднято и находится в одной плоскости с торсом, головной убор или же прическа сверху передана нарезками, на затылке изображена сетка, но таким образом, что создается объемное изображение убранных под нее волос. От виска до мочки уха две резные линии создают ленту с поперечными нарезками внутри, которую можно рассматривать в качестве пряди волос с вплетенными украшениями или нити бус, тонкой ленты с нашивками (рис. 4, *3*).

Описание вышеупомянутых статуэток неоднократно производилось в публикациях российских и зарубежных исследователей, поэтому нет необходимости рассматривать все изображенные украшения на фигурках более подробно. В настоящей статье выделены наиболее характерные примеры воспроизведения нательных украшений, отмечены основные разновидности форм и способы их изображения. На основе имеющихся интерпретаций и дополнений автора, полученных в результате ознакомления с коллекциями антропоморфной пластики, можно сделать вывод, что за исключением плоских браслетов из бивня мамонта, ни одно из найденных на поселениях украшений на костенковско-авдеевских статуэтках не изображалось. Воспроизведенные на статуэтках перевязи, головные уборы и рельефные браслеты были изготовлены из органических материалов и представляли

Рис. 6. Женская статуэтка 1983 г. (известняк). Костенки 1 (фото).

совершенно иные типы украшений. С другой стороны, вполне допустимо рассматривать передачу подвесок или несохранившихся до нашего времени нашивок и пронизей посредством некой условности, заключенной в декоративной стилизации элементов.

Таким образом, украшения костенковско-авдеевской культуры, происходящие с четырех локализованных жилых поселений, показывают большое разнообразие видов, использование природного материала, развитую моделировку искусственных форм, вырезанных из бивня мамонта, кости и мягкого камня. Техника встречного прорезания отверстий на предварительно уплощенных частях заготовок является традиционным приемом и технической особенностью, используемой обитателями Костенок и Авдеева в процессе изготовления изделий. Значительно реже, в единичных случаях, встречено двустороннее сверление отверстий и круговая нарезка для закрепления подвесок на

шнурке. Мергелевые подвески по количеству и основным выделенным формам сближают первый комплекс Костенок 1 и новый объект Авдеева. Так называемые когтевидные подвески из бивня мамонта присутствуют также на указанных поселениях. Кроме этого, следует назвать и распространенные на авдеевских и костенковских поселениях украшения из тонких пластин бивня мамонта, заколок с антропоморфной стилизацией навершия ("верблюжья ножка"). Различие существует только в организации орнаментальных композиций на диадемах и браслетах. На остриях-заколках присутствуют ряды геометрических элементов (короткая нарезка, клиновидная и крестообразная насечка и их производные). Изображение орнаментальных мотивов, характер отдельных элементов и их сочетание на предметах костенковско-авдеевской культуры определяет постановку отдельной темы исследования.

Зубы животных использовались в качестве отдельных подвесок и элементов составных украшений, ожерелий, с ранней поры верхнего палеолита. Их находки можно отметить на стоянках Европы с датами около 40 тыс. л.н. Высокий уровень обработки бивня мамонта и кости определяет культурное своеобразие европейских поселений периода 32–27 тыс. л.н. Прежде всего, это находит выражение в широком распространении искусственных украшений и бус из бивня мамонта, особое значение приобретают зооморфные и антропоморфные амулеты – подвески, отличающиеся миниатюрными размерами. На рубеже 30 тыс. л. н. появляются целые серии одинаковых по размеру и моделировке миниатюрных бусин, вырезанных из бивня мамонта по строго выработанным принципам построения объема и конфигурации. Новые формы украшений – бусы – становятся локальным признаком первобытных коллективов, своеобразным определителем принадлежности к той или иной культуре, социального образования (Демещенко, в печати). В костенковско-авдеевской культуре мы не увидим того огромного количества однотипных бусин, которые были распространены в предыдущие периоды ориньякоидных культур на территории Европы. Изготовление бус обитателями Костенок и Авдеева можно только предположить на основании единичных находок.

Бусина представляет собой мелкое изделие со сквозным отверстием посередине или на верхней части предмета. В последнем случае, бусины имеют вид миниатюрной подвески с диаметром не более 1 см. Бусы являются преимущественно шейно-нагрудным украшением, более однородным по размеру и типу отдельных звеньев, но как известно по палеолитическим погребениям они также могут служить нашивками на одежду.

В отличие от бус ожерелье – составное шейно-нагрудное украшение из бусин, пронизок, подвесок. В ожерелья очень часто входят более крупные по размеру амулеты как своеобразные "обереги", "защитники", предметы магического характера, фетиши, приносящие удачу в охоте и сопутствие в решении различных дел (в современном понимании прототипы талисманов). Любое звено ожерелья могло выполнять особое назначение, являясь показателем заслуги или определенного положения человека в коллективе сородичей. Типичным примером палеолитических ожерелий является украшение из детского погребения Мальты (Прибайкалье).

На поселениях костенковско-авдеевской культуры зубы животных, преимущественно клыки песца с отверстиями, могли использоваться для изготовления ожерелий. Об этом свидетельствуют находки подвесок в виде скоплений на новом объекте Авдеево и на стоянках, относящихся к виллендорфско-костенковскому единству (Хотылево 2, Гагарино, Зарайская). Так, 47 зубов песца с прорезанными отверстиями обнаружено в 1994 г. при раскопках ямы-хранилища 94/2 Зарайской стоянки (Амирханов, 2000. С. 181). В Гагарино, кроме 75 зубов-подвесок (песец), найдено 3 подвески из бивня мамонта, имитирующие рудиментарный клык оленя (Тарасов, 1979. С. 135, 136). Особенностью последних является наличие просверленного отверстия. Техника сверления отверстий наряду с прорезанием отмечена и на подвесках из зубов животных в Хотылево 2. Категория украшений Хотылево представлена также типичными для костенковско-авдеевской культуры булавками, одна из них принадлежит типу "верблюжья ножка", фрагментом браслета с рельефным орнаментом и пронизками из трубчатых костей птиц (Заверняев, 1987. С. 129).

Ограничиваясь сравнительным анализом подвесок, заколок, диадем и браслетов только из Костенок 1 и Авдеева, во-первых, следует отметить существенную важность данной категории предметов в жизни их владельцев, во-вторых, обратить внимание на высокий уровень мастерства при изготовлении искусственных форм украшений с использованием декоративной стилизации. Навершия заколок и таких предметов как лопаточки создавались по традиционным правилам воспроизведения уже абстрактного, во многом модифицированного образа человека и зверя, что, в свою очередь, явилось одним из культуроопределяющих элементов.

Орнаментальная символика и традиционные изображения поясков на ряде изделий также являются своеобразным "почерком культуры" и способствуют пониманию взаимосвязи между отдельными группами находок по принципу "женщина и принадлежащий ей предмет".

Рассмотренные в статье группы украшений показывают большую степень близости нового объекта Авдеева с материалом первого жилого комплекса Костенок 1 (разнообразие форм мергелевых подвесок, наличие когтевидных подвесок как специфической формы, особая роль фа-

ланг и метаподий зайца и волка, стилизованные навершия заколок). В коллекции второго жилого комплекса Костенок 1 имеются миниатюрные подвески, которые находят аналогию с более крупными, единично представленными подвесками первого поселения. Общесвязующей характеристикой в данном случае может выступать орнамент и декоративные композиции на предметах костенковско-авдеевской культуры, детальное изучение которых поможет не только установить соответствие орнаментальных мотивов определенному кругу предметов, но и, возможно, выявить некий порядок сочетания отдельных элементов, наличие или отсутствие их повтора на изделиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири // Палеолит и неолит СССР. Т. 4. МИА. 1960. № 79.

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ. 1962. Вып. А4-3.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.

Аникович М.В. У истоков искусства // Каталог выставки 1978 г., Гос. Эрмитаж. Л., 1979.

Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. 1950. Вып. 31.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. 1953. № 39.

Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. 1985. № 1.

Гвоздовер М.Д. Обработанная кость из нового жилого объекта Авдеевской палеолитической стоянки. Раскопки 1982-1988 гг. // Антропология и история культуры. М., 1993.

Демещенко С.А. Стилизация образа в мелкой пластике палеолита // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат. науч. конф., СПбГУ, 1–4 декабря 2004 г. СПб., 2004.

Демещенко С.А. Древнейшие подвески и бусы эпохи палеолита // АСГЭ. В печати. № 37.

Ефименко П.П. Костенки 1. М.; Л., 1958.

Заверняев Ф.М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1987. № 3.

Праслов Н.Д. Палеолитическое искусство Костенок (буклет к выставке "У истоков искусства"). Л., 1979.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В. и др. Костенки 1 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879–1979). Л., 1982.

Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.

Gvozdover M.D. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo // Oxbow Monograph. 1995. V. 49.

Praslov N.D. L'Art du paleolithique superieur a l'Est de l'Europe // L'Anthropologie. T. 89. № 2. Paris, 1985.

Praslov N.D. Eine neue Frauenstatuetten aus kalkstein von Kostenki 1 (Don, Russland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 23. Hft. 2. Mainz, 1993.

Specific features of the ornaments of Kostenki–Avdeevo culture

S. A. Demeshchenko

Summary

In the paper are considered the ornaments of Kostenki – Avdeevo culture (24–21 thousand years BP). The work is based on comparison of the objects originating from two dwellings investigated at Kostenki I, and two objects at Avdeevo. Basic set of ornaments includes both the groups of pendants singled out earlier and diadems, bracelets and fastenings. Complementary information may be derived from the figurines with bands, bracelets and headdresses shown. The author proceeds from the interpretation of ornaments as ritual and social symbols of certain meaning in primitive groups and as such bearing much greater symbolic meaning than aestetic concepts. For pendants some natural objects (animal teeth, shaped pebbles) were used, which is generally typical of the Palaeolithic. Parallel with these at the camps attributed to Kostenki – Avdeevo culture some objects have been discovered that conventionally may be determined as ornaments. The main indication is the presence of a through hole cut from both sides on the artefacts' flattened upper part. A specific type of ornaments is represented by the series of claw-like pendants known from the new object excavated in Avdeevo. Of special interest is the imitation of this form shaped of mammoth tusk. Among the perforators of Kostenki – Avdeevo culture the type of fastenings known as "camel leg" is singled out (a stylised human image, according to M.D. Gvozdover), together with those surmounted by stylised wolf and bear heads. The latter are also known from the new object at Avdeevo. Special attention is paid to the ornaments represented on the figurines: bands, bracelets, headdress decorations. Bands and bracelets are shown by double or triple incised lines or relief bands; headdress ornaments – by deep incisions, combinations of double lines, the band being divided in squares, and the network formed by incised lines. The author supposes the existence of ornaments plaited of organic materials, details and pendants sewed on headdresses that had got certain symbolic and ornamental meaning. All the groups of discussed ornaments demonstrate substantial closeness of the new object at Avdeevo with the materials known from the first complex of Kostenki I. The ornaments and ornamental symbolism are regarded as specific cultural characteristics and may be used to establish the sites' interrelation.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 17–30

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ИЗ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ ХАЗНА 1 В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИРИИ

© 2006 г. Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

С 1988 г. российская археологическая экспедиция под руководством Р.М. Мунчаева ведет раскопки в северо-восточной Сирии (провинция Хасеке). Главным объектом исследований экспедиции является поселение IV – первой половины III тыс. до н.э. Телль Хазна 1 (Мунчаев и др., 2004). Поселение расположено в нижнем течении вади Ханзир примерно в 10 км выше ее слияния с Джаг-Джагом. Размеры поселения несколько меньше 2 га, максимальная мощность культурного слоя памятника около 16 м. Культурный слой Телль Хазна 1 включает материалы от убейдско-урукского времени до конца раннединастического (РД) 1 периода. Разведки, проведенные вдоль вади Ханзир от Телль Асвада, расположенного у слияния вади Ханзир и Джаг-Джага до Чагар Базара, расположенного в среднем течении вади Ханзир и удаленных друг от друга на расстояние 33 км, подтвердили высокую насыщенность памятниками этого района в отмеченном временном интервале (10 поселений) (Амиров, 2000).

В центральной части поселения Телль Хазна 1 обнаружены плотно примыкающие друг к другу массивные сооружения, которые по форме образуют овал, ограничивая пространство центральной части поселения (рис. 1). За его пределами в юго-восточной части поселения выделен жилой участок, состоящий из примыкающих друг к другу многочисленных, маленьких помещений, которые, в свою очередь, отделены от сооружений центральной части поселения узким коридором. В юго-западной части поселения исследован производственный участок с керамическим горном (Цетлин, 2004. С. 404–424).

В северной части телля, имеющей крутой склон, помимо массивных зданий, расположенных ближе к центру поселения, не обнаружено сколько-нибудь значительных сооружений. Невыразительный характер застройки северной части поселения пока оставляет открытым вопрос об атрибуции этого участка.

Как было отмечено, центральную часть поселения ограничивают плотно примыкающие друг к другу массивные сооружения, образующие овал, протяженностью по длинной оси (с востока на запад) около 80 м. Внутри этого внешнего кольца сооружений отмечен внутренний овал меньшего размера, образованный массивными сооружениями менее регулярной застройки. Стены сооружений внешнего овального комплекса Телль Хазны 1 вместе с фундаментом сохранились на высоту до 8 м. В ряде случаев сохранились даже консоли, поддерживавшие перекрытия крыши. Другими словами, исследованные здания сохранились почти на полную высоту.

Характер планировки этого участка, его застройка монументальными зданиями и исключительная сохранность сооружений центральной части поселения заставляют предполагать его сакральное назначение. На культовый характер сооружений центральной части поселения указывают такие особенности архитектуры, как неоднократное украшение стен помещений пилястрами (пом. № 69; 154/151). Помимо этого были обнаружены несколько помещений с глиняными столами-алтарями (пом. № 69; 136). В центральной части овала (кв. XII–XIII/14) было зафиксировано жертвенное кострище, где мощность слоя золы, насыщенного костями животных, преимущественно свиньи (Антипина, 2004), составила около 2.5 м.

На наш взгляд, овальное пространство в центральной части Телль Хазны 1 представляет собой священный участок ("теменос"), аналогичный овалу в Хафадже (Delougaz, 1940) и овалу храма Нинхурсаг в Телль Убейде (Delougaz, 1938).

Следует отметить, что храмовый комплекс Хазны, первоначально построенный на рубеже IV–III тыс. до н.э., скорее всего, возводился по единому плану в течение достаточно длительного времени. Он функционировал около 250–300 лет и за свою долгую историю претерпел несколько реконструкций, значительно изменивших первоначальную планировку внутренней части "теменоса". (Мунчаев и др., 2004. Табл. 6–9; 11–14). Храмовый комплекс окончательно прекратил существование как единая система в течение периода РД 1, после чего поселение с "деградировавшей" по сравнению с предшествующим временем социальной структурой функционировало еще некоторое время. Оседлая жизнь на поселении окончательно прекратилась в конце РД 1 – начале РД 2 периода.

Одним из центральных и наиболее массивных сооружений "теменоса" является башнеобразная конструкция № 37 (рис. 2). Она представляет собой

Открытый

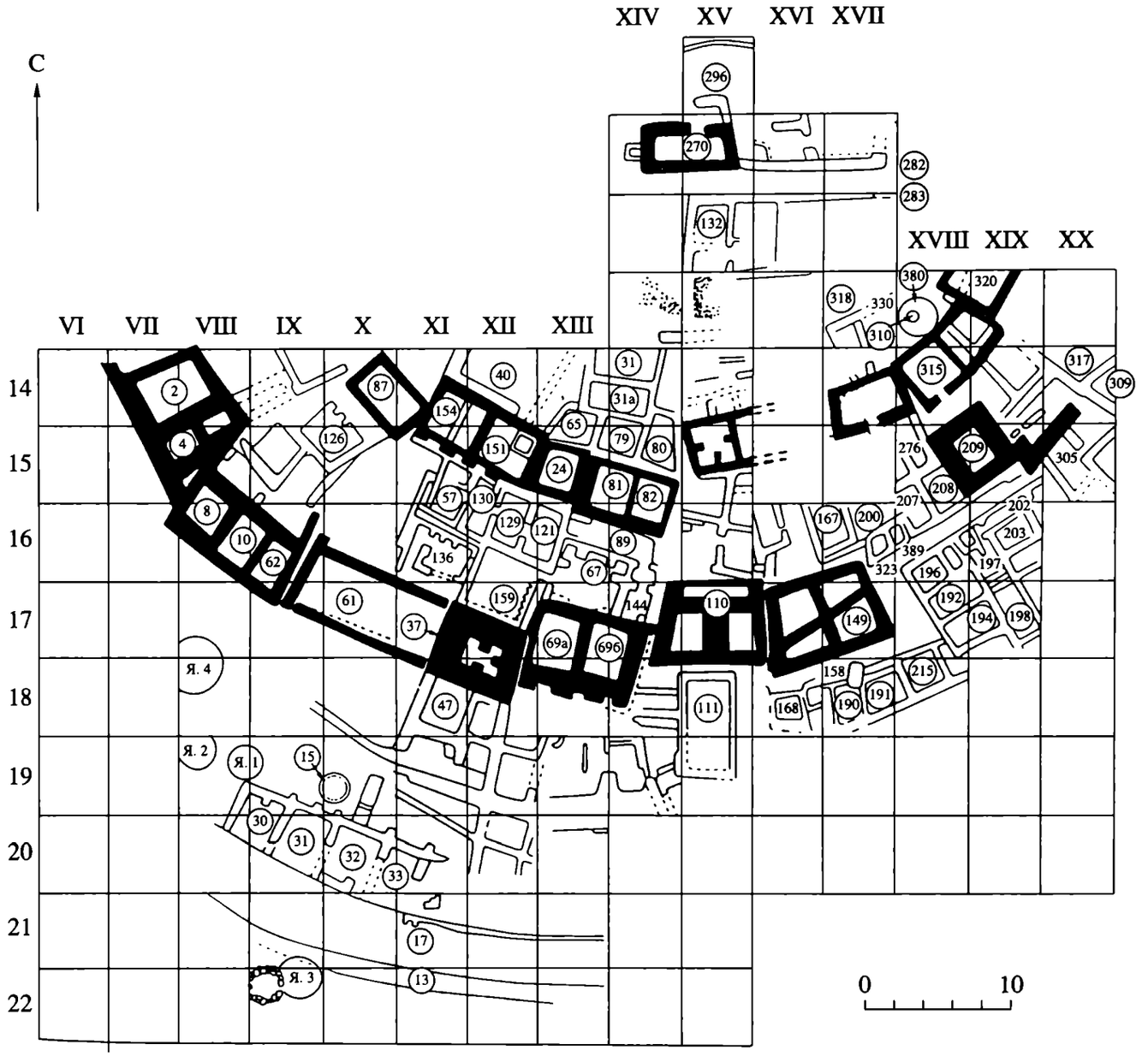


Рис. 1. Генеральный план вскрытой части поселения Телль Хазна 1 (черным показаны монументальные сооружения, образующие в плане концентрические овалы).

усеченную пирамиду с плоским перекрытием, опиравшимся, вероятно, на консоли, сложенные из сырцового кирпича. Сохранившаяся высота сооружения № 37 от основания фундамента (цоколя) до вершины около 7.5 м. Высота конструкции выше фундамента около 6.0 м.

Фундамент, исследованный со стороны южного фаса сооружения, имеет мощность около 1.0–1.4 м, и представляет собой платформу, сложенную из сырцового кирпича, на которой были воздвигнуты стены башни, обмазанные глиной зеленоватого цвета. При закладке фундамента конструкции № 37 сначала был вырыт котлован, на дне которого (на глубине 14.30 м от вершины телля) совершена посвятительная жертва, включавшая, по меньшей мере, двух копытных животных (овца?, газель?), что подчеркивает исключительную значимость этого сооружения (Мунчаев и др., 2004. С. 32, 33). Над посвятительной жертвой был насыпан слой глины серого цвета мощностью около 0.7 м, а уже непосредственно на нем была возведена платформа фундамента здания. Фундамент до уровня первоначальной дневной поверхности был засыпан грунтом светло-коричневого цвета, отличающимся от грунта, подстилающего фундамент. Со стороны южного фаса конструкции дневная поверхность выше уровня фундамента (на глубине примерно 12.8 м от нулевого репера), вероятно, была вымощена сырцовым кирпичом. Судя по глубине залегания фундамента, конструкция № 37 относится к числу наиболее ранних сооружений вскрытой части "теменоса" и может датироваться концом IV – началом III тыс. до н.э.

Конструкция № 37 имела как минимум два дверных проема, расположенных в северной и южной стенах, они имеют ширину 1 м в основании и высоту менее 1.5 м. Основание дверного проема (маркированное каменной вымосткой) в южной стене башни отмечено более чем на метр выше фундамента, примерно на глубине 11.60 м, что заставило предположить наличие при первоначальном возведении конструкции пандуса, который в силу плохой сохранности оказалось сложно зафиксировать с полной уверенностью.

Внутри сооружения зафиксированы два уровня полов, вымощенных камнем (на глубине примерно 11.20 и 11.40 м). Выше уровня верхнего пола южная дверь была заложена стеной. Первоначально внутреннее помещение башни № 37 имело в основании размеры примерно 4 × 4 м и высоту около 4 м. В дальнейшем, после того как стены внутри сооружения были переложены, площадь помещения составила примерно 3.5 × 3.5 м. Возможно, в это же время была реконструирована верхняя часть здания, после чего щелевидные окна в южной стене оказались заложенными изнутри. Тогда же были сделаны (или переложены) зафиксированные в ходе исследования консоли. В связи с этой перестройкой реконструировать первоначальный характер перекрытия сейчас не представляется возможным, но скорее всего оно также было плоским, опиравшимся на консоли.

Некоторое время после реконструкции башня № 37 функционировала не как помещение со сквозным проходом, а как помещение, доступ в которое осуществлялся только через северную дверь. Однако позднее северный дверной проем был также заложен пристроенной с внешней стороны стеной. Эта стена опиралась непосредственно на верхний слой каменной вымостки, прослеженной как внутри, так и снаружи здания (рис. 2). Видимо, в это же время на последнем этапе использования помещения оно было забутовано глиной на высоту около двух метров (т.е. до отметки – 9.0 м от вершины телля), после чего на глубине около 8.8 м, между консолями был выложен пол из сырцового кирпича. На нем к западу от сохранившейся восточной консоли была воздвигнута разделительная стена, сложенная "паркетной кладкой".

Как отмечалось, вход в башню № 37 с юга, видимо, представлял собой пандус, вымощенный камнем. За пределами внешнего кольца "темеоса" вымостка сохранилась фрагментарно. Она также была зафиксирована внутри конструкции и с внешней стороны ее северного дверного проема. Таким образом, эта вымостка представляет собой дорожку, которая вела с внешней стороны овала "темеоса", через внутреннее помещение башни № 37 к центральной части поселения. К настоящему времени она прослежена на протяжении около 30 м по направлению с юго-запада на северо-восток, максимальная ширина ее около 2.5 м. В центральной, наиболее хорошо сохранившейся части,

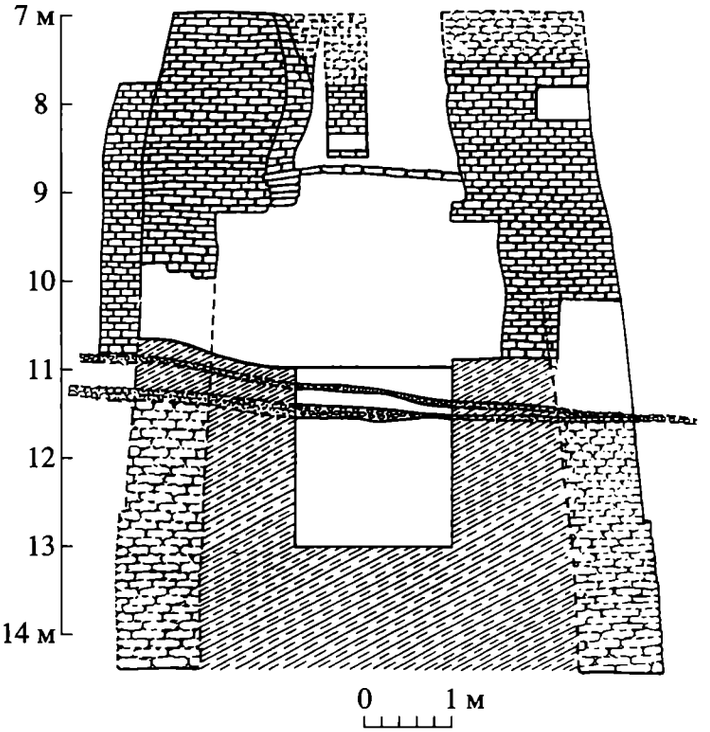


Рис. 2. Телль Хазна 1. Сечение конструкции № 37.

севернее башни № 37, она имела линзовидное ложе глубиной 50–60 см, сформованное из чистой, специально принесенной глины. Ложе было заполнено мелкими камнями (галькой) в несколько слоев. Кроме этого, фрагментарно по краям дорожки были отмечены бордюры, также сформованные из глины (кирпича-сырца?). Важно отметить, что благодаря специальной подготовительной работе дорожка плавно поднимается вверх от точки –11.65 м за пределами "темеоса" к наиболее высокой точке –8.3 м в центральной части комплекса. Однако, вероятно, эта дорожка поднималась несколько выше.

Как уже отмечалось, дорожка в центральной части замкнутого пространства "темеоса" упирается в глухую стену башни № 24 (рис. 3). Забегая вперед, отметим, что фрагменты вымостки были зафиксированы как внутри этой конструкции, так и севернее ее, где также было обнаружено продолжение вымощенной камнем дорожки, которая приводит на открытое пространство (площадь?) севернее "верхнего храма", также вымощенное галькой (рис. 4).

Следует отметить, что, вероятно, вымощенная камнем дорожка и в целом участок, который к ней примыкает, имели не хозяйственное, а особое культовое значение. О таком характере использования этой дорожки, в частности может свидетельствовать тот факт, что проход внутрь замкнутого пространства "темеоса" вел через маленькие двери башни № 37. Войти и выйти через внутреннее помещение этого сооружения можно было только сильно согнувшись. Если описываемая дорожка служила для ритуальных процессий, то логично

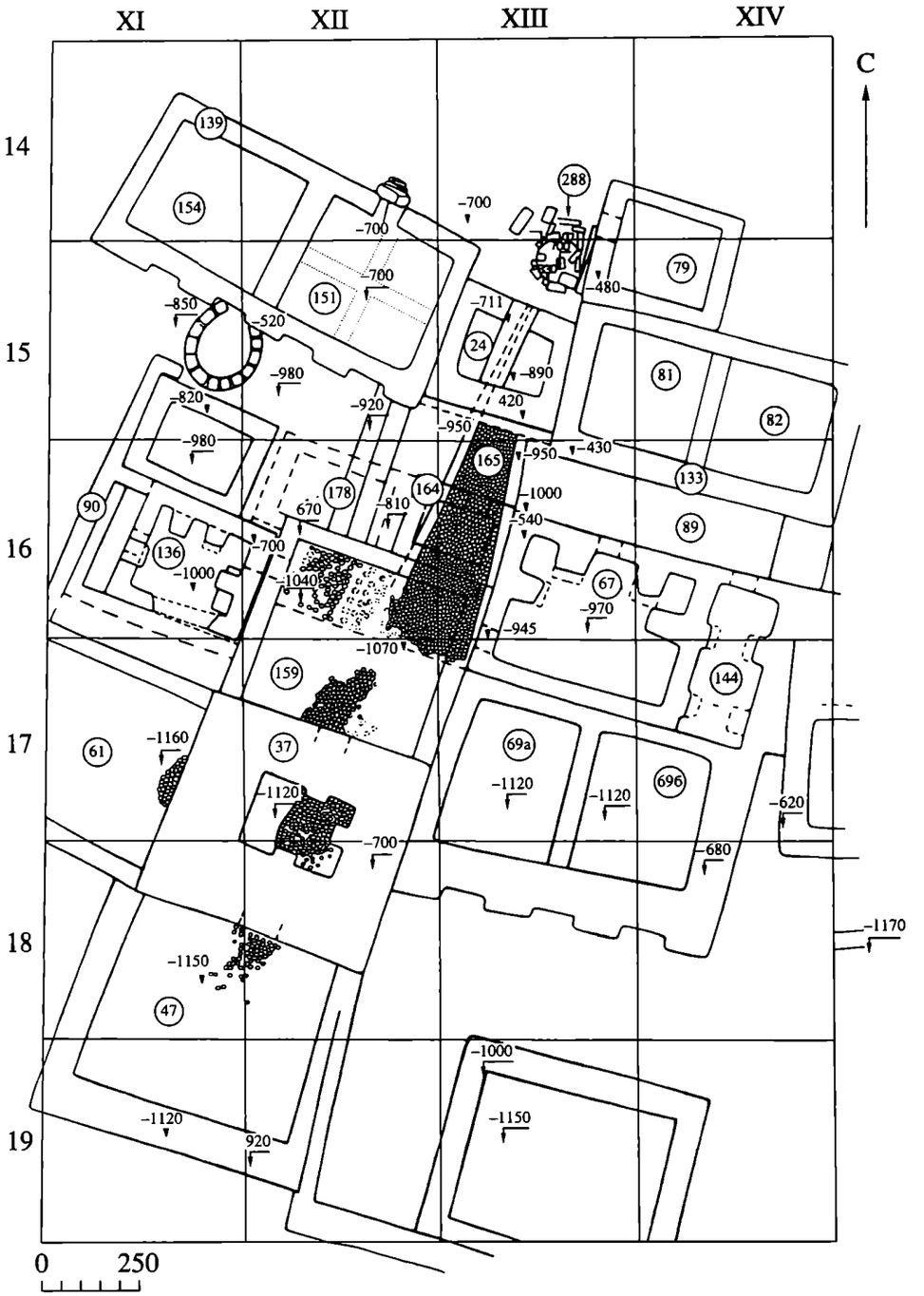


Рис. 3. Телль Хазна 1. Сооружения в районе вымощенной камнем дорожки в начале периода РД1.

предположить, что вход через маленькие дверные проемы башни № 37 на огороженную территорию был не единственным. Должен был существовать, как минимум, еще один значительно больший вход внутрь "теменоса", который служил бы хозяйственным целям. Также о культовом характере участка и религиозном характере использования помещений, непосредственно примыкающих к вымощенной камнем дорожке, свидетельствуют как характер заполнения ряда помещений, так и наличие алтарных столов-подиумов и набор сделанных здесь находок, включая многочисленные зооморфные статуэтки.

В частности, как религиозное здание интерпретируется помещение 151/154 (так называемый верхний храм), чья южная стена снабжена пилястрами. Свое название это сооружение, вписанное во внутренний овал "теменоса", получило по аналогии с другим сооружением, также снабженным пилястрами – помещением № 69, вписанным во внешний овал "теменоса" и соответственно расположенным ниже по склону холма. Это вовсе не означает, что не может быть еще одного монументального сооружения с пилястрами, расположенного выше так называемого "верхнего храма", непосредственно в центральной части телля.

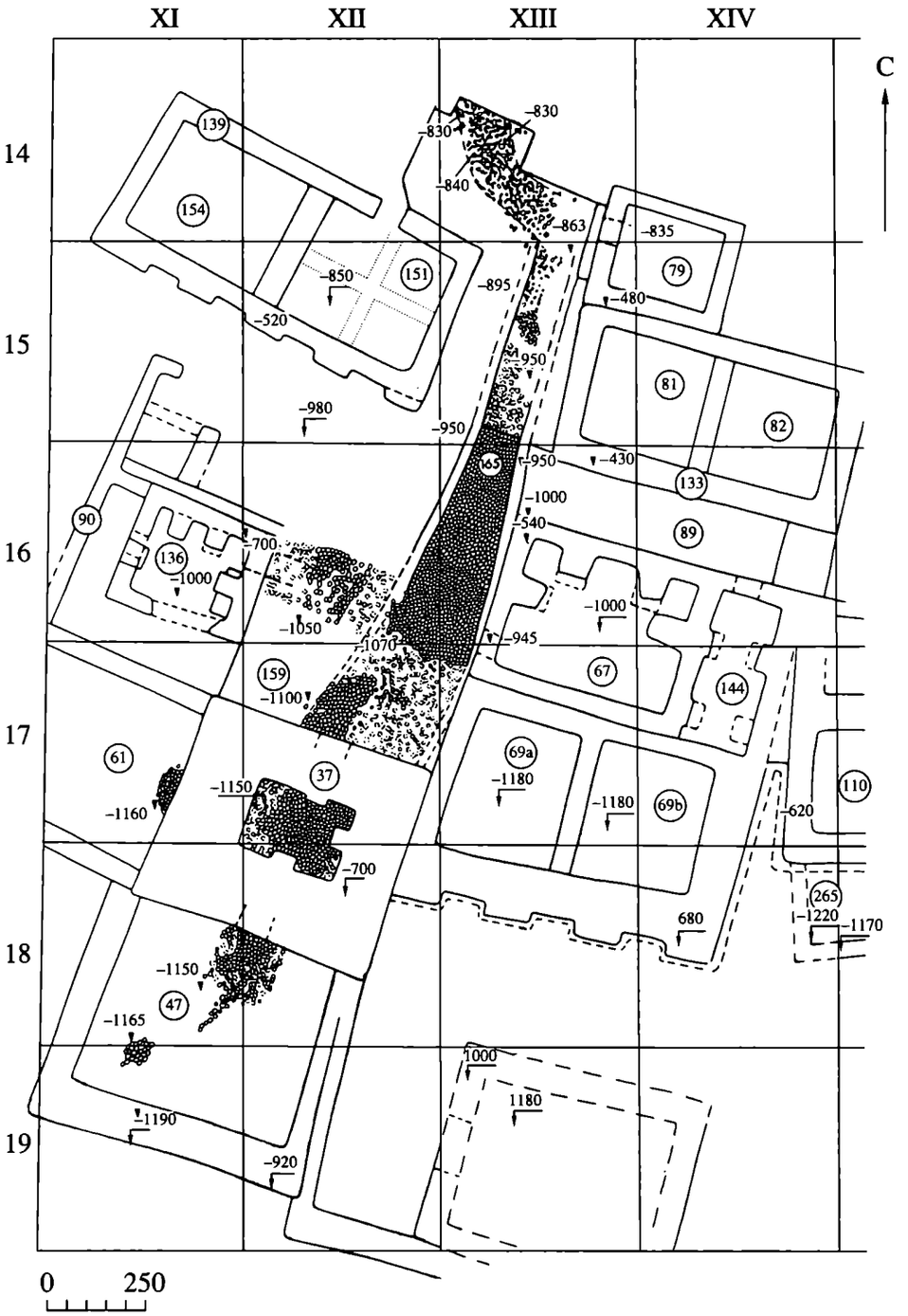


Рис. 4. Телль Хазна 1. Сооружения в районе вымощенной камнем дорожки в середине–второй половине периода Джемдет Наср (реконструкция).

"Верхний храм" является одним из основных сооружений, формирующих планировку внутреннего кольца "теменоса" Телль Хазны 1 времени его первоначального функционирования (рис. 1; 4). Основание его стен покоится на дневной поверхности конца IV тыс. до н.э.

В северной стене "верхнего храма" была обнаружена дверь, которая в какой-то период перестраивалась. Одно из ее оснований было отмечено на глубине 7.0 м. С внешней стороны к двери вели ступеньки из трех камней. Это говорит о том, что уровень пола внутри "верхнего храма" на этом этапе (это, видимо, начало периода РД 1) был выше, чем за его пределами, что, в свою очередь, указывает на то, что внутри "верхнего храма" слой накапливался быстрее, чем снаружи. Первоначальное основание единственного в этом здании дверного проема (порог?) должно было находиться на глубине около 8.50 м, так как именно на этом уровне здесь располагается дневная поверхность времени начала функционирования комплекса.

В южной стене конструкции с пилястрами (стена № 60) были зафиксированы щелевидные окна. Аналогичные окна были и в северной стене этого

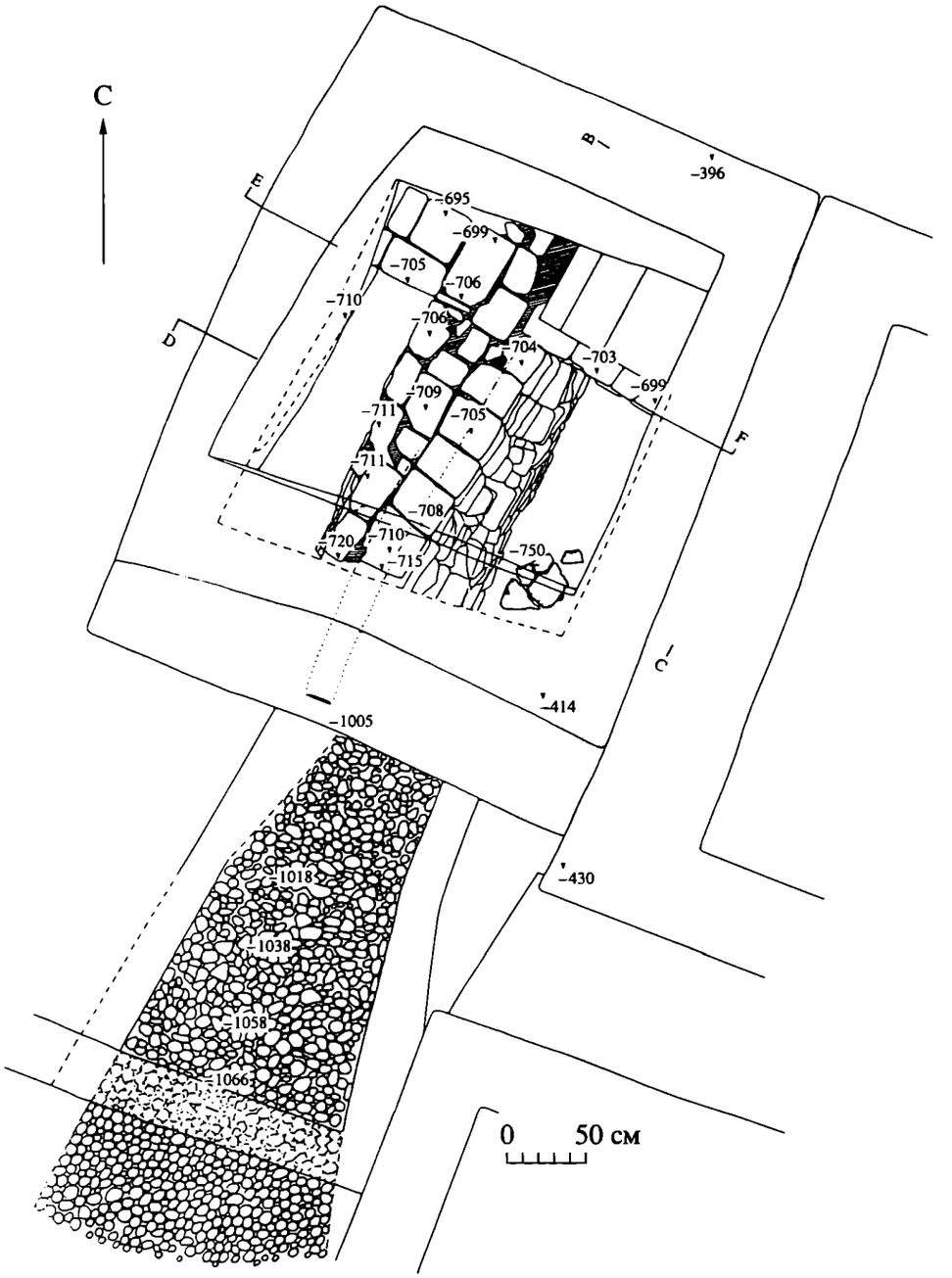


Рис. 5. Телль Хазна 1. План конструкции № 24 и фрагмент вымощенной камнем дорожки, между башней № 37 и конструкцией № 24.

здания. Перекрытие помещения было, вероятно, плоское, для которого должны были использоваться длинные пятиметровые балки.

Первоначально "верхний храм" был разделен на два помещения (№ 151 и 154), соединенные между собой дверным проемом, имеющим арочное перекрытие. В дальнейшем в помещениях "верхнего храма" были устроены небольшие камеры-емкости (№ 42, 43, 56, 80, 88), одна из которых перекрыла проход между помещениями № 151 и 154. На этом, самом позднем этапе жизни "верхний храм" перестает функционировать как крытое помещение. Он превращается в некую "емкость", лишенную перекрытия и разгороженную на маленькие камеры, которые служили для вотивных приношений. Об этом свидетельствует характер заполнения. Все помещения "верхнего храма" между отметками –8.20...–7.20 м от вершины телля были заполнены исключительно золистыми отложениями, среди находок была отмечена парадная тонкостенная керамика стиля Ниневия 5, кости животных и десятки зооморфных статуэток копытных животных (Мунчаев и др., 2004. С. 55–57).

Характеристики и предполагаемая интерпретация конструкции № 24 уже опубликованы (Мунчаев и др., 2004. С. 53, 54), однако собранная дополнительная информация побуждает нас еще раз обратиться к этому комплексу.

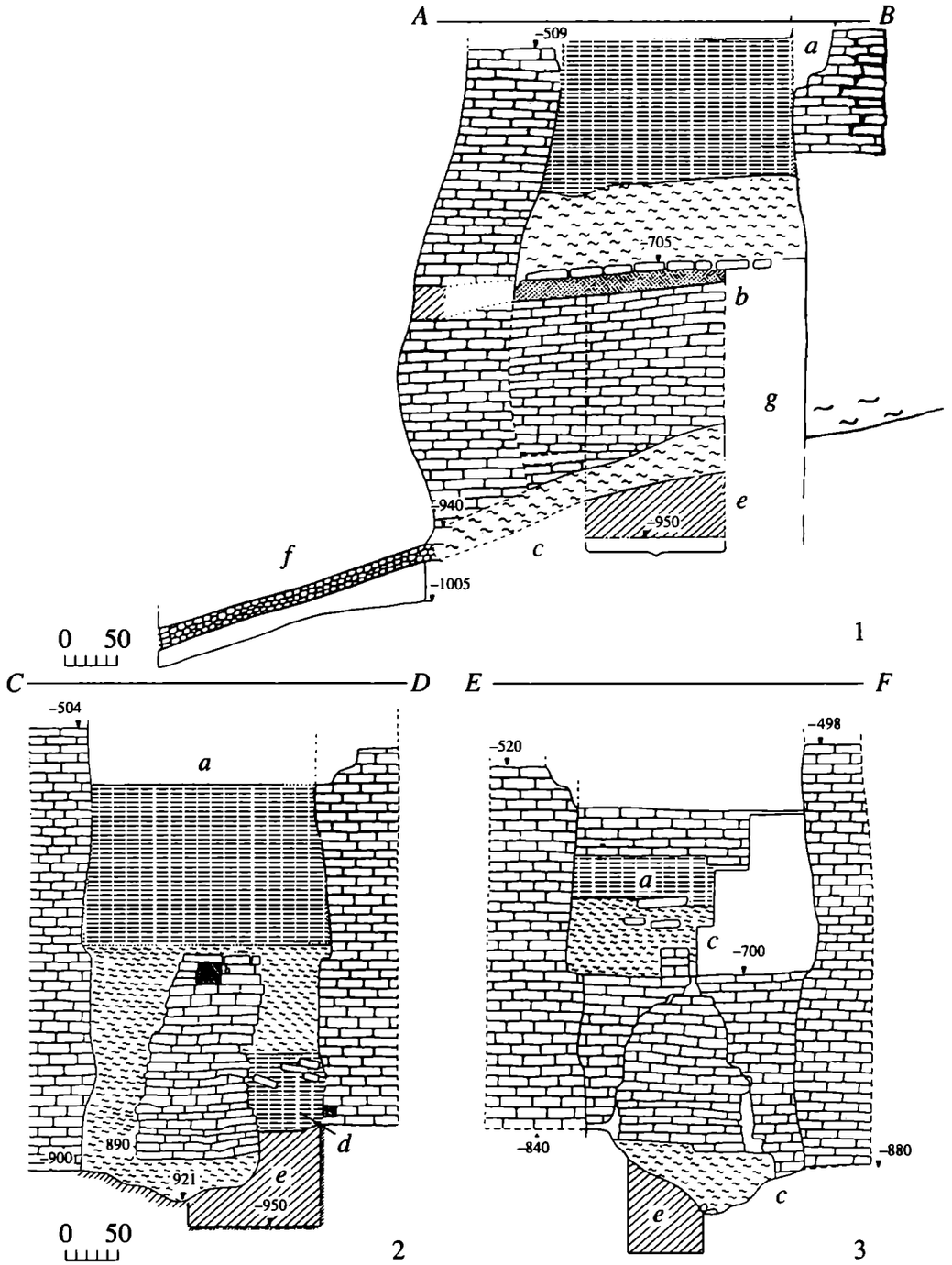


Рис. 6. Телль Хазна 1. Сечения конструкции № 24: *a* – забутовка из плотной глины и обломков сыруцовых кирпичей; *b* – заполнение проема канала; *c* – зольное заполнение; *d* – плотная глина и целые кирпичи; *e* – платформа из чистой глины; *f* – каменная вымостка; *g* – нераскопанная часть.

Конструкция представляет собой башнеобразное сооружение, имеющее в верхней части подквадратную форму размером примерно 3.5 × 3.5 м. Максимальная высота сооружения от основания до верхней точки около 5.5 м. Дверных проемов не обнаружено. Судя по всему, конструкция не имела перекрытия (рис. 5–7).

Сооружение построено на неровной поверхности, и не имеет в основании заглубленной, цокольной части. В силу этого южная стена конструкции № 24 в своей нижней части оказалась сильно деформирована (рис. 6, *1*; 7). Южная стена имеет основание на уровне примерно –9.50 м от вершины телля. Основание северной стены примерно на метр выше (около –8.50 м). Основание восточной стены в центральной части конструкции находится на уровне около –9.00 м, западной стены – около –8.60 м. Конструкция опирается на "подушку", сложенную из чистой глины, ее мощность в центральной части сооружения достигает как минимум 1 м. Глиняное основание, помимо отмеченного уклона по линии север – юг, имеет в центральной части сооружения № 24 углубление. Два внутренних сечения сооружения, проведенные между запад-

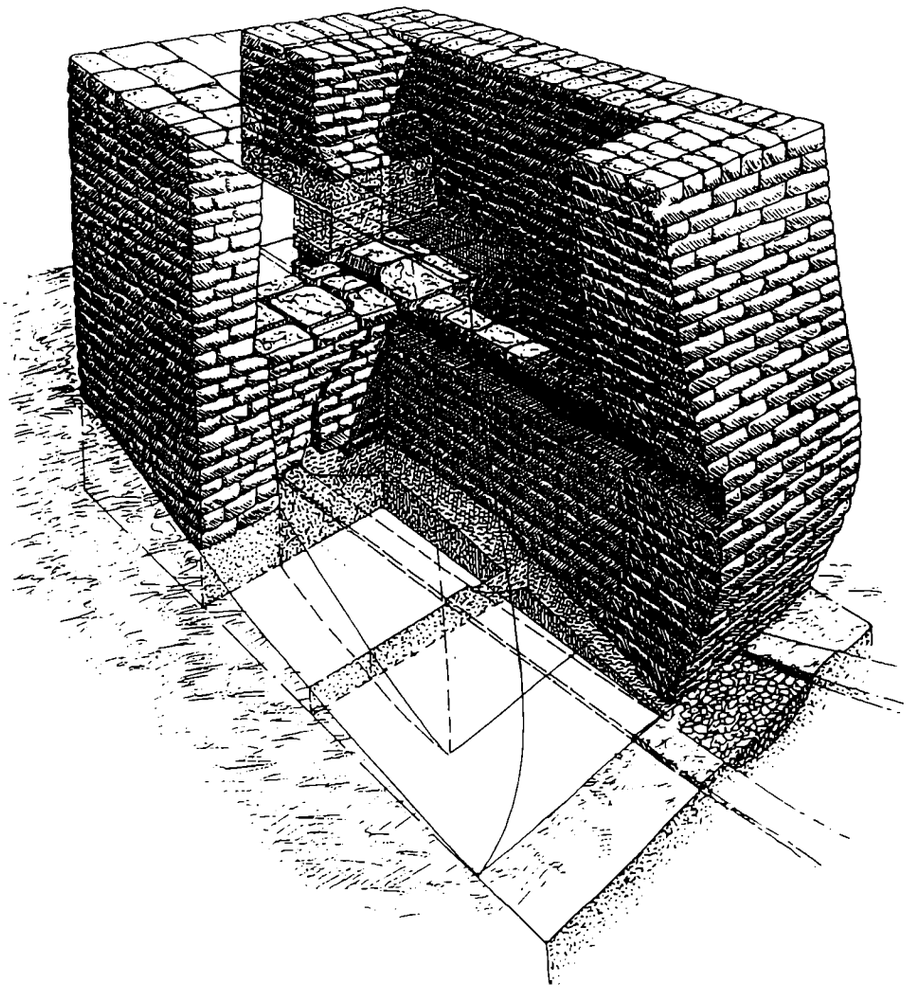


Рис. 7. Телль Хазна 1. Изометрическая проекция и сечение конструкции № 24. Чертеж П.Ю. Черносвитова.

ной и восточной стеной, зафиксировали в центральной его части углубление линзовидной формы (с максимальной глубиной около метра, от –8.40 до –9.30 м). (рис. 6, *2*; 3), располагавшееся внутри конструкции между южной и северной стеной. Эта емкость, имевшая корытообразный вид длиной около 4 м и шириной около 1.6 м, ориентирована по направлению юго-запад/северо-восток. Глубина "корыта" в южной части 70 см, в северной части около 60 см. В основании этого углубления были отмечены разрозненные камни, большее количество их было зафиксировано с внешней стороны северной стены башни № 24. Каменная вымостка была отмечена также под внешним краем южной стены конструкции. Углубление было заполнено золой, слой которой был отмечен даже под южной стеной башни (рис. 6, *1*).

Южная и северная стены были соединены внутри массивной стеной, которая разделила конструкцию на два узких отсека шириной менее 1 м каждый. Разделительная стена имела максимальную высоту в южной части около 2 м, в северной части – около 1.5 м (верхний край стены –7.00...–7.11 м от вершины телля.). Стена, возведенная непосредственно на зольном слое, заполнявшем упомянутую корытообразную емкость, упиралась в северную стену, которая в отличие от южной имела близкую с разделительной стеной высоту. Надо отметить наличие небольших выступов в восточной и западной стенах примерно на этом же уровне (–7.0 м от вершины телля). Видимо, этот уровень отмечает первоначальную высоту конструкции, которая в дальнейшем надстраивалась (рис. 2; 6, *3*; 7). В сечении верхней части разделительной стены был обнаружен канал-продух, перекрытый сверху кирпичом. Он шел вдоль всей разделительной стены и связывал южную стену, в которой было обнаружено сквозное отверстие, с северной стеной, где имелось аналогичное отверстие. Причем канал имел сужение по направлению от южной стены к северной (рис. 6; 7). Если отверстие в южной стене имело размеры примерно 30 × 15 см, то отверстие с внешней стороны северной стены имело диаметр около 8 см (его устье было вымощено фрагментами керамических сосудов). Разделительная стена была целиком засыпана золой. В восточной части заполнения на глубине 7.5–7.7 м были обнаружены фрагменты одного крупного сосуда и одного расписного, являющегося местной имитацией росписи Ниневия 5. Кроме того, в зольном заполнении бы-

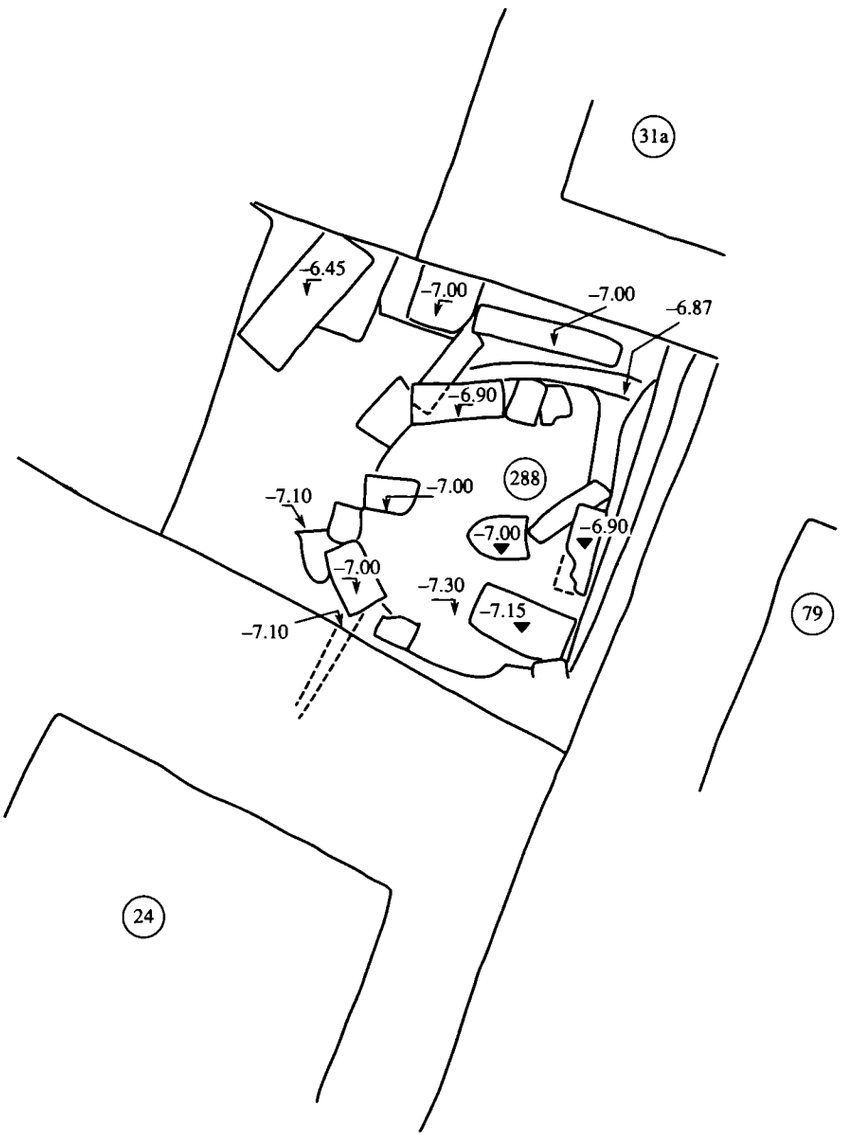


Рис. 8. Телль Хазна 1. Печь № 288 на позднем этапе функционирования.

ли также обнаружены сильно измельченные кости животных, несколько зооморфных статуэток, и несколько фрагментов так называемых "кухонных" сосудов (Мунчаев и др., 2004. С. 53, 54).

Зольное заполнение в южной части конструкции отмечено до уровня –7.0 м, в северной части до около –6.30 м от вершины телля. Выше отмечен слой глиняной забутовки, который в северной части конструкции имеет мощность около 30 см. На этой подушке была возведена новая северная стена двухметровой высоты, изменившая первоначальный план конструкции (ее основание было зафиксировано на отметке –6.10 м, а верх стены на отметке около –4.00 м). В южной части конструкции забутовка зафиксирована на уровне от 7.0 до 5.0 м. Выше было совершено погребение (№ 6) для которого, видимо, и были переложены стены и совершена эта забутовка.

Севернее конструкции № 24, в узком пространстве, закрытом с трех сторон стенами помещений № 31а, 79 и 24, были обнаружены остатки костища или точнее плохо сохранившейся очажной конструкции (печь № 288) (рис. 3; 8), которая, вероятно, и была источником отложений золы более чем двухметровой толщины как внутри конструкции № 24, так и за ее пределами. "Печь" имела основание на уровне около –8.3...–8.5 м. Ниже ее основания, на уровне –8.6...–8.8 м зафиксированы следы каменной вымостки. Остатки очажной конструкции № 288 имели оградку из сырцовых кирпичей подокруглой в плане формы. Было отмечено, что некоторые из сильно обожженных глиняных ломтей или кирпичей стоят на ребре (Мунчаев и др., 2004. С. 53, 54. Табл. 37, *1*). Диаметр этой конструкции около 1 м. Сооружение, вероятно, претерпело несколько реконструкций. Здесь можно выделить два основных нивелировочных уровня его донной части. Верхний на уровне около –7.3 и нижний – около –8.3 м. В заполнении были обнаружены две очажные подставки подпирамидальной формы.

Исходя из факта наличия значительных скоплений золы из конструкции № 288 можно заклю-

чить, что этот источник огня функционировал достаточно долго, а опираясь на стратиграфические наблюдения, можно предположить, что он вряд ли использовался более 40–50 лет.

Остатки верхней части очажной конструкции, возможно имевшей ранее сводчатое перекрытие, были отмечены на уровне –6.8–7.0 м. Печь № 288 находилась в створе канала-продуха конструкции № 24, примерно в 60–70 см от основания его северной стены периода ее первоначального функционирования, т.е. канал-продух совпадал с очажной конструкцией по своему направлению и уровню расположения. Был ли это единый комплекс, сказать трудно, но не исключено, что на позднем этапе функционирования печи имело место специальное нагнетание воздуха в ее топочную камеру.

В специальной статье (Бобринский и др., 1993. С. 3–44), посвященной наземным площадкам-кострищам, были выделены три группы признаков (признаки воздействия высоких температур на элементы конструкции, расположение и состав зольных отходов, и вторичного воздействия высоких температур на обломки глиняной посуды), позволяющие различать бытовые и производственные кострища, которые могли предназначаться для обжига керамики. С достаточной долей обоснованности можно определить производственное назначение кострища, опираясь на следующие признаки: 1) наличие растрескавшейся и даже ошлакованной и оплавленной глиняной поверхности площадки, свидетельствующей о высокотемпературном воздействии, потребность в котором возникает только при обжиге; 2) использование легких видов топлива и образование значительных отходов в виде золы, складирование ее для использования зольных отходов в качестве материала замедляющего горение топлива; 3) выявление однотонных, включая излом, обломков керамики, заставляет предположить вторичный обжиг керамики (Бобринский и др., 1993. С. 11–14). Также важным признаком производственного характера кострища, предназначенного для обжига керамики, является наличие специальных воздушно-тяговых устройств, обеспечивающих дополнительную подачу воздуха (Бобринский и др., 1993. С. 30–40).

Признаки, позволяющие охарактеризовать кострища, предназначенные для проведения обрядовых действий, к сожалению, остались за рамками задач, поставленных авторами. Нам представляется, что такие кострища могут сочетать отдельные признаки, присущие как бытовым, так и производственным кострищам, и поэтому сам факт сочетания этих признаков может быть аргументом при выделении кострищ, предназначенных для ритуальных действий. В частности, хотя для жертвенной практики не нужна очень высокая температура, но возможно использование легкого топлива и складирование зольных остатков, а также использование приспособлений для дополнительной подачи воздуха; возможна концентрация большого количества костей животных, обгорелого зерна и фрагментов зооморфной пластики в сочетании с наличием там же сильно обожженных фрагментов керамики, находившихся внутри длительно функционировавшего источника огня.

Отмеченное выше вполне соответствует информации, полученной при исследовании печи № 288 из Телль Хазны 1. С одной стороны, здесь можно зафиксировать признаки, характерные для непроизводственных (бытовых) источников огня, например, отсутствие следов очень высоких температур (керамического брака и т.п.), наличие в слое золы, связанной с этим источником огня, большого количества мелких обломков костей животных и небольшое количество зооморфных статуэток. С другой стороны, также есть признаки, свойственные скорее производственным источникам огня. Судя по тому, что в гончарном горне № 15 использовалось легкое топливо (типа соломы) (Цетлин, 2004), такое же топливо могло применяться и в печи № 288. В районе описываемой очажной конструкции отмечены значительные скопления золы и даже есть емкости для ее складирования, а также устройство, которое могло служить воздуховодом.

Сочетание этих признаков может свидетельствовать об особой роли печи № 288, отличной как от бытовой, так и от производственной функций. Нам представляется, что изложенная выше аргументация и аналогии позволяют более доказательно говорить о жертвенном характере комплекса, включавшего печь № 288 и конструкцию № 24.

Весь комплекс имеющихся данных позволяет предложить реконструкцию этапов функционирования этого сооружения, а также восстановить первоначальную планировку участка в центральной части "теменоса", на раннем этапе его функционирования, в самом начале III тыс. до н.э.

Неровная глиняная платформа в основании конструкции № 24 представляет собой продолжение основания описанной выше, вымощенной камнем дорожки. До постройки сооружение № 24 дорожка вела через проход между "верхним храмом" (помещение № 151/154) и помещением № 81/82, которые вписаны во внутреннее кольцо сооружений "теменоса", к открытой площади в его центральной части.

О функциональной однородности глиняного массива, выявленного в основании конструкции № 24 и основания дорожки южнее ее, свидетельствуют сечения, сделанные соответственно внутри исследуемой конструкции и за ее пределами. Все сечения имели линзовидную форму. Однако если за пределами конструкции № 24 ложе было заполнено камнями, то внутри здания оно было заполнено золой. Но следует отметить, что здесь в основании углубления были также отмечены разрозненные камни.

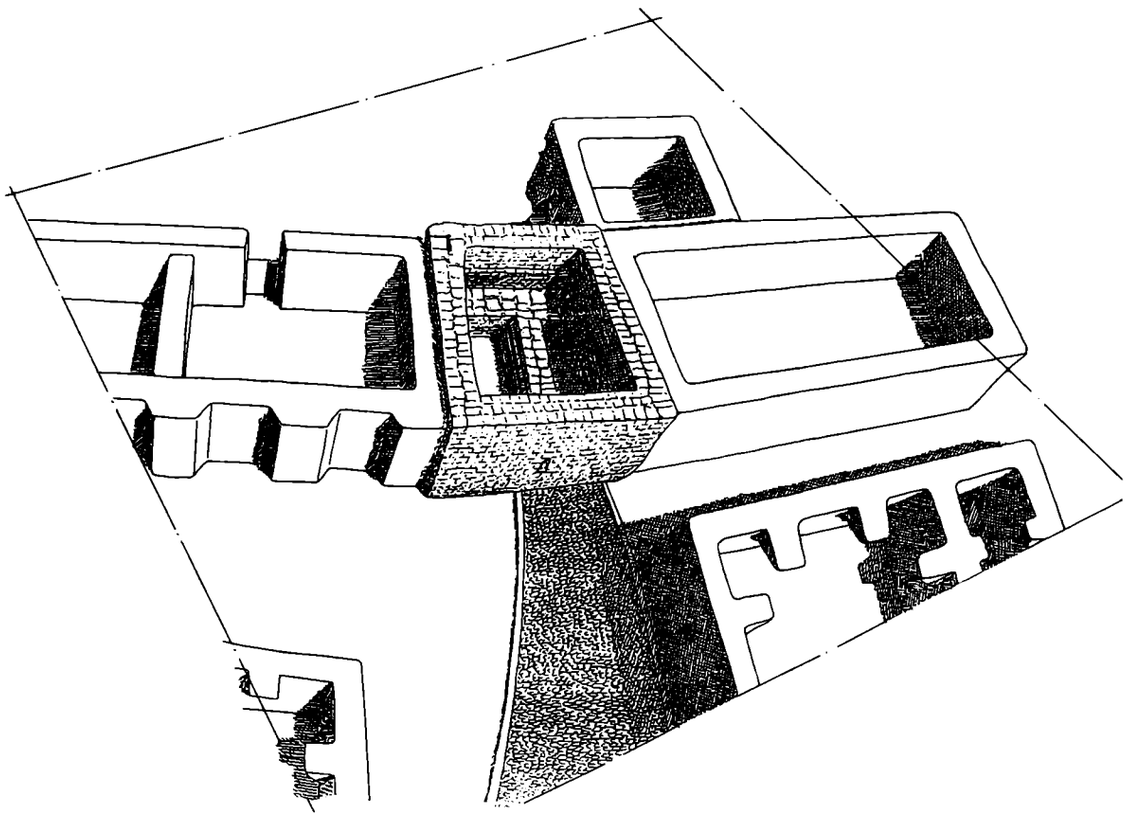


Рис. 9. Телль Хазна 1. Изометрическая проекция конструкции № 24 и соседних зданий. Чертеж П.Ю. Черносвитова.

Стратиграфия внутри конструкции № 24 позволяет сделать следующие выводы. Печь № 288, в результате работы которой образовывалось большое количество золы, начала функционировать еще до постройки конструкции № 24. Для сбора этой золы была разобрана часть каменной вымостки между "верхним храмом" и помещением № 81/82, но при этом несколько камней в основании ложа остались на своем месте (рис. 6; 3). Образовавшееся корытообразное углубление было до верха заполнено золой, после чего была построена конструкция № 24. Эта конструкция как бы "замкнула" пространство между "верхним храмом" и помещением № 81/82 (рис. 9). Выяснить первоначальную высоту ее южной стены не представляется возможным, но высота северной, западной и восточной стен, вероятно, составляла 1.5–2 м (примерно до отметки –7.00 м от вершины телля) и равнялась высоте разделительной стены. Южная, северная и разделительная стены были воздвигнуты непосредственно на слое золы. В дальнейшем конструкция была заполнена золой до верха. При этом, если уровень золы в южной части конструкции перекрыл разделительную стену у отметки –7.00 м, то в северной части конструкции уровень золы, перекрывшей северную стену, был на полметра выше. Видимо, по мере накопления золы были надстроены западная и восточная стены (рис. 6; 7). На этом первоначальное функционирование конструкции № 24, связанное с печью № 288, было завершено.

Непосредственно поверх зольного слоя была произведена глиняная забутовка, которая стала основанием вновь построенной северной стены, несколько изменившей первоначальный план конструкции. На слое забутовки, внутри конструкции № 24 было зафиксировано погребение № 6.

Таким образом, начальная история конструкции № 24 (до ее использования как погребального сооружения) включает два основных периода функционирования, связанных с печью № 288 – период использования корытообразной емкости в основании конструкции до сооружения стен и период, когда вокруг этой емкости были возведены стены.

Можно сделать вывод, что сложное архитектурное сооружение № 24 на раннем этапе своего функционирования было построено специально для сбора и сохранения части золы из печи № 288. Помимо этого почти двухметровый слой золы с включениями костей животных был зафиксирован севернее конструкции № 24, на большом открытом пространстве, примыкающем к печи № 288 и "верхнему храму". Видимо, часть золы из печи № 288, собранная в конструкции № 24, имела особую ритуальную значимость.

Некоторые особенности устройства и характер заполнения конструкции № 24 напоминают жертвенники, исследованные на поселениях южной Месопотамии. Там, помимо столов для жертвоприношений, расположенных внутри храмов, зафиксированы места для жертвенных церемоний,

расположенные на специальных открытых пространствах в непосредственной близости от храмовых сооружений. Такие жертвенники обозначаются в литературе термином "opferstatten". Это название было предложено исследователем Варки-Урука Г. Ленценом, который первым правильно интерпретировал эти сооружения (van Buren, 1952. P. 76). Они открыты сегодня в Эриду, Убейде, Уруке, Уре, Лагаше, Хафадже, Телль Асмаре, Тепе Гавре и ряде других поселений. Время их существования – от периода Убейд 1 (в Эриду), по меньшей мере, до конца III династии Ура в Варке. На поселениях они располагаются как в огороженном пространстве, так и на открытой площади, но никогда в пределах святилища. Начиная с урукского времени, эти сооружения часто устраивались внутри трехстенных загородок, обычно ориентированных входом на северо-восток (van Buren, 1952. P. 76, 87). В Хафадже жертвенники помещались между внутренней и внешней обводной стеной храмового овала. Жертвенники могут располагаться группами или стоять отдельно (van Buren, 1952. P. 88. Pl. XXVI–XXX). Отмечено несколько вариантов организации обряда жертвоприношений. В Эриду в помещении 13 около входа в храм VI, датируемый убейдским периодом, были отмечены остатки многократных жертвоприношений, представленные большими скоплениями золы с включениями рыбьих костей. Подобные скопления были отмечены также в помещении № 8 в слое, датируемом урукским временем (van Buren, 1952. P. 76). В Лагаше также были отмечены жертвенные приношения рыбы, но совершенные по другому обряду. Западнее здания Maison-des-fruits ("Дом фруктов") в слоях памятника, датируемых периодом Джемдет-Наср – РД1, на различной глубине непосредственно один над другим были обнаружены следы трех последовательных жертвоприношений без каких бы то ни было следов огня. В каждом случае отмечены спрессованные массы рыбы, которая помещалась поверх остатков предшествующей церемонии. Самые ранние из них одновременны аналогичным жертвенным местам, обнаруженным в Уруке на священном участке "Эанны" в слое IIIb. Обычай таких приношений, видимо, исчезает в период РД3. Судя по данным из Варки, начиная с периода Джемдет-Наср, этот обряд замещается, по всей видимости, обрядом, в соответствии с которым приношения сжигались. Среди этих приношений доминировали кости птиц, мелких животных, коз и крупного рогатого скота, а также зерно и овощи (van Buren, 1952. P. 77).

Сходные наблюдения были сделаны при раскопках "теменоса" Гонура – столицы самого периферийного деривата месопотамской цивилизации III тыс. до н.э. – страны Маргуш, располагавшейся в дельте Мургаба на территории современного Туркменистана. В.И. Сарианиди пишет: «За внешней стеной "теменоса" возвышается многометровый холм из черной золы и большое количество битой посуды. Зола, скорее всего из алтарей. По всей видимости, маргушские жрецы аккуратно ссыпали ее в определенном месте. Обилие керамических черепков, возможно, указывает на то, что с культом огня связаны коллективные трапезы. С противоположной стороны перед храмиком обнаружены круглые кирпичные контейнеры, заполненные белой слежавшейся золой и тщательно запечатанные кирпичами. Поскольку зола из алтарей считалась священной, для нее требовались особые хранилища. А золу "попроще" ссыпали за стеной "теменоса"» (Сарианиди, 2002. С. 190).

В Месопотамии выделяются два типа жертвенников. Одни из них – это круглые в плане сооружения, другие представляет собой узкие корытообразные траншеи ("trough"), впущенные в пол. Обычно размеры траншеи составляют около 4 м в длину и 80 см в ширину. Дно траншеи бывает заглублено ниже уровня пола примерно на 20 см в устье, которое имело прямую стенку, и примерно на 60 см в противоположном, скругленном ее конце. Устье (прямая оконечность) траншеи ориентировано по направлению на С-В. Внутри "корыто" обмазано тонким слоем чистой глины. Здесь фиксируют золу, иногда фрагменты тростниковых циновок, костей животных, птиц, рыбьи скелеты, обугленное зерно. Внутри емкости всегда отмечают следы огня, однако они не равномерны. Более сильные следы огня фиксируются в скругленной части, там, где его непосредственно разводили, а в противоположном конце они почти не видны. В конце каждой церемонии остатки жертвоприношения удалялись из траншеи. Перед каждой следующей церемонией емкость вновь обмазывали глиной. В сечении видна серия обмазок, отмечается до 10 слоев, со временем "корыто" становится мелким. В некоторых случаях к "корыту" надстраивались кирпичные стенки (van Buren, 1952. P. 78). Иногда "корыто" или вся камера может быть сверху тщательно заполнена сырцовым кирпичом, создавая новую поверхность для новой церемонии (van Buren, 1952. P. 81). Самые ранние сооружения такого рода зафиксированы в Уруке в Eanna precinct – слои периода Archaic IIIc; b; a (van Buren, 1952. P. 78, 79).

Послойный анализ жертвенных мест в ряде памятников, в частности в Варке и Хафадже, позволил выявить многократную смену корытообразных и круглых жертвенников при отсутствии каких-либо хронологических закономерностей. Жертвенники обеих конструкций известны не только в Южной Месопотамии, но и в более северных районах, в частности в Тепе Гавре (van Buren, 1952. P. 87, 92).

Многочисленные аналогии позволяют нам предложить интерпретацию конструкции № 24 на Телль Хазне 1 как связанную с жертвенной практикой. Подобно одной из разновидностей жертвенников Южной Месопотамии урукского РД3

периода, основание конструкции № 24 на Телль Хазне 1 представляет собой вытянутую, корытообразную емкость, заполненную золой. Подобно Хафадже, жертвенник (конструкция № 24) Телль Хазны 1 располагался в непосредственной близости от религиозного сооружения, но не в пределах святилища, а в районе внутренней обводной стены храмового овала. На Телле Хазна 1 корытообразное жертвенное место под башней № 24, как и южномесопотамские жертвенники, ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Подобно всем отмеченным примерам жертвенников южной Месопотамии, для емкости в основании конструкции № 24 характерно требование к ритуальной чистоте при сооружении объекта – корытообразное углубление здесь сделано в слое чистой глины. При описании южномесопотамских жертвенников всегда отмечалось, что внутри сооружений, несмотря на признаки их длительного функционирования, нет следов активного долговременного огневого воздействия. На Хазне башня № 24 заполнена более чем двухметровыми слоями золы, хотя следов открытого огня внутри постройки отмечено не было.

В то же время следует указать и некоторые отличия. Так, внутри конструкции № 24 не зафиксировано ритуального обмазывания емкости чистой глиной после каждой жертвенной церемонии. Также корытообразная емкость здесь в отличие от южномесопотамских жертвенников, судя по всему, была ограничена не с трех, а с четырех сторон. Но главной отличительной чертой конструкции № 24, не имеющей пока аналогов, является наличие в ней разделительной стены со встроенным каналом.

Относительно времени сооружения конструкции № 24 надо отметить следующее. Судя по всему, еще в начале накопления на памятнике культурных отложений второго яруса (начало III тыс. до н.э.) доступ во внутреннюю часть второго кольца "теменоса" по вымощенной дорожке был свободным. На определенном этапе открытый проход между "верхним храмом" и помещением № 81/82 был перекрыт конструкцией № 24, что коренным образом изменило планировку центральной части "теменоса". К этому же времени, вероятно, относится первая реконструкция башни № 37, когда была заложена южная дверь этого сооружения, а несколько позднее была совершена и постройка двора № 159 (рис. 3; 4).

Если наша интерпретация литургического (культового) характера вымощенной камнем дорожки является верной, то упомянутая реконструкция башни № 37 и возведение конструкции № 24 должны были привести к разрушению ритуала и соответственно, изменению всей организации культовых отправлений храмового комплекса, а это должно было быть вызвано очень серьезными изменениями в жизни поселения в целом.

Анализ пыльцы, взятой в различных стратиграфических разрезах Телль Хазны 1, говорит о существенных колебаниях климата в интересующее нас время (Спиридонова, 2004. С. 441–461). Второй археологический ярус поселения представлен тремя палинологическими зонами (12–14), где преобладает пыльца травянистых растений, хотя роль древесных пород и споровых растений в спектрах также достаточно велика, как и в предшествующее время. Для 12-й (самой ранней) палинозоны второго яруса характерно разнотравье при наличии древесных пород (сосна, дуб). Среди травянистых растений преобладает пыльца семейства астровых (*Asteraceae*) – 41% и мальвовых (*Malvaceae*) – 18%. Мальвовые относятся к рудеральным видам растений (сорняков растущих близ жилья). На основании полученного распределения Е.А. Спиридонова отмечает, что на фоне общего изменения климата от более влажного к более сухому и смены ландшафта лесостепи настоящими степями складывается впечатление, что на поселении Телль Хазна 1, нижняя часть культурного слоя второго яруса (это интервал 12-й палинозоны) начала формироваться после некоторого запустения в жизни поселения, что проявилось в процентных вариациях одних и тех же растений по данным разных разрезов, а также постоянным участием пыльцы семейства мальвовых. Увеличение количества пыльцы этого семейства чаще всего фиксируется в спектрах при запустении на поселении (Спиридонова, 2004. С. 449).

На наш взгляд, перерыв жизни на поселении носил, скорее всего, кратковременный характер, в пределах жизни одного поколения, и составил не более 10–30 (?) лет. Зафиксировать его археологическими средствами пока не представляется возможным. Единственным возможным указанием на него являются архитектурные реконструкции и изменения, связанные с разрывом в ритуальной практике. В частности, мы имеем в виду реконструкцию внутри башни № 37, когда была заложена южная дверь конструкции, перекрывшая доступ внутрь "теменоса" через помещение № 37, и одновременное этому сооружение конструкции № 24, двора № 159 и помещения № 164, которые дважды перегородили "дорогу процессий" севернее башни № 37. Другими словами, перерыв в жизни поселения был достаточно коротким для того, чтобы ушедшие жители не забыли о родных очагах и стремились вернуться в родные места, но в то же время достаточно продолжительным для некоторого изменения ритуальной практики.

Как было отмечено выше, первоначальное возведение конструкции № 24 относится к тому времени, когда вымощенная камнем дорожка перестала функционировать, и соответственно организация ритуала претерпела на поселении определенные изменения. Если завершение окончательного оформления архитектуры "теменоса", подчиненной единому плану, и функционирование всех сооружений "теменоса" как частей единого "организма" относится примерно к рубежу IV–

III тыс. до н.э., то начало разрушения этой единой системы, ярким проявлением чего было возведение конструкции № 24, может относиться к началу периода РД1. Перестройка сооружения № 24 и его вторичное использование в качестве погребальной конструкции может быть отнесена к концу периода РД1 – началу РД 2.

Главным атрибутом религиозной архитектуры, принадлежащей к южномесопотамской традиции урукского времени, является характерный трехчастный план храмовых зданий. В силу того, что ни одно из общественных сооружений, до настоящего времени исследованных на Телль Хазне 1, не имеет такой планировки, а слои в центральной части телля времени Джемдет Наср еще не вскрыты и соответственно предполагаемое место центрального храмового здания не исследовано, мы можем пока судить о религиозной специфике закрытого овального участка Телль Хазны 1, опираясь преимущественно на косвенные признаки. В этой связи среди множества других наблюдений важным является наличие на поселении жертвенной практики, сопоставимой с примерами, известными из ряда поселений Южной, Центральной и Северной Месопотамии. Исследование жертвенного комплекса "печь № 288 – конструкция № 24" является еще одним аргументом в пользу доказательной интерпретации культового характера закрытого овального участка в центре поселения Телль Хазна 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н. Топография археологических памятников хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н.э. // ВДИ. 2000. № 2.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы из Телль Хазны 1 // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.

Бобринский А.А., Волкова Е.В., Гей И.А. Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. 2002.

Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований Телль Хазны 1 // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.

Цетлин Ю.Б. Гончарный горн на памятнике Телль Хазна 1 в Сирии // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.

van Buren E.D. Places of sacrifice ("opferstatten") // Iraq. 1952. № 14.

Delougaz P.P. Short Investigation of the Temple at Al 'Ubaid // Iraq. 1938. № 5.

Delougaz P.P. The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. V. 53. Chicago, 1940.

On the religious character of a construction investigated in the "temenos" of the settlement Tell Hazna I in North Syria

Sh. N. Amirov

Summary

In the paper are discussed some aspects of religious practices at the settlement of the 4th – the first part of the 3rd mill. BC Tell Hazna I disposed in the Khabur steppe, North-Eastern Syria. The architectural complex discovered at Tell Hazna I is traditionally interpreted as a religious and administrative centre of the nearby territory. Nevertheless, since the central part of the tell has not been sufficiently investigated yet, one can shape an idea on the religious specifics of the closed oval precinct at Tell Hazna I proceeding from some indirect information. Among numerous data of special importance are the offering practices evidenced at the settlement. Our investigations were centred on the association dating from the beginning of the Early Dynastic period: hearth № 288 – construction № 24. Its interpretation as an object related to offering practices is suggested. The accumulated indications demonstrate similarity between the association in question and the offering remains known from Southern Mesopotamia. The investigation of the described offering association is one more argiment in favour of the interpretation of the closed oval precinct in the central part of Tell Hazna I as an object of religious character.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 31–43

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВОЛГО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2006 г. В. В. Ставицкий

Пензенский государственный педагогический университет

Эпоха позднего энеолита севера лесостепной зоны Волго-Донского междуречья связана с памятниками репинской, поздневолосовской, имеркской, дубровической и алтатинской культур. К пережиточному энеолиту А.Т. Синюк и И.Б. Васильев относят также памятники иванобугорского и вольско-лбищенского типов (1985. С. 65–70). Однако последнее утверждение не представляется нам бесспорным, поскольку для познеэнеолитических культур характерно широкое использование каменных орудий, а на памятниках названных типов изделия из камня относятся к числу редких находок (Степанов, 1956; Васильев, 1999; Синюк, Березуцкий, 2001). Начало раннего бронзового века на данной территории совпало с миграцией ряда племен, которые вступают во взаимодействие как с населением местных энеолитических культур, так и между собой, что приводит к появлению ряда синкретических образований, наиболее ярким из которых является чирковская культура. Первоначально эта культура рассматривалась в качестве локального явления, характерного только для территории Марийского Поволжья (Халиков, 1969), но сейчас к ее памятникам причисляют и фатьяноидные древности Волго-Окского междуречья (Воронин, 1998). Сложение чирковской культуры традиционно связывают с участием трех основных компонентов: западного (балановского), местного (волосовского) и восточного (кротовского) (Халиков, 1987; Соловьев, 2000). Однако новые материалы, полученные в ходе исследований ряда памятников лесостепной зоны, показали, что процессы взаимодействия культур носили более сложный характер (рис. 1).

Эпоха ранней и особенно средней бронзы Волго-Донского бассейна отмечена перенесением поселений на высокие труднодоступные места, расположенные на мысовидных выступах второй надпойменной террасы. Подобная топография характерна для ряда катакомбных, иванобугорских, вольско-лбищенских, чирковских, а также некоторых балановских памятников. Изредка здесь встречается и керамика имеркской культуры. Подобное размещение поселений, видимо, объясняется сложной социально-политической обстановкой, имевшей место в эту эпоху на территории лесостепной и юге лесной зоны. В результате увеличения населения южных культур (вначале ямной, а затем катакомбной), которое в конце III тыс. до н.э. совпало с аридизацией климата, лесостепное население Волго-Донского межуречья начинает испытывать давление со стороны своих южных соседей. Защитной реакцией на это воздействие стало перенесение поселений на высоко расположенные труднодоступные места. Видимо, данные процессы протекали в близких хронологических рамках, а их территориальная локализация связана с периферией катакомбной культуры. В западной части Волго-Донского бассейна в это время обитали иванобугорские племена, а в северо-восточной – имеркские и поздневолосовские. Однако до последних катакомбное воздействие доходило в сравнительно слабой форме и не привело к трансформации их культуры. Видимо, процессы формирования вольско-лбищенских древностей протекали южнее, на тех территориях, где в позднеэнеолитическое время фиксируется присутствие памятников алтатинского типа (Юдин, 1995). Происхождение последних А.И. Юдин связывает с миграциями на степные территории лесостепного поздненеолитического населения. Однако поздние образцы алтатинской керамики он типологически соотносит с позднестоговской (константиновской) посудой 1-го Раздорского поселения (1995. С. 13–15). По мнению автора, алтатинская керамика появляется в результате миграций в Поволжье донского среднестоговского населения, и содержащие ее памятники иллюстрируют продолжение развития среднестоговских традиций на северо-восточной окраине их ареала (Ставицкий, 2002). Видимо, развитие их керамических традиций продолжалось и в то время, когда в Подонье оно было прервано в ходе сложения репинской культуры. По мнению Л.А. Спицыной, в формировании репинских памятников, кроме среднестоговских племен, активное участие принимало население культуры ямочно-гребенчатой керамики восточных областей Украины (Спицына, 2000. С. 57, 58). Памятники с подобной керамикой в Саратовском Поволжье отсутствуют, что позволило сохраниться своеобразной лакуне, где было продолжено развитие, родственных среднестоговским, памятников алтатинского типа.

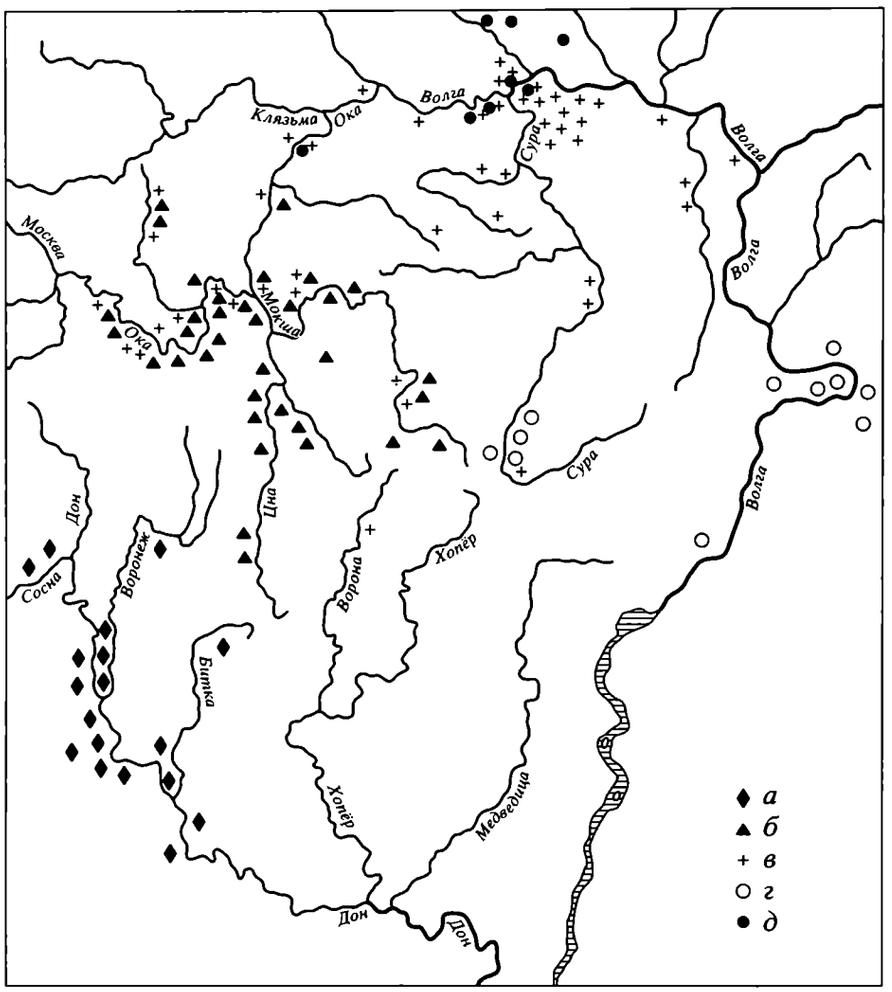


Рис. 1. Карта распространения памятников раннего бронзового века: *а* – иванбугорские; *б* – примокшанские; *в* – фатьяново-балановские; *г* – вольско-лбищенские; *д* – чирковские.

Это предположение находит подтверждение в материалах поселения Подлесное 4, расположенного на Верхней Суре. В.П. Третьяков и А.А. Выборнов выделили здесь два комплекса: ранний – камский и поздний – приказанский. Керамика второго комплекса обладает рядом отличительных черт от классической приказанской посуды, аналоги которым они нашли в чирковских древностях (Выборнов, Третьяков, 1984). Названная керамика действительно имеет определенное сходство с приказанской керамикой Займищенской стоянки, но, по мнению Б.С. Соловьева, займищенская керамика – это самостоятельное культурное явление, генетически не связанное с приказанскими древностями. При этом ближайшие аналоги займищенской керамики отмечаются им в срубно-абашевской посуде (2000. С. 89). Между тем большинство перечисленных им срубно-абашевских черт: наличие сосудов с внутренним ребром и желобчатыми шейками, раковинная примесь, штрихованная поверхность, узоры в виде заштрихованных треугольников – находят аналоги и в вольско-лбищенской керамике, и этот список совпадений можно продолжить (Ставицкий, 2003а). Кроме того, по мнению И.Б. Васильева и А.Т. Синюка, в раннесрубной керамике фиксируется ряд признаков, которые были заимствованы у вольско-лбищенского населения (1985. С. 68), чем, возможно, и объясняется наличие определенного сходства между займищенской и срубно-абашевской керамикой.

Посуда поселения Подлесное 4 содержит примесь органики (выщелочившихся раковин). Стенки имеют следы расчесов с внутренней стороны, а некоторые и с внешней. Большинство венчиков резко отогнуты наружу, некоторые из них имеют слабо выраженный желобок и утолщение в верхней части. В орнаментации преобладают короткие, реже длинные оттиски зубчатого штампа. Используются и овальные ("гусеничные") отпечатки, веревочные и накольчатые вдавления. Днища плоские (рис. 2). Вышеописанные формы венчиков находят ряд близких аналогий в среднестоговской керамике поселения Имерка 8 (Королев, 2003. Рис. 1–7). Меньшей степенью сходства обладает орнаментация. На Имерке 8 используются другие виды зубчатых штампов, отсутствуют сложные узоры, регулярно применяется штриховка внешней поверхности. По ряду параметров керамика Подлесного 4 близка среднестоговской посуде Ши-

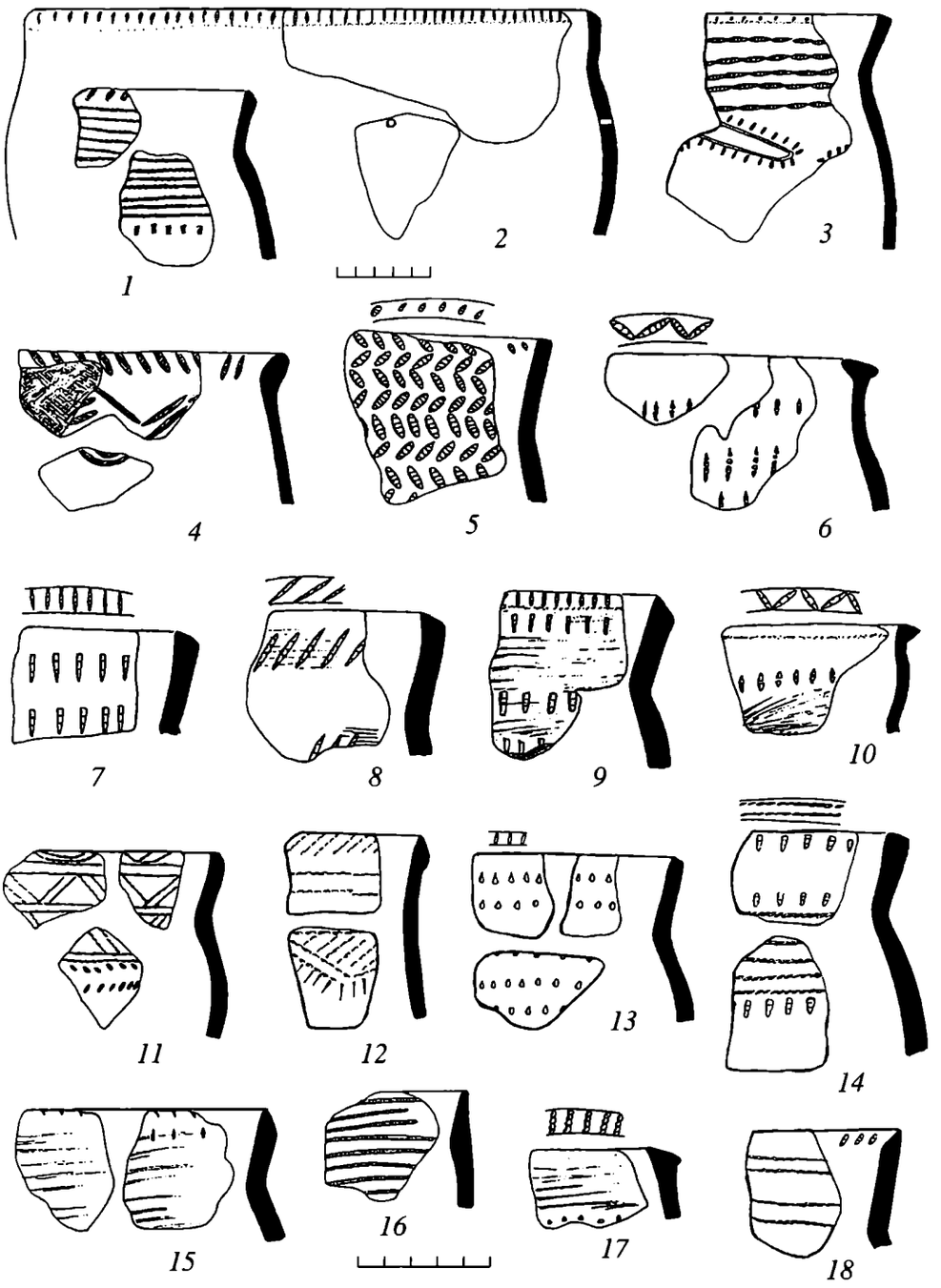


Рис. 2. Поздняя среднестоговская керамика поселения Подлесное 4.

ловского поселения, где также имеются отогнутые наружу, желобчатые и утолщенные венчики с округло срезанным верхним краем, в орнаментации используются оттиски перевитой веревочки, "гусеничные" и зубчатые отпечатки (Пряхин, Синюк, 1980. Рис. 5; 7). Тем же набором сходных признаков характеризуется позднестоговская керамика 2-й Копанищенской стоянки, определенные аналоги которой имеются в ямно-катакомбной посуде Сасовских курганов (Синюк, 1980. Рис. 4, *1*).

Находка в ямно-катакомбных погребениях сосудов близких среднестоговской керамике допускает возможность доживания стоговских традиций до времени появления в Волго-Донской лесостепи раннекатакомбных древностей. Примером своеобразного долголетия среднестоговских традиций является и керамический комплекс поселения Подлесное 4. О его позднем возрасте свидетельствует сопутствующий набор каменного инвентаря, в котором отсутствуют орудия на крупных ножевидных пластинах (Ставицкий, 1999. Рис. 45), неизменно сопровождающие ранние среднестоговские материалы. Небольшая коллекция посуды близкая керамике поселения Подлесное 4 также собрана автором при раскопках 1-го Грабовского поселения (рис. 2, *1, 3*) (Ставицкий, 1995. Рис. 6, *1–5*).

Ряд заметных отличий в керамике Подлесного 4 от классических образцов среднестоговской посу-

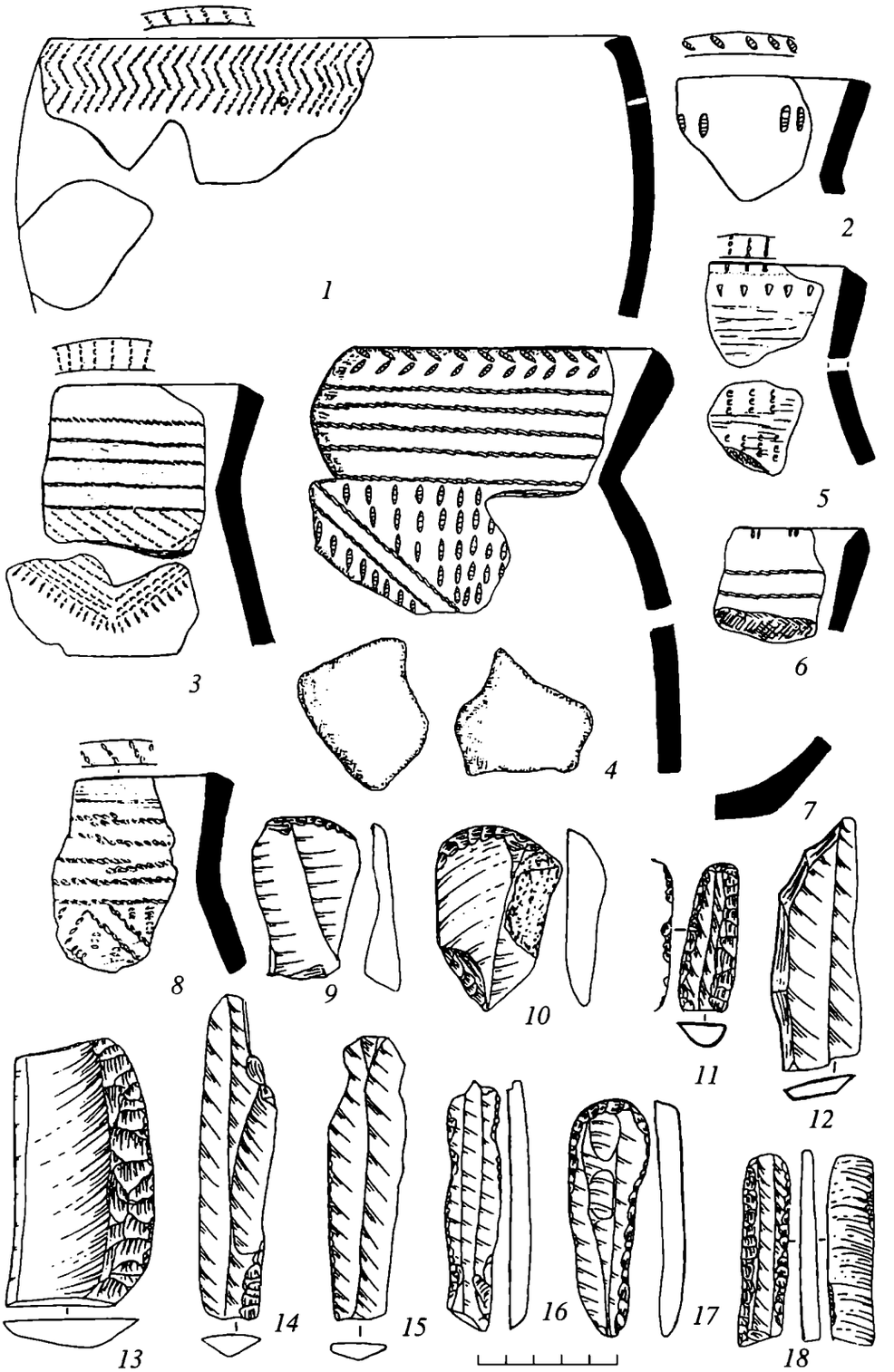


Рис. 3. Среднестоговская керамика и орудия на пластинах с поселения Подлесное 5.

ды не позволяет настаивать на безусловно стоговской принадлежности данного комплекса, но присутствие среднестоговских реминисценций вряд ли возможно оспорить. К тому же именно на поздней среднестоговской посуде фиксируется ряд достаточно сложных узоров, таких, как зигзаги и треугольники, обрамленные "бахромой" (Телегин и др., 2001. Рис. 18, *4*), которые эпизодически появляются на посуде стоянок Грабово 1 и Подлесное 4, попадая затем в число типичных лбищенских композиций.

Со среднестоговскими древностями более раннего облика материалы Подлесного 4 связывают артефакты поселения Подлесное 5, керамика которого наиболее близка посуде Подлесного 4 (рис. 3, *4–8*). При этом на Подлесном 5 собрана коллекция кремневых орудий, изготовленных на широких ножевидных пластинах (рис. 3, *11–18*)

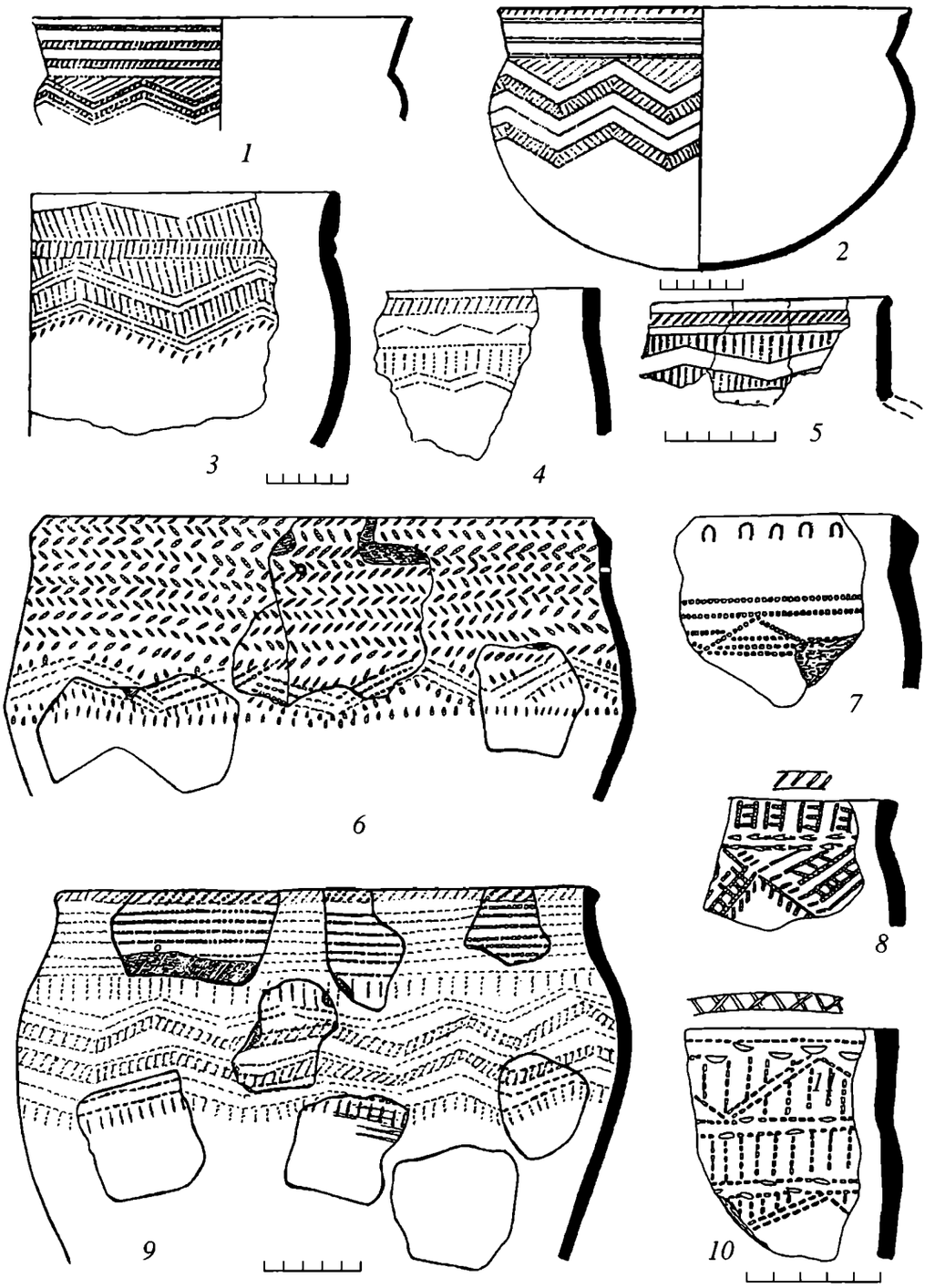


Рис. 4. Чирковская керамика с поселений Чирки и Ройский Шихан (*1–5*) и вольско-лбищенская керамика с поселения Екатериновка (*6–10*).

(Ставицкий, 2004а), что свидетельствует о ее более раннем возрасте.

Таким образом, именно традиции среднестоговского и алтатинского населения легли в основу сложения вольско-лбищенской керамической индустрии. Наличие определенного хронологического разрыва между древностями названных культур предполагает не прямое, а опосредованное участие стоговского и алтатинского населения в формировании памятников вольско-лбищенского типа. Вероятно, между ними имелось промежуточное звено, к которому и относятся материалы ряда верхнесурских памятников: Подлесное 4, Бессоновка, Грабово 1 и др., сочетающие в себе как позднестоговские, так и ранние вольско-лбищенские признаки. В данный круг древностей, вероятно, входят и некоторые материалы займищенского типа, неоправданно отнесенные А.Х. Халиковым к приказанской культуре (1980. Табл. 21).

Нельзя также обойти вниманием аргументированные выводы И.Б. Васильева по вопросам происхождения лбищенских древностей. На основе анализа металлических вещей, найденных вместе с вольско-лбищенской керамикой, он пришел к вы-

воду о сложении данного культурного типа под влиянием западных культур шнуровой керамики: фатьяновско-балановской, среднеднепровской и унетицкой. При этом он указывает на ряд существенных отличий в их керамике и оговаривается, что "вольско-лбищенскую посуду никак нельзя считать ни фатьяновско-балановской, ни среднеднепровской" (Васильев, 1999. С. 74, 78; 2003. С. 108–110). По отношению к фатьяновско-балановской керамике данное утверждение справедливо, но среди поселенческой посуды среднеднепровской культуры имеется керамика по ряду признаков близкая вольско-лбищенской. Особенно близка к ней синкретическая керамика с Екатериновского поселения, расположенного в Верхнем Посурье, сочетающая в себе среднеднепровские и вольско-лбищенские черты (рис. 4, *6–11*) (Ставицкий, 2004б). В лбищенской орнаментации находит полные аналогии ряд сложных екатериновских узоров. Это горизонтальные зигзаги с "бахромой", парные зигзаги, заполненные наклонными оттисками зубчатого штампа, вертикальные лесенки без поручней, парные ряды наклонных оттисков, образующих горизонтальную елочку, треугольники, заштрихованные пересекающимися оттисками зубчатого штампа и обрамленные "бахромой", чередование парных зигзагов и горизонтальных рядов (Васильев, 1999. Рис. 5, *3*; 7, *10*; 8, *8*; 9, *1, 17*; 34, *1*). Типично вольско-лбищенскую профилировку имеет ряд екатериновских венчиков. Со среднеднепровской посудой екатериновскую керамику сближают общие формы горшковидных сосудов, с прямостенными венчиками, часть которых имеет выраженные желобки, использование тождественных элементов орнамента (перевитой веревочки, оттисков короткого среднего зубчатого и гладкого штампа, ногтевых защипов, "гусеничного" штампа, вдавлений полой кости, наколов и т.д.), которые образуют сходные орнаментальные мотивы (горизонтальную елочку, зигзагообразные построения, заштрихованные треугольники, горизонтальные ряды оттисков и др.). Часть екатериновских сосудов находит практически полные аналоги в посуде среднеднепровских поселений (Бондарь, 1974. Рис. 16, *13, 14, 18*; 22, *7*; 23, *1, 8*; 28, *24*; 30, *6, 11, 12*; 31, *6*; 32, *12*).

Обладает екатериновская керамика и рядом катакомбных признаков. Особенно близкие параллели прослеживаются по сосудам, украшенным веревочными отпечатками. На одном из них имеется специфичный катакомбный узор в виде разомкнутого полуовала (рис. 4, *7*). Весьма характерны для катакомбных древностей спаренные пояски перевитой веревочки, зигзаги, горизонтальные ряды наклонного штампа, ногтевые защипы, рельефные валики. Однако перечисленные мотивы на екатериновской керамике обычно выступают в качестве элементов более сложных композиций, которые не находят тождества в катакомбных узорах.

Два екатериновских сосуда с приостренными и отогнутыми внутрь венчиками (рис. 4, *6*) полностью копируют образцы иванобугорской керамики. Практически точные аналогии подобным венчикам имеются на Черкасской стоянке (Синюк, 1996. Рис. 14, *2, 10*). К иванобугорской керамике близка форма и ряда других венчиков, но полной степенью сходства они все же не обладают и в сравнении с иванобугровскими выглядят трансформированными.

В Посурье данная коллекция керамики не единична. Близкие по ряду параметров материалы получены с 1-го и 2-го Ахунских городищ, а также Бессоновской стоянки (Ставицкий, 2001; 2003б). Многообразие аналогов, подобранных екатериновской керамике, свидетельствует о ее синкретическом облике. Причем наблюдается не механическое смешение разнокультурных материалов, а именно сочетание на одних и тех же сосудах признаков, присущих различным культурным традициям. Ведущими факторами при определении культурной принадлежности этого комплекса, на наш взгляд, должны выступать рецептура глиняного теста и сходство ряда сложных орнаментальных мотивов, т.е. те признаки, целостное заимствование которых вряд ли возможно без существенной трансформации всего облика культуры. По данным параметрам культурная принадлежность екатериновской керамики определяется как вольско-лбищенская. Наличие в ее облике ряда катакомбных и иванобугорских черт свидетельствует о том существенном воздействии, которое она испытала с их стороны. Значительная часть, приобретенных екатериновским населением инокультурных признаков получает развитие и на других поселенческих комплексах вольско-лбищенской культуры, следовательно, их заимствование произошло на этапе формирования керамических традиций данной культуры.

Процесс сложения лбищенских древностей иллюстрируют также материалы грунтового Белогорского могильника, исследованного И.И. Дремовым (1996). Кроме погребений с подбоями и в катакомбах здесь было выявлено несколько захоронений в овальных ямах, ориентированных головой на север и северо-восток. Некоторые ямы имели ступеньки по одной или с обеих длинных сторон. Костяки лежали скорченно на левом боку. В ряде захоронений были найдены сосуды горшковидной формы с профилированным желобчатым венчиком, орнаментированные отпечатками веревочки и зубчатого штампа. Композиции состояли из горизонтальных рядов наклонных оттисков зубчатого штампа, горизонтальных зигзагов и свисающих вниз треугольников. Автором раскопок было отмечено, что пропорции этих сосудов и особенно орнаментация настолько оригинальны, что подобрать им точные аналогии в катакомбных памятниках непросто (Дремов, 1996. С. 101–109). Од-

нако орнаментация данных сосудов находит близкие аналоги в вольско-лбищенской посуде, тогда как их форма является типично иванобугорской, а отдельные элементы погребального обряда имеют параллели в захоронениях могильника Фефелов Бор и Широмасово 2, содержащих типичную иванобугорскую керамику. Весьма близок к керамике Белогорского могильника горшковидный сосуд из третьего погребения Широмасовского могильника (Ставицкий, 1998. Рис. 4, *5*).

Таким образом, облик вольско-лбищенских древностей сложился на основе алтатинских (позднестоговских) керамических традиций при заметном катакомбном воздействии и определенном влиянии со стороны среднеднепровской и иванобугорской культур.

В северо-западной части Волго-Донской лесостепи в начале раннего бронзового века происходит пересечение двух миграционных потоков: западного (фатьяно-балановского) и юго-западного (иванобугорского). Долгое время хронологический приоритет в указанных миграциях отдавался носителям фатьяновско-балановских древностей. По мнению О.Н. Бадера и А.Х. Халикова, их появление здесь фиксируется на рубеже III–II тыс. до н.э. (1976). Д.А. Крайнов (1972) относит это событие к XVII в. до н.э. С мнением последнего солидарна и О.С. Гадзяцкая, датирующая наиболее ранние погребения балановского могильника по содержащемуся в них металлическому инвентарю XVII в. до н.э. (1976. С. 75). Но Балановский могильник, видимо, не является древнейшим памятником данной культуры на территории Среднего Поволжья. Только в 17% его погребений отмечены находки клиновидных топоров, являющихся обязательной принадлежностью погребального инвентаря ранних фатьяновских памятников и значительно реже встречающиеся в поздних. Например, в позднем фатьяновском Волосовско-Даниловском могильнике подобные топоры зафиксированы только в 16% погребений, а всего на территории фатьяновской культуры их известно 219 экз. (Гадзяцкая, 1976. Табл. 20). На Средней Волге зафиксировано 165 подобных находок (Бадер, Халиков, 1976. С. 65–67), что может свидетельствовать о достаточно раннем появлении здесь балановских племен.

По мнению О.Н. Бадера и А.Х. Халикова, продвижение балановских племен на р. Свиягу проходило южнее правого берега Оки по ее юго-восточным притокам и по бассейну Суры. Данный тезис аргументировался наличием находок архаичной балановской керамики в районе Кадома и Пензы, значительным количеством находок ранних форм сверленых топоров в окрестностях Саранска и Пензы (Бадер, Халиков, 1987. С. 81). Однако в правобережном Поочье, на Суре и Мокше известны только единичные находки клиновидных топоров. Среди сверленых здесь преобладают топоры клиновидной формы и близкие к ним топоры с усеченно-коническим обухом (Ставицкий, 1994). Традиционно ранними типами считаются сверленые топоры клиновидной формы (Бадер, Халиков, 1976. С. 60; Гадзяцкая, 1976. С. 51; Крайнов, 1963. С. 27). Однако признание их древнейшими является сугубо теоретическим умозаключением, исходящим из представления о развитии орудий от простого к сложному. Возможно, так и было на исходных территориях формирования культуры боевых топоров, но к моменту появления на Оке и Волге фатьяновских племен, им уже были известны топоры достаточно сложной формы, и поэтому здесь находки клиновидных топоров не имеют хронологического приоритета. Весьма слабо подобные топоры представлены на территории наиболее раннего московско-клязьминского локального варианта и совсем не встречаются в могильниках, что и трактуется Д.А. Крайновым (1972. С. 40) в пользу их ранней датировки, хотя именно для ранних захоронений характерно наличие топоров, тогда как в поздних – их число сокращается. Кроме того, массовое распространение сверленых клиновидных топоров во многом совпадает с основой территорией балановских древностей. Следовательно, клиновидная форма топора является, прежде всего, показателем его локальной принадлежности, причем далеко не к самой ранней группе фатьяновско-балановских памятников. На то, что подобные топоры бытовали до конца существования фатьяновской культуры указывали А.Я. Брюсов и М.П. Зимина (1966. С. 24).

На Мокше и Верхней Суре имеется ряд находок топоров ранних типов, но их связь с балановской керамикой проблематична, поскольку в Примокшанье на поселении Новый Усад 4 зафиксирована посуда раннефатьяновского облика. Здешние сосуды имеют шаровидное тулово и расширенное раструбом горло. Переход от тулова к горлу у большинства выражен плавно, но имеются и резко отогнутые наружу венчики. Композиции орнамента представлены горизонтальными отпечатками веревочки, рядами наколов и нарезок, зигзагообразными построениями из оттисков зубчатого штампа, горизонтальной елочкой, фестонами (рис. 5) (Ставицкий, 1992. С. 6). Ближайшие аналоги эта посуда находит среди керамики Кузьминковского могильника, материалы которого Д.А. Крайнов включает в 3-ю хронологическую группу московских памятников фатьяновской культуры (1972. С. 103–106, 226). Но, по мнению В.В. Сидорова и А.В. Энговатовой, в данной керамике сохраняется ряд ранних черт, характерных для памятников среднеднепровской культуры, и поэтому ее следует датировать более ранним временем (1992. С. 36). Ранняя позиция новоусадовской керамики подтверждается и наличием аналогов в среднеднепровских древностях: в форме сосудов с плавно профилированным горлом, в веревочной орнаментации, в приемах подчеркивания шейки прочерченной линией, в композициях в виде простого зигзага и фестонов.

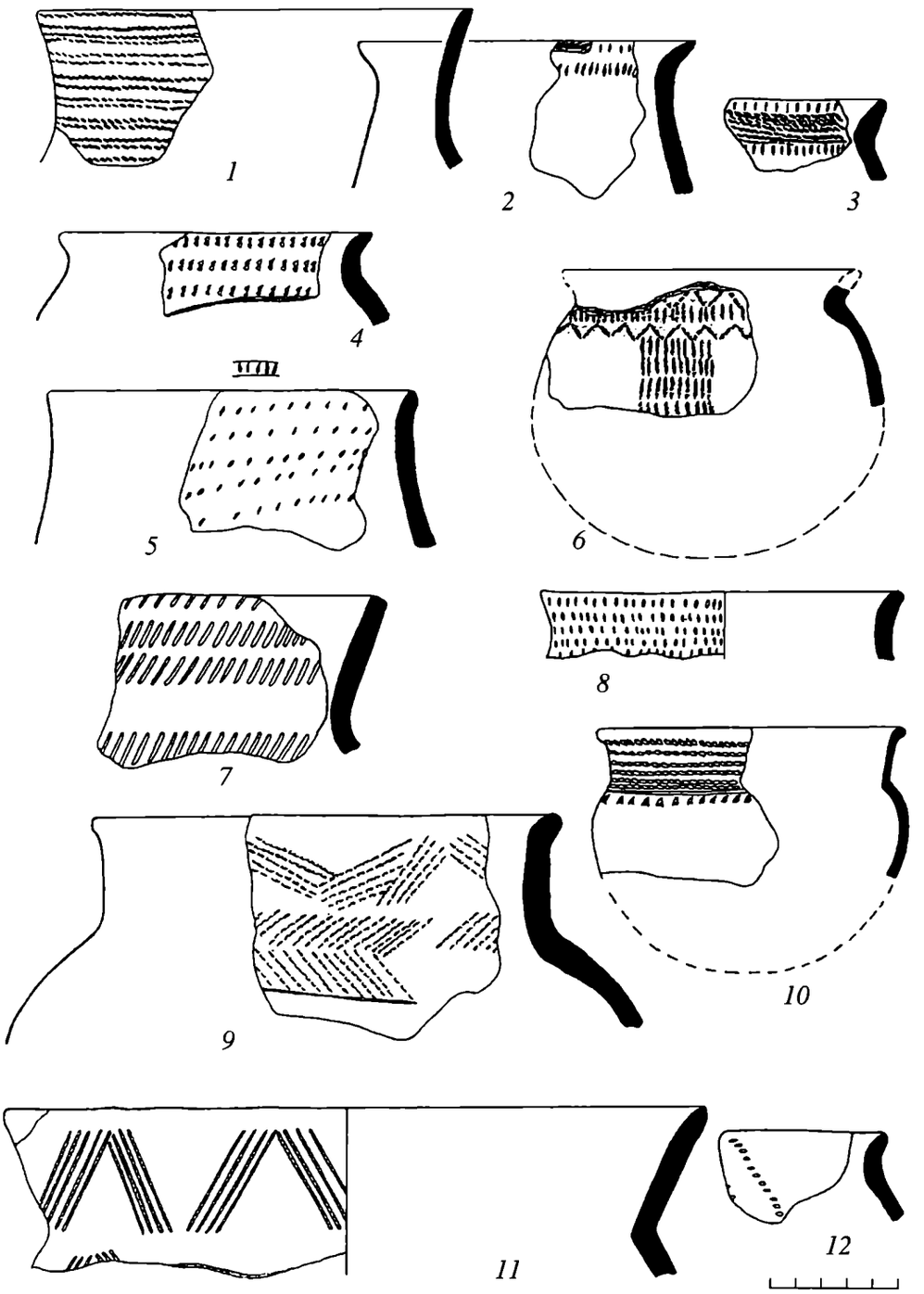


Рис. 5. Фатьяновская керамика поселения Новый Усад 4.

Весьма ранним временем склонен датировать В.П. Челяпов появление в правобережном Поочье памятников примокшанской культуры. По его мнению, их появление здесь объясняется тем, что на рубеже III–II тыс. до н.э. ямные племена вытесняют со Среднего Дона часть населения иванобугорской культуры, которое смещается на север, где на его основе, еще до прихода сюда фатьяновцев, складывается примокшанская культура (Челяпов, Иванов, 2000. С. 361). Это предположение в целом представляется верным, отметим только, что А.Т. Синюк связывает процесс возрастания давления на иванобугорское население со стороны их южных соседей не с ямным, а сраннекатакомбным временем (1996. С. 53), когда, вероятно, и осуществляется указанная миграция.

Процессы переселения иванонбугорских и фатьяновских племен, в конечном итоге, были обусловлены причинами одного и того же характера – увеличением засушливости климата и, вероятно, протекали в близких хронологических рамках. Е.А. Спиридонова и А.С. Алешинская полагают, что первоначально миграционная волна шла на север, в более западные районы, где выше океаничность климата и более близкие к привычным усло-

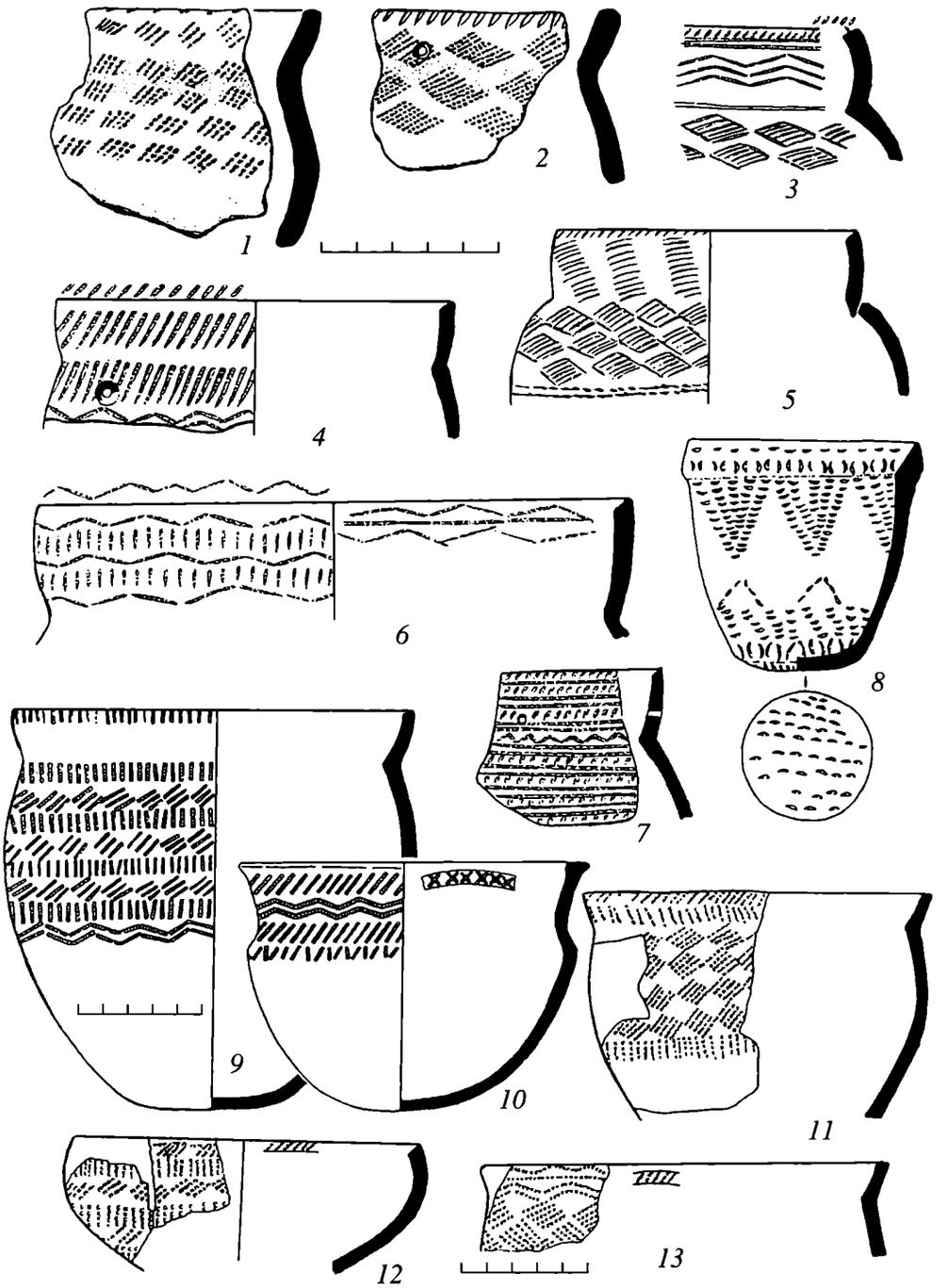


Рис. 6. Керамика фатьяноидного (чирковского) типа с поселений: *1, 2* – Воймежное 1 (по К.В. Воронину); *3–7* Сахтыш 1, 2 (по О.С. Гадзяцкой); *8–13* Широмасово 1.

вия жизни, и только затем частично на северо-восток (2000. С. 353).

Выразительный комплекс материалов, иллюстрирующих картину взаимодействия фатьяновско-балановских и примокшанских (иванобугорских) племен, получен при раскопках поселения Широмасово 1 на Нижней Мокше (Гришаков, Ставицкий, 2001; 2003). На этом поселении вскрыто шесть жилищ, которые расположены двумя параллельными рядами. В первом ряду соединены переходами три жилища, во втором – два. Котлован одного из жилищ, в заполнении которого собрана керамика атликасинского облика, разрушен жилищем № 1. В заполнении первого жилища наряду с атликасинской посудой собрана трансформированная керамика иванобугорского типа, которая содержала в тесте примесь шамота, песка и следы выгоревших при обжиге ворсинок. Только 5 небольших венчиков не имеют орнамента, остальные украшены зубчатым штампом, наклонные оттиски которого образуют горизонтальные ряды, ромбические фигуры, горизонтальные зигзаги. Сосуды имеют округлое слабо профилированное тулово и резко отогнутый наружу венчик. Характерными признаками являются наличие внутреннего ребра и желобчатость венчика. Нередко

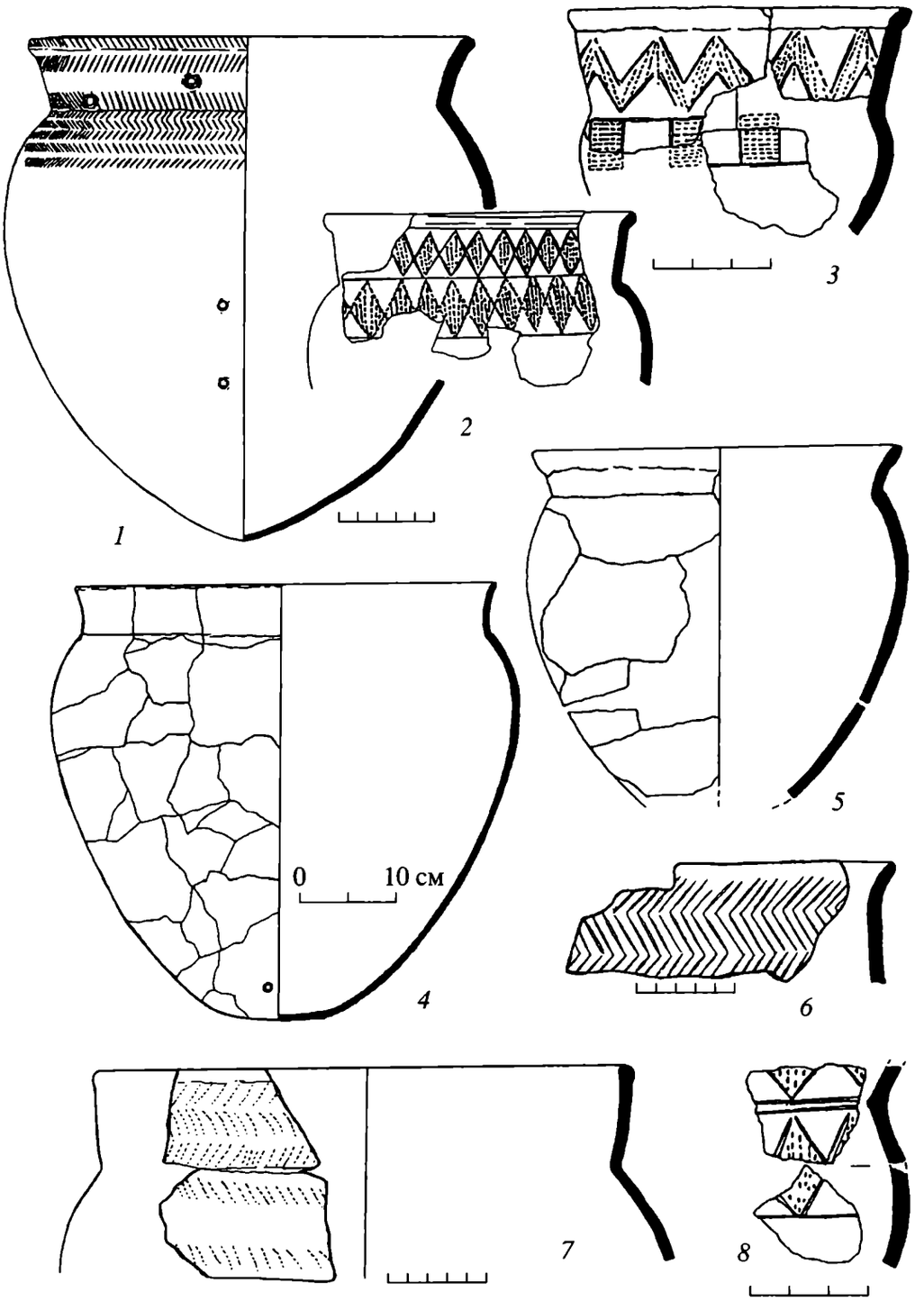


Рис. 7. Балановская керамика поселения Широмасово 1.

орнамент заходит на внутреннюю горловину сосуда. Найден фрагмент плоского толстостенного днища. Еще 3 развала целых сосудов и 672 фрагментов подобной керамики найдено в культурном слое поселения (рис. 6, *8–13*). В жилище № 3, которое соединено переходом с первым сооружением, найдена только посуда атликасинского типа. Сходная керамика собрана в заполнении остальных жилищ (рис. 7).

К широмасовской керамике особенно близка посуда из четвертого (нижнего) слоя Васильсурского поселения, которая по размерам сосудов, составу глины, обработке поверхности и орнаментации также подразделяется на две группы. Как и на Широмасово 1, первую группу здесь составляют небольшие тонкостенные сосуды с примесью в тесте песка, имеющие тщательно заглаженную поверхность, орнаментированные горизонтальными рядами из наклонных оттисков зубчатого штампа, вертикальных ромбов, прямоугольников и заштрихованных зигзагов. Ко второй группе относятся более крупные сосуды с примесью шамота, имеющие удлиненные пропорции и характеризующиеся плавным переходом от выпуклого тулова к горлу

(Халиков, Халикова, 1963. С. 243–246). Но все васильсурские сосуды второй группы в отличие от широмасовских не имеют орнамента. Особенно близок широмасовским сосуд, в облике которого, по мнению А.Х. и Е.А. Халиковых, фиксируются ряд чирковских черт: вытянутые пропорции, почти сплошная орнаментация поверхности, узор в виде косо поставленных оттисков зубчатого штампа (1963. Рис. 6, *б*). Появление подобных черт связывается ими с влиянием со стороны волосовского населения. Но, судя по материалам Широмасовского поселения, своеобразие данной категории керамики объясняется иными причинами. Развалы данных сосудов залегали здесь в ямах выкопанных рядом с очагами и, вероятно, предназначались для приготовления или хранения пищи, т.е. являлись кухонными. Отсюда, видимо, проистекают их различия в форме. Характерной чертой кухонной посуды является и обедненность орнаментальных сюжетов, что также отмечено на широмасовских, да и васильсурских сосудах второй группы.

Материалы, аналогичные васильсурским, фиксируются и на территории Волго-Окского междуречья, где они получили название фатьяноидных. О.С. Гадзяцкая вслед за А.Х. Халиковым связывает их происхождение с процессом смешения фатьяновских и волосовских традиций (Гадзяцкая, 1992. С. 138). Однако фатьяноидные материалы, типологически выделенные О.С. Гадзяцкой, не являются однородными. Часть фатьяноидной керамики с поселений Сахтыш I и II находит полные аналогии среди крупных сосудов Широмасовского поселения, содержащих в тесте примесь шамота, имеющих вытянутую форму, сравнительно плавный переход от тулова к венчику и орнаментированных рядами косо поставленных оттисков зубчатого штампа. Однако подобной керамики на Сахтышах немного. Основная масса сахтышской керамики отличается более сложными орнаментальными построениями и нередко имеет желобчатые венчики (Гадзяцкая, 1992. Рис. 4–7). Зачастую сосуды указанной формы орнаментированы рядами пальцевидных защипов и ромбическими фигурами, нанесенными оттисками зубчатого штампа, а также горизонтальными поясками длинного зубчатого штампа и елочными композициями (рис. 6, *3–7*) (Гадзяцкая, 1992. Рис. 4, *10*; 5, *4–7*). Аналогичная посуда зафиксирована и на поселении Воймежное 1 (рис. 6, *1, 2*). Сочетание данных признаков является культуроопределяющим для керамики примокшанского типа Широмасовского поселения, материалы которого наглядно иллюстрируют процессы взаимодействия фатьяно-балановского и примокшанского (иванобугорского) населения, приведшие к появлению фатьяноидной керамики. Причем если на Широмасовском поселении указанные керамические традиции еще не слились воедино и сосуществуют друг с другом буквально в одних и тех же жилищах, то на керамике Сахтышей мы уже видим лишь некоторые широмасовские (примокшанские) черты.

Еще одним из источников формирования фатьяноидной керамики, видимо, являются материалы шагарской культуры, где отмечены такие широко распространенные на керамике Сахтышских стоянок мотивы, как вертикальные елочки и горизонтальные зигзаги, состоящие из нарезок и оттисков зубчатого штампа. Основываясь на отмеченном сходстве, Е.Д. Каверзнева даже включает ряд выделенных Т.Б. Поповой среднеокских допоздняковских поселений с фатьяноидной керамикой в число шагарских памятников (Каверзнева, 1994. С. 58).

Таким образом, истоки фатьяноидной керамики восходят к поселенческой кухонной посуде фатьяно-балановского населения, на развитие которой большое влияние оказали традиции населения примокшанской (иванобугорской) и шагарской культуры. Дальнейшая трансформация данных традиций, вероятно, протекавшая в условиях дополнительного притока населения примокшанской и шагарской культур на территорию Волго-Окского междуречья, привела к сложению керамического комплекса, близкого к древностям чирковского типа.

Необходимо отметить, что в формировании чирковских древностей Волго-Окского междуречья и Марийского Поволжья принимают участие представители разных культурных традиций. В материалах марийских поселений Галанкина Гора и Удельное Шумецкое 7 фиксируется заметное участие в данных процессах местного поздневолосовского населения, керамические традиции которого находят продолжение в развитии особой группы керамики, характеризующейся упрощенной орнаментацией (Соловьев, 2000. С. 44). На поселении Галанкина Гора, кроме того, фиксируется присутствие носителей кротовской керамики, однако их керамические традиции не получают дальнейшего развития в чирковской культуре. С кротовскими традициями обычно связывают появление налепных валиков на чирковской керамике, однако на поздней чирковской керамике получают распространение волнистые валики, сформированные с помощью защипов, которые имеют иное происхождение.

Еще при раскопках Васильсурского городища А.Х. и Е.А. Халиковыми была выделена группа сосудов, в орнаментации которых использовались мотивы не известные ни на балановской, ни на волосовской посуде. Это усложненные узоры в виде заштрихованных в разных направлениях треугольников, группы косых линий и оттисков с чередующимся наклоном, разделенные вертикальными отрезками, треугольники с бахромой по краям, своеобразные валики, сформированные с помощью вдавлений и защипов. Сюда же следует добавить и наличие желобчатых венчиков, также не характерных ни для волосовских, ни для балановских древностей.

Сосуды подобного облика отсутствуют на поселениях раннего этапа чирковской культуры, а появляются на поздних поселениях: Чирковском, го-

родище Ройский Шихан и др. (рис. 6, *1–5*), а наиболее представительная коллекция подобной керамики собрана на Юринской стоянке (Соловьев, 2000. Рис. 47; 49). Появлению подобной керамики было найдено объяснение в процессах гибридизации керамических традиций волосовской и балановской культур, а перечисленные признаки признаны типично чирковскими. Подобное заключение базировалось на наличии некоторого сходства форм и пропорций вытянутых балановских сосудов второй группы четвертого слоя Васильсурского городища и чирковских сосудов второй группы третьего слоя. При этом к чирковским сосудам были отнесены и все балановские сосуды третьего слоя (Халиков, Халикова, 1963), что, конечно, усиливало впечатление в пользу возможной трансформации балановских форм сосудов в чирковские. Отсутствие в имевшихся на то время источниках близких аналогов подобным сосудам среди материалов других культур делало предположение о генетической связи балановских и чирковских керамических традиций достаточно убедительным. Однако в свете данных, накопленных за последние годы, оно уже не представляется столь бесспорным, как ранее.

Горшковидные сосуды с высокими желобчатыми венчиками появляются на территории Днепро-Донского междуречья еще в эпоху раннего энеолита (Телегин и др., 2001). Впоследствии они получают широкое распространение в репинской культуре и продолжают свое развитие в керамике иванобугорской и абашевской культур. По справедливому замечанию Б.С. Соловьева, абашевская и чирковская посуда имеют между собой весьма отдаленное сходство, которое прослеживается только в отдельных формах и некоторых общих мотивах орнамента. Значительно больше общих черт имеется между формами чирковских и иванобугорских сосудов. Практически полные аналоги последние находят в сосудах Юринской стоянки с усложненным орнаментом, имеющими внутреннее ребро и высокий, отогнутый наружу желобчатый венчик. Причем нередко на сосудах обеих культур имеются небольшие воротничковые утолщения на венчике, а его верхний край косо срезан внутрь или наружу (Соловьев, 2000; Синюк, 1996). При этом иванобугорские мотивы орнамента заметно отличаются от чирковских. Наиболее популярными на иванобугорских сосудах являются ромбические узоры, выполненные оттисками зубчатого и плоского штампа, что для чирковской керамики Марийского Поволжья не характерно. Сложная орнаментация сосудов Юринской стоянки находит ближайшие аналогии в вольско-лбищенской керамике, для которой также характерны: сформированные вдавлениями и защипами валики, заштрихованные треугольники, обрамленные бахромой, разнообразные ряды коротких оттисков штампа, ограниченные длинными гребенчатыми отпечатками и другие геометрические построения (Васильев, 1999).

Следует отметить, что территория Верхнего Посурья является своеобразной контактной зоной для западного иванобугорского населения и восточного вольско-лбищенского. Не случайно здесь в керамике ряда поселений (Подлесное 4, Бессоновка, Екатериновское) зафиксированы гибридные сосуды, имеющие типичные иванобугорские формы, но украшенные в вольско-лбищенских традициях. Вероятно, районы Посурья являлись одной из исходных территорий, с которой осуществлялась, вслед за первой балановской, вторая волна миграций лесостепных племен на территорию Марийского Поволжья. По-видимому, материальная культура этих племен и предопределила в значительной мере облик чирковской культуры на завершающих этапах ее развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. САИ. 1976. Вып. В1–25.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

Бондарь Н.Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев, 1974.

Брюсов В.Я., Зимина М.Н. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. 1966. Вып. В4–40.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

Василье И.Б. Вольск-Лбище: новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Воронин К.В. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском междуречье) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Подлесное IV на верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.

Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. САИ. 1976. Вып. В1–21.

Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. 1992. № 1.

Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Первое жилище поселения Широмасово 1 на Нижней Мокше // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2001.

Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Поселение бронзового века Широмасово 1 на Нижней Мокше // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское 1, 2 // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов, 1996.

Каверзнева Е.Д. Керамика Озерной Мещеры эпохи энеолита – ранней бронзы // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.

Королев А.И. Среднестоговский комплекс поселения Имерка VIII // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ. 1963. Вып. В1–19.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н.э. М., 1972.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. Ханевский могильник и древнейшие памятники фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново, 1992.

Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по данным палинологического анализа) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2000.

Спицына Л.А. Северскодонецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Луганск, 2000.

Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Новый Усад 4 // Арехологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992.

Ставицкий В.В. Боевые каменные топоры из Сурско-Мокшанского бассейна // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово 1 в Верхнем Посурье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Широмасово 2 на Нижней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.

Ставицкий В.В. Керамика эпохи бронзы с Ахунских городищ // Археология Поволжья. Пенза, 2001.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-н/Д., 2002.

Ставицкий В.В. К вопросу о наличии абашевского компонента в материалах приказанской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003а.

Ставицкий В.В. Бессоновские поселения эпохи неолита и бронзы // Записки краеведов. Вып. 1. Пенза, 2003б.

Ставицкий В.В. Поселение эпохи энеолита Подлесное 5 // Записки краеведов. Вып. 2. Пенза, 2004а.

Ставицкий В.В. Екатериновское поселение бронзового века на р. Суре и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург, 2004б.

Степанов П.Д. Вольское городище // Археологический сборник. Саратов, 1956.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.

Халиков А.Х. Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Приказанская культура. САИ. 1980. Вып. В1–24.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. 1963. № 110.

Челяпов В.П., Иванов Д.А. Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2000.

Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

The dynamics of interaction of the Early Bronze Age cultures in the Volga-Don forest-steppe

V. V. Stavitsky

Summary

The dawn of the Early Bronze Age in the Volga–Don forest-steppe area is marked by the migrations of Fatyanovo-Balanovo and Ivanov Bugor cultures. The process of their interaction is documented at the dwelling site Shiromasovo I in the Volga and Oka interfluve; as a result the antiquities of Fatyanovo-like (Chirki) type had emerged. Unlike the situation in the Volga basin within the Mari Republic, local population attributed to Volosovo culture did not participated in the discussed processes. In the Volga basin within the Mari Republic an important role in formation of the late Chirki-type antiquities was played by the population of Volsk-Lbishche culture, which is regarded as a descendant of Altatino culture. Formation of Volsk-Lbishche culture was influenced to a certain extent by the groups attributed to Ivanov Bugor and Catacomb cultures, as well as the bearers of the pottery typical of the Middle Dnieper dwelling sites. The latter should be regarded as a separate culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 44–58

МОГИЛЬНИК ТОВКУРТЛОР 3: СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЙ СЛЕД В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ

© 2006 г. В. И. Стефанов

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Памятник находится в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа на западном берегу оз.Тавикуртлор, в 1.7 км к юго-востоку от д. Хуллор. Река Казым – крупный правый приток Оби в ее нижнем течении – протекает в 4.5 км к северу; озеро Тавикуртлор имеет сообщение с ней по протоке Посл. Ландшафты типичны для Надымской провинции, объединяющей заболоченные пространства бассейнов рек Надыма и Казыма. Грунтовый могильник Товкуртлор 3 приурочен к мысовой части увала, тянущегося вдоль берега озера (рис. 1Б). Некрополь объединял более 30 ям, рассредоточенных на площади до 2.5 тыс. м^2. Кроме него в мысовой части возвышенности расположены разновременные поселения Товгорлор 7, 8, 16, укрепленное жилище Товгорлор VI и др.[1] Скопление древних памятников на данном участке побережья выявлено в 1992 г. (Морозов, 1993). В следующем году на могильнике Товкуртлор 3 были исследованы пять погребений эпохи бронзы (Морозов, 1994б), а в 2000 г. еще девять погребений, в том числе шесть эпохи бронзы (Стефанов и др., 2001). В результате проведенных работ установлено, что в состав могильника входили погребальные объекты эпохи бронзы и раннего железного века. Ранняя группа захоронений занимала обособленное положение на южной периферии некрополя и, по сути, представляла самостоятельный памятник – грунтовый могильник бронзового века Товкуртлор 3 (БВ). Он небольшой и, похоже, в основном исследован (рис. 1В). Все могилы, в том числе условные, имели внешние признаки в виде овальных или подчетырехугольных углублений размером от 1.7 × 0.9–1 до 2.5 × 1.7 м при глубине 0.1–0.25 м.

Почва в месте расположения некрополя – подзолистая, песчаного механического состава. Важнейшей особенностью стратиграфии является четкая выраженность погребенного горизонта. Белесая прослойка погребенного подзола, перекрытая выброшенным из ям песком, простирается во все стороны от могил и постепенно выклинивается. Ее верхняя граница соответствует дневной поверхности могильника.

[1] Товгорлор, Товкуртлор, Тавикуртлор, – синонимические названия одного и того же озера, записанные в разные годы из разных источников. В настоящей работе сохранены названия памятников, данные им авторами разведок и раскопок.

Могила 1 (рис. 2А) овально-подпрямоугольной формы размером 1.2 × 0.6 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ (здесь и далее указываются направления относительно магнитного севера). Глубина от уровня древней поверхности до 0.36 м, дно неровное. Придонный слой заполнения насыщен угольками, на высоте 15–10 см от дна зафиксированы узкая углистая полоса вдоль стен ямы, а в центральной части – остатки сгоревшего перекрытия. Находок не было. С внешней стороны к восточному углу могилы примыкала столбовая (?) ямка диаметром 12 см и глубиной в материке 10 см. *Могила 2* (рис. 2В) – подпрямоугольной формы размером по верху 1.8 × 0.75 м и 1.4–1.5 × 0.6–0.65 м в основании, глубиной до 0.37 м. Вытянута по оси ЗСЗ-ВЮВ. Около ямы и в ее заполнении выявлены углистые пятна и полосы от сгоревшего перекрытия. В средней части на дне расчищены остатки (тлен) двух пар бедренных костей, лежавших параллельно длинным стенам могилы. Видимо, в яме было совершено парное захоронение. В песчано-углистой массе, заполнявшей яму, обнаружено 9 каменных предметов (5 скребков на отщепах, 2 отщепа с краевой ретушью, отщеп, отбойник) и 67 обломков трех сосудов (рис. 2, *1–9*). Находки приурочены к восточной – юго-восточной половине ямы, только одна из них лежала на дне. *Могила 3* (рис. 3). Контур ямы – близкий к прямоугольному, размер около 1.9–1.95 × 0.9–1.0 м, глубина 0.4–0.45 м. Ориентирована по оси С-Ю. От погребенного сохранились зубы (точнее эмаль зубов) верхней и нижней челюстей. В заполнении обнаружено более 80 обломков трех сосудов, 18 предметов из камня (три наконечника стрел, отщеп-вкладыш в деревянной оправе, концевой скребок на отщепе со следами деревянной оправы, 13 плоских галек) и обломок глиняной фигурки животного (рис. 3, *1–15*). *Могила 4* (рис. 2Б) – прямоугольная, размером 1.2 × 0.6 м, глубиной 0.45 м, вытянута в направлении ЮЗ-СВ. На глубине 10–19 см в юго-западной половине расчищены остатки сгоревшего перекрытия, состоявшего из поперечных и продольно уложенных березовых жердей. Находок в могиле не было. *Могила 5* (рис. 4) имела овально-трапециевидный контур, размер ямы 1.7–1.75 × × 0.5–0.9 м, глубина до 0.45 м, ориентирована по оси С-Ю. Дно неровное, прилегающий к западной

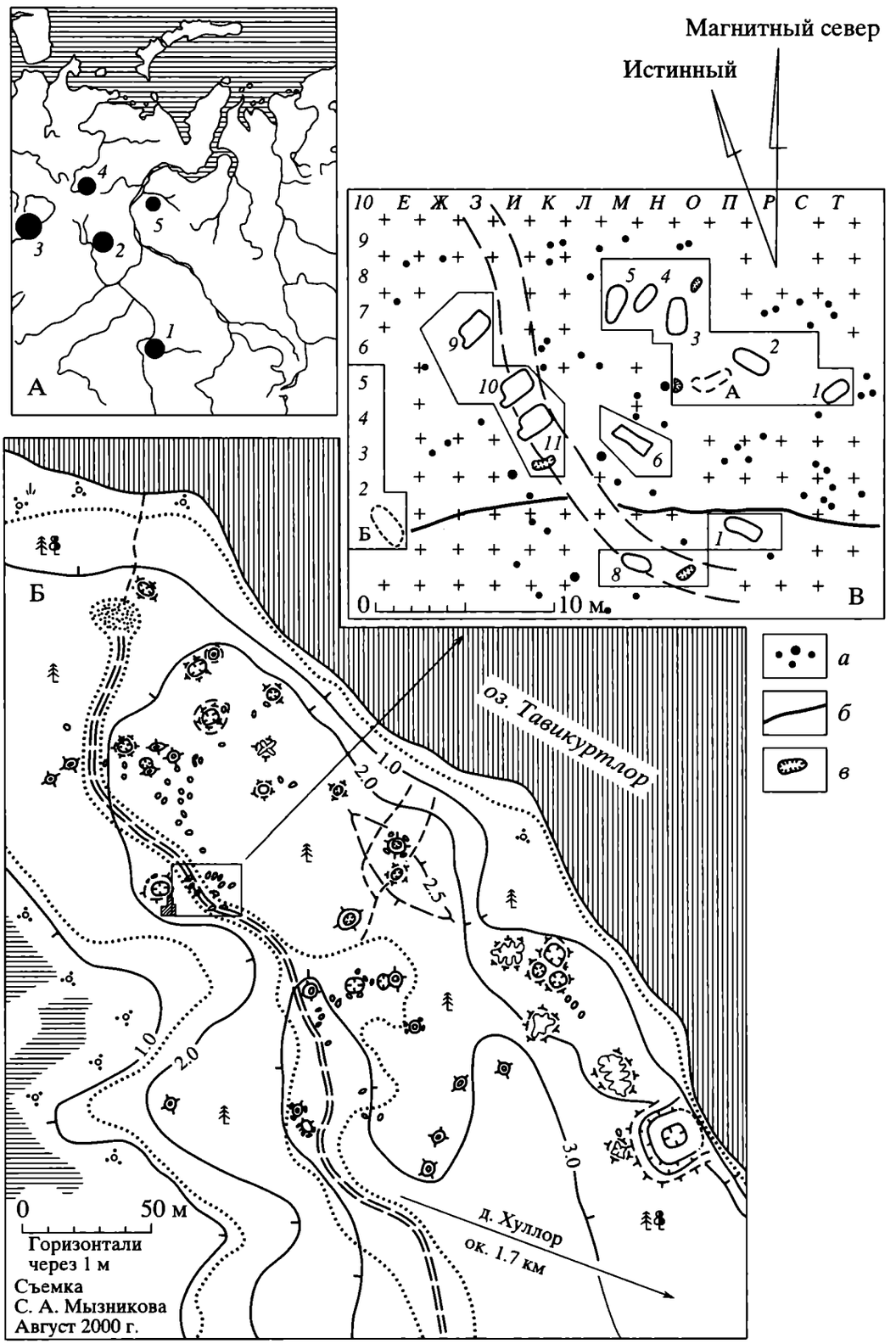


Рис. 1. А – карта памятников с инвентарем сейминско-турбинского типа: *1* – Ростовка; *2* – Сатыга XVI; *3* – Турбинский могильник; *4* – Канинская пещера; *5* – Товкуртлор 3. Б – расположение археологических объектов на западном берегу озера. В – план могильника Товкуртлор 3 (*а* – крупные деревья, *б* – противопожарная канавка, *в* – ямы от вывороченных с корнями деревьев).

стенке участок более углублен. В северной половине ямы в верхней части заполнения зафиксировано углистое пятно. В южной половине на дне обнаружены остатки зубов обеих челюстей взрослого человека, около восточной стенки могилы, значительно выше дна, найдена нижняя челюсть ребенка. Из заполнявшего яму песка выбрано около 40 фрагментов керамики и 24 каменных предмета (5 наконечников стрел, 2 отщепа с ретушью, 12 чешуек, отщеп, 2 плоские гальки, обломки дву-

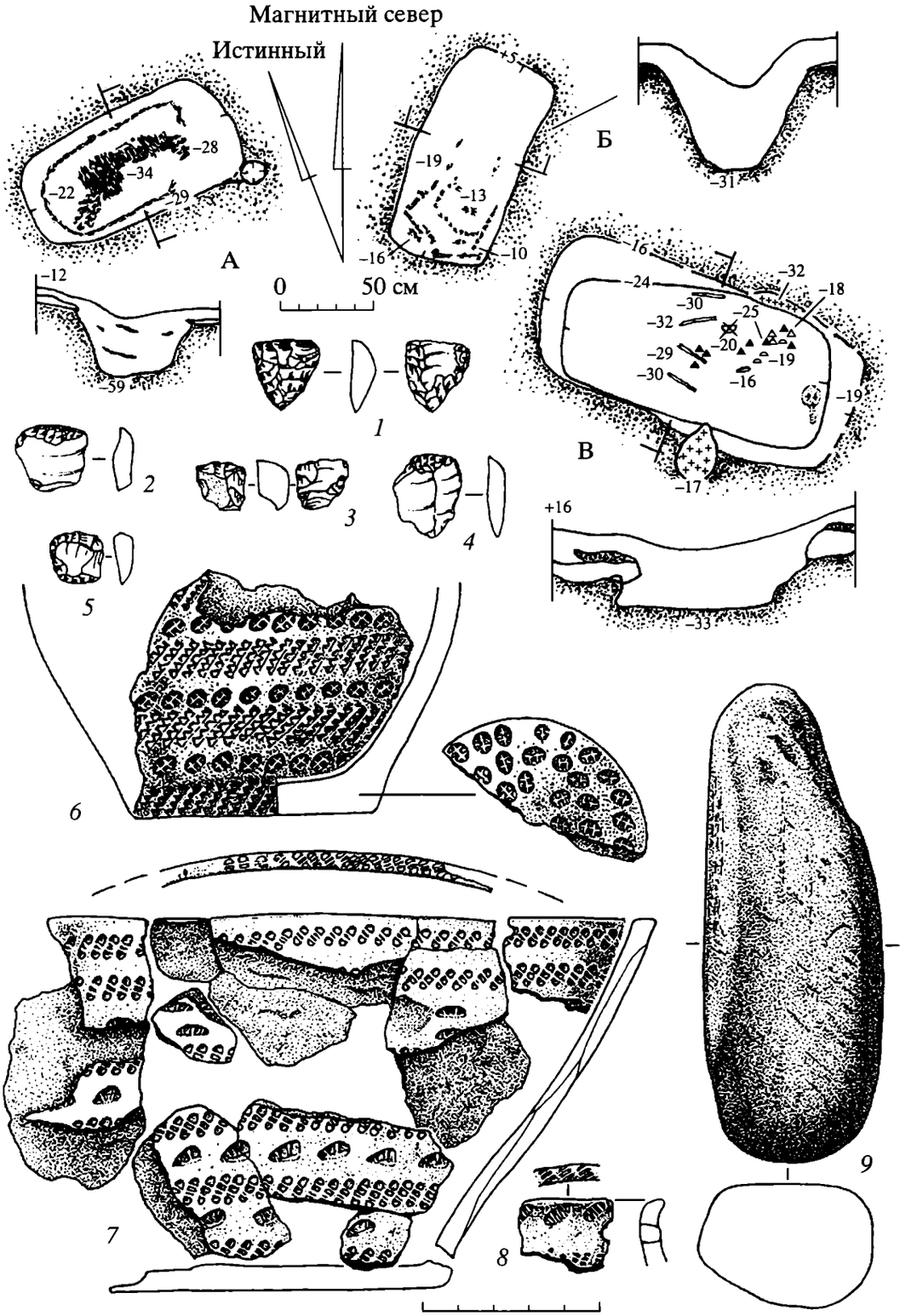


Рис. 2. Могильник Товкуртлор 3: А – план и разрез могильной ямы 1; Б – план и разрез могилы 4; В – план и разрез могилы 2; *1–9* – инвентарь из погр. 2 (*1–5, 9* – камень, *6–8* – керамика).

стороннеретушированного орудия и изделия из тальковой породы; см.: рис. 4, *1–14*). *Могила 6* (рис. 5В). Прямоугольная яма размером 1.8 × 0.65–0.7 м, глубиной 0.3–0.4 м, ориентирована с СЗ на ЮВ. У торцевых стен зафиксированы следы деревянной рамы в виде углистых полос, ограничивающих пространство длиной 1.6 × 0.4–0.5 м. Дно ровное, покатое к юго-западной стенке. Около восточного угла рамы выявлены фрагменты берестяного перекрытия. Вдоль участка северо-восточной стенки прослеживалась узкая охристая (?) полоска. Останков погребенного в могиле не обнаружено. У торцевых стен найдено около десятка мелких фрагментов керамики, 14 предметов из

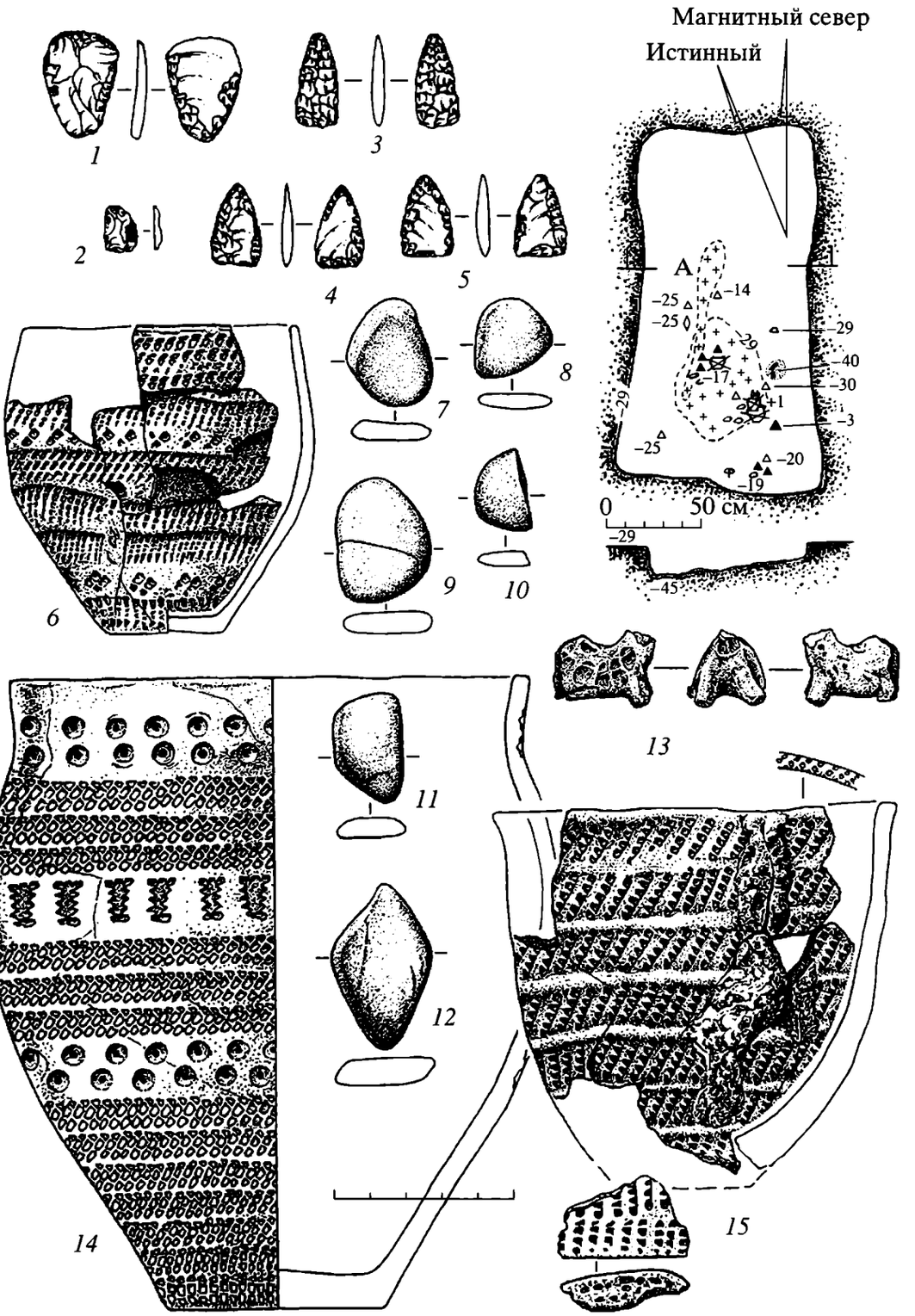


Рис. 3. Могильник Товкуртлор 3. Погр. 3: А – план и разрез; *1–15* – инвентарь (*1–5, 7–12* – камень, *6, 13–15* – керамика).

камня (4 скребка, 9 отщепов, абразив) и одна кальцинированная косточка (рис. 5, *1–6*). *Могила 7* (рис. 5Б). Яма – подпрямоугольная со скругленными углами, размер 1.55–1.68 × 0.7–0.76 м, глубина 0.4–0.45 м, ориентирована в направлении ЗСЗ-ВЮВ. Дно ровное. В придонном слое в западно- северо-западной части ямы зафиксированы углистые пятна, на дне – около середины восточно- юго-восточной стенки расчищена небольшая овальная ямка (22 × 16 × 7 см). Из заполнения происходит единственный фрагмент керамики без орнамента. *Могила 8* (рис. 5А) овально-подпрямоугольных очертаний размером 1.45 × 0.9–0.94 м, глубиной 0.5–0.6 м, вытянута по линии ЗСЗ-ВЮВ. Переход стенок к дну полого-ступенчатый, дно ровное. Придонный слой насыщен мелкими угольками.

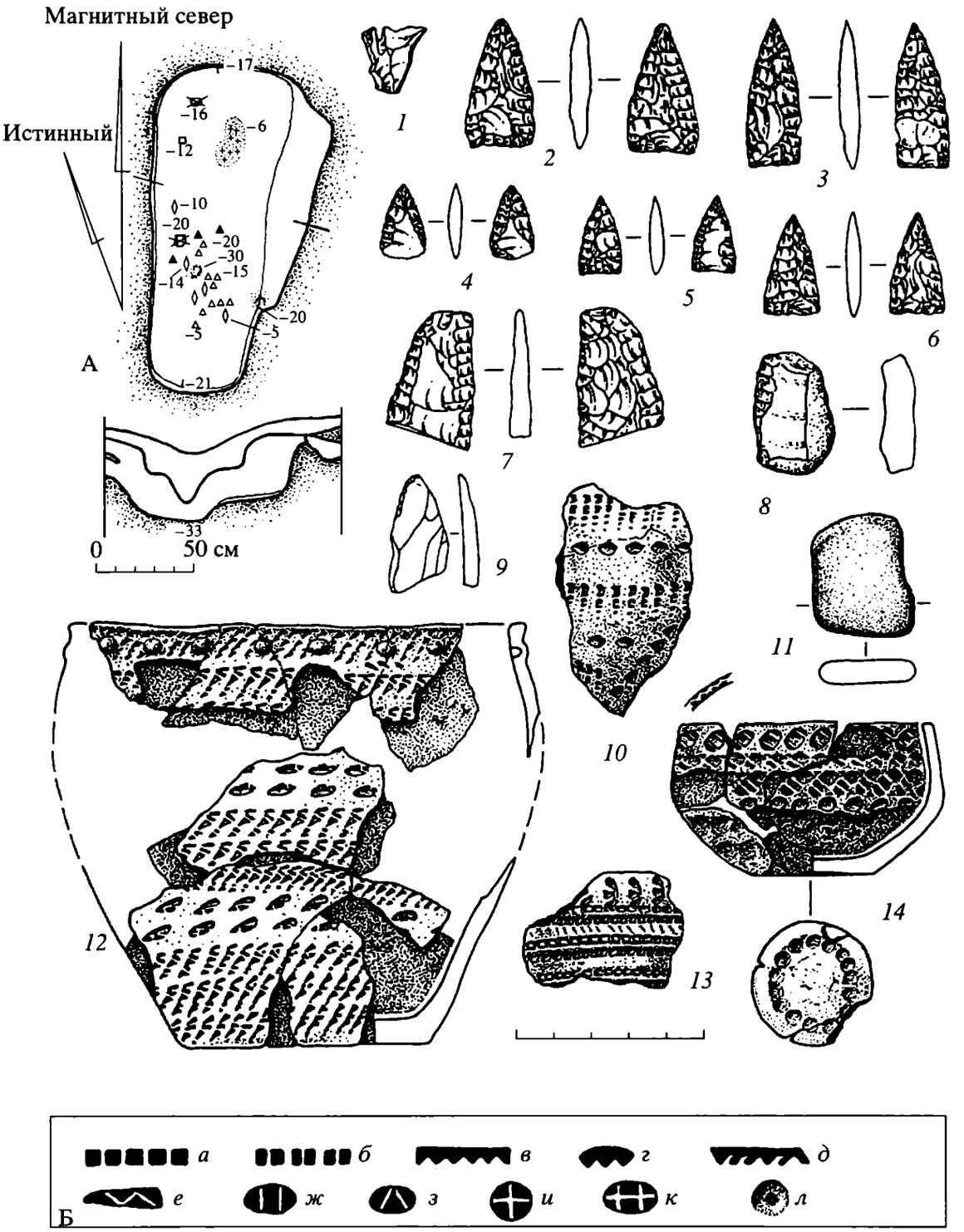


Рис. 4. Могильник Товкуртлор 3. Погр. 5: А – план и разрез; *1–14* – инвентарь (*1–9, 11* – камень, *10, 12–14* – керамика); *а–л* – отпечатки штампов, использовавшихся при орнаментации керамики.

Находки отсутствуют. *Могила 9* (рис. 5Г) – прямоугольной формы, с неровной северо-восточной границей и выступом в южном углу, обращенным в юго-западную сторону. Размер ямы 1.8 × 1.1–1.2 м, глубина не более 0.25 м, вытянута по линии ЮЗ – СВ. Длина выступа 0.35–0.4 м, ширина около 0.25 м. В центральной части могилы в заполнении расчищены две углистые полосы, вероятно, от продольных жердей перекрытия. На дне человеческих останков и других находок не было. В заполнении на разных уровнях обнаружены мелкий фрагмент керамики и предметы из камня – нуклеус, отщеп, абразив, расколотая крупная галька и стержневидное изделие (рис. 5, *7, 8*; 6, *2, 3*). Рядом с могилой около выступа находилась круглая ямка диаметром 22 см и глубиной 8 см. *Могила 10* (рис. 7А) – прямоугольная с выступом в южном углу, размером 2.0 × 1.4–1.45 м, глубиной 0.35–0.4 м,

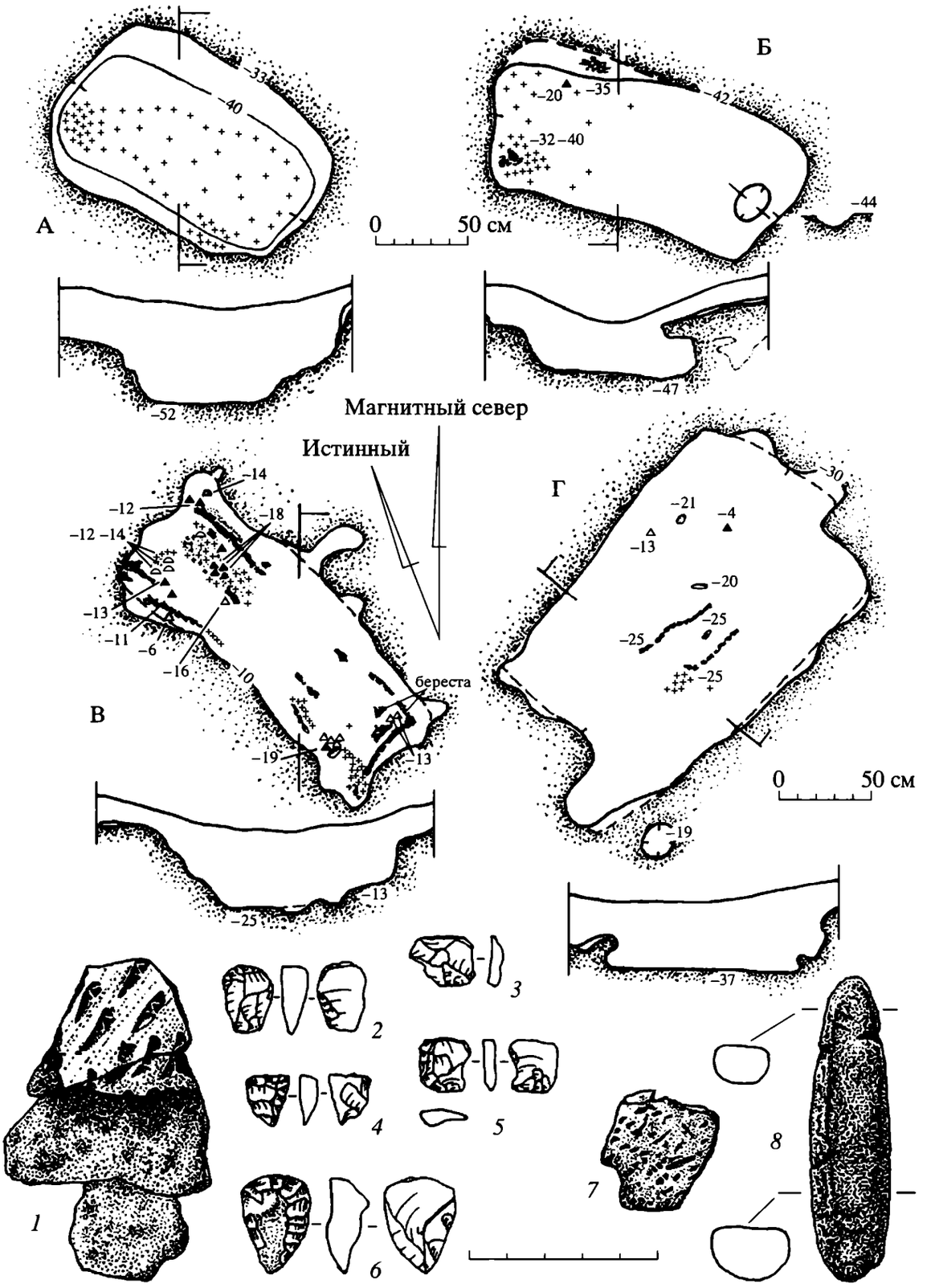


Рис. 5. Могильник Товкуртлор 3. А – план и разрез могильной ямы 8; Б – план и разрез могильной ямы 7; В – план и разрез могилы 6; Г – план и разрез могилы 9. Инвентарь из погр. 6 (*1–6*) и 9 (*7, 8*). *1, 7* – керамика, остальное – камень.

ориентирована в направлении ЮЗ-СВ. Выступ размером 0.5 × 0.3 м обращен в юго-западную сторону Переход стенок к дну – ступенчато-пологий, нижний слой заполнения насыщен углистыми частицами. В западной половине ямы на дне зафиксированы фрагменты обгоревших жердей, плашек, лежавших параллельно длинным стенам. Угольки оконтуривали пространство размером 1.7 × 1.0–1.1 м (деревянная рама?). В заполнении попадались пластины обгоревшей бересты. Около северного

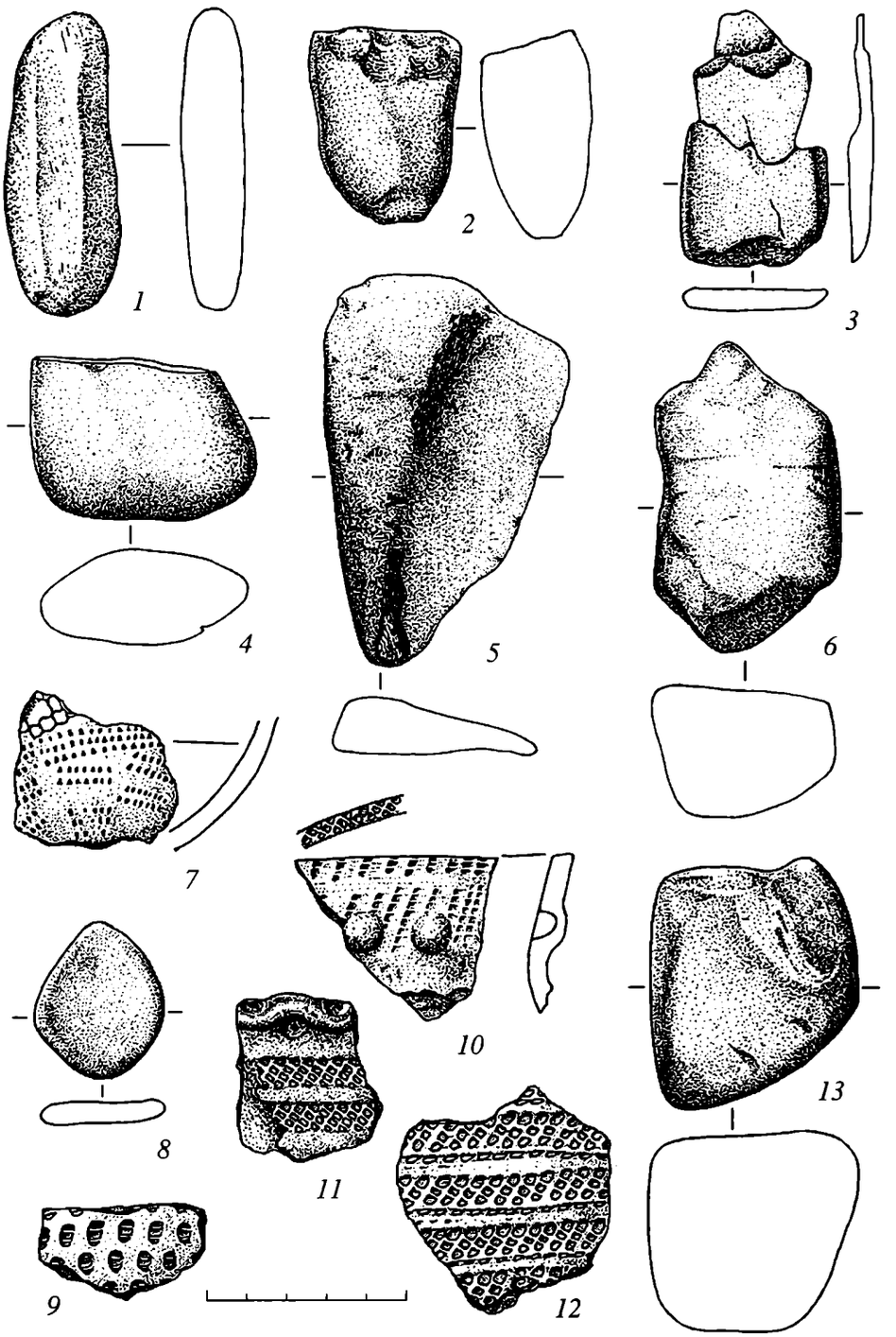


Рис. 6. Могильник Товкуртлор 3. Инвентарь: *1* – погр. 6; *2–4* – погр. 9; *5–7* – межмогильное пространство; *8–13* – условная могила Б (*1–6, 8, 13* – камень, *7, 9–12* – керамика).

угла на дне могилы обнаружены остатки нижней челюсти (эмаль зубов) взрослого человека. Из заполнявшего могилу грунта выбрано около 20 очень мелких фрагментов керамики, расколотая галька, кварцевый отщеп и подвеска из сланцевой плитки (рис. 7, *1–6*). Находки тяготеют к северо-западной стенке, у противоположной стены обнаружены кальцинированные фрагменты позвонка северного оленя. *Могила 11* (рис. 7Б) – прямоугольная с выступом в южном углу, около 1.7 × × 1.15–1.2 м, глубиной 0.4–0.45 м, ориентирована в направлении с юго-запада на северо-восток. Дно ровное, чуть покатое к юго-западной стенке. Обращенный к юго-западу выступ шириной 0.65 м, длиной 0.25–0.3 м, на его дне отмечено скопление угольков. В могиле обнаружены остатки, как нам кажется, двух костяков. В северном углу расчищено пятно костного тлена, по очертаниям напоминающее череп. На расстоянии 0.5 м от него к юго-западу, в 15–17 см от стенки могилы выявлены остатки одной из нижних конечностей (?) в виде полоски костного тлена длиной около 20 см. В юго-

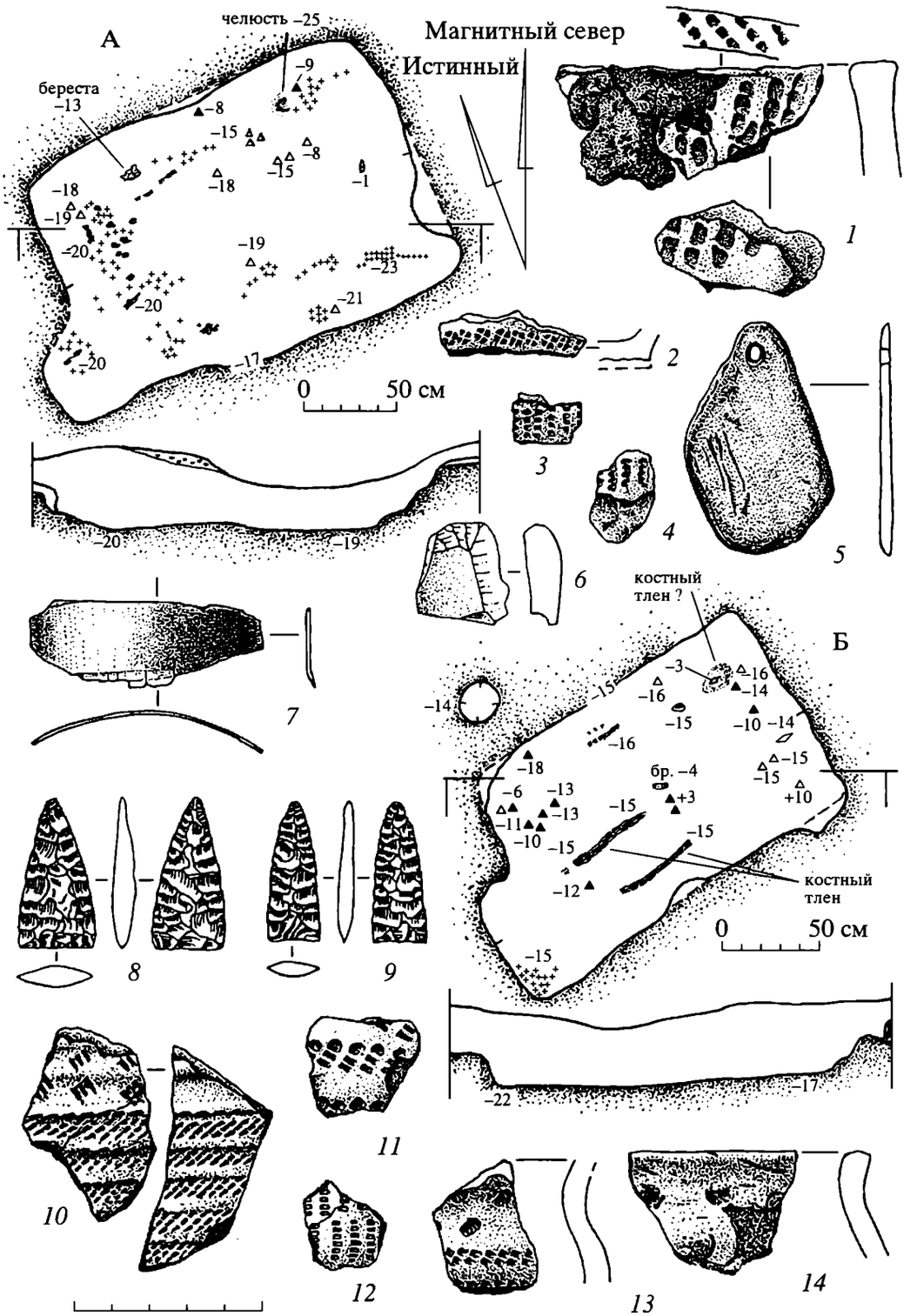


Рис. 7. Могильник Товкуртлор 3: А – план и разрез могилы 10; Б – план и разрез могилы 11. Инвентарь из погр. 10 (*1–6*) и 11 (*7–14*). *1–4, 10–14* – керамика; *5, 6, 8, 9* – камень; *7* – бронза.

восточной половине ямы расчищены две аналогичные полосы длиной 55 и 45 см, похоже, маркирующие кости нижних конечностей другого индивида. Они расположены параллельно длинной оси ямы на расстоянии 20–23 см между собой. Исходя из положения костного материала, можно допустить, что погребенные лежали головой на северо-восток. В разных местах могилы в заполнении найдены 17 мелких черепков, 7 предметов из камня (2 наконечника стрел, 2 отщепа, чешуйка, скол с нуклеуса, кварцевая галька со сколом), а также бронзовый нож-скобель (рис. 7, *7–14*). В 20 см к северу от западного угла располагалась округлая ямка диаметром 22 см и глубиной в материке 9 см.

К числу предполагаемых могил отнесены два объекта. Один из них расположен в 0.5 м к юго-за-

паду от погр. 2 (рис. 1В). Он представлял собой углубление аморфной формы, вытянутое с юго-запада на северо-восток, размером приблизительно 1.8 × 0.8 м, с бугристым дном, углубленным в материковый песок всего на 5–18 см. Вдоль его юго-западной и юго-восточной границ прослеживались углистые полосы, находок в заполнении и на дне не было. С юго-восточной стороны к *условной могиле А* примыкали две округлые ямки диаметром 24 и 42 см, глубиной 20 и 14 см соответственно. Принадлежность к могильнику второго объекта более определенна. Имеется в виду углубление на площади поселения Товгорлор 7, разрушенное в эпоху железа (Морозов, 1994а. С. 10). Яма длиной 2–2.2 м, шириной до 1.6 м и глубиной приблизительно 0.4 м, была ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис. 1В). Антропологические остатки в ней отсутствовали, но в заполнении ямы и около нее обнаружены артефакты (фрагменты керамики, две гальки, см.: рис. 6, *8–13*), аналогичные найденным в других погребениях могильника. Помимо сопроводительного инвентаря сходство этого углубления с могилами Товкуртлора 3 проявляется в размерах, малой глубине, ориентировке, характере заполняющего грунта, насыщенности углистыми частицами придонных слоев и отсутствии находок на дне. Таким образом, есть веские основания рассматривать данный объект в качестве погребального (*условная могила Б*).

Кроме достоверных и предполагаемых могил на площадке некрополя Товкуртлор 3 (БВ) выявлены следы наземных кострищ – к северо-востоку от могилы 3 и с западной стороны от условной могилы А (рис. 1В); в последнем – в характерном буром слое – обнаружены мелкие обломки сосуда бронзового века и каменный отщеп. За пределами могильных ям изредка попадались отдельные черепки, камни, отщепы. Один из черепков относится к более раннему – энеолитическому периоду (рис. 6, *7*), остальные находки вполне могут быть соотнесены с могильником.

Исчерпан ли некрополь бронзового века раскопками? Допускаем, что нет. Погребения эпохи бронзы, возможно, имелись в том месте, где сейчас располагается жилищная впадина с внешней обваловкой поселения Товгорлор 7 (рис. 1Б). Верна ли эта догадка, и если да, то сколько погребений находилось здесь и какова их сохранность – ответить на эти вопросы можно лишь после исследования самого памятника. С другой стороны, могильник не может быть крупным, поскольку не было многочисленным население, оставившее его. Ограниченность биологических ресурсов здешней среды лимитировала не только численность населения, но и формы расселения людей. Обратимся к общей характеристике погребального обряда и сопроводительного инвентаря.

Обряд захоронения. Умерших хоронили в ямах прямоугольной или близкой к прямоугольной формы. В трех случаях они имели в одном из углов выступы (погр. 9, 10, 11). Ямы можно условно разделить на малые (1.2 × 0.6 до 1.45 × 0.9 м), длинные широкие (1.8 × 1.2 м до 1.8 × 1.4–1.6 м) и длинные узкие (1.8–1.9 × 0.6–0.9 м); последние преобладают. Для всех могил характерна малая глубина – от 0.25 до 0.45–0.5 м от древней поверхности. Ориентированы они в направлении Ю-С (два случая), с СЗ-ЮВ (два), ЗСЗ – ВЮВ (три), но преимущественно в направлении ЮЗ-СВ (шесть случаев). Основываясь на имеющихся скудных данных, можно предположить, что в некоторых ямах сооружались конструкции в виде рамы-обкладки из бревен, жердей, плах, а дно застилалось берестой или закрывалось жердевым настилом. Теоретически, скелеты умерших людей могли находиться в каждой из раскопанных могил, однако их следы удалось обнаружить лишь в пяти (2, 3, 5, 10, 11). Очевидно, захоронения совершались по обряду ингумации, при кремации в ямах непременно сохранились бы кальцинированные кости. Не исключены и кенотафы. По зафиксированным следам нельзя сказать ничего определенного не только о позе погребенных, но даже о полноте скелетов. Рискнем предположить, что в могилах 2, 10, 11 умершие лежали в вытянутом положении на спине головой на восток – юго-восток (2) и северо-восток (10, 11). В могилах 3 и 5 черепа находились в южной половине ям, других костей в них не было. Длинные широкие ямы, возможно, предназначались для парных захоронений; в могиле 5, вероятно, имело место подзахоронение останков умершего ребенка. Большинство погребений одиночные. Могилы не засыпались, но перекрывались по верху накатником: продольно уложенные жерди покоились на земле или на поперечных опорах. Скорее всего, над ними возводилось какое-то сооружение – земляное (холмик), деревянное или комбинированное. Отдельные погребения, возможно, обозначались на поверхности невысокими столбиками, вкопанными в землю около одного из углов могилы. Судя по отсутствию находок на дне погребальных камер, сопровождавшие умерших вещи помещались на перекрытии или закладывались в "тело" надмогильной конструкции. Обращает на себя внимание приуроченность инвентаря к тому сектору ям, где находился череп.

Несмотря на то что практически во всех могилах присутствовали в том или ином виде следы огня, мы не хотели бы преувеличивать его значение в обряде. Дело в том, что дерево, использовавшееся при обустройстве погребальных камер, перекрытий и надмогильных сооружений, могло сгореть после прекращения функционирования кладбища, например, в результате лесного пожара. Вместе с тем около погр. 3 и условной могилы А достоверно зафиксированы остатки кострищ, в одном из которых найдены обломки сосуда эпохи бронзы. Иными словами, можно с достаточной уверенностью говорить о каком-то участии огня в

погребальных или поминальных церемониях, совершавшихся на древнем кладбище.

В размещении исследованных могил на площадке некрополя (рис. 1В) нет четкой закономерности, но и беспорядочным его назвать нельзя. Погр. 1–5 и условная могила А как будто выстраиваются в неровный, вытянутый с северо-запада на юго-восток ряд; аналогичный ряд составляют объекты 6–11. В обеих цепочках крайние с северо-западной стороны могилы (3–5 и 9–11), близкие по форме, размерам, ориентировке, расположены вплотную друг к другу и образуют несколько обособленные группы. На существование третьего ряда, возможно, указывает предполагаемая могила Б – при условии, если погребения эпохи бронзы скрыты под остатками постройки поселения Товгорлор 7. Расстояние между первым и вторым условными рядами погребений составляют от 4 до 8 м, между вторым и гипотетическим третьим – около 8–9 м. Могильные ямы в северо-западной части кладбища ориентированы преимущественно в северном и северо-восточном румбах, на противоположной половине преобладает юго-восточная ориентировка. Могилы северо-западной половины некрополя содержали заметно больше находок.

Сопроводительный инвентарь. Коллекция вещественных остатков из исследованных объектов могильника бронзового века невелика. Она включает предметы из камня (86 ед.), керамику (около 250 черепков), сломанную глиняную фигурку, бронзовое изделие и несколько кальцинированных косточек. Свыше 75% находок происходит из заполнения могил 2, 3, 5, 6.

Единственное *изделие из металла* обнаружено в погр. 11. Это нож-скобель (рис. 6, *7*) с дугообразно изогнутым клинком, длиной 65 мм, шириной в средней части 22 мм, толщиной менее 1.5 мм. Спинка орудия притуплена, тонко прокованное лезвие слегка отогнуто. Материал – оловянно-мышьяковая бронза (медь 93.8%, олово 5.2%, мышьяк 0.4%)[2]. Типичное сейминско-турбинское орудие (Черных, Кузьминых, 1989. С. 105), подобные изделия встречены на Турбинском могильнике (три экз.; Бадер, 1964. С. 86), Сейминском (пять экз.; Бадер, 1970. С. 117, 118), в Канинской пещере (пять экз.; Канивец, 1964. С. 61–63) и на могильнике Сатыга XVI в таежной зоне Западной Сибири (три экз.).

Каменный инвентарь. Наконечники стрел – 10 экз., из могил 3, 5 и 11 (рис. 3, *3–5*; 4, *2–6*; 7, *8, 9*). Изготовлены на отщепах тонкозернистого серого кварцито-песчаника (3 ед.) и кремня (7 ед.), окрашенного в серый, светло-серый, коричневый и розоватые тона. Наконечники однотипные – треугольной или подтреугольной формы, плоские (3–5 мм), бесчерешковые, сечение пера линзовидное. Обработаны двусторонней плоской ретушью, либо с обеих сторон мелкой краевой ретушью, в том числе со стороны насада. У экземпляров из погр. 11 на кончике острия фиксируется характерный язычковый скол. Появляясь в массовом количестве в начале бронзового века, наконечники данного типа получают чрезвычайно широкое распространение на огромной территории и доживают едва ли не до раннего железного века. Особенно многочисленны они в сейминско-турбинских (СТ) памятниках – Турбинском, Сейминском, Решенском могильниках, в Канинской пещере, на Ростовке (Бадер, 1964. С. 97, 98; 1970. С. 121; Канивец, 1964. С. 51; Матющенко, Синицына, 1988. С. 82, 83; Черных, Кузьминых, 1989. С. 231–234). Только такие стрелы присутствовали в погребениях Сатыги XVI. Связь наконечников стрел с усеченным основанием и металла СТ-облика подтверждают материалы памятников Прикамья и лесного Поволжья – Заосиново IV, Бор-Ленва, Усть-Гайва, Юринский могильник (Денисов и др., 1988; Соловьев, 2003. С. 190), западносибирских могильников Сопка 2, Цыганкова Сопка, поселения Инберень X и др. (Молодин, 1983; 1985. С. 40, 41; Кирюшин, 1987; Стефанова, 1985).

Нож из могилы 5 (рис. 4, *7*) – изготовлен на отщепе кварцитопесчаника. Нижний конец обломан, размер сохранившейся части 35 × 23 × 5 мм. Плоский, обоюдоострый, с дугообразно скошенным краем, обработан двусторонней плоской ретушью. Подобные асимметричные ножи являются почти непременным атрибутом СТ-комплексов (Турбино, Бор-Ленва, Сейма, Юринский могильник, Канинская пещера, Сатыга XVI, Ростовка).

Скребки – 10 экз., найдены в погр. 2 (5 экз.; рис. 2, *1–5*), 3 (1 экз.; рис. 3, *1*) и 6 (4 экз.; рис. 5, *2, 4–6*). Все сделаны из отщепов, материал – тот же кремень, что и для наконечников стрел. Орудия в основном малых размеров – от 13 × 11 × 4 мм до 25 × 18 × 10 и 29 × 20 × 3 мм, подтреугольной или приближенно-четырехугольной формы. Лезвия орудий преимущественно слабо изогнутые, оформлены краевой ретушью. У скребка из погр. 3 (рис. 3, *1*) на узком конце первоначально фиксировался древесный тлен. По мнению А.А. Погодина, на некоторых скребках «... рабочая кромка была преднамеренно "сломана" ретушированием перед тем, как орудие было помещено в могилу» (Погодин, 2002а). Скребки аналогичных форм широко распространены в памятниках бронзового века Восточной Европы и Сибири, в том числе сейминско-турбинских (Турбинский могильник, Канинская пещера, Ростовка и др.). Особенность товкуртлорской серии – малый размер скребков.

Комплекс каменных предметов включает более двух десятков отщепов – кремневых, кварцевых, разных размеров (от 7 × 4 × 1 мм до 43 × 39 × × 7 мм) и форм, в том числе с мелкой краевой рету-

[2] Состав стружки определен методом рентгеновского микроанализа в Институте физики металлов УрО РАН.

шью по одной из граней. Из числа последних интересен мелкий кремневый отщеп, использовавшийся как вкладыш в деревянной оправе (рис. 3, *2*). Кроме того, в погр. 5 обнаружено 12 чешуек разноокрашенного кремня, кварцевая чешуйка найдена в заполнении могилы 11.

Нуклеус из погр. 9 (рис. 6, *2*). В качестве заготовки использована галька кварцитопесчаника белесо-серого цвета. Размер 49 × 40 × 27 мм.

Отбойник-абразив из погр. 2 (рис. 2, *9*) сделан из удлиненной крупной гальки (132 × 49 × 34 мм) габбродиорита, имеет следы забитости на торцевой поверхности, плоская боковая сторона зашлифована и сработана до легкой вогнутости. Абразив из могилы 6 (рис. 6, *1*) сделан на удлиненной гальке хлоритового сланца грязно-зеленого цвета, размером 73 × 28 × 14 мм. Абразив, найденный в заполнении могилы 9 (рис. 6, *3*), представлен тонкой плиткой меланитовой (?) породы подпрямоугольных очертаний. С одного конца изделие повреждено, размер сохранившейся части 62 × 34 × 4 мм.

Из могилы 9 происходит изделие (рис. 5, *8*) в виде стержня размером 80 × 21 × 14 мм, имеющего округло-уплощенное сечение. Материал – гнейсовидная порода, метаморфизированная, с искрящимися "блестками" мусковита, биотита, кварца. На его боковых гранях видны следы абразивной обработки, около одного из концов фиксируется неглубокий круговой желобок. Около могилы 3 найдена шлифовальная плитка (рис. 6, *5*) подтреугольной формы, 96 × 62 × 15 мм, отколотая с валуна (гранатовый амфиболит по габбро). Узкая часть плитки сверху сильно зашлифована, по границе рабочей поверхности фиксируются следы какой-то черной смолистой (?) массы с "прикипевшими" к ней частицами дерева.

Назначение трех камней, найденных в предполагаемой могиле Б, погр. 9 и между могилами 9 и 10 (рис. 6, *4, 6, 13*), не поддается точному определению из-за отсутствия на них явных следов использования. Это гальки кварцита, кварцитопесчаника и сильноизмененной базальтовой породы размером от 58 × 41 × 24 до 77 × 44 × 31 мм, с очень гладкой поверхностью. Похожие предметы из Турбинского и Сейминского могильников О.Н. Бадер интерпретировал как утюжки-гладилки для работы по мягкому материалу (1964. С. 111; 1970. С. 123). Абразивы, песты, отбойники и неизвестного назначения каменные предметы присутствуют в коллекциях Ростовки (Матюшенко, Синицына, 1988. С. 85–87), Сатыги XVI и других памятников СТ-горизонта.

Подвеска из погр. 10 (рис. 7, *5*) изготовлена из плитки шиферного сланца шелковисто-серого цвета, она подромбической формы размером 62 × × 35 × 4 мм. С узкого конца просверлено отверстие диаметром 4 мм. Обломок сверленой шлифованной подвески из серого сланца известен в материалах Сейминского могильника (Бадер, 1970. С. 123).

Любопытную серию образуют небольшие, разнообразной формы плоские галечки (рис. 3, *7–12*; 4, *11*; 6, *8*), обнаруженные в погр. 3 (13 экз.), 5 (2 экз.) и условной могиле Б (1 экз.). Их размеры от 22 × 21 до 39 × 32 мм при толщине 4–7 мм, материал – сланцы окремнелые, силицитовые, хлоритовые. На поверхностях галек отсутствуют следы использования. Их неслучайный характер в погребальном инвентаре кажется бесспорным. Добавим, что они найдены в относительно "богатых" могилах и что две гальки были расколоты.

Комплекс находок из погр. 5 включает также обломок какого-то изделия из талька или талькохлорита. Фрагмент настолько мал (11 × 11 × 4–6 мм), что ничего определенного об исходном предмете сказать нельзя.

Надо полагать, что к месту совершения захоронений каменные и другие вещи доставлялись оттуда, где люди жили. Достоверно связанного с могильником поселения (или поселений) мы пока не знаем. Неясно и где добывался камень. Судя по материалу изделий и отсутствию каких-либо выходов камня в ближней округе, источников дефицитного сырья было несколько и все они удалены от некрополя на значительное расстояние. Пригодные для разных нужд валуны могли подбираться в отложениях руслового аллювия. Со слов очевидцев, галечники встречаются в верховьях рек, стекающих с возвышенности Белогорский Материк. Одной из таких рек является Амня, протекающая примерно в 20 км от Товкуртлора. Необходимый материал мог добываться в местах коренных выходов, либо из моренной толщи в береговых обнажениях. Не исключен "импорт" сырья из очень отдаленных районов.

Керамический комплекс включает около 250 фрагментов из девяти погребений. В коллекции нет ни одного целого или полностью восстановленного сосуда. В могилах 7 и 9 находилось по одному черепку, в погр. 6 – около десятка. Почти 80% от общего числа фрагментов обнаружено в погр. 2, 3 и 5. Можно утверждать, что к могилам приносились сломанные сосуды или отдельные черепки (*pars pro toto*?). Комплекс содержит обломки примерно двух десятков сосудов. Посуда изготовлена из глины с примесью шамота или шамота и мелкого гравия. Сосуды роднит общая черта – небрежность. Они неаккуратно сформованы и подсушены, плохо обожжены. Вертикальная трещина на открытой банке из погр. 3 (рис. 3, *15*) неряшливо замазана какой-то массой, приобретшей (после обжига?) пористость и черную окраску. У части горшков поверхность гладкая, у других – шероховатая, у одного на внутренней стороне прослеживаются штриховые следы. Вся посуда плоскодонная. Основу комплекса составляли разных

размеров сосуды горшечных и баночных форм. Горшки – высоких пропорций, с маленьким дном, прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 3, *14*; 6, *10*; 7, *13*). Банки – закрытые (рис. 3, *6*; 4, *12*; 7, *1*) и с открытым устьем (рис. 3, *15*), но также с маленьким дном. В коллекции есть небольшие приземистые чашечки (рис. 4, *14*) и оригинальный сосуд – овальная в плане открытая миска (рис. 2, *7*). Венчики сосудов плоские или уплощенные. Поверхность черепков имеет светло-коричневую или серовато-коричневую окраску, следы нагара отсутствуют. Все сосуды орнаментированы. Узор плоскостной, покрывает полностью тулово; у шести экземпляров (из десяти) орнаментированы венчики, у трех (из семи) украшено дно. Орнамент на внешней поверхности плотный, построен по горизонтально-зональному принципу. Узоры предельно простые, состоят из монотонно повторяющихся поясков наклонных оттисков зубчатого орнаментира (рис. 3, *15*), чередующихся с разделительными мотивами – образующими горизонтальный ряд наколами (рис. 4, *10*), отпечатками гребенчатых (рис. 2, *7*; 3, *6*; 4, *12*) и фигурных (рис. 2, *6*; 3, *14*) штампов. На двух сосудах в зоне под венчиком расположен ряд жемчужин (рис. 4, *12*; 6, *10*); один горшок, судя по фрагментам из условной могилы Б, был украшен волнистым валиком (рис. 6, *11*). По срезу венчиков наносились наклонные отпечатки зубчатого штампа, орнамент на днищах сосудов состоит из концентрических окружностей, выполненных фигурным штампом, гребенкой и орудием с закругленным концом (рис. 2, *6*; 3, *15*; 4, *14*).

Погребальная посуда Товкуртлора 3, по целому ряду признаков сопоставимая с керамикой раннебронзовых культур таежных и лесостепных областей Западной Сибири, имеет особенности. Одной из таковых является разнообразие орудий, применявшихся для нанесения декора. Рабочие поверхности орнаментиров оформлялись в виде гребенки с различными по форме зубцами – квадратными, прямоугольными, прямоугольными с выделенной перегородкой треугольными, сложнофигурными (рис. 4, *а–д*). Использовались штампы овальной или округлой формы с зубцами, образованными поперечными, крестообразными, решетчатыми канавками (рис. 4, *ж–к*) или с небольшой выпуклостью в центре (рис. 4, *л*). Гребенчатые штампы различались количеством зубцов, размерами, в зависимости от их постановки к поверхности получались разнообразные оттиски. В коллекции имеется всего один черепок с орнаментом, выполненным в технике шагающей гребенки (рис. 4, *13*). Фигурно-штамповая орнаментация, отличающая керамику Товкуртлора не только от лесостепных, но и многих таежных комплексов, в Нижнем Приобье получила распространение в энеолите. Нестандартный сосуд – овальная миска из погр. 2 имеет прямые аналогии в материалах СТ-могильника Сатыга XVI. Ранее уже неоднократно высказывалось предположение об одновременном распространении в ряде западносибирских и восточноевропейских культур керамики с валиками и сейминско-турбинской металлообработки (Генинг и др., 1970. С. 31; Соловьев, 1988; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 83). Эта догадка основывалась на материалах Турбинского могильника, чирковских поселений, Ростовки, кротовских и елунинских памятников. Обнаружение фрагментов валикового сосуда на Товкуртлоре подкрепляет ее еще одним фактом. Заметим, что жемчужины на сосудах из могил 5 и Б также вызывают определенные елунинско-кротовско-степановские ассоциации.

Оригинальной находкой является глиняная фигурка животного, обнаруженная в могиле 3 (рис. 3, *13*). Она тоже сломана – отбиты голова и задняя часть с одной из конечностей. Изображенное животное имело крупное массивное туловище, короткие, мощные, широко расставленные ноги или лапы. С боков и снизу фигурка покрыта оттисками гребенчатого штампа. Размер обломка 26 × × 20 × 20 мм. От облегавшего скульптурку покрытия сохранились следы какой-то черной массы и частицы древесного тлена.

Завершая характеристику инвентаря, еще раз обратим внимание на примечательную особенность – в его составе много сломанных, испорченных предметов. Похоже, что некоторые вещи приводились в негодное состояние преднамеренно.

В настоящее время Товкуртлор 3 является самым северным в Западной Сибири исследованным могильником бронзового века. От ближайшего к нему некрополя Сатыга XVI он удален на 470 км к северу (до Ростовки около 1000 км, до Турбино примерно 880 км, Канинская пещера расположена в 520 км). Многочисленные аналогии в комплексах сейминско-турбинского типа отнюдь не решают проблему культурной принадлежности и датировки памятника. Прежде всего неизвестно, какое место занимает этот могильник в системе раннебронзовых древностей северотаежного Приобья и насколько адекватно он отражает материальную культуру и погребальную обрядность аборигенного населения Приказымья и сопредельных территорий. С сартыньинским культурным комплексом (Васильев, 1989) Товкуртлор 3 имеет очень мало общих черт. Даже с поправками на малочисленность погребального инвентаря и его возможную атипичность в сравнении с поселенческими материалами (которые в бассейне Казыма остаются неизвестными) сартыньинская идентификация могильника вряд ли может рассчитывать на внимательное отношение. Но что, если могильник Товкуртлор 3 никак не связан с аборигенным населением Приказымья, что если он маркирует культуру пришлой или пришлых групп, например сейминско-турбинских? Можно ли отнести его к

кругу СТ-памятников? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно иметь представление о том, что есть сейминско-турбинский памятник. В списке его признаков ведущее место занимает наличие металлических предметов характерного облика и химического состава и/или их литейных форм. Вторым слагающим сейминско-турбинских комплексов является каменный инвентарь (Черных, Кузьминых, 1989. С. 251), включающий прекрасно обработанные в технике двусторонней плоской ретуши наконечники стрел – треугольные с усеченным основанием и с черешком треугольной формы, асимметричные ножи, скребки на отщепах с круто ретушированным лезвием. Как правило, эти орудия, а также крупные ножевидные пластины изготовлялись из качественного кремня – сырья, во многих районах остро дефицитного. Некоторые кремневые предметы использовались как вкладыши в составных орудиях. Непременным атрибутом СТ-вещевых комплексов являются крупные орудия из твердых пород камня – абразивы, отбойники, молотки, гладилки и др. Редкими, но диагностическими находками являются нефритовые кольца и бусы. Отсутствие костяных предметов в большинстве СТ-памятников объясняется только особенностями местных, как правило, песчаных почв.

Если бы инвентарь Товкуртлора 3 ограничивался каменными изделиями и бронзовым ножом-скобелем, некрополь, пожалуй, можно было бы отнести к кругу сейминско-турбинских памятников. Помимо того, что в нем представлены, пусть в очень малом количестве и миниатюрных формах, основные из специфических для СТ-комплексов виды находок (исключения – нефритовые изделия, черешковые стрелы, кремневые пластины), налицо сходство погребальных обрядов. Географическое положение памятника в северотаежных широтах согласуется с гипотезой Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, по которой незначительная СТ-популяция пересекла Урал северным путем и в конечном итоге достигла бассейна Печоры (Черных, Кузьминых, 1989. С. 273). Маршрут следования этих групп, вероятно, отмечают материалы Сатыги XVI, бронзовый кельт "из Самарова" (Чернецов, 1953. С. 52, 53), Товкуртлор 3 и Канинская пещера. Заметим, что северный коридор связей и взаимопроникновений активно функционировал уже в энеолите.

Керамика – вот что "привязывает" СТ-комплексы восточной зоны к конкретным территориям и местным культурам. Она определяет принадлежность Елунино-I, Цыганковой Сопки, Телеутского Взвоза к елунинской культуре Барнаульско-Бийского Приобья (Кирюшин, 2002), она связывает сейминско-турбинский инвентарь с кротовскими и степановскими древностями лесостепного и южнотаежного Прииртышья (Ростовка, Омская стоянка, Черноозерье VI, Инберень X, могильники на Татарском Увале у дер. Окунево). Керамика подчеркивает обособленное положение могильника Сатыга XVI в системе раннебронзовых памятников бассейна Конды. О своеобразии товкуртлорской посуды говорилось выше. Керамические материалы таежных и лесостепных западносибирских культур, содержащих бронзы СТ-типов, различаются, но не кардинально. Сближают их преобладание баночных форм с закрытым и открытым устьем, высокие пропорции сосудов, небольшие плоские днища, сплошная орнаментация тулова, наличие орнамента на днищах и венчиках, простые композиции, выполненные исключительно гребенчатым штампом (при этом в лесной зоне доминирует штампование, а в лесостепной – "движущаяся" или шагающая гребенка). Практически везде, кроме Сатыги XVI, присутствуют в том или ином количестве сосуды с налепным или формованным валиком и пояском жемчужин в верхней части стенок. Для всех комплексов мало или вовсе не характерны ямочные вдавления в декоре и геометрические композиции. Сосуды нестандартных форм (ладьевидные, овальные и подчетырехугольные миски) встречаются только в памятниках таежной зоны. В могильниках европейской зоны, как известно, никаких специфических форм собственно сейминско-турбинской керамики не обнаружено (Черных, Кузьминых, 1989. С. 230). Между тем на западе также есть комплексы, свидетельствующие об одновременном появлении металла СТ-типов, гребенчато-валиковых баночных сосудов и оригинальных ладьевидных емкостей, не имеющих прототипов в местных культурах (Соловьев, 1988. С. 33; 2000. С. 40).

Имеется еще один, в перспективе могущий стать очень весомым аргумент в пользу гипотезы о движении СТ-популяций на запад по лесным равнинам Обь-Иртышья, о контактах и взаимодействии их с местными племенами. В этом обширном регионе в первой половине II тыс. до н.э. распространяются так называемые укрепленные жилища (Борзунов, 1997. С. 230–232) – большие, до 400 м^2 и более, бревенчато-земляные постройки, обнесенные рвом и/или частоколом. Их появление связано со значительными экономическими и социальными изменениями в жизни таежных обществ, чему в немалой степени могло способствовать воздействие со стороны мигрирующих коллективов.

Таким образом, неверно говорить, будто основу СТ-феномена составляли только металлические изделия определенных форм (Парцингер, 2000. С. 68). Практически везде их сопровождает характерный каменный инвентарь, а в памятниках восточной зоны ареала еще и керамика, обладающая рядом общих черт. Кроме того, к востоку от Урала СТ-бронзы и литейные формы встречаются на поселениях. Если бы речь шла только о металле и достижениях в области бронзолитейного производства, можно было бы согласиться с мнением иссле-

дователей, считающих, что в среду таежных племен они попадали в результате обменных операций (Бобров, 2003. С. 13, 14). Но эта версия не объясняет появления в северных широтах одновременно с СТ-бронзами и технологиями комплекса специфических каменных изделий (не имеющих очевидной преемственной связи с местными энеолитическими материалами – см.: Погодин, 2002б), керамических сосудов с валиками и жемчужинами, "всплеска" строительства укрепленных жилищ в XVII–XIV вв. до н.э. (Борзунов, 1997. С. 230) и сходства некоторых черт погребальной обрядности. В этом плане высказанная Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989. С. 269–276) гипотеза о двух фазах в историческом развитии сейминско-турбинского феномена, где первой является фаза активных передвижений (непосредственных контактов, взаимодействия с племенами таежной зоны, трансформации культурных традиций и систем связей, вовлечения аборигенных групп в движущийся на запад поток), кажется более плодотворной.

В связи с датировкой товкуртлорских древностей представляет интерес единственная радиоуглеродная дата могильника Сатыга XVI – 3655 ± 29 BP. Интервалы калиброванного возраста составляют для значения 1σ (68.2%) 2125–1955 BC и для значения 2σ (95.4%) – 2140–1940 BC. Допускаем, что около этого времени можно предварительно датировать некрополь Товкуртлор 3 (БВ). Исследованный в Нижнем Приобье могильник является памятником местной приказымской культуры эпохи бронзы. Он оставлен аборигенным населением, испытавшим воздействие со стороны сейминско-турбинских групп и объединений, двигавшихся как на запад, так и, судя по некоторым данным, в обратном направлении – из-за Урала в обь-иртышскую тайгу. Товкуртлор 3 (БВ), безусловно, относится к СТ-хронологическому горизонту, а представленную им культуру можно рассматривать как одну из культур сейминско-турбинского круга (блока, общности).

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ "Культурные интеграции в Зауралье и Западной Сибири в эпоху бронзы" (проект № 03-01-00448а). Раскопки могильника в 2000 г. осуществлены при поддержке гранта РГНФ № 00-01-18023е и ФЦП "Интеграция".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

Бобров В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблемы взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003.

Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции уралосибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильник сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка 2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Морозов В.М. Отчет об археологических исследованиях в Белоярском р-не Тюменской обл. летом 1992 г. // АКА УрГУ. 1993. Ф. II. Д. 521.

Морозов В.М. Отчет об исследовании памятников археологии в Белоярском и Октябрьском р-нах летом 1993 г. Том 1 // АКА УрГУ. 1994а. Ф. II. Д. 556.

Морозов В.М. Отчет об исследовании памятников археологии в Белоярском и Октябрьском р-нах летом 1993 г. Том 2 // АКА УрГУ. 1994б. Ф. II. Д. 545.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып 1. Новосибирск, 2000.

Погодин А.А. Технико-функциональная характеристика каменного инвентаря могильника Товкуртлор 3 // Северный археологический конгресс. Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002а.

Погодин А.А. Камнеобработка на севере Западной Сибири // Северный археологический конгресс. Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002б.

Соловьев Б.С. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола, 2000.

Соловьев Б.С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат. междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003.

Стефанов В.И., Борзунов В.А., Корочкова О.Н. и др. Работы Казымской экспедиции // АО-2000. 2001.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

The cemetery Tovkurtlor 3: Seima-Turbino traces in the Lower Ob' basin

V. I. Stefanov

Summary

The northernmost necropolis of the investigated in West Siberia Bronze Age cemeteries Tovkurtlor 3 is situated in the Lower Ob' basin, in north taiga sub-zone. Over ten burials have been investigated, all they were performed in rectangular shallow pits. Remains of the dead were discovered in 5 graves. The burials represent inhumations; the corpses were deposited in supine position, their heads pointing SEE or NE. Over the graves timber roofing covered with small earthen mound was constructed. The graves were furnished with grave goods placed on the roofing or inside the mound. The collection of finds is limited. It includes stone arrowheads, scrapers, knife fragment, flakes, abrasive stones, pendant, and others, one bronze knife and around 20 fragmented vessels. The stone industry shows some specific features that were not inherited from the materials of the preceding epoch. Both the stone artefacts and the only bronze find have direct analogies in the material culture of the cemeteries of the Seima-Turbino type (Turbino, Seima, Reshnoe, Rostovka, Satyga) and the Kaninskaya cave. Many specific features of the pottery recovered from Tovkurtlor 3 link it with that characteristic of West Siberian cultures occupying taiga and forest-steppe zones where the bronzes of Seima-Turbino types are known from. The cemetery in question evidently belonged to the aboriginal population strongly affected by the influence exerted by the Seima-Turbino groups and communities. According to the hypothesis suggested by E.N. Chernykh and S.V. Kuzminykh they moved westward through the Urals. The culture represented by the discussed materials can be considered as a variant of Seima-Turbino community.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 59–70

ОСОБЕННОСТИ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТАХ ИЗРАИЛЯ

© 2006 г. Л. В. Эппельбаум*, Б. Э. Хесин**, С. Е. Иткис**

* Отделение геофизики и планетологии, Тель-Авивский университет, Израиль

** Отделение геологии и экологии, университет им. Бен-Гуриона, Беэр-Шева, Израиль

Несмотря на небольшие размеры, территория Израиля с его яркой древней историей и библейскими памятниками весьма привлекательна для археологов. Многие авторы обращают внимание на то, что расположение археологических памятников в Израиле является наиболее плотным в мире (см., напр.: Kenyon, 1979; Reich, 1992; The Oxford Encyclopedia..., 1996). Согласно приблизительной оценке израильских археологов, общее количество археологических объектов на израильской территории (~21 тыс. км^2) может составить около 25.000 единиц (включая неоткрытые).

Археологические объекты различного возраста в Израиле залегают в приповерхностном слое геологического разреза на глубине до 5–6 м. Для их поисков и локализации успешно применяют геофизические методы – эффективные и мобильные методы обнаружения и изучения погребенных зданий и их элементов (стен, колонн, фундаментов), дорог, погребальных пещер, тоннелей и систем водных коммуникаций, объектов древней металлургии и керамического производства. Результаты археогеофизических исследований описаны многими авторами (см., напр.: Глазунов, 1997; Франтов, Пинкевич, 1964; Becker, 1995; Desvignes et al., 1999; Eppelbaum, Khesin, Itkis, 2001; Imai et al., 1987; Mauriello et al., 1998; Parasnis, 1997; Geophisical Exploration..., 1993; Weymouth, 1996). Геофизические методы исследований базируются на использовании различных физических свойств и полей. В соответствии с поставленными задачами они выполняются в различных масштабах и различными комплексами методов (геофизическая обработка результатов измерений и их интерпретация могут также различаться), иногда с различными уровнями местоположения сенсора (датчика).

Barker (1982) справедливо подчеркивает, что археологические раскопки невозможно повторить, в отличие от изучения древних документов. В то же время геофизические методы не затрагивают исследуемую среду и не имеют таких ограничений. Принимая во внимание чрезвычайно высокую плотность залегания археологических объектов в Израиле, оперативная геофизико-археологическая оценка участков, предназначенных для индустриального развития и сельскохозяйственного использования, должна присутствовать в каждом проекте как важная и необходимая компонента. Оценка потенциальной археологической ценности конкретной площади основывается на интерпретации геофизических данных, которая позволяет составить пространственную схему расположения древних объектов и значительно сократить площадь планируемых раскопок. Оперативная (предварительные результаты могут быть получены в течение нескольких часов или дней) и надежная интерпретация геофизических данных призвана защитить археологические объекты от разрушения. Стоимость геофизических исследований обычно во много десятков раз меньше, чем стоимость археологических раскопок.

Помехи различного типа и происхождения существенно осложняют анализ геофизических данных. Генерализованная схема осложняющих факторов, характерных для геофизических исследований на археологических объектах Израиля, представлена на рис. 1. Можно полагать, что приведенная схема типична для большинства районов мира. Для учета осложняющих факторов была разработана специальная методология интерпретации магнитного и других геофизических полей (Хесин и др., 1983; Khesin et al., 1996; Eppelbaum, Khesin, Itkis, 2001).

МАГНИТОРАЗВЕДКА

Магнитную разведку наиболее широко используют для исследования археологических объектов во всем мире и Израиле (Itkis, Eppelbaum, 1998; Boyce et al., 2001; Eppelbaum, Itkis, Khesin, 2000; Eppelbaum, Itkis, Petrov, 2000; Eppelbaum, Khesin, Itkis, Kouznetsov, 2001; Eppelbaum et al., 2003; Itkis et al., 2003). Применение этого метода основано на различиях в намагниченности объектов археологического исследования и вмещающих сред.

Наиболее осложняют интерпретацию данных магниторазведки наклонное намагничение (примерно 45° на территории Израиля), сложное геолого-археологическое строение исследуемых участков (наличие различных возмущающих тел и вмещающих сред, многоярусность многих памятников), влияние неровного рельефа, а также современных железных и железобетонных конст-

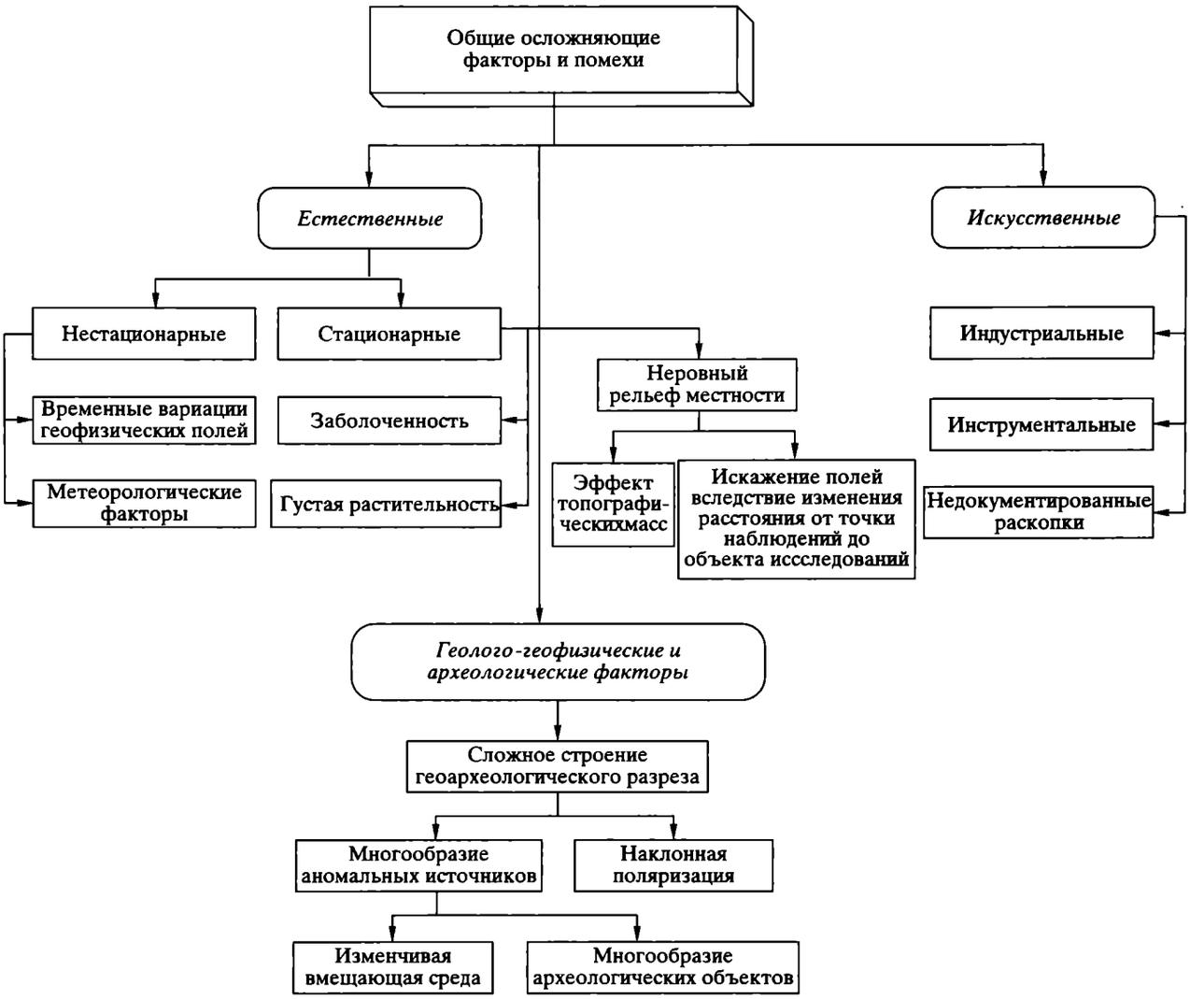


Рис. 1. Классификация осложняющих факторов в археогеофизике.

рукций и линий электропередач. Эффективные способы обработки и интерпретации, разработанные авторами, предназначены для применения в таких условиях. Они направлены на устранение или ослабление помех различных типов, выявление "полезных" аномалий, их качественную и количественную интерпретацию, включая трехмерное физико-геологическое моделирование (см., напр.: Khesin et al., 1996). В частности, предложен метод классификации археологических объектов на основе амплитудно-частотного анализа магнитных вариаций (Finkelstein, Eppelbaum, 1997).

Общая схема археомагнитных исследований представлена на рис. 2. Основные аппроксимационные модели объектов, используемые при интерпретации магнитных аномалий: тонкий наклонный пласт, горизонтальный круговой цилиндр, тонкая горизонтальная плита и мощный пласт показаны на рис. 3.

Участок Йодефат

Йодефат – известный археологический памятник римского периода расположен в предгорной области верхней Галилеи на севере Израиля (рис. 4). Здесь находятся развалины древней крепости, построенной из известняка и кирпича-сырца. Фрагменты стен отражены в наблюдаем поле ΔT слабыми магнитными аномалиями (7–15 нТ). Участок расположен на высоком холме и его склонах. Влияние рельефа местности было исключено корреляционным способом. Этим простым способом поправку на рельеф определяют по графику корреляционной зависимости между наблюденным полем и высотой сенсора (Хесин, 1969; 1978; Хесин и др., 1983; Khesin et al., 1996; Khesin, 1998). Разработанный способ позволяет не только учитывать влияние рельефа местности, но и решать интерпретационные задачи: по наличию резкого отклонения от аппроксимирующей прямой можно указать на присутствие скрытого объекта в верхней части геологического разреза, а по наклону этой прямой – определить величину намагниченности топографических масс.

Этим способом было рассчитано исправленное поле ΔT (рис. 5А). Исправленное магнитное поле было преобразовано в информационный параметр

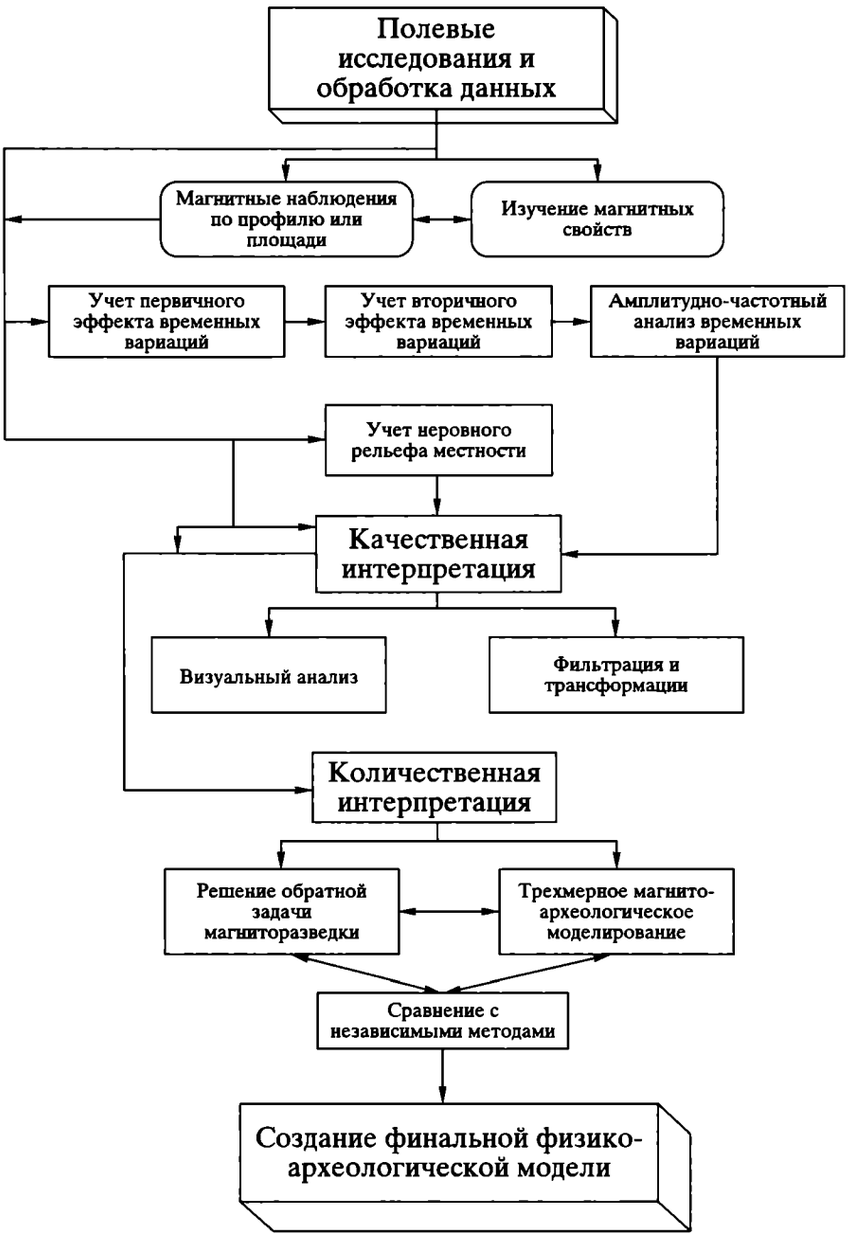


Рис. 2. Блок-схема решения археологических задач высокоточной магниторазведкой.

Рис. 3. Основные геометрические аппроксимации возмущающих тел, используемые в археогеофизике.

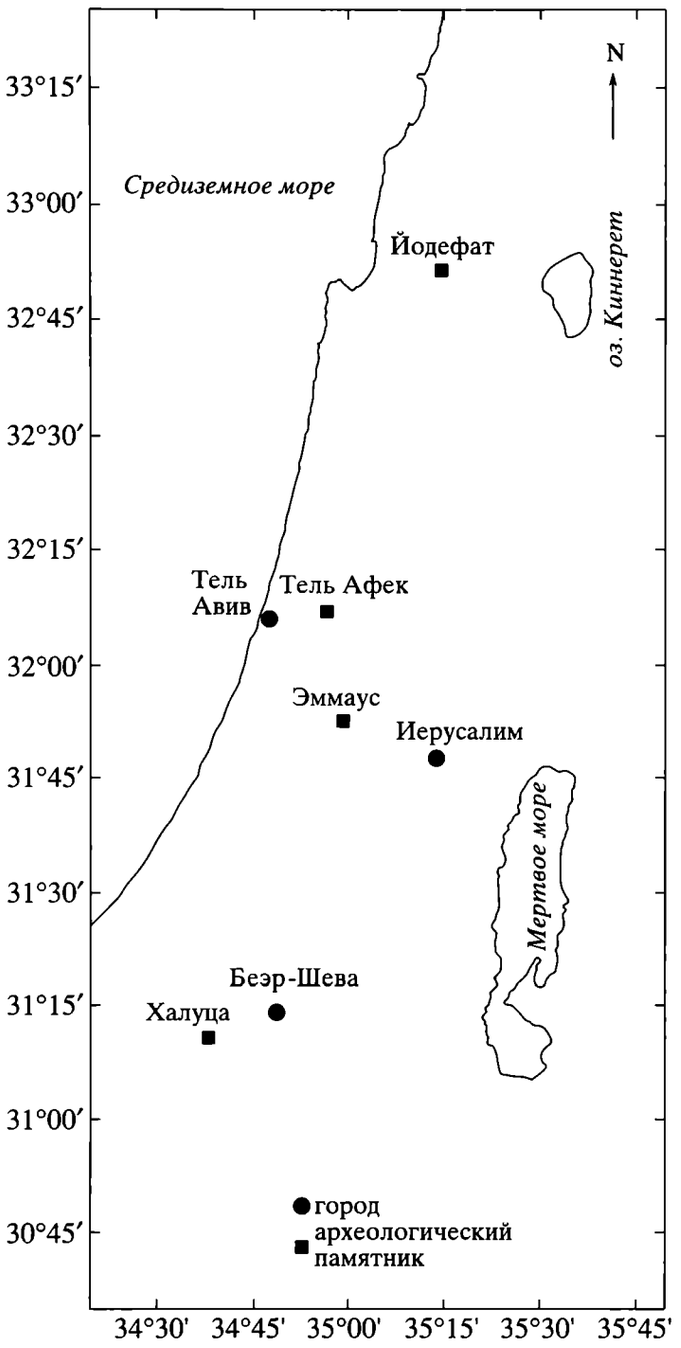


Рис. 4. Карта расположения археологических объектов.

(рис. 5Б), отображающий количество информации об искомом объекте, которое содержится в этом поле (Хесин, 1974; 1976; Хесин и др., 1983; Khesin et al., 1996; Eppelbaum et al. 2003). Линейная аномалия в центральной части рис. 5Б была идентифицирована как остаток погребенной стены древней крепости. На рис. 5В отражена количественная интерпретация магнитной аномалии для модели тонкого пласта.

Памятник Эммаус-Никополис

Археологический памятник Эммаус-Никополис, расположенный к западу от Иерусалима (рис. 4), хорошо известен в античной и библейской истории. Он особенно важен для христиан. Именно здесь, согласно Новому Завету (Евангелие от Луки), Иисус Христос явился двум апостолам после своего вознесения. Первые постройки в Эммаусе-Никополисе известны задолго до нашей эры. Здесь имеются следы эллинистического, римского и византийского периодов; в XII в. крестоносцы воздвигли здесь величественный храм на развалинах византийской церкви.

На этом участке были проведены детальные магнитометрические исследования (Eppelbaum, Itkis, 2003) На рис. 6 показаны результаты применения магниторазведки на части участка. Следует отметить, что незадолго до проведения геофизических работ на этой площади был снят двухметровый слой почвы вместе с накопившимся магнитоактивным мусором. Четкая аномалия магнитного поля ΔT (рис. 6А) была проинтерпретирована с использованием разработанных способов (рис. 6Б). Последующие археологические раскопки выявили погребенную пещеру с артефактами, что подтвердило правильность интерпретации.

МЕТОД ЕСТЕСТВЕННОГО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ (ЕЭП)

Метод ЕЭП (иногда называемый методом спонтанной поляризации) основан на измерении разности естественных потенциалов между двумя неполяризующимися электродами на дневной поверхности. Аномалии ЕЭП обычно объясняют электрохимическими и фильтрационными процессами (см., напр.: Parasnis, 1997). Однако эти аномалии могут быть вызваны перераспределением теллурических токов на границах сред с разным электрическим сопротивлением (Хесин, 1969). Доказанная общность математических выражений магнитного и естественного электрического полей позволяет успешно применять для анализа аномалий ЕЭП интерпретационные методы, разработанные в магниторазведке (Khesin et al., 1996; Eppelbaum, Khesin, 2002).

Участок Халуца

Археологический объект Халуца находится в 20 км к юго-западу от г. Беэр-Шева, на юге Израиля (рис. 4). Халуца – один из главных городов южной Палестины в древнеримском и византийском периодах; он служил торговцам перевалочным пунктом между г. Петра в современной Иордании и г. Газой (Kenyon, 1979; Reich, 1992).

Магнитометрические исследования и съемка ЕЭП были проведены на древнем гончарном дворе участка Халуца по сети 1 × 1 м (рис. 7). Исследования методом ЕЭП (Eppelbaum, Ben-Avraham, Itkis, Kouznetsov, 2001) были проведены с использованием микровольтметра с высоким входным сопротивлением и специальными неполяризующимися электродами (Cu в растворе $CuSO_4$) по схеме

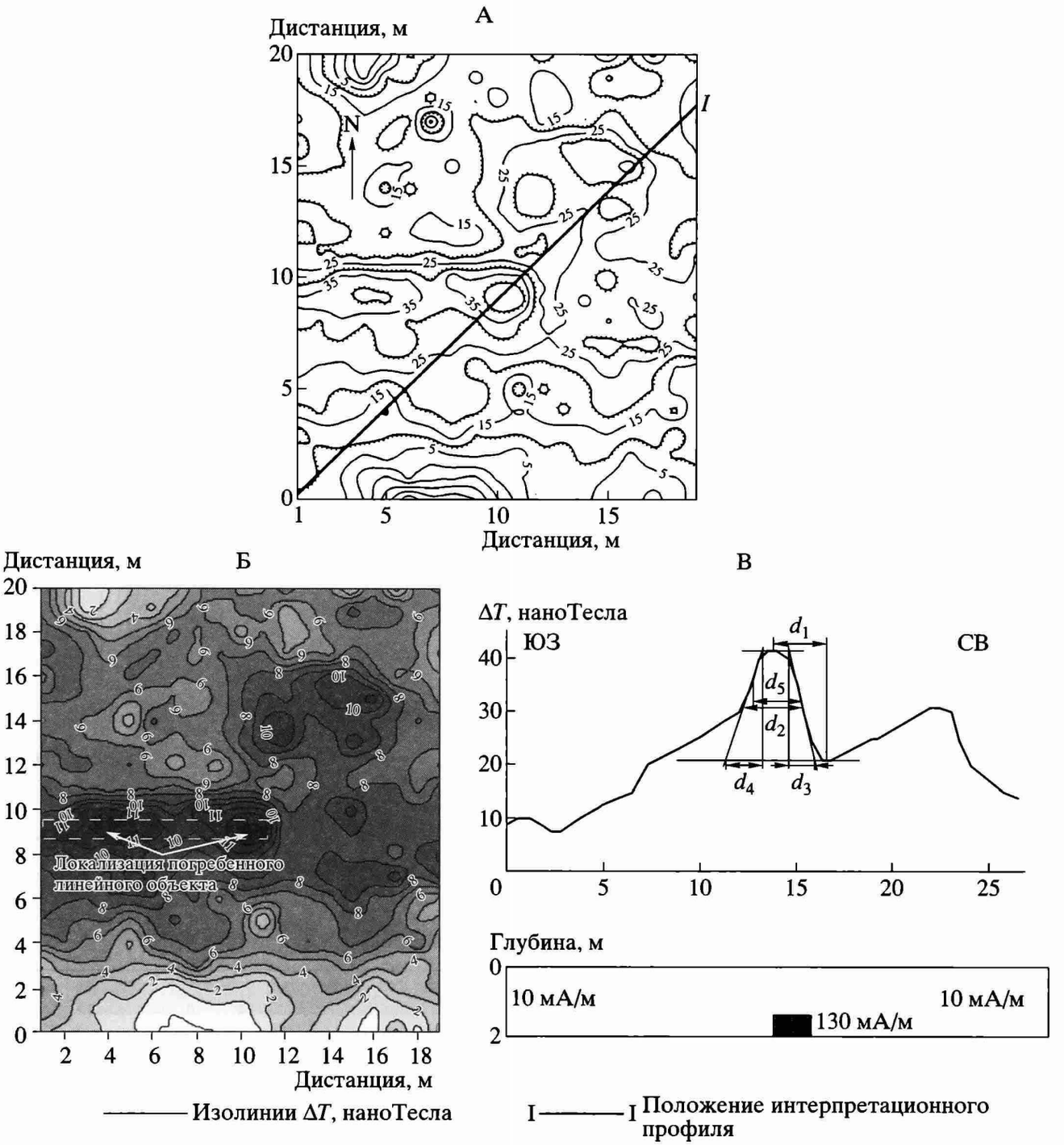


Рис. 5. Обработка и интерпретация магнитного поля ΔT на объекте Йодефат (север Израиля): А – карта поля ΔT, исправленного корреляционным способом; Б – выявление фрагмента погребенной стены по максимуму количества информации; В – решение обратной задачи магниторазведки.

исследований с неподвижным базовым электродом (потенциал-установкой).

Визуальный анализ карт магнитного и электрического полей (рис. 7) показывает, что эти поля характеризуются схожим обликом, но выявленные аномалии смещены друг от друга на два метра. Количественная интерпретация магнитного поля (рис. 8А) и ЕЭП (рис. 8Б) определила близкие глубины возмущающего тела, соответственно 90 и 70 см. На восточной границе изучаемого участка раскопаны древние стены. Это дает основание полагать, что источниками выявленных аномалий являются аналогичные объекты.

МЕТОД СОПРОТИВЛЕНИЙ

В основу метода сопротивлений положена связь удельного электрического сопротивления горных пород и залегающих в них объектов со строением изучаемого разреза. Электрическое поле в земле обычно создается пропусканием тока через два питающих электрода. Измеряют раз-

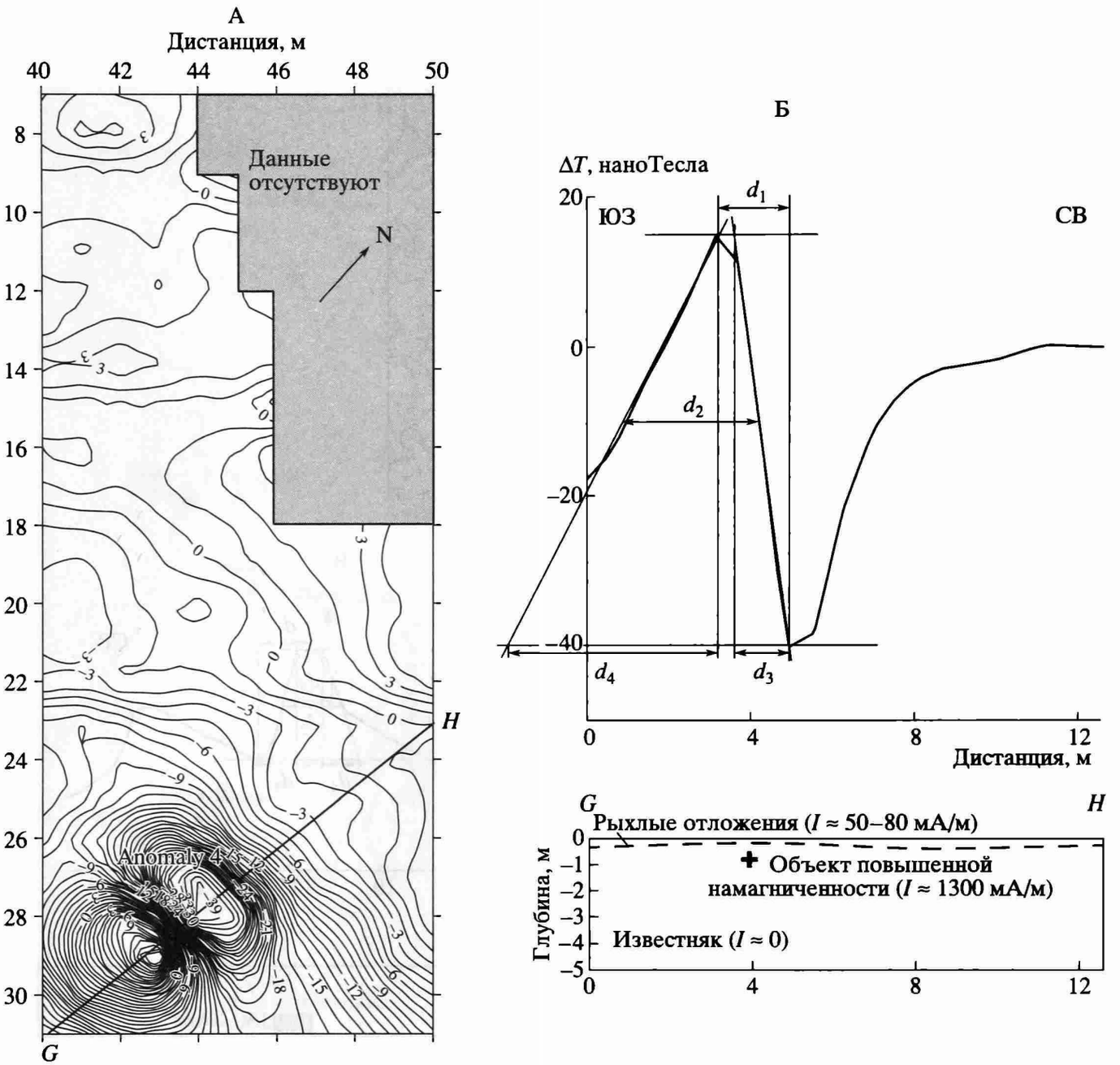


Рис. 6. Интерпретация магнитного поля ΔT на древнехристианском объекте Эммаус-Никополис: А – карта наблюденного поля ΔT (изолинии в наноТесла); Б – решение обратной задачи.

ность потенциалов между приемными электродами, а затем вычисляют удельное электрическое сопротивление среды (в Ом · м) в точках профиля (электропрофилирование) или на одной точке при увеличении разноса питающих электродов (зондирование).

Участок Тель Афек

Археологический объект Тель Афек, относящийся к бронзовому веку, находится примерно в 10 км к востоку от Тель-Авива (рис. 4). Одна из главных геофизико-археологических задач здесь состояла в картировании стен древних строений, практически полностью закрытых наносами. Проведенные геоэлектрические исследования (Ginzburg, Levanon, 1977) позволили локализовать погребенные основания зданий на изученной площади. Принимая во внимание возможность анализа аномалий сопротивлений с использованием методов интерпретации, разработанных в магниторазведке (Eppelbaum, 1999), один из графиков электропрофилирования был проинтерпретирован указанным образом (рис. 9). Как видно из рис. 9, результаты интерпретации хорошо совпадают с археологическими данными.

ДРУГИЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Среди других геофизических методов, применяемых для исследования археологических объектов в Израиле, необходимо отметить в первую очередь подповерхностную радиолокацию. Георадар был с

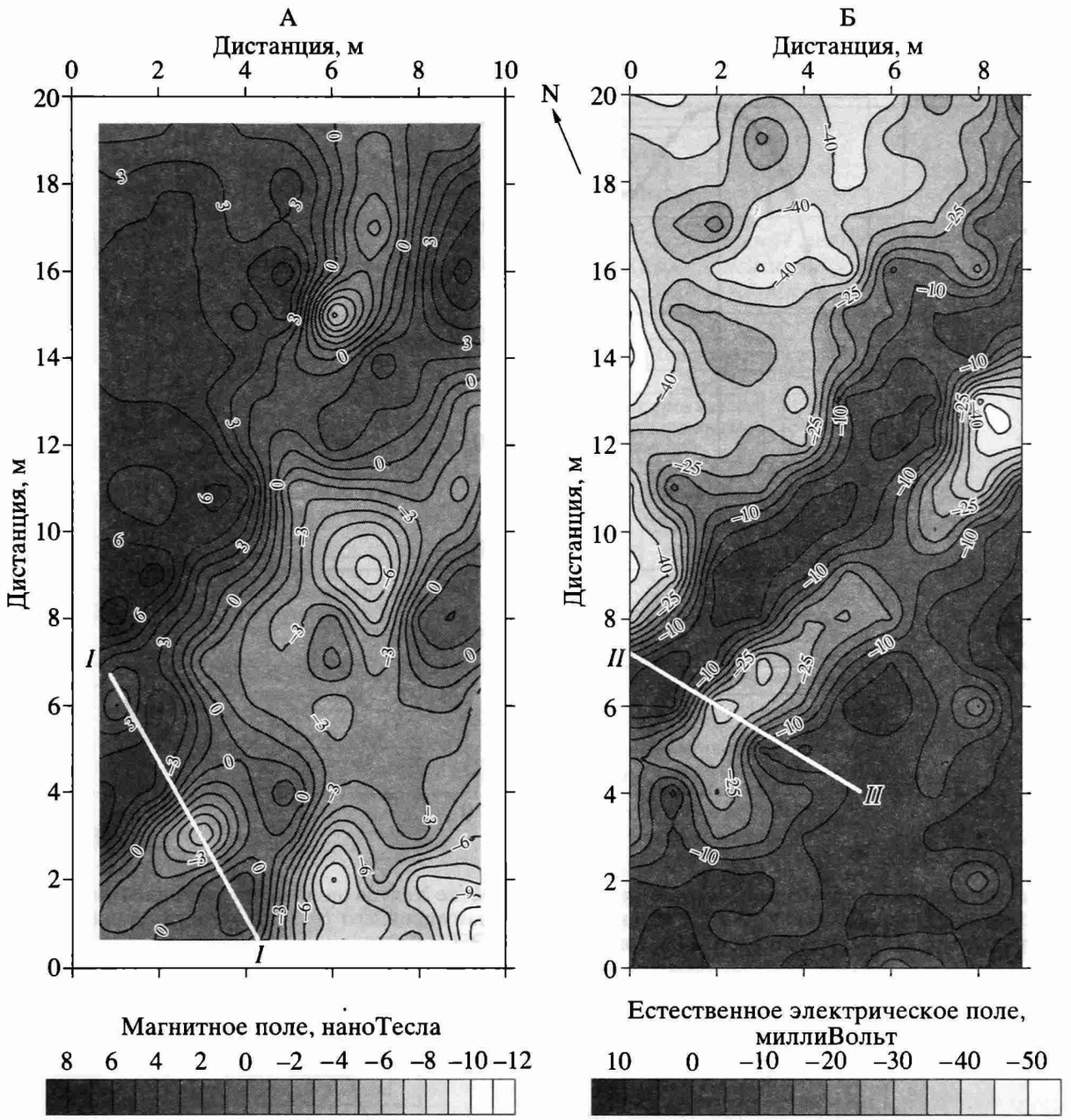


Рис. 7. Карты магнитного (А) и естественного электрического (Б) полей на участке Халуца (пустыня Негев, юг Израиля).

успехом использован, например, для изучения древних строений в старой части Иерусалима (Dolphin, 1981), выявления приповерхностных пустот в районе Мертвого моря (Basson et al., 1991), локализации археологических объектов в районе города Модиин (Berkovitch et al., 2000) и для оконтуривания древних пещер в районе горы Кармель (Weinstein-Evron et al., 2003).

Paparo (1991) использовал поверхностную терморазведку для обнаружения развалин крепости крестоносцев в городе Нетания. Пьезоэлектрический метод был применен для оконтуривания кварцевой жилы с золотоносной минерализацией на объекте древней металлургии вблизи Эйлата (Neishtadt et al., in print). Метод вертикального электрического зондирования был использован для выявления древних пещер в районе г. Кармель (Weinstein-Evron et al., 2003) и картирования археологического памятника Сорек (Ezersky et al., 2000). Малоглубинная сейсморазведка была использована для картирования фундаментов некоторых зданий в "старом городе" Иерусалима (Dolphin, 1981), картирования пещеры Махпела (могилы праотцев) в Хевроне и исследования пещер в районе горы Кармель (Weinstein-Evron et al., 2003). Сейсмоархеологические исследования, ориентированные на выявление и классификацию индикаторов древних землетрясений, были успешно выполнены на ряде археологических памятников Израиля (например, Marco et al., 1996; 2003). Kutasov и соавторы (2000) разработали новый метод для определения археотемператур по наблюдениям современных

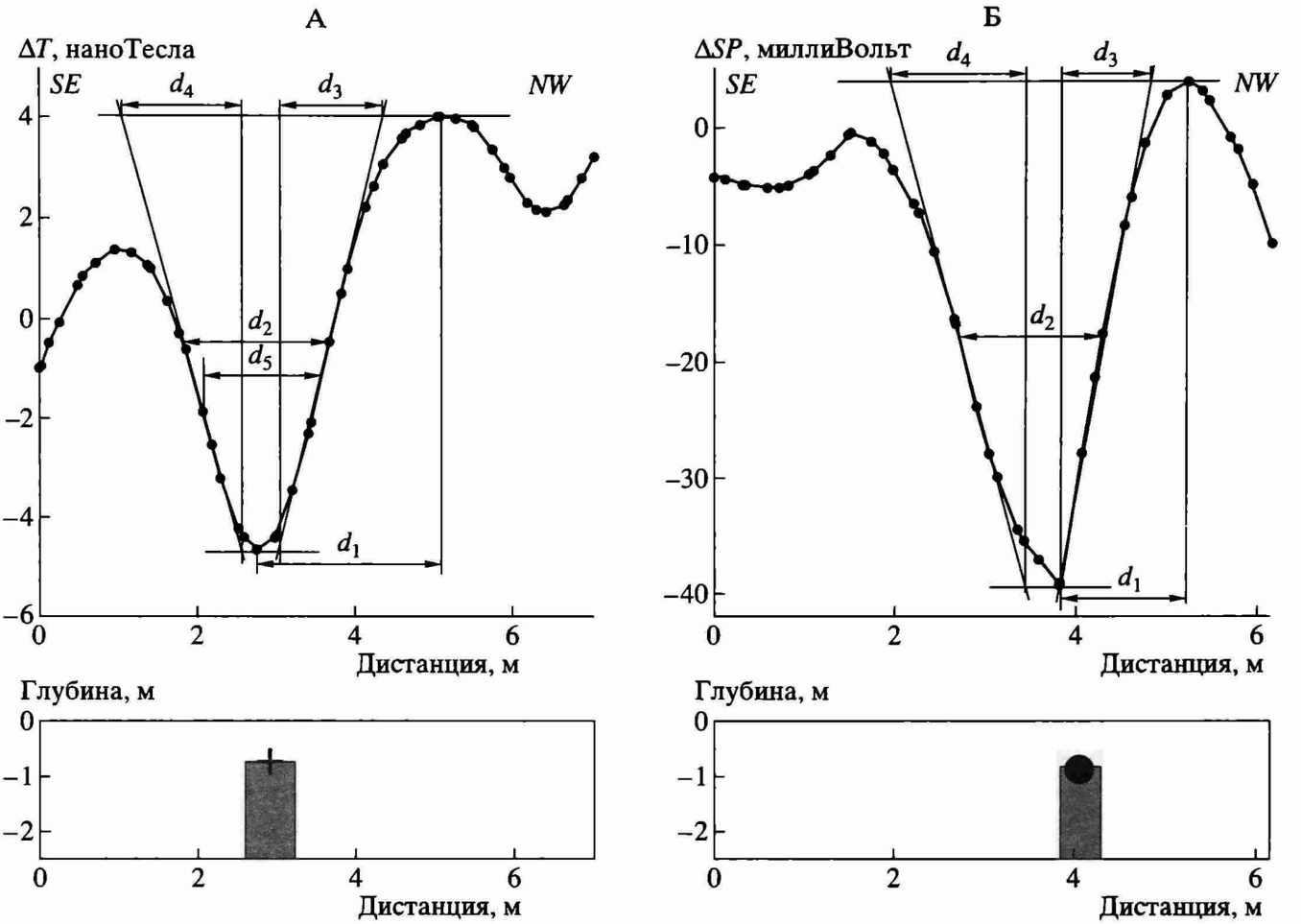


Рис. 8. Интерпретация магнитной (А) и ЕЭП (Б) аномалий на участке Халуца (положение профилей указано на рис. 7). Крестик указывает на положение середины верхней кромки возмущающего тела для магнитной аномалии, кружок вписан в верхнюю кромку возмущающего тела для аномалии ЕЭП.

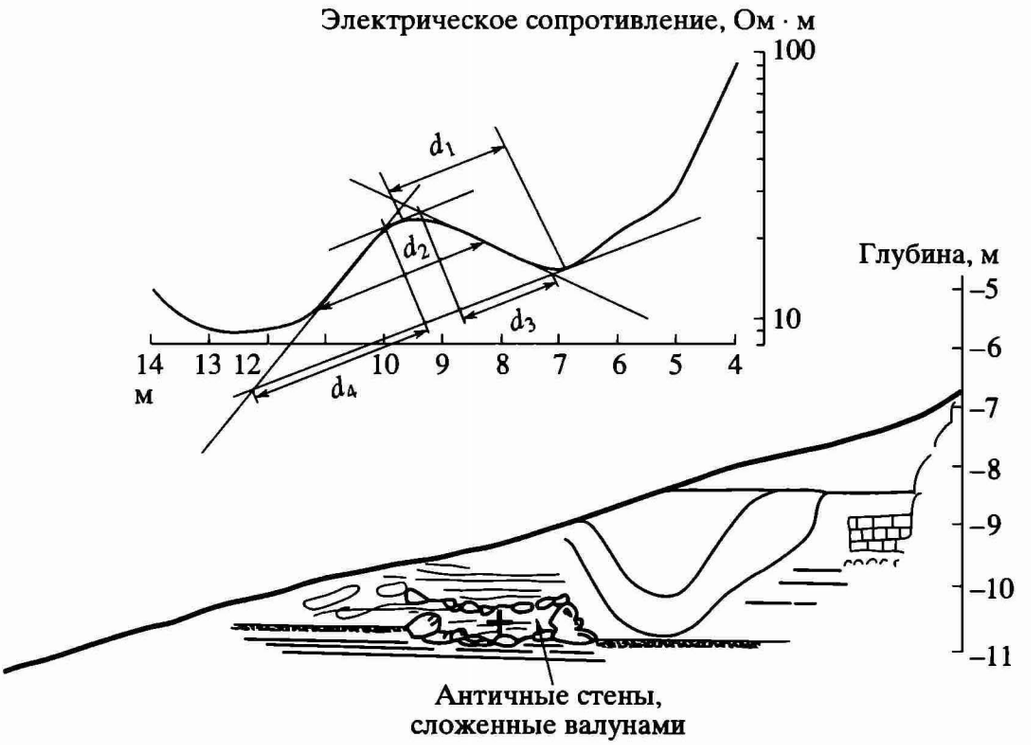


Рис. 9. Решение обратной задачи электропрофилирования методом сопротивлений на археологическом участке Тель Афек (исходные данные по: Ginzburg, Levanon, 1977). Крестик указывает на положение центра возмущающего объекта.

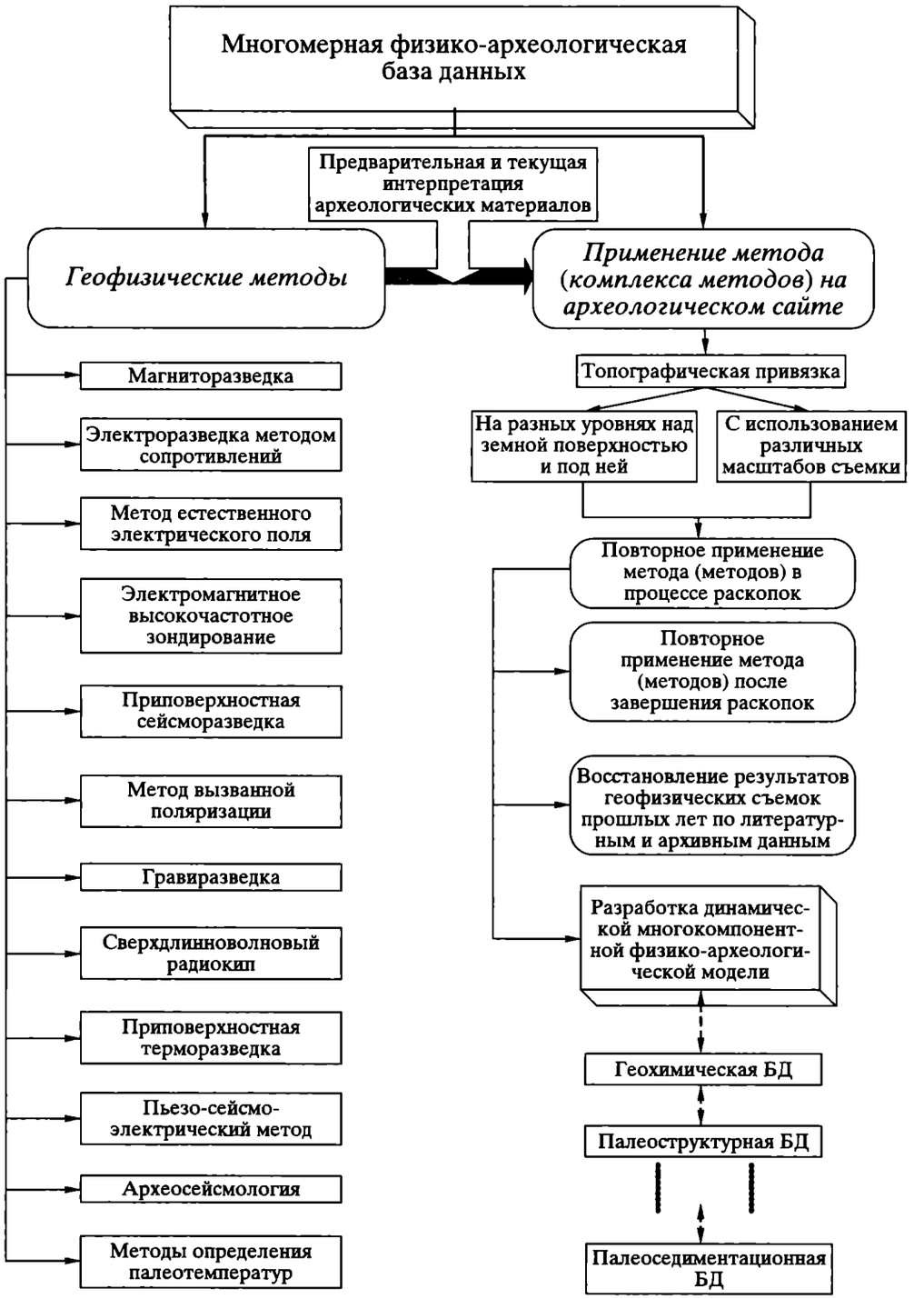


Рис. 10. Разрабатываемая многокомпонетная физико-археологическая база данных.

значений температур, наблюденных в неглубоких скважинах.

Все эти исследования подтверждают высокую эффективность применения геофизических методова для решения широкого класса археологических задач.

ВЫБОР ГЕОФИЗИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Сложность насущных археологических проблем и неоднозначность интерпретации геофизических данных обуславливают необходимость соединения различных геофизических методов между собой и с другими методами. Однако расширение комплекса методов вступает в конфликт с экономической эффективностью и осложнено с организационной и технической точек зрения. Помимо этого имеется принципиальное ограничение, налагаемое на количество методов в комплексе, так как увеличение числа признаков искомого объекта требует значительного увеличения эталонной информации (Дуда, Харт, 1976). Khesin и Eppelbaum (1997) показали, что для решения типичной задачи разделения площади на различные

классы объектов достаточно двух-трех геофизических методов.

Можно привести пример количественного обоснования выбора числа методов в геофизическом комплексе (Хесин, 1976). Если комплекс методов ориентирован на изучение некоторых независимых равнозначных индикаторов, то надежность выявления аномалии γ может быть описана функцией ошибок (интегралом вероятности):

$$\gamma = \mathrm{erf}\left(\frac{\sqrt{\sum_i \upsilon_i}}{2}\right), \quad (1)$$

где υ_i – отношение квадрата аномалии к дисперсии помехи для каждой i геофизического поля.

Для отдельного метода надежность выявления аномалии известной формы и интенсивности согласно критерию Котельникова выражается как $\mathrm{erf}(\sqrt{\upsilon}/2)$. Если аномалия выражена тремя точками и средний квадрат аномалии для каждого поля равен дисперсии помехи, значение достоверности для отдельных методов составит 0.61, а для комплекса из двух или трех равнозначных методов согласно уравнению (1) составит соответственно 0.77 и 0.87. Риск принятия ошибочного решения (параметр q) вычисляется как

$$q = 1 - \gamma. \quad (2)$$

Это означает, что значение q при комплексировании двух или трех методов уменьшается в 1.7 и 3 раза соответственно. Сравнение вычисленного значения риска с финансовыми расходами позволяет определить оптимальный комплекс методов.

РАЗРАБОТКА МНОГОМЕРНОЙ ФИЗИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Постоянное пополнение геофизико-археологических данных и их уточнение обуславливают необходимость создания комплексной базы физико-археологических данных (КБФАД). Очевидно, что такая база должна быть многокомпонентной и иметь динамический характер (Eppelbaum, Ben-Avraham, 2002). Помимо пространственных топографических координат (x, y, z) археологического участка КБФАД должна включать значения геофизического поля (полей), уровень наблюдений над или под земной поверхностью, результаты повторных измерений геофизического поля (полей) в разные периоды времени, а также в процессе обнажения геоархеологического разреза (раскопок) (рис. 10). Необходимы также дигитизация результатов геофизических съемок прошлых лет и связь с другими базами данных.

В качестве основы для разработки КБФАД может быть использована, например, база данных *Access* (разумеется, с добавлением необходимого набора графических данных и археолого-геологической информации). Разработка такой постоянно пополняемой базы данных позволит повысить эффективность геофизических исследований на археологических объектах за счет упрощения и ускорения как проектирования археогеофизических работ, так и интерпретации их результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детальные геофизические (в первую очередь магнитометрические) исследования являются мощным средством быстрой и надежной локализации археологических объектов, особенно с применением разработанных авторами алгоритмов обработки и интерпретации. Конечной целью интерпретации является создание физико-археологических моделей (ФАМ) изучаемых объектов. ФАМ различных типов (начинающиеся с данных наблюдений и заканчивающиеся разработкой многомерных моделей) целесообразно объединить в единой комплексной базе многофункционального использования. Помимо чисто научных целей такая база данных может использоваться для разработки стратегии технико-индустриальных работ на участке возможного залегания древних объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глазунов В.В. Принципы моделирования и интерпретации потенциальных геофизических полей от скрытых геологических объектов. Автореф. дис. ... докт. физ.-мат. наук. СПб., 1997.

Дуда Р., Харт П. Распознавание образов и анализ сцен. М., 1976.

Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. Л., 1964.

Хесин Б.Э. Рудная геофизика в горных областях. М., 1969.

Хесин Б.Э. Информационный способ прогноза геологических объектов при отсутствии эталонов на исследуемой площади // Методы разведочной геофизики. Вып. 24. Л., 1974.

Хесин Б.Э. Прогноз и локализация скрытого оруденения в горных областях по геофизическим данным. М., 1976.

Хесин Б.Э. Учет влияния рельефа местности в магниторазведке // Разведочная геофизика. Вып. 83. М., 1978.

Хесин Б.Э., Алексеев В.В., Метакса Х.П. Интерпретация магнитных аномалий в условиях косого намагничения и пересеченного рельефа. М., 1983.

Barker P. Techniques of Archaeological Excavation. 2-nd ed. Batsford; L., 1982.

Basson U., Ben-Avraham Z., Ginzburg A. Shallow reflection profiles with a ground penetrating radar // Transactions of the Conference of Israel Geological Society. Akko, 1991.

Becker H. From nanotesla to picotesla, a new window for magnetic prospecting in archaeology // Archaeological Prospection. 1995. V. 2.

Berkovitch A.L., Eppelbaum L.V., Basson U. Application of multifocusing seismic processing to the GPR data analysis // Selected Papers presented at the Annual SAGEEP Conference. Hyatt Regency Crystal City, Arlington, 2000.

Boyce J.I., Reinhardt E.G., Raban A., Rozza M.R. The utility of marine magnetic surveying for mapping buried hydraulic concrete harbour structures: King Herod's harbour, Caeserea Martima, Israel // Marine Magnetic Corporation. Maritime Archaeology. Richmond Hill, 2001.

Desvignes G., Tabbagh A., Benech C. The determination of the depth of magnetic anomaly sources // Archaeological Prospection. 1999. V. 6. № 2.

Dolphin L.T. Geophysical methods for archaeological surveys in Israel // Stanford Research International. December 1981. Menlo Park (California), 1981.

Eppelbaum L.V. Quantitative interpretation of resistivity anomalies using advanced methods developed in magnetic prospecting // Transactions of the XXIV General Assembly of the European Geophysical Society. V. 1. № 1. Strasbourg, 1999.

Eppelbaum L.V., Itkis S.E., Khesin B.E. Optimization of magnetic investigations in the archaeological sites in Israel // Special Issue of Prospezioni Archeologiche "Filtering, Modeling and Interpretation of Geophysical Fields at Archaeological Objects". Roma, 2000.

Eppelbaum L.V., Itkis S.E., Petrov A.V. Physics and archaeology: magnetic field as a reliable tool for searching ancient remains in Israel // Scientific Israel. № 2. 2000.

Eppelbaum L.V., Khesin B.E., Itkis S.E. Prompt magnetic investigations of archaeological remains in areas of infrastructure development: Israeli experience // Archaeological Prospection. 2001. V. 8. № 3.

Eppelbaum L., Ben-Avraham Z., Itkis S. Ancient Roman Remains in Israel provide a challenge for physical-archaeological modeling techniques // First Break. 2003. V. 21 (2).

Eppelbaum L., Ben-Avraham Z., Itkis S., Kouznetsov S. First results of self-potential method application at archaeological sites in Israel // Transactions of the EUG XI International Symposium. Strasbourg, 2001.

Eppelbaum L.V., Khesin B.E. Some common aspects of magnetic, induced polarization and self-potential anomalies interpretation: implication for ore target localization // Collection of Selected Papers of the IV International Symposium on Problems of Eastern Mediterranean Geology. Isparta (Turkey), 2002.

Eppelbaum L., Ben-Avraham Z. On the development of 4D geophysical Data Base of archaeological sites in Israel // Transactions of the Conference of the Israel Geological Society. MaHagan (Lake Kinneret), 2002.

Eppelbaum L.V., Itkis S.E. Geophysical examination of the Ghristian archaeological site Emmaus-Nicopolis (central Israel) // Collection of Papers of the XIX CIPA Conference "New Perspectives to Save the Cultural Heritage". Antalya, 2003.

Ezersky M., Goldman M., Bar-Matthews M., Ayalon A. Geoelectric investigations of the Soreq Cave area in Israel // Proceeding for the EEGS-ES Annual Meeting. Bochum, 2000.

Finkelstein M., Eppelbaum L. Classification of the disturbing objects using interpretation of low-intensive temporary magnetic variations // Transactions of the Conference the Geological Society of America. V. 29. № 6. Salt Lake City, 1997.

Geophysical Exploration of Archaeological Sites. Theory and practice of applied geophysics. V. 7 / A. Vogell, G.N. Tsokas (Eds.). Wiesbaden, 1993.

Ginzburg A., Levanon A. Direct current resistivity measurements in archaeology // Geoexploration. 1977. V. 15.

Imai T., Sakayama T., Kanemori T. Use of ground-probing radar and resistivity surveys for archaeological investigations // Geophysics. 1987. V. 52. № 2.

Itkis S.E., Eppelbaum L.V. First results of magnetic prospecting application at the Prehistoric sites of Israel // J. Prehistoric Society of Israel. 1998. № 28.

Itkis S., Khesin B., Eppelbaum L., Khalaily H. The Natufian site of Eynan (Hula valley, northern Israel): Magnetic prospecting reveals new features // Israel J. Earth Sciences 2003. V. 52. № 3–4.

Kenyon K.M. Archaeology in the Holy Land. Norton; N. Y., 1979.

Khesin B.E., Alexeyev V.V., Eppelbaum L.V. Interpretation of Geophysical Fields in Complicated Environments. Ser. Modern Approaches in Geophysics. Boston; Dordrecht; L., 1996.

Khesin B.E., Eppelbaum L.V. The number of geophysical methods required for target classification: quantitative estimation // Geoinformatics. 1997. V. 8. № 1.

Khesin B.E. Effective magnetization of the Precambrian in Sinai and southern Israel: Implication of new methods for ΔT field analysis // Israel J. Earth Sci. 1998. V. 47. № 1.

Kutasov I.M., Eppelbaum L.V., Dorofeyeva R.P. Physical-mathematical problem of the recent climate reconstruction from subsurface temperature logs // Scientific Israel. 2000. № 2.

Marco S., Stein M., Agnon A. Long-term earthquake clustering: A 50000-year paleoseismic record in the Dead Sea Graben // J. Geophysical Research. 1996. V. 101. № B3.

Marco S., Hartal M., Hazan N. et al. Archaeology, history and geology of the A.D. 749 earthquake, Dead Sea transform // Geology. 2003. № 31 (8).

Mauriello P., Monna D., Patella D. 3D geoelectric tomography and archaeological applications // Geophysical Prospecting. 1998. V. 46.

Neishtadt N.M., Eppelbaum L.V., Levitski A.G. Application of seismo-electric phenomena in exploration geophysics: Review of Russian and Israeli experience // Geophysics. In print. V. 70. № 3.

Paparo H. Temperature study of the archaeological site Crusades Fortress Um Haled (Netanya) // Transactions of the Conference of Israel Geological Society. Akko, 1991.

Parasnis D.S. Principles of Applied Geophysics. L., 1997.

Reich R. Architecture of ancient Israel. Jerusalem, 1992.

The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East / E.M. Meyer (Ed.). 5 Vols. Oxford, 1996.

Weinstein-Evron M., Beck A., Ezersky M. Geophysical investigations in the service of Mount Carmel (Israel) prehistoric research // J. Archaeological Sci. 2003. V. 30.

Weymouth J.W. Digs without digging: exploring archaeological sites with geophysical techniques // Geotimes. 1996. Nov.: 16–19.

Specifics of geophysical investigations at the archaeological sites in Israel

L. V. Eppelbaum, B. E. Khesin, S. E. Itkis

Summary

Gread density of archaeological sites in Israel stipulates for wide application of the geophysical methods. These do not affect the environment and are mobile and highly efficient. The researches conducted with application of such methods are both of scientific and practical significance, since they provide effective archaeological expertise of the sites designed for construction and agricultural exploitation. The most popular method of investigation of archaeological objects in Israel is magnetic sensing. Among the factors complicating the procedure there are: inclined magnetization (around 45° in the territory of Israel), complexity of geological-archaeological structure of the investigated sites, uneven local relief, and complications of industrial origin (iron and ferroconcrete constructions, electricity transmission lines). Parallel with magnetic sensing the methods of natural magnetic field and resistance are used. The efficacious methodic worked out by the authors are designed for investigating complex physical-archaeological media with the discussed geophysical methods. It includes the modes of consideration of distrorting factors' influence; revealing "useful" abnormalities against the background of various noises; qualitative and quantitative interpretation of abnormalities including three-dimensional simulation. The authors publish a brief review of application of georadar and some other geophysical methods at the archaeological objects of Israel. The authors stress that compliling multicomponent physical-archaeological database is highly expedient.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 71–78

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V–IV в. ДО Н.Э.

© 2006 г. А. Д. Таиров

Челябинский государственный университет

Во второй половине V в. до н.э. во многих регионах степной Евразии происходят значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. Эти изменения отчетливо зафиксированы на материалах Южного Урала, в целом, и Южного Зауралья, в частности, при переходе от древнепрохоровского (конец VI–V в. до н.э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V–IV в. до н.э.) этапу прохоровской археологической культуры (Таиров, 2004а. С. 5, 6) или, по традиционной периодизации, при переходе от савроматской археологической культуры к раннесарматской (прохоровской). К основным инновациям в погребальном обряде относятся появление захоронений в могильных ямах с подбоем вдоль длинной стенки, резкое увеличение количества захоронений в ямах с заплечиками, абсолютное преобладание ориентировки погребенных головой на юг с отклонениями, помещение в могильную яму передней ноги с лопаткой или части грудинки барана. Определенные изменения происходят в составе и распределении погребального инвентаря. В это время появляются новые формы клинкового оружия, зеркал, украшений и т.п. (Мошкова, 1974. С. 17; 1989. С. 30; Смирнов, 1975. С. 157, 159, 162; Железчиков, 1997. С. 80–84; Гуцалов, 2003. С. 181; Лылова, 2001. С. 133, 134).

На наш взгляд, инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Южного Урала, связаны не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком нового населения с востока. С этим населением можно связать, в частности, появление подбойных захоронений с южной ориентировкой погребенных. Отметим, что ни в Южном Зауралье, ни в Южном Приуралье погребений в подбоях, датируемых концом VI – первой половиной V в. до н.э. практически нет (Гуцалов, 2000. С. 120). Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тыс. до н.э., является Северный и Северо-Западный Китай. Причем обычай захоронения в подбоях – один из признаков особой культурной общности, существовавшей в этом регионе (Заднепровский, 1993. С. 38; 1997. С. 75, 77; Варенов, 1995. С. 124, 125). Анализируя распространение в Восточном Туркестане различных типов погребальных сооружений, Б.А. Литвинский отметил, что ареал захоронений в подбоях совпадает с территорией обитания юечжей (Восточный Туркестан..., 1995. С. 259). С юечжами связывают погребения в подбоях и другие исследователи (Мандельштам, 1978. С. 140, 141; Заднепровский, 1997. С. 89, 90; Вайнберг, 1999. С. 248, 249). В свое время Ю.А. Заднепровский высказал предположение о возможности увязки катакомбных памятников с усунями (1975. С. 167). Напомним, что усуни первоначально также обитали в Восточном Туркестане по соседству с юечжами.

По нашему мнению, Северный и Северо-Западный Китай и Западная Монголия являлись также исходной территорией распространения клинкового оружия со сломанным под тупым углом, дуговидным и прямым перекрестием. Среди разнообразных перекрестий бронзовых кинжалов из этого региона есть перекрестия в виде бруска, изломанного под прямым углом, дуговидные с приподнятыми окончаниями, узкие бабочковидные, приближающиеся по форме к сломанному под тупым углом, а также сломанные под тупым углом. Датируются они, как правило, в пределах VII–V вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998. С. 24, 25. Рис. 1, *7, 11, 15, 16*; Maoqinggou, 1992. Abb. 13, *3*; 22, *1*; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 5, 6, 13). Такие же кинжалы, чаще всего с навершием в виде противопоставленных голов хищных птиц, встречены в Минусинской котловине, Туве и на Алтае (Maoqinggou, 1992. Abb. 56). Прямые перекрестия известны в Северном Китае еще с раннесакского времени (Maoqinggou, 1992. Abb. 45, *A,1*, *B,1*). Отсюда же происходят и железные кинжалы со сломанным под тупым углом перекрестием и кольцевым, овальным или слегка изогнутым брусковидным навершием, датируемые в пределах V–III вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998. С. 24, 25. Рис. 1, *9, 10*; Maoqinggou, 1992. Abb. 4, *4*; 18, *3*; 19, *19*). Возможно, центральноазиатские истоки имеют также некоторые типы зеркал и ювелирных украшений.

Вероятно, Северный и Северо-Западный Китай (Восточный Туркестан) явились исходной территорией миграции ряда кочевых племен в урало-казахстанские степи, в основном на Южный Урал. Первое, по всей видимости, наиболее массовое пе-

реселение различных групп родственных племен из этого региона, но, скорее всего, Восточного Туркестана, осуществлялось несколькими последовательными волнами на протяжении достаточно короткого промежутка времени в пределах, скорее всего, третьей четверти V в. до н.э. В дальнейшем, на протяжении IV в. до н.э., эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

В ходе первого этапа миграции третьей четверти V в. до н.э. основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных номадов (курган Иссык). Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана, отколовшись от основного массива, передвинулась на север – в степь и лесостепь Обь-Иртышья (Боталов, 2003. С. 106; Таиров, 2004б. С. 53, 54). Возможно, что отдельные группы номадов Восточного Туркестана вошли в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда "сарматские" элементы в погребальной обрядности и инвентаре.

Переселенцы с востока принесли на Южный Урал новые формы инвентаря, включая оружие (мечи и кинжалы "переходных" и "раннесарматских" форм), украшения, зеркала различных типов, в том числе с длинной ручкой и циркульным орнаментом на оборотной стороне диска, некоторые образцы звериного стиля. С этим передвижением следует связывать появление в южноуральских степях захоронений в подбоях с меридиональным расположением погребальной камеры, в могильных ямах с заплечиками, южной ориентировки погребенных. На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органично слились с местным населением, заняв ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенная ими традиция захоронений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южной ориентировки как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого, статуса происходила здесь и ранее (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 151). Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса в среде кочевников Южного Урала. Инновации в погребальном обряде и инвентаре, привнесенные мигрантами с востока, продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского времени. Процесс этот стимулировался притоком новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана, принесших, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера является продолжением входной ямы. Приход в Южное Зауралье кочевых родов с востока имел своим следствием и зарождение традиции центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью, получившей свое развитие позднее и уже на другой территории – в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье (Таиров, 2004в. С. 126, 127).

В конце V–начале IV в. до н.э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса (Таиров, 2003. С. 50). В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье – перенаселенности, что, в конечном счете, и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV в. до н.э. оно было направлено, главным образом, на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV в. до н.э, возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских номадов в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV в. до н.э. Вызван он был не столько продолжающимся ухудшением экологической обстановки, сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения, связанной со среднеазиатским походом Александра Македонского и последовавшими за ним процессами. Эти события вызвали определенные подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских номадов не только на запад, в Южное Приуралье, но и на юг, в Среднюю Азию (Таиров, 2000. С. 22; 2002. С. 143–145). Однако на рубеже IV–III вв. до н.э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется и основная масса приуральских кочевников, носителей уже сформировавшейся прохоровской культуры (Таиров, 2000. С. 21, 22; Гуцалов, 2003. С. 180, 185).

Этнокультурные трансформации, протекавшие во второй половине V–IV вв. до н.э. в степях Южного Урала, оказали значительное воздействие на население сопредельных территорий, в том числе Южного Приаралья и Устюрта. Наиболее раннюю группу памятников кочевников Устюрта, суммарно датируемую VII–IV вв. до н.э., составляют курганы с каменными ящиками на древнем горизонте (Ягодин, 1976. С. 47). Период культуры погребений на горизонте под курганной насыпью (в каменном ящике, или в пределах каменного кольца, или спирали, или в склепах на горизонте для многоактных захоронений) датируется V–II вв. до н.э. Памятники культуры распространены в Закаспии, по

Узбою, всему Устюрту и Мангышлаку (Мандельштам, 1976; 1983; Древняя и средневековая культура..., 1978. С. 187–189; Юсупов, 1986. С. 136; Ягодин, 1991. С. 127; Ольховский, Галкин, 1990. С. 199, 200; Вайнберг, 1999. С. 139). Это культура скотоводческих племен, кочевавших, используя плато Устюрт и прилегающие к нему районы как пастбищные и зимовочные территории (Ягодин, 1991. С. 128). Происхождение данной группы памятников связано, очевидно, с сакскими племенами Южного Приаралья, обитавшими в предшествующее время на территории Присарыкамышской дельты Амударьи.

Кочевники присарыкамышского историко-этнографического района в доахеменидское время вряд ли были однородны в хозяйственном отношении (Яблонский, 1992. С. 21). Часть их, вероятно, имея зимовья в Присарыкамышье, на лето уходила в степи Южного Приуралья. Часть кочевала по Устюрту, имея в Присарыкамышье лишь зимовочные территории. Часть вела полукочевой образ жизни, не выходя за пределы региона. После политических событий второй половины VI в. до н.э. в Средней Азии, связанных с завоевательной политикой Ахеменидской державы, присарыкамышская группировка кочевников раскололась. Одни из них связали свою судьбу с Хорезмом – это были, прежде всего, полукочевники, носители куюсайской культуры, хозяйство которых было наиболее связано с Присарыкамышьем. И в ахеменидское время поселения куюсайской культуры здесь сосуществуют с памятниками кюзелигырской культуры (Яблонский, 1998. С. 46; Вайнберг, 1991. С. 20). Другие же, не желая подчиниться Хорезму и Ахеменидам, вынуждены были изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад – на Устюрт и Мангышлак[1], где в этот период в условиях высокой увлажненности господствовали степные и сухостепные ландшафты (Глушко, 1996. Рис. 2). Таким образом, плато Устюрт и прилегающие к нему районы (Узбой, Закаспий, Мангышлак) стали использоваться не только как летние пастбищные территории, но и как зимовочные. Данная группа кочевников в новую эпоху сохранила в своей погребальной обрядности ряд признаков обрядности предшествующего, раннесакского, времени. Это, во-первых, возведение погребального сооружения на древнем горизонте. Во-вторых, сооружение коридорообразных входов-дромосов, ведущих в погребальные камеры. В-третьих, обычай, допускающий частичное или даже полное разрушение относительно более ранних захоронений при совершении последующих. В-четвертых, сооружение специальных каменных валиков, иногда двойных, ограничивающих места захоронений (Яблонский, 1996. С. 18–29). Не исключено, на наш взгляд, и то, что на распространении в Восточном Прикаспии наземных склепов с коридорообразными входами определенное воздействие оказали южноуральские кочевники. Последние уже с конца VI в. до н.э. широко использовали в своей погребальной обрядности дромосные могилы, в том числе и для коллективных захоронений.

В то же время, на Устюрте параллельно культуре погребений на горизонте под курганной насыпью в V–II вв. до н.э. существовала и другая археологическая культура – "савромато-сарматская в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область" (Ягодин, 1991. С. 128). Об этом свидетельствует чрезвычайная близость погребальных памятников Устюрта и Южного Приуралья. Это погребения: в подбое с южной ориентировкой покойника; в широкой прямоугольной грунтовой яме, ориентированной широтно или меридионально, в центре подквадратного или круглого каменного сооружения на древнем горизонте; в узкой грунтовой яме с каменным кольцом на древнем горизонте; в яме с заплечиками (Древняя и средневековая культура..., 1978. С. 190–193; Ягодин, 1982. С. 77, 78). Исследованы здесь, в могильнике Дэвкескен 4, и коллективные многоактные погребения V–рубежа V–IV в. до н.э. в обширных могильных ямах, часто с дромосами (Вайнберг, 1999. С. 151). На наш взгляд, данная группа памятников оставлена кочевниками Южного Приуралья, использовавшими Устюрт в качестве зимовочных территорий (Таиров, 1993. С. 15–17)[2].

Особенно ощутимым присутствие южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV в. до н.э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира в Приаралье и, прежде всего, в Хорезме. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что кочевая степь и Хорезм представляли собой единую экономическую систему, а в основе тесных взаимосвязей кочевников Южного Приуралья и Хорезма лежит "сарматский кочевой цикл" или, шире, пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона (Ягодин, 1979. С. 37; 1982. С. 78).

В конце VI в. до н.э. Хорезм и часть кочевников между Аралом и Каспием вошли в состав одной из сатрапий персидской державы. Политика Ахеменидов в отношении кочевников была, по всей вероятности, достаточно жесткой. Не исключено, что именно этим объясняется нежелание части номадов признать господство персов и перенесение

[1] После VI в. до н.э. в Южном Приаралье уже не встречается захоронений на поверхности древнего горизонта, да и погребальные комплексы скотоводческого населения, которые достаточно уверенно можно датировать в пределах V в. до н.э., пока не обнаружены (Яблонский, 1999. С. 46).

[2] Судя по данным этнографии, кочевники могли хоронить своих умерших в различных местах на территории кочевания. У тувинцев, например, умершие члены одной семьи могли быть похоронены в зависимости от времени года на родовых территориях, вблизи зимних или летних кочевий (Дьяконова, 1980. С. 116).

ими центра своего племенного объединения (и родовых могильников) на север, в степи Приуралья. Однако восстания в покоренных областях и мятежи сатрапов вели к ослаблению Ахеменидского государства. В этих условиях при Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) Хорезм, ранее в административном отношении объединенный с Парфией, становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства (Пьянков, 1965. С. 42). Это преобразование имело своим следствием строительство укрепленного центра новой административной единицы с дворцом сатрапа. Этим центром, вероятно, должно было стать городище Калалыгыр, строительство которого развернулось на рубеже V–IV вв. до н.э. (Вайнберг, 1991. С. 23). Однако персы, видимо, запоздали с учреждением Хорезмийской сатрапии. Хорезм отпадает от Ахеменидов, добившись независимости. Персы вынуждены были уйти из страны, бросив недостроенным свой город (Рапопорт, 1987. С. 141, 142). Хорезм, Согдиана и сакские племена к концу царствования Артаксеркса II из подданных царя переходят в разряд его союзников (Дандамаев, 1985. С. 248).

Добиться независимости Хорезм мог, вероятно, только опираясь на поддержку кочевых племен, также стремившихся к независимости. Это, скорее всего, вызвало изменение его взаимоотношений с кочевниками: из противников они должны были стать союзниками[3]. Необходимость союза обусловила, вероятно, то, что Устюрт, это традиционное место зимних стойбищ южноприуральских кочевников, стал относительно безопасным районом. Возможно, Хорезм, стремясь заручиться поддержкой воинственных номадов, предоставил им и определенные гарантии безопасности. Результатом этого стало возможным появление в начале IV в. до н.э. погребальных памятников кочевников, в том числе и приуральских, на Восточном чинке Устюрта, рядом с хорезмийским городищем Большая Айбугир-кала, которое являлось главным опорным пунктом торговли Хорезма с кочевниками Южного Приуралья (Ягодин, 1982. С. 76–78).

С середины IV в. до н.э., в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного Зауралья масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Кроме того, относительная перенаселенность в степях Южного Приуралья определила миграцию населения этого региона не только на запад, прежде всего в Нижнее Поволжье, но, очевидно, и на Устюрт, природные условия которого благоприятствовали развитию здесь кочевого скотоводства (Глушко, 1996. С. 30–35; Таиров, 2003. С. 42, 43).

Миграция из степей Южного Приуралья на Устюрт привела к значительному увеличению кочевого населения, постоянно обитающего между Каспием и Аралом. В конце IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. на Устюрте, в левобережном Хорезме и в Прикарабогазье появляются целые могильники с захоронениями в подбоях с южной и северной ориентировкой погребенных, в катакомбах с южной ориентировкой покойников, в простых ямах с меридиональной ориентировкой. Их широкое распространение свидетельствует, как считает Б.И. Вайнберг, "об одновременном продвижении из Приуралья в Восточный Прикаспий и левобережный Хорезм особой группы населения", которую она называет "юечжи", впрочем, не вкладывая в это название конкретного этнического содержания. Эта группа, по ее мнению, мигрировала с территории, получившей в литературе названия коридора Хеси, или Ганьсуйского (провинция Ганьсу в современном Китая), в Южное Приуралье. Отсюда она через плато Устюрт проникает в левобережный Хорезм и в Восточный Прикаспий (Вайнберг, 1999. С. 241–249). Соглашаясь в целом с выводами Б.И. Вайнберг, мы, однако, считаем необходимым внести в них некоторые свои коррективы. Во-первых, вне всякого сомнения, исходная территория миграции данной группы восточных кочевников находилась где-то в районах Северного Китая или, что более вероятно, Восточного Туркестана. Во-вторых, судя по материалам погребальных памятников Южного Урала, миграция восточных кочевников в этот регион произошла, как мы уже указывали, скорее всего в третьей четверти V в. до н.э. И, наконец, в левобережном Хорезме появляются уже не восточные кочевники ("юечжи"), а ранние сарматы Южного Урала, носители прохоровской культуры, в окончательном сложении которой и приняли участие эти мигранты с востока, на что, кстати, указывает и Б.И. Вайнберг (1999. С. 247).

Возрастание роли кочевников в Арало-Каспийском регионе особенно наглядно проявляется в событиях, связанных с покорением севера Средней Азии Александром Македонским. Активное участие в них кочевого населения хорошо фиксируется античными источниками. Без союза с кочевниками сопротивление завоевателям оказывалось бы с самого начала обреченным на поражение (Гафуров, Цибукидис, 1980. С. 235–268; Маршак, Распопова, 1989. С. 419). Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Средней Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники. В этой обстановке на Устюрте, но все же довольно далеко от Хорезма, возникают комплексы байтинского типа. Наличие здесь, помимо

[3] Отметим в этой связи, что, согласно Арриану, правитель Хорезма Фарасман прибыл на переговоры с Александром Македонским "с конницей в полторы тысячи человек". Курций Руф же сообщает, что "Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности..." (Гаибов, Кошеленко, 2005. С. 116, 122).

курганов, культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища. Эти святилища имели ярко выраженный воинский характер и были, очевидно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей (Ольховский, Галкин, 1990. С. 205; Ольховский, 1997. С. 72–74; 1999. С. 70, 74, 76).

Следует отметить, что в IV–III вв. до н.э. в северной части Восточного Прикаспия наряду со святилищами байтинского типа (Устюрт и Мангышлак) возникают также святилища дыкылтасского типа (Мангышлак). Характерной чертой памятников типа Дыкылтас являются каменные менгирообразные стелы. На всех же святилищах байтинского типа, в отличие от святилищ дыкылтасского типа, обнаружены антропоморфные каменные скульптуры (Дженито и др., 2000. С. 9–12). Как представляется, дыкылтасский тип святилищ можно связать с культурой погребений на горизонте (Самашев, Ольховский, 1996. С. 219; Загородний и др., 1994. С. 64–66; Дженито и др., 2000. С. 9–11). Культовые комплексы, предшествующие и одновременные дыкылтасским святилищам, исследованы также на Узбое и в Северо-Западной Туркмении. На Узбое они датируются V–II вв. до н.э. (Ичянлыдепе) (Юсупов, 1984. С. 56). В Северо-Западной Туркмении в центре горного массива Большой Балхан изучен комплекс Гарраулдепе, очень близкий конструктивно святилищу Дыкылтас, но функционировавший с VII–VI вв. до н.э. по II в. до н.э. (Вайнберг, 1999. С. 141–145). Байтинский тип святилищ связан, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Явную "сарматоидность" кочевых племен, оставивших святилища типа Байте III, отмечают большинство исследователей (см., напр.: Ольховский, Яценко, 2000. С. 307, 308; Железчиков и др., 1995. С. 76, 77).

Истоки традиции изготовления каменных статуй святилищ байтинского типа следует искать, скорее всего, в среде южноуральских номадов. Обычай устанавливать в курганных могильниках каменные монументы в степях Южного Урала существовал с середины VI по конец IV в. до н.э. На Устюрте каменные антропоморфные скульптуры появляются с конца V в. до н.э. Причем наиболее ранние устюртские изваяния по своим морфологическим и иконографическим особенностям и предметному репертуару весьма близки южноуральским (Таиров, Гуцалов, 2001. С. 161–164). Появление же самих святилищ, на наш взгляд, связано с тем, что в течение IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Урала происходит переход от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной (Таиров, 2004в. С. 127–129). Наиболее же наглядным свидетельством корпоративной стратегии как раз и является строительство монументальных публичных сооружений, символизирующих объединение в целом и предназначенных для участия широких масс населения в общих ритуалах (Ковалевски, 2000. С. 179–181; Уасон, Балдиа, 2000. С. 230). Вероятно, именно с изменениям политико-экономической стратегии в обществе ранних кочевников Южного Урала связано возникновение на Устюрте комплексов байтинского типа.

Многоактные захоронения в подземных склепах (ямы с дромосом) конца V–III в. до н.э., сходные по существу с узбойскими, открыты и на территории Присарыкамышской дельты (Яблонский, 1999. С. 12–20, 34, 47). Отличие присарыкамышских склепов от узбойских состоит в использовании подземных конструкций и в отсутствии предметов вооружения среди погребального инвентаря. Помимо коллективных захоронений в подземных склепах, здесь же, иногда в тех же могильниках (Сакар-чага 1), исследованы и захоронения IV–II вв. до н.э., или второй половины IV–II в. до н.э., в узких прямоугольных ямах и ямах с подбоями (Сакар-чага 2, ранняя группа погребений могильников Тарым-кая и Туз-гыр). Причем в этой группе встречены как одиночные и парные, так и коллективные многоактные захоронения. Ориентировка погребенных различна, включаю южную, при преобладании северной. Для погребений в простых ямах и ямах с подбоями, так же как и для захоронений в подземных склепах, характерно почти полное отсутствие предметов вооружения (Яблонский, 1999. С. 20–26, 34, 36; Трудновская, 1979). По мнению Л.Т. Яблонского (1999. С. 36), все эти погребения (в ямах с дромосами, узких прямоугольных ямах, ямах с подбоями) оставлены местным полуоседлым скотоводческим населением, находившимся в зависимости от государственно-административных структур Хорезма.

Коллективные захоронения в ямах с дромосами (подземные склепы) Присарыкамышья, имея сходство по существу с узбойскими, тем не менее наиболее близки южноуральским погребальным комплексам этого типа (Яблонский, 1999. С. 47, 48). Но если на Южном Урале коллективные погребения в ямах с дромосами датируются в пределах конца VI–IV в. до н.э., то в Южном Приаралье они появляются не ранее конца V в. до н.э. Одновременно с появлением дромосных могил в Присарыкамышье появляется круглодонная керамика, неизвестная на территории Хорезма в предшествующее время и имеющая полные аналогии в южноуральских памятниках V–IV вв. до н.э. Появляется и обычай помещения с погребенным заупокойной пищи в виде сочлененной с лопаткой передней ноги барана (Яблонский, 1999. С. 15, 19, 103). Все это наводит на мысль о том, что данный тип погребальных сооружений в Южном Приаралье мог появиться в результате оседания здесь беднейшей части кочевников Южного Урала. Пришлый характер населения, оставившего в Присарыкамышье

дромосные могилы с многоактными захоронениями, отмечает и Б.И. Вайнберг. По ее мнению, промежуточным пунктом на пути движения этой группы населения с "сарматской" территории в левобережный Хорезм являются подобные погребальные сооружения V – рубежа V–IV вв. до н.э. Устюрта (Девкескен 4) (Вайнберг, 1999. С. 151).

С процессом оседания на границах Хорезма части южноуральских номадов следует, очевидно, связывать и появление в Присарыкамышье ранних, IV–II вв. до н.э., подбойных захоронений (Яблонский, 1999. С. 102). Пришлый характер кочевников, переселившихся в левобережный Хорезм через Устюрт из Южного Приуралья на рубеже IV–III вв. до н.э. и оставивших курганы с подбойно-катакомбными захоронениями, отмечает и Б.И. Вайнберг (1997. С. 34; 1999. С. 161, 163). Вскоре после прихода в оазис низовьев Амударьи выходцы из этой группы кочевников захватывают власть в Хорезме и основывают свою династию. С конца II в. до н.э. или рубежа II–I вв. до н.э. эта кочевая династия чеканит собственную монету. Причем тамги на ее монетах близки тамгам на монетах правителей Согда (Самарканда и Бухары) этого же времени. Тамги такого же типа известны в Юго-Западной Монголии, на Устюрте (святилище Байте III) и в Северном Причерноморье (Вайнберг, 1999. С. 251, 252; Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 69–71; Ольховский, Яценко, 2000. С. 303, 304, 306, 307). В этой связи отметим, что в Южном Приуралье в кургане середины V в. до н.э. Имангазы-Карасу II найдена каменная плита с тамгообразным знаком в виде круга и отходящего от него горизонтально Г-образного "отростка" (Гуцалов, Таиров, 2000. С. 227. Рис. 8, *8*). Аналогичный знак встречен на стеле из комплекса Дыкылтас (Самашев, Ольховский, 1996. Рис. 6) и на плитах засыпки главной культовой конструкции на святилище Байте III. Аналогичные знаки известны в Центральной и Восточной Монголии (Ольховский, Яценко, 2000. Илл. 3; 4, 1; Яценко, 2001. Рис. 35, *123–125, 191*).

О возможности оседания номадов Южного Урала на границах Хорезма говорят и данные антропологии. По мнению Л.Т. Яблонского, "данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамышских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приаралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени". "Данные антропологии... говорят о более чем вероятной принадлежности сакар-чагинцев к популяции "восточного" приуральского типа савромато-сарматского времени" (Яблонский, 1999. С. 102, 103). Заслуживает внимания и предположение Л.Т. Яблонского о том, что в составе южноуральских номадов, осевших в Присарыкамышье, были выходцы из зауральской лесостепи (1999. С. 103). Об этом может свидетельствовать не столько конструктивная близость сакар-чагинских склепов и жилищ лесостепного Зауралья (Яблонский, 1999. С. 48, 49), сколько, на наш взгляд, широкое распространение ориентировки погребенных в северный сектор (Яблонский, 1999. С. 17, 22).

Миграция кочевников Южного Приуралья к границам Хорезма и их оседание здесь, как совершенно справедливо отмечает Л.Т. Яблонский (1999. С. 101), имела постепенный и спорадический, волнообразный характер. Этому оседанию способствовали не только далеко зашедшее в их среде социальное расслоение, но и, вероятно, протекционистский характер политики Хорезма по отношению к кочевникам в поздне- и послеахеменидское время. Вполне вероятно, что Хорезм использовал этих скотоводов как воинский контингент на своих границах. Кроме крепостей в скотоводческой зоне левобережного Хорезма появляются специальные ремесленные поселения, существовавшие с IV–III вв. до н.э. по IV в. н.э. Производимая на них продукция использовалась в качестве платы кочевникам за воинскую службу (Вайнберг, 1999. С. 166; Вайнберг и др., 1998. С. 34, 35). Очевидно, определенная часть производимой на этих поселениях ремесленной продукции поступала и на пограничные рынки, открытые для торговли с кочевой степью, не зависящей политически от Хорезма. Нельзя также не учитывать и экологический фактор. Концентрация значительных масс населения в Южном Приуралье на фоне начавшейся аридизации привела к оттоку уже в IV в. до н.э., но особенно на рубеже IV–III вв. до н.э., южноприуральских номадов не только на запад, но и на юг, в частности в Присарыкамышье (Яблонский, 1999. С. 101). Осев на границах Хорезма и став структурной частью системы хорезмийской государственности, эти скотоводы находились уже в непосредственной политической зависимости от государственных институтов власти (Яблонский, 1999. С. 49; Вайнберг, 1999. С. 165). Следует подчеркнуть, что осевшие скотоводы жили внутри границ Хорезмского оазиса. От кочевого мира с запада их отделяла система пограничных крепостей, таких как Канга-кала, Бутентау I и II, ранний Дев-кескен и др. Время их возведения – рубеж V–IV вв. до н.э. – IV в. до н.э. (Вайнберг, 1991. С. 44–46, 62; Ягодин, 1988. С. 504).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ "Урало-Аральские этнокультурные взаимодействия в эпоху поздней бронзы и раннего железа (I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.), проект № 05-01-85105а/У".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13).

Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М., 1991.

Вайнберг Б.И. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. 1997. № 1.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999.

Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвецинская Е.А. Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамышской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов // РА. 1998. № 1.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

Варенов А.В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тез. научно-практич. конф. Барнаул, 1995.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье – хозяйство, материальная культура. М., 1995.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1.

Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Глушко Е.В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Дьяконова В.П. Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997.

Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Учебн. пособие. Волгоград, 1995.

Загородний А.С., Исмагилов Р.Б., Самашев З.С. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Тез. докл. междунар. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Ч. II. Запорожье, 1994.

Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе, 1975.

Заднепровский Ю.А. Подбойные погребения Центральной Азии: к вопросу об этнической атрибуции памятников юечжей // Вторая Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.

Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии (сборник статей) // Археологические изыскания. № 40. СПб., 1997.

Ковалевски С. Циклические трансформации в североамериканской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Лылова Е.В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // АПО. 2001. Вып. V.

Мандельштам А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147.

Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Мандельштам А.М. О "впускных" погребениях в курганах эпохи бронзы Закаспия // КСИА. 1983. Вып. 176.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научн. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1989.

Ольховский В.С. Древние святилища Устюрта: контакт и конфликт культур // Наука в России. 1997. № 6.

Ольховский В.С. Каменные храмы Устюрта // Наука в России. 1999. № 4.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. № 4.

Ольховский В.С., Яценко С.А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Пьянков И.В. "История Персии" Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2.

Рапопорт Ю.А. Святилище во дворце на городище Калалыгыр I // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тыс. до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Мат. IV Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Таиров А.Д. Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV–II вв. до н.э. // Вестн. Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004а.

Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004б.

Таиров А.Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. II региональной научно-практич. конф. Челябинск, 2004в.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Ордосские бронзы. Пекин, 1986 (на кит. яз).

Уасон П., Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Чжун Сук-Бэ. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир. Мат. 6-го археологич. семинара. Ч. 1. Краснодар, 1998.

Юсупов Х. Ранний железный век Северной Туркмении // Ранний железный век Средней Азии и Индии. Тез. докл. членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад, 1984.

Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Яблонский Л.Т. Скифо-сакская контактная зона: проблема типологизации этногенетических процессов // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. Сб. тез. семинара. М., 1992.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. 1998. № 4.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999.

Ягодин В.Н. Устюрт и Приаральская дельта (некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. 1976. № 11.

Ягодин В.Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979.

Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент, 1982.

Ягодин В.Н. Исследования на плато Устюрт // АО-1986. 1988.

Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichehden Archäologie. Bd. 50. Mainz a. R., 1992.

Ethno-cultural processes in the South Uralian steppes in the second part of the 5th–4th cc. BC

A. D. Tairov

Summary

The transition from the Savromatian to the early Sarmatian archaeological culture is marked by essential changes in burial rite, repertoire and distribution of funerary gifts. These phenomena are related not only to the in-society shifts in the communities of the early nomads of the South Ural region, but with the inflow of population from the territories situated farther eastward – Northern and North-Western China. The first large migration from this region occurred in the third quarter of the 5th c. BC. Later on, during the whole 5th c. BC migrations were of less mass character. In the early 4th c. BC starts movement of the early nomads from the South Transurals to the territory west from the South Urals. Population growth in the region was accompanied by the complications in environmental conditions, these events caused migration of the South Uralian nomads both in westerly and southerly directions, the latter moved to the Ustyurt plateau. Parallel process of the nomads' settling within the fringe of Khorezm and their involvement into the Khorezm state system is registered.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 79–87

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

© 2006 г. В. Е. Маслов

Институт археологии РАН, Москва

После открытия важнейших памятников раннескифской культуры конца VII – начала VI в. до н.э. на Северном Кавказе – Краснознаменского, а затем и Нартанского могильников, появились оценки раннего пласта скифских древностей как самостоятельного культурного комплекса, локальная специфика которого определялась характером перекрытого им культурного субстрата (Алексеев, 1992. С. 92–112; Погребова, Раевский, 1992. С. 62, 63, 221). Процедура выделения древностей, относящихся к раннескифскому горизонту, традиционно производится на основании наличия в памятниках предметов знаменитой "скифской триады". Именно присутствие вещей этой группы в Закавказье и Передней Азии позволяет выстраивать версии о времени и маршрутах скифских походов, отраженных в исторических источниках. Напротив, керамика, по мнению большинства исследователей, является составляющей материальной культуры, заимствованной скифами у различных местных племен (Петренко, 1983. С. 46; Махортых, 1991. С. 43).

В свою очередь, автохтонные культуры Северного Кавказа испытали сильное воздействие со стороны скифской культуры, проявившееся в стремительной смене основных категорий вещевого набора. Не стала исключением и керамика. Комплекс керамики из курганов, содержавших предметы скифского типа, обладает столь выразительными особенностями, что его следует рассматривать как новое культурное явление (Маслов, 2004. С. 119–121). В Центральном Предкавказье наборы чернолощеной керамической посуды из подкурганных гробниц военной аристократии, по-видимому, составляли своеобразные гарнитуры, которые входили в число наиболее престижных предметов, определявших высокий социальный статус умерших.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях формы и декора одного из наиболее распространенных сосудов из могильников скифской дружинной знати – кружек (вариант "в" по В.И. Козенковой – Козенкова, 1998. С. 101, 102. Табл. XXXVII, *24*) (рис. 1; 2, *4*, *6*). Как правило, это сосуды, в верхней части которых находятся дугообразно вогнутые неразделенные щека с губой, шея и плечо, в нижней – тулово[1]. Верх и низ сосуда разделен подчеркнутым гранями-перегибами предплечьем, расположенным, как правило, в нижней трети сосуда. Вариация высоты расположения и ширины предплечья была определяющей для структурной организации подобных сосудов, имеющих подчеркнуто геометризированную биконическую форму. Все они имеют округлые ручки, которые крепятся к шее под устьем и к предплечью. Ручки имеют штифтовое крепление: они вставлены в заранее проделанные отверстия в стенках сосуда, а затем у мест крепления покрыты дополнительной обмазкой. Орнаментальные бордюры на "кружках" достаточно жестко связаны лишь с зонами щеки (сразу под губой) и предплечья-плеча, которые таким образом являлись наиболее значимыми с точки зрения внешнего восприятия сосуда.

Поиски прототипов этой разновидности сосудов среди керамики различных вариантов кобанской культурной общности не принесли результатов. Но возможна и другая версия происхождения кружек. Исследователи давно обратили внимание на параллели, существующие между северокавказской керамикой из памятников скифского времени и керамикой Восточного Закавказья (Пиотровский, Иессен, 1940. С. 15). Отдельные сосуды с каннелированным лощением туловом из памятников раннего железа Восточного Закавказья весьма близки к сосудам скифской эпохи с Северного Кавказа (Ивановский, 1911. Табл. XI, *5*; Казиев, 1965. Табл. II, *6*; Гусейнова, 1989. Табл. X, *32*, *33*, *37*, *38*; Nagel, Strommenger, 1985. S. 75, 110). К сожалению, большинство из этих находок остаются недоступными для визуального исследования.

Благодаря содействию А.П. Мошинского, которому я выражаю искреннюю признательность, мною была осмотрена чернолощеная кружка из раскопок А.А. Ивановского в Елизаветпольской губернии в 1896 г., хранящаяся в ГИМ (Ивановский, 1911. С. 189. Табл. XI, *9* – ГИМ, Б-965, № 62) (рис. 1; 2, *5*). Несмотря на то что материалы этих раскопок были опубликованы исследователем, полной ясности в отношении происхождения дан-

[1] При описании сосудов использованы представления о структуре керамических форм и термины, предложенные А.А. Бобринским (1988).

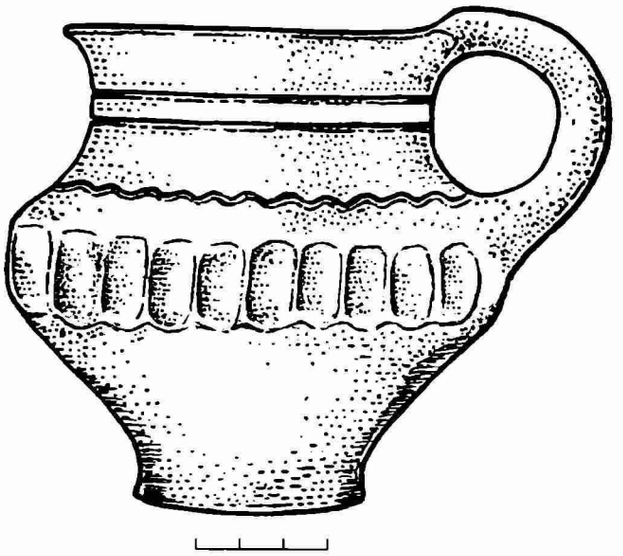


Рис. 1. Кружка из раскопок А.А. Ивановского (собрание ГИМ).

ной находки нет. Она могла быть обнаружена в одном из каменных ящиков Кедабекского могильника в долине р. Шамхор или в богатом погребении кургана 91 Карабулакского могильника (как это с долей сомнения отмечено в музейных описях). Материалы Кедабекского могильника датируются в довольно широком диапазоне от рубежа IX–VIII – до VII–VI вв. до н. э. (Погребова, 1984. С. 209, 210). Курган 91 Карабулакского могильника наряду с другими богатыми курганными погребениями (прежде всего с Арчадзорским курганом № 1) датируется исследователями по-разному (Гусейнова, 1989. С. 23. Прим.), но наиболее вероятной представляется датировка в пределах IX–VIII вв. до н. э. (Кушнарева, 1957. С. 177).

Экземпляр из собрания ГИМ (рис. 1), несомненно, был выполнен с использованием гончарного круга, о чем свидетельствует не только намеченный поддон, но и четкие следы срезки с круга на

Рис. 2. *1* – Кедабекский могильник – погр. 91 (по А.А. Ивановскому); *2, 3* – Малый курган (по А.А. Иессену); *4* – случайная находка из разрушенного погребения у с. Новозаведенное; *5* – собрание ГИМ (из раскопок А.А. Ивановского); *6* – находка из г. Кисловодск (собрание Пятигорского музея); *7* – Кедабекский могильник погребение 44 (по А.А. Ивановскому).

незалощеном дне. Его структурная конструкция близка к конструкции кружек из Центрального Предкавказья раннескифского времени. Основное отличие состоит в том, что у сосудов с Северного Кавказа доля тулова меньше, а пропорции, как правило, более растянуты в ширину (рис. 2, *1–6*).

Как и сосуды из Центрального Предкавказья, кружка снабжена штифтовой ручкой. Ее орнаментация состоит из двух прочерченных горизонтальных линий под устьем и прочерченной зигзагообразной линии на плече, а также пояса из пролощенных вертикальных каннелюр на предплечье.

Сравнительно немногочисленная чернолощеная каннелированая керамика появляется в Восточном Закавказье уже в эпоху поздней бронзы и получает дальнейшее развитие в памятниках эпохи раннего железа (Гусейнова, 1989. С. 27, 51, 61, 62. Табл. X, *3–4, 37–38*; XI, *9*). В целом генезис этой группы остается неясным. М.Н. Погребова отметила для керамики с рифлением из Мингечаура параллели с сосудами из Хасанлу (1977. С. 105, 106. Табл. XXIII). Каннелированная керамика происходит из "княжеских" курганных погребений в Нагорном Карабахе (Джафаров, 1992. С. 161. Рис. 2; 3).

Хотя очевидно, что кружка происходит из памятников, материалы которых относятся к предскифскому этапу, необходимо учитывать, что для Восточного Закавказья характерны устойчивость и длительное бытование различных форм инвентаря и размытые границы между хронологическими этапами (Погребова, 1984. С. 44, 45). К числу близких аналогий данной находки можно отнести серию чернолощеных сосудов из Малого кургана в Мильской степи, найденных вместе со стрелой скифского типа (Иессен, 1965. Рис. 6, *3–8*) (Рис. 2, *2, 3*). Значение этого комплекса весьма велико – он обнаруживает параллели как с материалами из Тепе Сиалк, так и из Зивие (Погребова, 1984. С. 69, 70, 100, 101. Табл.VII).

Важная деталь нашей кружки – рудиментарный, слабо выделенный поддон. М.Н. Погребова считает возможным связать происхождение данной конструктивной детали у закавказских чернолощеных сосудов с прототипами данной формы – "кубками на маленьких поддонах", относящимися к иранской керамике конца II – начала I тыс. до н.э. (Погребова, 1977. С. 86–88. Табл. XVI). Отметим также, что среди иранской керамики этого периода встречаются экземпляры кружек с подчеркнутым гранями массивным предплечьем (Ghirshman, 1939. Pl. I, *5, 6*). Орнамент из вертикальных, реже наклонных каннелюр, расположенный на геометризированном предплечье, также становится обычным на кружках из северокавказских памятников скифского времени (Пиотровский, Иессен, 1940. Табл. X, *1*; Батчаев, 1985. Табл. 51, *34*).

Сходство структурной конструкции в сочетании со сходством в размещении и способом нанесения основного орнаментального мотива едва ли можно считать случайным. Но возникает вопрос, когда и как восточнозакавказские прототипы могли послужить образцами для создания новых типов керамики на Северном Кавказе. Наиболее приемлемым представляется объяснение, что культурные заимствования быстро распространились благодаря существованию пути в Переднюю Азию через Восточное Закавказье, по которому туда проникли скифские орды. Версия эта отнюдь не нова (Пиотровский, 1959. С. 244), но впервые она получает подтверждение при анализе такого специфического материала, как керамика. Попутно отмечу, что именно Дербентский проход, как дорога, наиболее удобная для кавалерии, во все позднейшие эпохи являлся основным маршрутом многочисленных походов войск с территории Северного Кавказа в Закавказье и из Закавказья на Северный Кавказ, что согласуется и со сведениями античных авторов (Крупнов, 1954. С. 193, 194). В этой связи отмечу также, что открытие в низовьях Терека (к востоку от г. Моздока) новых курганных могильников эпохи скифской архаики представляется лишь вопросом времени.

Появление среди керамики из памятников раннескифского этапа форм, прототипами которых могли послужить восточнозакавказские модели, не выглядит невероятным на фоне того, что значительная часть бронзового инвентаря кобанской культуры имеет центрально- и западно-закавказские истоки происхождения, что в той или иной форме всегда признавалось ее исследователями (Куфтин, 1949. С. 48; Крупнов, 1960. С. 79–81; Техов, 1977. С. 213, 214). Восточнозакавказские импорты не столь часто, но все же встречаются среди кобанских древностей (Вальчак, 2004. С. 44). Так, следует отметить находку в погребении 81 могильника Клин-Яр III, относящегося к раннескифскому периоду, восточнозакавказской бронзовой подвески в форме птицы (Флёров, Дубовская, 1993. С. 280. Рис. 5, *2-е*). Близкая фигурка происходит из одной из гробниц могильника Терезе (Козенкова, 2005. Фото 3). Характерно, что и в последние века до н.э. влияние Кавказской Албании на традиции керамического производства в Центральном Предкавказье также прослеживается совершенно отчетливо (Абрамова, 1979. С. 44, 45). В этой связи необходимо признать, что и для скифского периода круг сопоставлений достаточно широк.

Чернолощеная керамика и небольшие сосуды с косыми или прямыми пролощенными каннелюрами появляются в памятниках предскифского этапа центрального варианта кобанской культуры еще в предскифское время (Деопик, Крупнов, 1961. С. 19, 20. Рис. 6, *2*). Истоки происхождения данного орнаментального приема неясны, но вполне вероятно также связаны с Закавказьем. Характерно, что параллельно существует имитация каннелюр с помощью нарезных линий (Деопик, Крупнов, 1961.

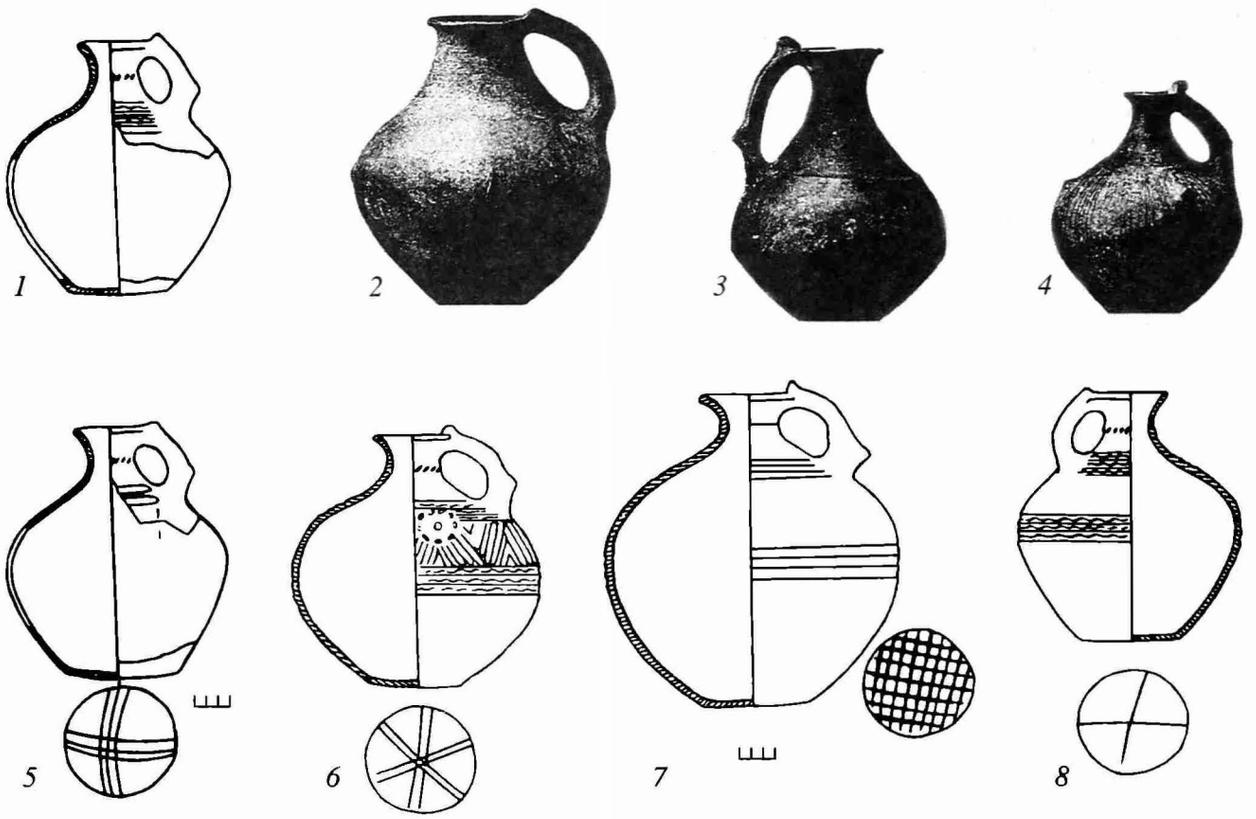


Рис. 3. *1, 5–8* – кувшины из кургана у с. Беимсаров (по Г.Ф. Джафарову); *2* – Кедабекский могильник – погр. 18 (по А.А. Ивановскому); *3* – Кедабекский могильник – погр. 55 (по А.А. Ивановскому); *4* – Кедабекский могильник – погр. 17 (по А.А. Ивановскому).

Рис. 7, *7–9*). Хотя без сомнения керамика именно этого варианта кобанской культуры послужила основой для формирования парадной посуды скифского эпохи, среди нее нельзя найти прототипы скифских кружек с выделенным предплечьем (Маслов, 1997).

Кроме того, с началом скифской эпохи меняется внешняя обработка керамики. Для посуды из могильников военной знати характерна чернолощеная поверхность высокого качества (до зеркального металлического блеска), что не свойственно для керамики предшествующей эпохи. В ряде случаев лощение дополнено полировкой поверхности. Нередки признаки использования гончарного круга – спиралеобразные следы заглаживания на внутренней части донцев сосудов (особенно часто именно на кружках).

У шести сосудов из Нартанского и Новозаведенского могильников на дне нанесены пролощеные косые кресты, причем в двух случаях они являются единственным присутствующим орнаментальным мотивом. Подобный прием был неизвестен в предскифскую эпоху; единственное возможное исключение – вероятно прочерченный косой крест на миске из Каменномостского могильника (Батчаев, 1974. Рис. 24, *10*). В то же время пролощеные косые кресты хорошо известны на керамике из памятников Восточного Закавказья поздней бронзы – раннего железа: Артикском могильнике, карабахских курганах (Хачатрян, 1979. С. 16; Джафаров, 1992. Рис. 5, *2, 10*) (рис. 3, *5, 6, 8*). Тождество в размещении и характере нанесения подобных знаков на посуде с Северного Кавказа и Восточного Закавказья позволяет предполагать заимствование данного приема, причем, едва ли речь может идти о подражании неким культурным эталонам, а скорее о новой традиции, появившейся благодаря переселению отдельных мастеров-керамистов (пленных ?) в иноэтничную среду.

Среди комплекса керамики скифского времени встречаются чаши, украшенные вертикальными налепами-ребрами (рис. 4, *4, 5*). Подобные чаши встречены в курганах 9, 13, 15 Нартанского могильника и в кургане 13 могильника Новозаведенное-II (Батчаев, 1985. Табл. 27, *11*; 35, *5*; 39, *38*; Петренко и др., 2000. Рис. 2-А). Три подобных налепа имеются на чаше из Моздока, хранящейся в Пятигорском музее (инв. № 6967/2). Кроме того, фрагменты чаш с подобными налепами были найдены на поселении на Ставропольских высотах (Охонько, 1988. Рис. 12, *б*).

Близкие по форме вертикальные налепы встречаются на плечевых частях кувшинов и кубков из Мингечаурского могильника (Казиев, 1949. Рис. 25, *б*; 26; 28, *в–Г*) (рис. 4, *1–3*).

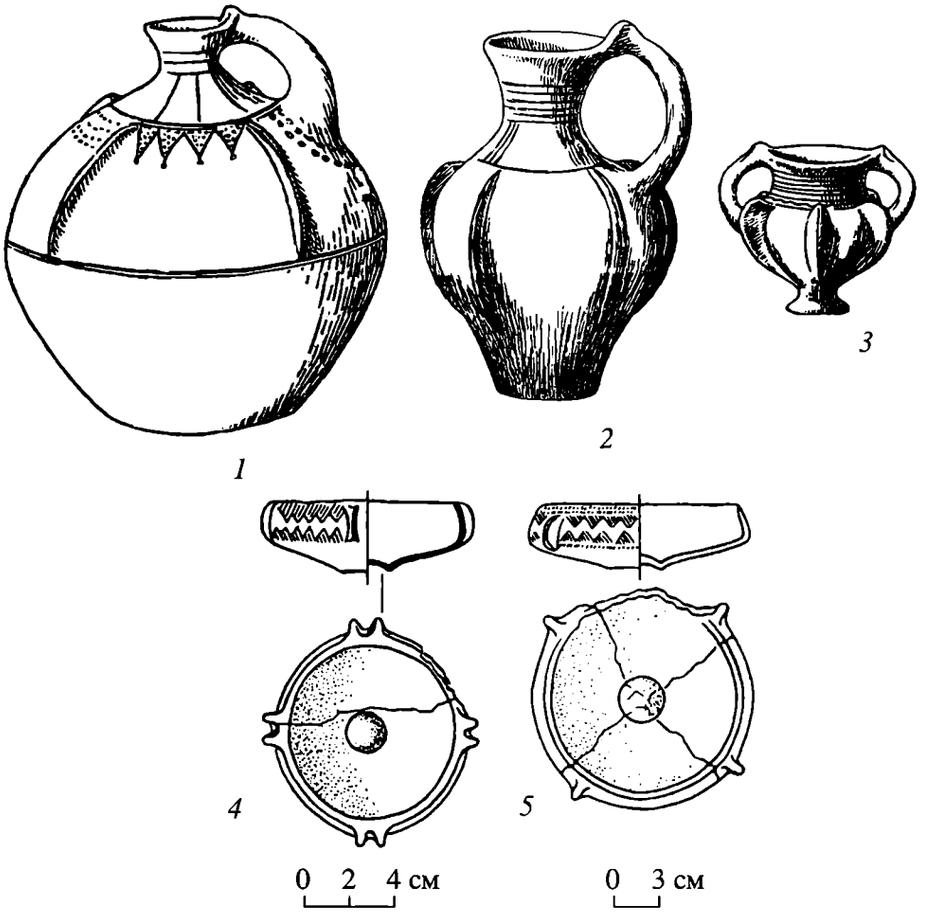


Рис. 4. *1–3* – сосуды с налепами-ребрами из Мингечаурского могильника (по С.М. Казиеву); 4, 5 – курган 13 и 15 Нартанского могильника (по В.М. Батчаеву).

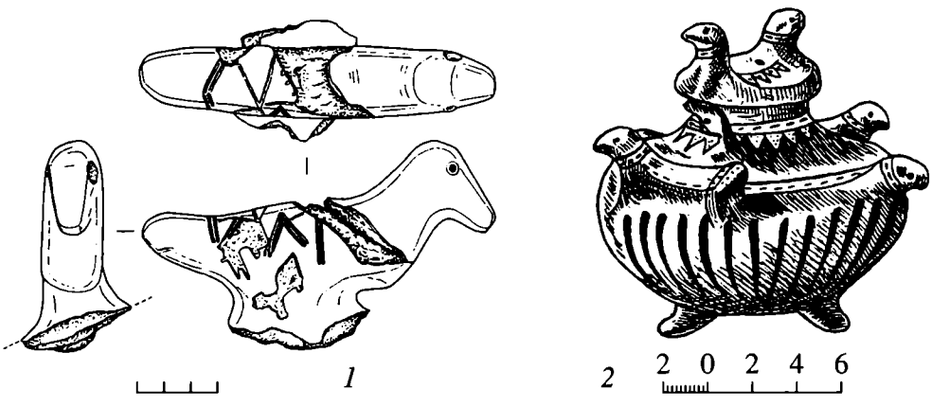


Рис. 5. *1* – налеп в виде птицы из кургана 7 могильника Новозаведенное-II; *2* – сосуд с зооморфными налепами из Мингечаурского могильника (по Т.И. Голубкиной).

Уникальными являются зооморфные налепы, крепившиеся на плечах двух корчагах, одна из которых происходит из насыпи, а вторая из могильной камеры кургана 7 элитарного могильника Новозаведенное-II (Петренко и др., 2004. Рис. 7, *7, 8*) (рис. 5, *1*). Наиболее близкой параллелью данных скульптурных изображений являются налепы на чернолощеном сосуде с рифленой поверхностью из кургана 3 Мингечаурского могильника (Голубкина, 1951. С. 119, 120. Рис. 19) (рис. 5, *2*). Их сближает место размещения налепов, абрис фигур, наличие намеченного точкой глаза и прочерченного геометрического орнамента на их поверхности.

К редким новым разновидностям керамической посуды относятся также вотивные чашечки на ножках. Бытовое использование этих сосудов, учитывая их малый объем, представляется весьма сомнительным. Различные модификации чаш на ножках известны из курганов Новозаведенное-II (Петренко и др., 2004. Рис. 8, *1, 2*), гробницы III Каррасского могильника (Козенкова, 1998. Табл. XXXIX, *2*), погребения 3 Перкальского могильника (Егоров, 1956. Рис. 18, *2*), погребения 6 Каменномостского могильника, и кургана 22 Нартанского могильника, где авторы публикации при-

Рис. 6. Серолощеный кувшин из кургана 5 могильника Новозаведенное-II.

няли ее за фрагмент крышечки (Батчаев, 1974. Рис. 24, *1*; 1985. С. 43. Табл. 51, *31*). На подставке ножек чаш из курганов 3 и 11 Новозаведенного могильника были нанесены свастики. Ритуальное назначение этих изделий, исходя из особенностей орнаментации, представляется весьма вероятным, так же как и внешние истоки происхождения этой необычной формы.

Наиболее типологически близкая к сосудам из Новозаведенного находка происходит из погребения 44 Кедабекского могильника, исследованного А.А. Ивановским, который полагал, что данная чаша изготовлена из камня (1911. С. 117. Табл. XII, *9*) (рис. 2, *7*). Однако, вероятно, это заблуждение (Иессен, 1965. С. 26. Прим.; Погребова, 1977. С. 86). По набору погребального инвентаря погребение 44 входит в группу захоронений, датировка которых определяется концом IX–VIII в. до н.э. В свою очередь, здесь они, вероятно, имеют иранские прототипы эпохи поздней бронзы (Ghirshman, 1939. Pl. XVI, *8*).

В материалах скифских могильников появляется и другая совершенно новая керамическая форма – чернолощеные кувшины с вытянутым носиком-сливом. Они встречены пока только в двух могильниках военной аристократии – Нартанском и Новозаведеннное-II (Батчаев, 1985. С. 31. Табл. 31, *1*; Маслов, Петренко, 1998. С. 215, 216. Рис. 8, *1*). Судя по орнаментации, они относятся к числу изделий аборигенного населения Предкавказья, находившегося под властью скифов, и, несомненно, испытывавших влияние скифской культуры. Сосуды близкой формы хорошо известны в Восточном Закавказье в памятниках раннескифского времени (Асланов, 1986. С. 8. Рис. 6). Материалы Мугерганского могильника в Дагестане VIII–VI вв. до н.э. демонстрируют проникновение сюда форм, связанных с восточно-закавказской культурой эпохи поздней бронзы – раннего железа (Пикуль, 1967. Рис. 5, *27*). Среди них кувшины со сливом и петлеобразной ручкой, которые, по-видимому, без какого-либо разрыва существуют в этом регионе, по крайней мере, до начала I тыс. н.э. (Котович, 1959. Табл. VIII, *3*; Пикуль, 1967. Рис. 5, *11*, *12*). Можно предполагать, что территория Дагестана, так же как и в последние века до н.э., служила своеобразным плацдармом, через который культурные инновации проникали на Северный Кавказ. В этой связи следует также остановиться на находке горла кувшина из погребения 33 Зандакского могильника в Горной Чечне, что свидетельствует о появлении кувшинов со сливом на Северно-Восточном Кавказе еще в предскифское время (Марковин, 2002. С. 61. Рис. 45, *6*).

Находки в кургане 16 могильника Новозаведенное-II фрагментов импортных греческих сосудов подтверждают синкретический облик погребального инвентаря аристократических курганов (Петренко и др., 2000. С. 238–241. Рис. 1, *А*, *Б*; Maslov, 2003. S. 232, 233. Taf. 35). Культурные контакты могли способствовать появлению новых форм и деталей керамической посуды. Так, у чернолощеного кувшина из кургана 17 имеется необычная Г-образная коленчатая ручка. Ее появление можно объяснить только знакомством с устройством ручек на гончарных сосудах (Петренко и др., в печати. Рис. 10). И в более поздний период коленчатые ручки появляются только там, где население знакомо с импортной гончарной посудой (Пузикова, 2000. Рис. 4, *5*). Лепные подражания амфорам известны уже в раннескифских погребениях (Дубовская, 1997. С. 203. Рис. 10, *10*).

Кроме того, из могильника Новозаведенное-II происходит серия однотипных целых и фрагментированных крупных серо- и краснолощеных кувшинов[2] (Петренко и др., 2000. С. 241. Рис. 2, *Б*; 2004. Рис. 7, *6*) (рис. 6). У этих кувшинов имеется вытянутый вперед длинный носик-слив, несколько сжатый с боков у основания, при этом устье кувшина несколько растянуто в перпендикулярном направлении по отношению к сливу. Венчик кувшинов (щека) отогнут наружу; шея цилиндрическая, несколько углубленная в плечики, переходит в них через слабовыраженный валик. К краю венчика, напротив носика-слива крепится округлая в сечении штифтовая петлеобразная ручка, у основания которой имеется шипообразный налеп. Еще два

[2] Весьма вероятно, что разница в цвете связана с особенностями температурного режима обжига и может иметь случайный характер.

подобных налепа располагались на плечах сосудов. Все кувшины не имели орнаментации. Очевидно, кувшины изготовлялись с использованием круга или подставки, однако прямых доказательств этому нет. Происхождение сосудов этой серии неясно. В скифских памятниках единственный похожий на них краснолощеный сосуд был найден в погребении 5 кургана 14 могильника Красногоровка III у г. Азов вместе с самосской и хиоской амфорами конца VII – начала VI в. до н.э. (Бабешко, 1988. Рис. 154; 155; Парусимов, 1997. С. 31; Копылов, 2000. С. 157, 158. Рис. 1, *1, 2*). Возможны три версии о происхождении данных сосудов.

1. Наиболее вероятно, что эти сосуды являются импортом. Распространение в Восточной Грузии в VII в. до н.э. красноглиняной керамики считают результатом влияния урартской культуры (Погребова, 1984. С. 33). В нашем случае это также скорее подражание определенным культурным стереотипам. Вполне возможно, что серия необычных крупных кувшинов из данного могильника предназначались для вина или иных хмельных напитков и была своеобразным эквивалентом греческим амфорам. В пользу такого предположения свидетельствует находка кувшинов близкой формы (со сливом и без) в кладовых Кармир-Блура (Пиотровский, 1952. Рис. 16; 1955. Табл. VI; VII). Аналогичные парадные краснолощеные кувшины, на которых часто встречаются клейма, немецкие исследователи Русахинили относят к классу "дворцовой посуды" – "Palastware" (Das Vorderasiatische Museum, 1992. S. 248, 249). При этом они считают, что краснолощеная поверхность имитировала красноватую поверхность медных сосудов, а чернолощеная – серебряных. Сходство отдельных металлических и керамических форм действительно имеется (Пиотровский, 1955. С. 10. Рис. 4).

Однако качество новозаведенских сосудов значительно ниже, чем парадных ураратийских. Очевидно, они не являются изделиями урартских керамистов, а мастеров лишь знакомых с их продукцией. Детали же, напоминающие внешнее оформление новозаведенских тарных кувшинов, можно найти на сосудах эпохи поздней бронзы – раннего железа из Восточного Закавказья (рис. 3). Так, кувшины с ручкой, имеющей шиповидный выступ у основания, часто с валиком под узким горлом происходят из курганов начала I тыс. до н.э. Азербайджана (Иессен, 1965. Рис. 7, *4*; Джафаров, 1992. Рис. 4, *1, 2*; 5, *1–4, 7–11*) и Армении (Исраелян, 1973. Рис. 22, *1*). Среди материалов Кедабекского и Ходжалинского могильников есть кувшины с выступами на ручках и сосцевидными налепами на плече (Ивановский, 1911. Табл. X, *16*; Гусейнова, 1989. Табл. X, *35*). На отдельных экземплярах кувшинов встречаются рельефные валики у основания горла (рис. 3, *3*).

2. Это местные подражания инокультурным образцам. Кувшины выделяются прежде всего своими морфологическими особенностями. Однако можно достаточно уверенно утверждать, что северокавказские гончары находились примерно на одном уровне технологических знаний и производственных навыков, что и мастера, изготовившие данные кувшины. В то же время песок в составе керамического теста этих сосудов отличается по цвету (и минеральному составу ?) от песка в составе теста остальных сосудов из могильника. Кроме того, вся остальная керамика из Новозаведенского могильника имеет чернолощеную поверхность. В целом, данная версия представляется все же маловероятной.

3. И, наконец, можно с известной долей осторожности допустить предположение, что мастера-изготовители были переселены в Центральное Предкавказье из другого региона и работали в какой-то мастерской, обслуживавшей нужды дружинной знати.

Другим примером местного изделия, выполненного в подражание закавказским прототипам, является чаша-светильник, снабженная внутренней перегородкой из кургана 16 могильника Новозаведенное-II (Петренко и др., 2000. С. 241. Рис. 3)[3]. Многочисленные светильники такой формы происходят из урартских памятников (Пиотровский, 1959. С. 146. Рис. 14). Характерно, что практически одновременно подражания данным изделиям появляются в памятниках колхидской культуры вместе с оружием скифского типа (Микеладзе, 1990. Табл. XXII, *13*).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что своеобразный расцвет производства парадной чернолощеной посуды в Центральном Предкавказье непосредственно связан с появлением на Северном Кавказе памятников скифской архаической культуры. Тесную связь между конструктивными, композиционными и орнаментальными характеристиками можно объяснить только наличием неких объединяющих культурных начал – господствующей моды, которая если прямо не формировалась новой элитой, то, по крайней мере, должна была соответствовать ее потребностям и вкусам. Импульсы такой моды могли оказывать значительное влияние на распространение той или иной модели сосудов. Хотя переселение отдельных пленных мастеров из Закавказья на Северный Кавказ весьма вероятно, все же нет никаких сомнений в том, что массово чернолощеную керамику изготовляли мастера-аборигены из числа подвластных скифам племен, о чем свидетельствует орнаментация этих сосудов. Большинство из рассмотренных выше керамических форм и сосудов с элементами декора, связанными с Восточным Закавказьем, пока представлены немногочисленными находками и происходят из захоронений скифской военной аристократии. Такая концентрация только подчеркивает, что появление инноваций

[3] Согласно заключению А.А. Бобринского, осмотревшего чашу, ее стенки подверглись воздействию огня.

было стимулировано событиями, остающимися "вне зоны прямой видимости" исследователя материальной культуры. Очевидно, эти события были не единовременными, и культурные контакты скифов с населением Восточного Закавказья носили более или менее устойчивый характер и сохранялись на протяжении некоторого отрезка времени (Погребова, 1984. С. 199, 200).

Характерно, что в V в. до н.э. комплекс парадной посуды также стремительно исчезает, как и появляется. По крайней мере, к концу IV в. до н.э. в Центральном Предкавказье формируется совершенно новый керамический набор, где влияние посуды скифского времени представлено в виде отдельных рудиментарных черт. Одновременно становится весьма ощутимым влияние меотского Прикубанья, и появляется заметное количество античной импортной посуды (Кудрявцев и др., 1999. С. 74, 75).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Асланов Г.Г. Шамхорский могильник. Баку, 1986.

Бабешко И.Г. Отчет об археологических раскопках курганной группы Красногоровка III в г. Азове на территории дачного кооператива "Искра" в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 14211.

Батчаев В.М. К вопросу о датировке Каменномостского могильника // Древности Дагестана. МАД. 1974. Вып. 5.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Вальчак С.Б. Конская упряжь Приаралья и Юга Восточной Европы // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. № 6. М., 2004.

Голубкина Т.И. О зооморфной керамике из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Т. II. Баку, 1951.

Гусейнова М.А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа XIV–IX вв. до н.э. Баку, 1989.

Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе, 1961.

Джафаров Г.Ф. Курган у селения Беимсаров в Азербайджане // РА. 1992. № 2.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997.

Егоров Н.М. Могильник у реки Эшкакон // КСИИМК. 1956. Вып. 64.

Ивановский А.А. По Закавказью // МАК. 1911. Т. VI.

Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. 1965. Вып. 125.

Исраелян А.Р. Культ и верования в Армении в эпоху поздней бронзы. Ереван, 1973.

Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре // Материальная культура Азербайджана. Т. I. Баку, 1949.

Казиев С.М. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы // Материальная культура Азербайджана. Т. VI. Баку, 1965.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. 1998. Вып. В2-5.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних "кобанцев". Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. Ставрополь, 2005.

Копылов В.П. Население дельты Дона V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959.

Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949.

Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957. Т. XXVII.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М., 2002.

Маслов В.Е. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Маслов В.Е. К вопросу о керамике скифского времени из Центрального Предкавказья // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Тез. XXIV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. М., 2004.

Маслов В.Е., Петренко В.Г. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Микеладзе Т.К. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы и раннего железа). Тбилиси, 1990.

Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСКМ. Вып. 15–16. Ставрополь, 1988.

Парусимов И.Н. Раннескифский комплекс у г. Азова // Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. Ставрополь, 1997.

Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. № 6. М., 2004.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение подростков в могильнике Новозаведенное-II // Сборник памяти А.И. Мелюковой. В печати.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Т. II. Ереван, 1952.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Т. III. Ереван, 1955.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник: археологические экспедиции ГЭ. Вып. 1. Л., 1940.

Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: к истории становления скифской культуры. М., 1992.

Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Флёров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр-III в г. Кисловодске // Вестник шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М., 1993.

Хачатрян Т.С. Артакский некрополь. Каталог. Ереван, 1979.

Das Vorderasiatische Museum. Staatliche Museen zu Berlin. Mainz a. R., 1992.

Ghirshman R. Fouilles de Sialk pres de Kashan. T. 2. Paris, 1939.

Maslov V. The finds of the North Ionian Pottery from the Scythian Barrow at the Northern Caucasus // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Münster, 2003.

Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Fruheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebeit von Kirovabad / Jelisavetopol // BBV. 1985. Bd. 4.

Concerning formation of pottery complex of Early Scythian period in the Central North Caucasus piedmont

V. E. Maslov

Summary

The Central North Caucasus piedmont had fallen under the strong influence of Scythian culture by the end of the 7th c. BC. The Scythians' mutual relations with the local population were obviously difficult and varied, from tributary to ally relations. Undoubtedly, the majority of the vessels found in the Scythian graves were manufactured by native craftsmen. This can be seen from the analysis of the ornamentation closely connected to pottery decoration of the earlier Scythian period. Some impressions of cereals were also registered on potsherds of the Scythian period. A new pottery complex marked by impressive innovations appeared in the burial mounds of the Scythian nobility in the North Caucasus piedmont in the late 7th–6th cc. BC. Its origins cannot be traced from the earlier finds. The main distinctive feature of the various categories of pottery dating from that period is the yessels' geometrical form. Another typical feature is black-burnished surface of the vessels. There are some examples of the use of a potter's wheel, indicated by clear circular traces on smaller vessels' inward side. Some parallels between the pottery from the Central North Caucasus piedmont and the East Transcaucasus may be pointed to. The evolvement of the new Scythian aristocratic fashion had promoted formation of a new cultural continuity in the North Caucasus. Black-burnished pottery apparently should be attributed to the circle of socially prestigious artefacts. These cultural innovations spread rapidly throughout the Central North Caucasus piedmont as a result of Scythian campaigns in the Middle East via East Transcaucasus. Possibly, some captive potters from East Transcaucasus participated in creation of this new pottery style, which appeared in the discussed region rather suddenly. The analysis of the origins of some of these ceramic forms provides us with new and significant evidence for this supposition.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 88–97

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2006 г. Е. И. Савченко

Институт археологии РАН, Москва

К настоящему времени на Среднем Дону исследовано свыше 170 подкурганных погребений скифского времени, дата сооружения которых не выходит за пределы V–IV вв. до н.э. В 124 захоронениях (73% от всех исследованных) в том или ином составе и количестве найдено оружие, подразделяющееся на наступательное (68%) и защитное (32%) вооружение.

Защитный доспех среднедонского населения скифского времени состоял из панциря, боевого пояса, шлема, щита и поножей.

Панцири. До походов скифов в Переднюю Азию кочевые народы евразийских степей не знали такого средства защиты воина, как панцирь. В переднеазиатских государствах (Ассирия, Мидия, Урарту, Вавилон и др.) скифы познакомились с оригинальной системой изготовления панцирей, когда на кожаную основу нашивались металлические пластины небольших размеров, которые, перекрывая друг друга, образовывали покрытие типа рыбьей чешуи.

В среднедонской лесостепи панцири в количестве около 30 экз. встречены в шести из одиннадцати известных на сегодняшний день подкурганных могильниках. Они распределяются следующим образом: Частые курганы – 12 экз., Мастюгино – 4, Русская Тростянка – 3, Дуровка – 4, Колбино – 5, Горки – 1 экз. Во всех погребениях с панцирями обнаружено по одному защитному доспеху, исключение составляет погребение из кург. № 5 у с. Колбино, где двух погребенных сопровождали два панциря.

Ни одного целого панциря в среднедонских погребениях не обнаружено. В основном исследователями фиксировались отдельные железные пластинки или небольшие обломки, найденные в заполнении грабительского лаза или разбросанные по всему дну могилы. Интерпретация находок и их метрические параметры не проводились, что затрудняет определение принадлежности пластин или обломков к той или иной части доспеха. Лишь в некоторых погребениях сохранились более или менее крупные обломки, дающие представление о местонахождении их в защитном доспехе и изредка, о типе панциря.

Изучение найденного материала показало, что в состав набора этого вида доспехов входили железные пластинки семи типов (рис. 1).

I тип. Пластинки прямоугольных очертаний, с закругленными нижними углами, размером 2 × 1.5 см и 1.5 × 1.2 см. По трем углам находились отверстия для пришивания (рис. 1, *1–3*). *Вариантом* первого типа являются пластинки размером 2.2 × 1.5 см, с острым нижним концом, со срезом слева направо, с тремя отверстиями для пришивания в верхней части и одним в нижней части изделия (рис. 1, *4–6*).

В кургане № 9 у с. Дуровка удалось проследить систему набора пластин подобного типа. Они располагались горизонтальными рядами сверху вниз, при этом верхний ряд перекрывал нижний на одну треть длины, размещение в рядах слева направо, на одну треть ширины пластинки (Либеров, Пузикова, 1966; Пузикова, 1969. С. 94. Рис. 7; 2001. Рис. 32, *1*).

II тип. Пластинки подквадратной формы размером 1.6 × 1.6 см с закругленными нижними углами и прямоугольными верхними, в которых пробиты отверстия для пришивания. Изредка встречаются отклонения в размерах и форме пластинок. Так, в заполнении грабительского лаза и на дне могилы из кургана № 11 у с. Дуровка обнаружены пластинки подквадратной формы, размером 2.5 × × 2.5 и 2.5 × 2 см со скругленным нижним краем и прямым верхним, в котором располагаются три дырочки для пришивания (рис. 1, *10*). По мнению исследователей, вероятное размещение пластинок этого типа – передняя часть панциря в районе груди (Пузикова, 1986; 2001. С. 192. Рис. 35, *2–10*).

III тип. Пластнки удлиненных пропорций размером 2 × 1 см, с прямыми краями и с двумя дырочками для пришивания в средней части пластинки. Набор горизонтальный, размещение на основе – левое (левый край одной пластины закрывает правый край соседней на одну треть или половину ширины). Верхний ряд пластин перекрывает нижний на половину длины пластины. Изредка встречается правое размещение пластин на основе (рис. 1, *11*).

IV тип. Крупные прямоугольные пластинки размером 5 × 2.7 см, со слегка срезанными нижними углами. Отверстия располагаются в правом нижнем и верхнем углах. *Вариантом* этого типа являются узкие длинные пластинки размером 5 × × 1.4 см с закругленным сильно изогнутым нижним концом, тремя дырочками для пришивания в верхней части и одним отверстием в месте изгиба у левой стороны. *Еще один вариант* – узкие плас-

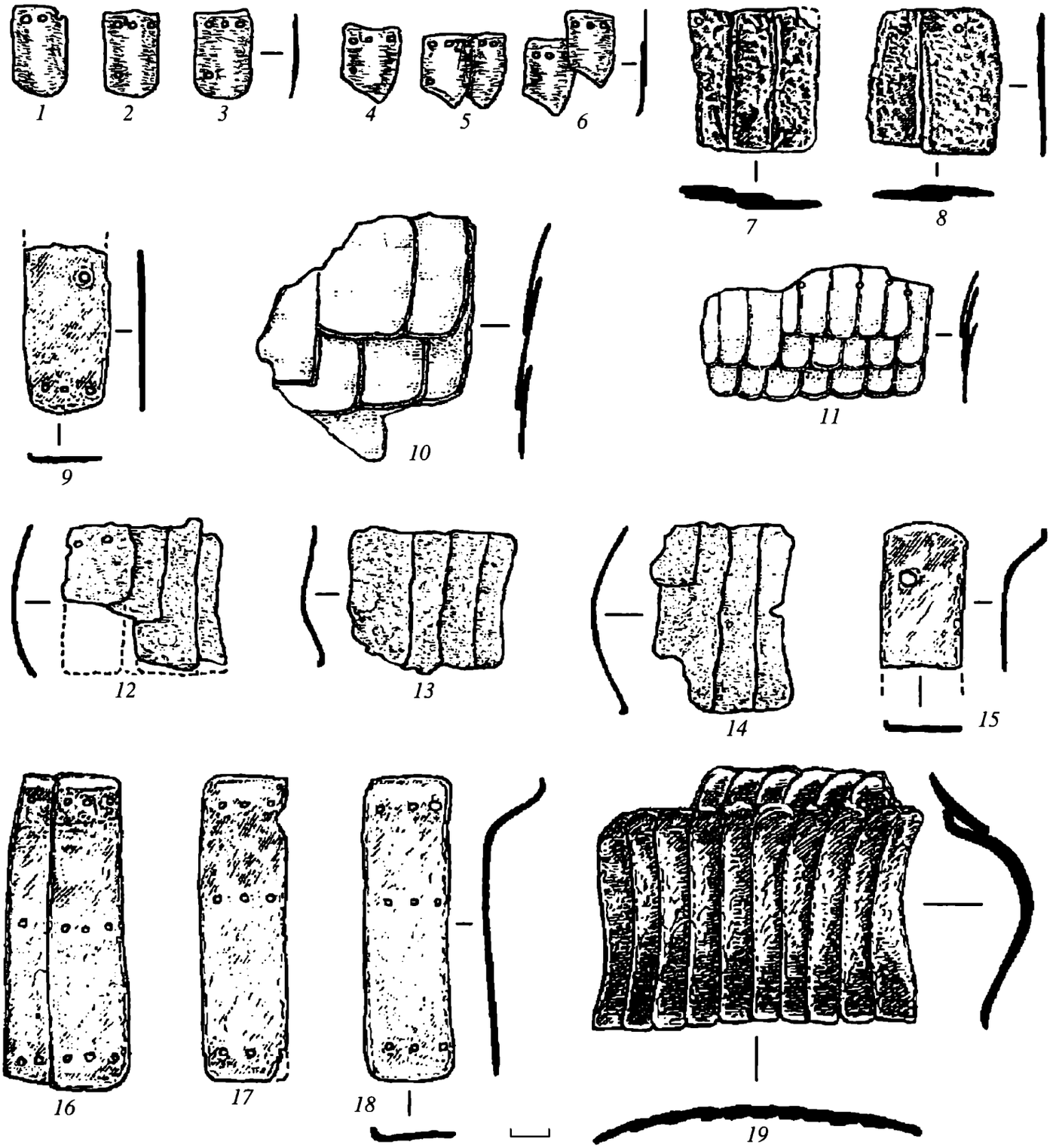


Рис. 1. Защитный доспех. Панцирные пластины. *1–6* – Дуровка, к. 1; *7, 8* – Частые курганы, к. 23; 9, *15–19* – Колбино, к. 5; *10, 11* – Частые курганы, к. 31; *12–14* – Дуровка, к. 11 (*1–19* – железо).

тинки размером 4.3 × 1.8 см, имеющие небольшой загнутый бортик вдоль длинных сторон и у нижнего края. Набор горизонтальный, размещение на основе правое (рис. 1, *14*). По мнению исследователей, подобные пластинки служили обрамлением ворота доспеха (Пузикова, 1966. С. 86).

V тип. Удлиненные пластинки S-овидной формы размером 5.5 × 1.5 см, с двумя отверстиями по верхнему краю. Набор горизонтальный, размещение на основе правое. Подобные пластинки относятся к подолу панциря (Черненко, 1968. С. 33).

VI тип. Большие Г-образно изогнутые пластины размером 7.9 × 2.1 см. Верхний край прямой, слегка загнут наружу. Нижний – прямо срезан. Левая боковая плоскость слегка загнута внутрь и образует небольшой бортик (рис. 1, *15–18*). В верх-

ней, средней и нижней частях пластин пробито по три горизонтально расположенных отверстия для пришивания. Расположение пластин вертикальное, размещение на основе - левое, на половину ширины соседней пластинки. Вероятно, из этих пластин набирались оплечья панциря.

VII тип. К этому типу относятся узкие железные пластинки размером 7 × 1.5; 6.5 × 1.5–1.7; 5.7 × × 1.8; 4.7 × 1.8 см, изогнутые дугой, с прямо срезанными краями, слега загнутыми наружу (рис. 1, *19*). Вдоль длинных краев пробито по три отверстия – два по краям и одно посредине. Размещение пластин на основе горизонтальное, а не вертикальное, правое, на одну треть длины соседней пластинки. Рассматривая панцири Степи и Лесостепи с пластинками подобного типа, Е.В. Черненко отмечает: "Скорее всего, панцири, при изготовлении которых была использована подобная система набора и подобные пластинки, имели длинные рукава. Такой совершенный набор, который обеспечивал большую подвижность в локтевом суставе, известен только среди панцирей IV–III вв. до н.э. (Черненко, 1968. С. 34).

Итак, мы рассмотрели все типы железных пластин, использовавшихся при наборе панцирного доспеха. В состав каждого панциря входили железные пластины разной величины и различных типов, которые должны были обеспечить подвижность частей доспеха на животе, пояснице, плечевом и локтевом суставе (Черненко, 1968. С. 28). Пластины панцирного доспеха, вероятно, вырубались из железного листа. На внутренней стороне некоторых пластин видны заусенцы, которые оставлены каким-то рубящим инструментом типа зубила.

Защитный доспех, вероятно, имел вид рубашки с длинными рукавами и невысоким воротом. Аналогичные панцири встречены в кургане № 38 у Гуляй-Города (Черненко, 1968. Рис. 18), в кургане № 3 в уроч. Стайкин Верх у с. Аксютинцы и в Старшой Могиле (Ильинская, 1968. С. 100), в погребении 2 из кургана № 12 группы у 22 шахты (Тереножкин и др., 1973. Рис. 52). Е.В. Черненко отмечает находки таких панцирей в кургане № 2 у с. Кирово, в Мелитопольском кургане, в кург. № 3 у с. Старое под Киевом и № 9 (74) в группе Солоха (1968. С. 41). На боку панцири, вероятно, имели разрез, что облегчало одевание доспеха.

Закреплению панциря на фигуре воина служили многочисленные железные, бронзовые, золотые и костяные ворворки. Правда, они часто были и принадлежностью конского убора. Поэтому там, где в могиле имеются остатки конской сбруи и панцирей, бывает трудно определить функциональную принадлежность ворворок (особенно в ограбленной могиле). Отметим только лишь те случаи, где ворворки были найдены среди панцирных пластинок или обломков панцирей. Так, в кургане № 11/16 у с. Мастюгино, среди обломков панцирных пластинок обнаружено 13 ворворок, среди которых было четыре железных и девять костяных. В кургане № 2 группы Частых курганов среди остатков панциря выявлено пять железных ворворок, обтянутых золотой фольгой. В кургане № 5 у с. Колбино среди пластин северного панциря найдено три железных и четыре костяных ворворки. Несмотря на очевидность и бесспорность принадлежности ворворок к панцирям, мы не можем, хотя бы приблизительно, реконструировать использование их в системе крепления. Вероятно, не дают такой возможности и те немногочисленные панцири, которые были найдены in situ в погребальных комплексах Скифии (Черненко, 1968).

Большое внимание уделялось украшению панцирей. В курганах № 2, 27 группы Частых и в погребении из кургана № 11/16 у с. Мастюгино некоторые железные пластины, в основном те, которые располагались на груди, были обтянуты тонким золотым листом.

Известно, что при изготовлении панцирей металлические пластины крепились на кожаную основу, которая должна быть достаточно гибкой и эластичной, чтобы не затруднять движений воина. В свое время Б.А. Шрамко, занимавшийся исследованием сохранившихся фрагментов кожи (основы панцирей), пришел к выводу, что для основы панцирей применялась плотная и прочная кожа спинной части крупного рогатого скота, которая обрабатывалась растительными дубителями (1966. С. 80).

Хотелось бы остановиться на местоположении панциря в могиле. В процессе исследования среднедонских курганов ни разу не удалось обнаружить этот защитный доспех на погребенном или же под ним. Как удалось проследить в коллективном погребении кургана № 5 у с. Колбино, один из панцирей располагался под северной стенкой, рядом с пристенной ямкой для деревянного столба, другой – в юго-восточном углу, также рядом со столбом. В других случаях обломки панциря находились в центре могильной ямы, у центральной ямки или же лежали у одной из стенок могилы. Вероятно, это свидетельствует о том, что на Среднем Дону не было обычая одевать панцирь на умершего (как, например, в погребении 1 кургана № 1 группы Первомаевка II на Херсонщине) или класть погребенного на доспех, как это принято было в степных районах Скифии (как, например, в кургане у с. Гладковщина). В курганах Среднего Дона панцирь, при помощи крючков, подвешивали на деревянную облицовку могилы или на центральный столб, который поддерживал перекрытие гробницы. Вероятно, этот обычай является локальной особенностью погребального обряда населения Среднего Дона в скифское время.

Как нами уже упоминалось выше, в 170 среднедонских погребениях скифского времени прослежены остатки около 30 железных пластинчатых

панцирей, что составляет один панцирь на шесть погребений (свыше 17%). Если учесть, что большая часть этих погребений разграблена, а определенная часть из 170 захоронений принадлежит женщинам, похороненным под индивидуальными насыпями, то это соотношение будет еще более высоким. Для выяснения степени распространенности этого вида защитного доспеха по территориальным районам Скифии, воспользуемся таблицей № 1, опубликованной Е.В. Черненко (1968. Табл. 1). Как видно из таблицы, в погребальных памятниках Степи и в Крыму, на Лесостепном Правобережье и Левобережье, на Среднем и Нижнем Дону, на Северном Кавказе и в Поволжье найдено 192 экз. панцирей. Еще 13 панцирей было найдено в поселенческих комплексах. За 34 года, прошедших с момента выхода исследования Е.В. Черненко, количество находок этого вида защитного доспеха существенно увеличилось, однако также существенно увеличилось и количество раскопанных курганов. В 450 погребениях, раскопанных в Посулье, панцири найдены в 28 могилах, что составляет один доспех на 16 погребений (6%) (Ильинская, 1968. С. 100, 101). На почти 1 тыс. погребений скифского времени в Лесостепном Правобережье приходится 48 панцирей, что составляет один доспех на почти 21 погребение (4.8%). Из почти 3 тыс. скифских погребений, исследованных за два с половиной века в Степи, Нижнем Дону и Северном Кавказе, этот доспех найден в 164 могилах, что составляет один панцирь на 18.3 погребения (5.5%). Приведенные цифры говорят сами за себя. Если на остальной территории Скифии насыщенность населения этим видом защитного доспеха не превышала 6%, то на Среднем Дону она составляет 17%. В этом заключается еще одна локальная черта среднедонских погребений скифского времени. Столь высокая концентрация защитного доспеха в погребениях, вероятно, объясняется тем, что население Среднего Дона жило на северо-восточной окраине Скифии и, как любое пограничное население, постоянно испытывало натиск соседних племен.

Непременной принадлежностью воина был **пояс**, который не только поддерживал одежду, но и на нем носили почти весь набор оружия и снаряжения – меч, кинжал, горит, в котором помещались лук и стрелы, точильный камень, нагайку, чашу. В археологических материалах сам пояс фиксируется очень редко ввиду плохой сохранности органической основы (кожи), поэтому о его структуре нельзя сказать ничего определенного. Вероятно, он изготавливался из толстой (воловьей) кожи или был сшит из нескольких слоев более тонкой кожи. На каменных изваяниях и на драгоценных изделиях из золота и серебра изображены два типа поясов – защитные пластинчатые и простые кожаные. О наличии пояса в погребальных памятниках свидетельствуют только находки его металлических или костяных деталей – бляшек поясного набора и крючков-застежек. Изучение поясной гарнитуры, как отмечают исследователи, позволяет заключить, что "конструкция и декор пояса являются важными этнодифференцирующими признаками, а в ряде случаев служат и хорошими хронологическими показателями, отражающими эволюцию данного предмета одежды" (Ольховский, 1999. С. 182).

В кургане № 3 (1908 г.) у с. Мастюгино были найдены два обломка бронзовых чешуек, принадлежавших поясу (Манцевич, 1973. С. 34. Рис. 9, *6*). На чешуйках сохранились отверстия для пришивания – два на одном обломке и одно на другом. Пластинки прямоугольные, со срезанными углами, слега выпуклые, их сохранившаяся длина не превышает 1–1.1 см, хотя в действительности они были длиной свыше 2 см, при ширине 0.6 см. Они располагались поперек основы – кожаного пояса, и каждая пластинка закрывает половину предыдущей. Подобные пояса А.П. Манцевич выделила в группу поясов с набором из узких пластин (1941), а Е.В. Черненко, рассмотрев 95 находок поясов из различных районов Скифии, отнес их ко *второй группе* – портупейные пояса с пластинчатым набором (1968. С. 59). Примечательно, что пояса из Мастюгинского, Солохи и Чертомлыкского курганов имеют одинаковый состав металла (Богданова-Березовская, 1973. С. 50. Табл. 2). Незначительная толщина и хрупкость пластинок подобных поясов не позволяют рассматривать их как боевые пояса, выполняющие защитную функцию, скорее всего они служили наплечной портупеей и являлись знаком отличия или воинской доблести.

Пояса не только поддерживали одежду и оружие, но и защищали живот воина от колющих и рубящих ударов.

От железного боевого наборного пояса, обнаруженного в грабительской яме и заполнении погребения кургана № 3 у с. Колбино, сохранилось 18 небольших обломков, которые между собой не подбираются (Гуляев, 2001). Среди них один обломок от конца пояса, состоящий из одной крупной пластины и восьми узких (рис. 2, *5*). Крупная пластина дуговидно изогнута, ее боковая плоскость полуовальная с двумя вертикально расположенными отверстиями, диаметром 0.4 см, через которые пропускался узкий кожаный ремешок для завязывания пояса. Противоположная сторона прямая. По полуовальному краю пластины размещались дырочки диаметром 0.1 см для нашивания на кожаную основу. Размеры пластины: длина 5.6 см, ширина 3.8 см, толщина 0.2 см. К прямой стороне большой пластины вертикально крепился набор из узких пластин длиной 5.6 см, шириной до 0.8 см и толщиной 0.15 см. Размещение пластин на основе правое, когда правый край пластинки перекрывает левый край соседней пластинки на половину ее ширины. На внутренней стороне пояса, по краю,

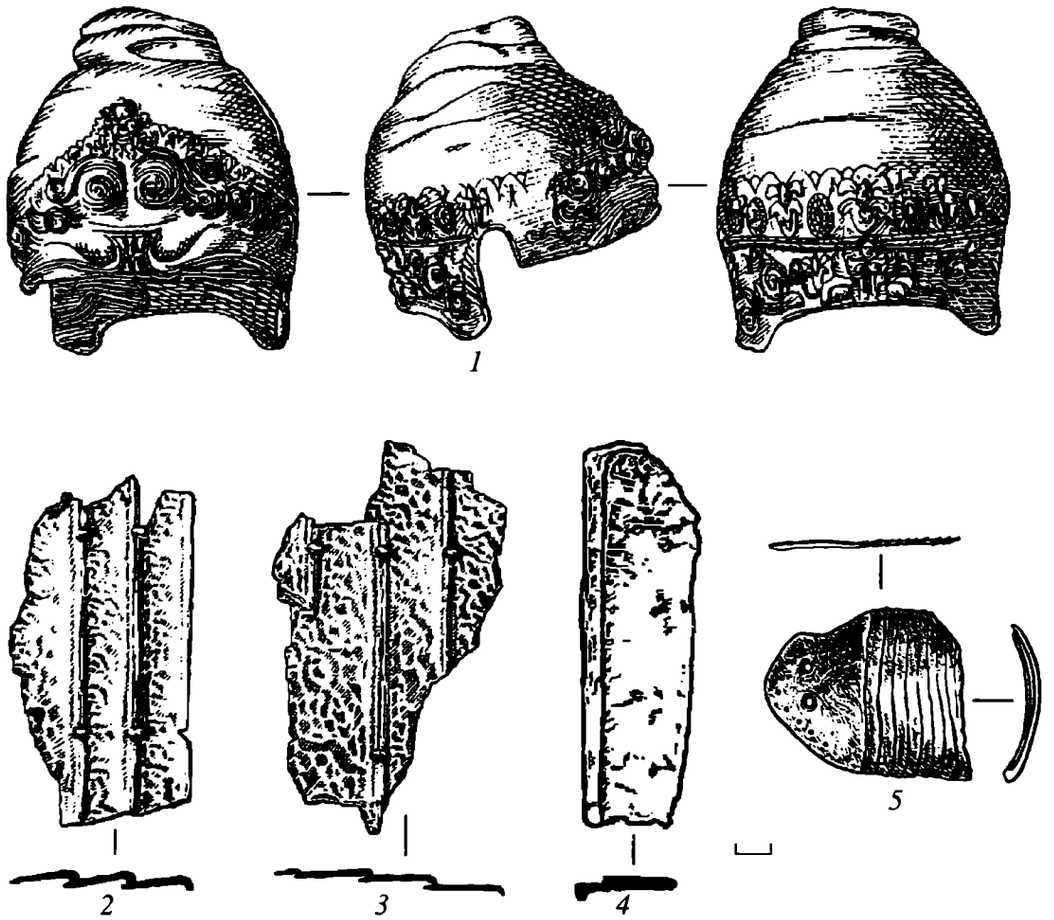


Рис. 2. Защитный доспех. Шлем, щит, боевой пояс. *1* – шлем из к. № 2 у с. Мастюгино (реконструкция по: Манцевич, 1973); *2, 3* – пластинки щита из к. № 23 группы Частые курганы; *4* – пластинки щита из к. № 3 у с. Мастюгино; *5* – часть боевого пояса из к. № 3 у с. Колбино (*1* – бронза; *2–5* – железо).

сохранились отдельные участки кожи, пропитанные окислами.

Обычно в погребениях Степи и Лесостепи, относящихся к скифскому времени, находился один пояс и лишь в некоторых курганах они обнаружены в нескольких экземплярах. Так, например, в Чертомлыке найдено четыре пояса (два с железным пластинчатым набором, два с бронзовым) (Алексеев и др., 1991. С. 107. Кат. 75, *178–179*); в погребении 1 кургана № 75 близ Солохи – два – один с железным, другой с бронзовым пластинчатым набором (Мелюкова, 1999. С. 74. Рис. 13, *5–6*); в кургане группы Пять братьев у ст. Елизаветовской – три пояса с бронзовым набором (Черненко, 1968. Прил. 2, *64–66*). Кроме "царских" степных курганов Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила, Огуз, Александрополь аналогичные пояса обнаружены и в "рядовых" курганах – в курганах № 13 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев, 2001. С. 23. Рис. 23, *8*), № 4, 43, 63 у с. Берестняги (Черненко, 1968. Прил. 2, *46–48*), № 493 у с. Ильинцы (Галанина, 1977. Табл. 16, *7*), у с. Гришенцы (Петренко, 1967. С. 94), в погребении 5 Ялхой-Мохского III могильника (Махортых, 1987. С. 60. Рис. 1, *21*). Дата поясов с бронзовым и железным набором не выходит за пределы второй половины V–IV в. до н.э.

Происхождение поясов А.И. Мелюкова связывает с панцирями (1964. С. 75), а Е.В. Черненко отмечает, что "подобные пояса с узким пластинчатым металлическим покрытием неизвестны ни у савроматов, ни на Кавказе, ни в странах Переднего Востока, ни во Фракии и Греции. Можно уверенно утверждать, что они составляли традиционную принадлежность вооружения скифа-воина и возникли на территории Северного Причерноморья" (Черненко, 1968. С. 148).

Другие виды защитных доспехов – шлемы и поножи на территории Среднего Дона встречаются весьма редко. В своей сводной таблице находок шлемов исследователь вооружения скифского времени Е.В. Черненко, приводит данные о находках 63 экз. этого вида защитного доспеха на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа (1968. Прил. 3). И лишь около половины из них найдены в погребальных комплексах, остальные – случайные находки. Все известные (на момент написания монографии) шлемы Е.В. Черненко подразделяет на семь основных типов: кубанские, халкидские, коринфские, аттические, шлемы, подвергшиеся переделке, чешуйчатые, неопределенные. В основном, они принадлежали верхушке скифского общества и являлись предме-

тами импорта. С V в. до н.э., головным убором, в какой-то мере защищавшим голову воина, становится известная по многочисленным изображениям кожаная, войлочная или меховая шапка-башлык, которая могла быть укреплена металлическим набором (Мелюкова, 1964. С. 78).

Целые экземпляры **шлемов** в курганах Среднего Дона не обнаружены. Во время раскопок кургана № 2 у с. Мастюгино в 1908 г., Н.Е. Макаренко были найдены пышно украшенные фрагменты тонких бронзовых пластин в виде изображения лба и волос человека с остатками кожаной подкладки под ними (Макаренко, 1911. С. 52–66. Табл. II–IV). Пластины располагались вместе с другими предметами вооружения – поножами, наконечниками стрел. Н.Е. Макаренко предположил, что они могут быть связаны с головным убором. Аналогичную позицию занял и П.Д. Либеров, опубликовавший фотографии этих пластин без указания их назначения (1965. Табл. 20, *3, 7, 11*). А.П. Манцевич определила эти пластины, как части парадного шлема фракийского типа и провела его реконструкцию (1973. Рис. 8). Верхнюю часть шлема украшает выступающий гребень, передняя часть украшена пышным растительным орнаментом, волютами и выступающими надбровными дугами человеческого лица, имеется и пышно украшенный назатыльник, по которому проходит рельефный валик в виде двухрядной веревочки (рис. 2, *1*). Однако А.П. Манцевич, по мнению Е.В. Черненко, "ошибочно считает частями шлема (скорее всего, нащечниками) прямоугольные пластины с изображениями грифона. Нащечниками они быть не могут из-за своих больших размеров (16 × 8.5 см) и необычной для этих деталей формы. Кроме того, эти пластины абсолютно прямые, в то время как нащечники, как правило, слегка изогнуты" (Черненко, 1968. С. 88). Шлемы фракийского типа немногочисленны. Они найдены в кургане Большая Близница на Таманском полуострове (Рабинович, 1941. С. 151. Рис. 18) и в кургане № 18 у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону, раскопанного А.А. Миллером в 1911 г. (Рабинович, 1941. С. 159. Рис. 27, *а, б*). Четыре шлема этого типа входили в состав клада, найденного в 1959 г. у с. Олонешты в Молдавии (Сергеев, 1966. С. 138, 140, 149. Рис. 10–13) и один (несколько более позднего времени) обнаружен во время полевых работ у с. Бубуй (тоже в Молдавии) (Черненко, 1968. С. 88, 89. Рис. 47). Дата фракийских шлемов IV–III вв. до н.э., дата шлема из с. Бубуй III–II вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 77).

Большое внимание в воинском быту уделялось средствам защиты ног воина. **Поножи** – один из наиболее распространенных видов защитного вооружения античного мира. Они предназначались для защиты ног воина от колена до ступни (Черненко, 1968. С. 112). Этот вид защитного доспеха рассмотрела в обстоятельной статье Л.К. Галанина (1965. С. 5–27), а Е.В. Черненко посвятил ему главу своей монографии, где приведены 39 пунктов находок поножей (1968. С. 112–122).

В кургане № 2 у с. Мастюгино (раскопки 1908 г.), в нетронутой части могилы, среди предметов вооружения: наконечников копьев и дротиков, бронзовых и железных наконечников стрел, обнаружена пара бронзовых поножей (кнемид) (Макаренко, 1911. С. 52, 62). Они изготовлены из золотистой бронзы, поверхность их тщательно отполирована. На поверхности поножей рельефно выделены колени и мощная мускулатура голени (рис. 3, *3, 4*). Вдоль поножи проходит рельефное ребро, придающее доспеху дополнительную жесткость. Нижний край слегка утолщен и отогнут наружу. По периметру поножей проходит кайма из трех прочерченных неглубоких линий и пробиты мелкие отверстия для закрепления кожаной подкладки (в верхней части у колена – по два отверстия, внизу – по три, на вертикальных сторонах – по одному отверстию). Острые края пробитых изнутри отверстий тщательно сглажены. Длина поножей 31 и 33 см, наибольшая ширина 14.4 см. Сохранность поножей плохая, они распались на множество обломков и частично склеены (Манцевич, 1973. С. 27, 29).

Вторая пара поножей-кнемид найдена в кургане № 3 (раскопки 1908 г.) этого же могильника (рис. 3, *1, 2*). Аналогична вышеописанным. Длина поножей 42–43 см, ширина 13 см. Описывая эти поножи, Л.К. Галанина сообщает, что "на левой пластине по краю верхней дуговидной выемки с наружной стороны голени сделано семь отверстий, образующих две группы из сдвоенных дырочек. Кроме того, одно отверстие имеется в центре верхнего конца кнемиды, над коленной частью, и четыре симметричных – в верхних и нижних углах задних разомкнутых краев. Диаметр двух нижних отверстий 0.5 см, остальных 0.3 см. Интересно, что на правой кнемиде, вдоль верхнего дуговидно вырезанного края, пробито только шесть отверстий, сгруппированных попарно, в остальном она аналогична левой" (Галанина, 1965. С. 14). Интересные подробности, связанные с этой парой поножей и не отмеченные Л.К. Галаниной, приводит А.П. Манцевич: "Вдоль верхнего края внизу нанесены пунктиром греческие буквы: на правой поножи ΛΕ – начало надписи, на левой – вторая и третья буквы [Λ]ΕΥ. Вероятно, это имя владельца – ΛΕΥ[ΚΟΝ]. Форму поножей удалось восстановить, хотя и со значительными лакунами" (Манцевич, 1973. С. 32).

Пробитые в поножах отверстия служили для крепления доспеха к ноге, через них проходили тонкие ремни завязок, типа кожаных шнурков.

Третья пара поножей была обнаружена в 2003 г. Донской экспедицией ИА РАН в кургане № 13 у с. Горки, на территории Белгородской обл. (Гуляев, 2003). К сожалению, грабители почти уничтожили левую поножь, от которой сохранились не

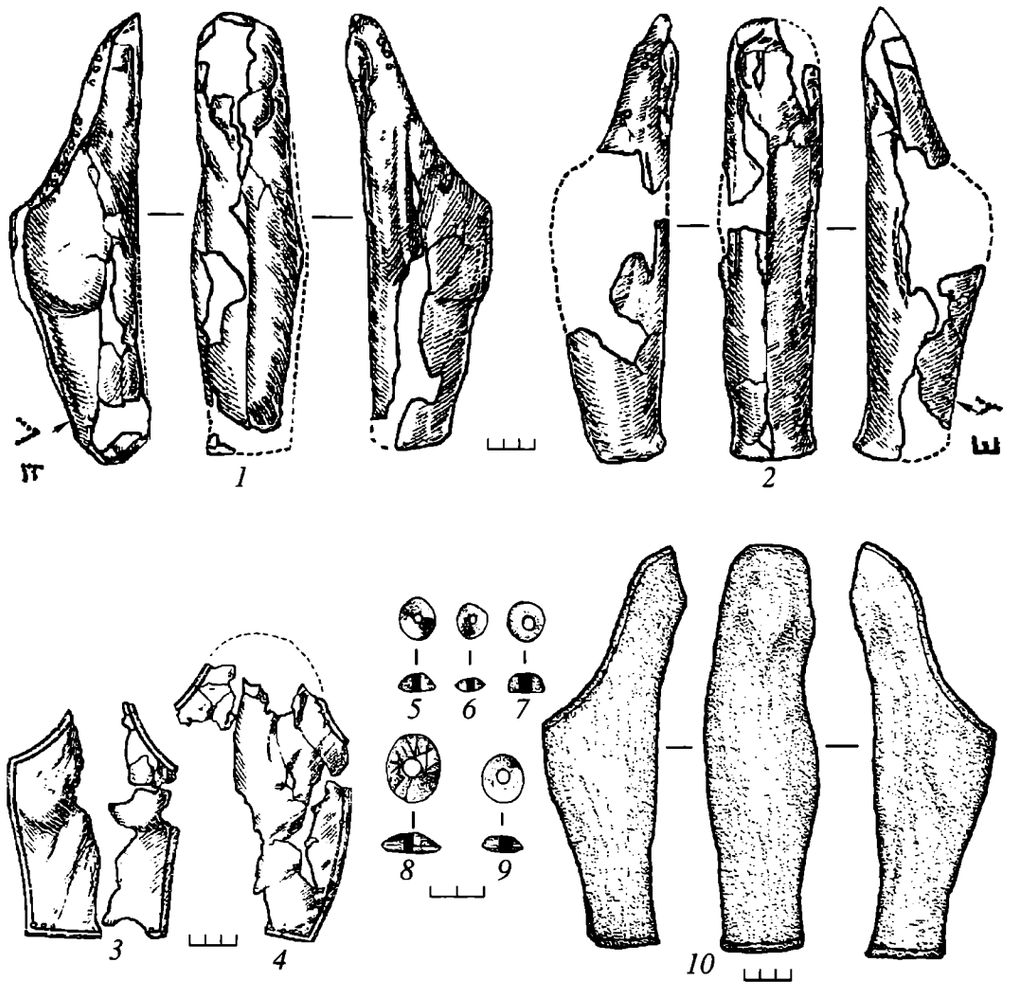


Рис. 3. Защитный доспех. Поножи и ворворки. *1, 2* – поножи из к. 3 у с. Мастюгино; *3, 4* – поножи из к. 2 у с. Мастюгино; *5–10* – ворворки и поножи из к. 13 у с. Горки (*1–4, 10* – бронза; *5–9* – кость).

поддающиеся восстановлению фрагменты. Поверхность правой поножи тщательно отполирована, на ней рельефно выделены колени и мощная мускулатура голени (рис. 3, *10*). В верхней части боковины поножи дуговидно вырезаны, справа, слева и по центру проходят продольные рельефные ребра, придающие доспеху дополнительную жесткость. Верхняя часть у колена слегка загнута внутрь, нижний край – слегка отогнут наружу. По периметру доспеха проходит кайма из трех прочерченных линий. По краю дуговидной выемки с наружной стороны голени пробито пять округлых отверстий, расположенных на равном расстоянии друг от друга. В нижней части поножи, по кромке пробито шесть отверстий. Все эти отверстия служили для закрепления подкладки. Еще по одному отверстию, справа и слева, пробито в верхних и нижних углах доспеха, служивших для тонких ремней завязок, которыми поножь крепились к ноге воина. Высота поножи 38 см, ширина 11.2 см, толщина пластины 0.1 см. Рядом с поножами располагались костяные ворворки, использовавшиеся для закрепления доспеха на ноге воина (рис. 3, *5–9*).

В погребениях скифской знати (притом, только высшей знати) подобный античный доспех встречается не часто и только в самых богатых захоронениях, скорее всего, царских (Солоха, Чертомлык, Ильинцы, Пятибратний курган № 8 в устье Дона, Толстая Могила, Елизаветовский могильник, курган № 10 (Гуляев, 2003. С. 574, 575). В погребальных комплексах Днепровского Правобережья этот вид защитного доспеха встречен в девяти случаях (Галанина, 1965. С. 22; Петренко, 1967. С. 50; Черненко, 1968. С. 187; Скорый, 1997. Рис. 17; 18). Еще в двух случаях поножи отмечены на Днепровском Левобережье – северная гробница кургана № 5 у с. Аксютинцы (Ильинская, 1968. Табл. XXI, *10*) и погребение 1 кургана № 13 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев, 2001. Рис. 23, *10*).

Все вышеперечисленные доспехи греческого происхождения. По своей форме они близки между собой и относятся к одному типу. Разница заключается только в параметрах этого доспеха. Так, например, в кург. № 17(8) Нимфея высота поножей составляла 28.3 см, а в погребении № 7 у с. Новосельцы – 47 см, в среднем же высота поножей колебалась от 33 до 42 см (Черненко, 1968. С. 187. Прил. 5). Наиболее ранние из них (курган у с. Ромейковка) относятся к середине V в. до н.э.

(Мелюкова, 1964. С. 76), остальные находки датируются IV–III вв. до н.э. (Черненко, 1968. Прил. 5).

Надежным средством защиты воина был **щит**, который в среднедонских курганах скифского времени встречается крайне редко. Подобная же картина наблюдается и в погребальных памятниках Степи и Лесостепи. Незначительное количество находок подобного рода объясняется, вероятно, двумя причинами: 1 – основная масса щитов изготовлялась из дерева и кожи и поэтому не сохранилась; 2 – металлическое панцирное покрытие этого защитного вооружения часто принималось исследователями за остатки панцирей. На многих предметах торевтики из скифских курганов (гребень и горит из кургана Солоха, сосуды из Куль-Обы, Гайматовой Могилы, кургана № 3 группы "Частых курганов") воспроизведены щиты разнообразной формы. Е.В. Черненко, опубликовавший сводную таблицу находок щитов в Северном Причерноморье, разделил все известные щиты на два основных типа: деревянные и с металлическим покрытием (Черненко, 1968. С. 99). Последние, в свою очередь, подразделяются на четыре варианта: со сплошным покрытием, панцирные, чешуйчатые и с полосчатым покрытием.

Деревянные щиты в среднедонских погребальных памятниках не обнаружены. Однако представление о них дает нам изображение коленопреклоненного воина на серебряном сосуде из кургана № 3 группы "Частых курганов" (Мелюкова, 1964. Табл. 4, *5*). В правой руке воин держит копье, а между левой рукой и туловищем висит большой щит. Он прямоугольной формы с закругленными углами, по размерам более половины человеческого роста, сделан из дерева и обтянут кожей. Край щита окаймлен кожаным жгутом. Аналогичный щит изображен на электоровом сосуде из Куль-Обы (Мелюкова, 1964. Табл. 4, *8*). Вполне возможно, что из подобного материала сделан щит пешего воина на гребне из Солохи (Мелюкова, 1964. Табл. 4, *1*). Он несколько меньших размеров и поперек него проходит рельефный валик, который усиливал жесткость щита.

В кургане № 3 у с. Мастюгино (раскопки Н.Е. Макаренко в 1908 г.) найден небольшой обломок щита, состоящий из двух железных пластин (Манцевич, 1973. Рис. 9, *12*). Полосы прямые, один длинный край слегка загнут внутрь (рис. 2, *4*). Их общую длину установить невозможно, сохранившаяся длина до 11.7 см, ширина 2.7 см. Одна полоса перекрывает другую на две трети ее ширины. Щит, по типологии Е.В. Черненко, относится к **типу II**, *варианту 4* – с металлическим полосчатым покрытием. Форма щита не восстанавливается ввиду сильной ограбленности кургана, приведшей к разрушению многих находок.

К этому же типу и варианту относятся остатки щита с полосчатым панцирным покрытием, обнаруженные среди разбросанных по всему дну могилы панцирных пластинок в кургане № 23 группы "Частых курганов" (Либеров, 1957; Пузикова, 2001. Рис. 11, *1–2*). Длину полос набора установить не удалось, сохранившаяся длина пластин составляет 11.8 см, при ширине до 3 см и толщине до 0.2 см (рис. 2, *2, 3*). Один из длинных краев каждой полосы загнут внутрь и перекрывает соседнюю на одну треть ее ширины. Пластины соединены между собой железными скобками длиной 0.6 см, шириной 0.35 см, которые образовывали между собой ряды как в вертикальной, так и горизонтальной плоскостях. Ширина между горизонтальными рядами скоб составляла 4 см. С тыльной стороны пластин скобы загнуты. Вероятно, скобы не только скрепляли пластины между собой, но они крепили панцирное покрытие щита к его деревянной или кожаной основе. Щит, вероятно, был овальной формы (вполне возможно, бобовидной), так как на одном из обломков сохранилась часть скругленного края (рис. 2, *2*).

Остатки подобного щита с полосчатым покрытием были обнаружены А.И. Тереножкиным в кургане № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе на Никопольщине (Тереножкин и др., 1973. С. 170–175. Рис. 49, *14*; 50; 51, *3–4*). Украшала щит массивная бронзовая литая рыба длиной 22 см, шириной 5.6 см. Аналогичные щиты найдены в Ак-Бурунском кургане, в курганах № 2 у с. Аксютинцы, № 2 у с. Хитцы, у сел Борзна и Крячковка (Черненко, 1968. С. 109). Хорошей сохранности щиты с панцирным покрытием найдены в кургане у с. Новая Розановка на Николаевщине (Шапошникова, 1970. С. 208–212) и кургане № 2 у с. Красный Подол под Каховкой (Полин, 1984. С. 116. Рис. 10). Уникальным по сохранности и информативности, полученной в процессе реставрации, является щит из Гладковщины на Черкащине (Григорьев, 1994. С. 66–68. Рис. 3, *1*).

Способ ношения щита установить трудно. При этом следует помнить, что щиты с панцирным покрытием имели значительный вес и бóльшую ширину, чем высоту, и являлись принадлежностью всаднического доспеха (Сокольский, 1955. С. 16; Черненко, 1968. С. 104). Эти щиты надежно крепились в горизонтальном положении к панцирю всадника за спиной, подобно изображению на золотом гребне из кургана Солоха (Манцевич, 1962. Рис. 38), оставляя свободными руки воина для управления конем и действий оружием. Поворотом плеча и руки воин мог менять положение щита и прикрывать корпус.

Время появления щитов с панцирным покрытием в погребальных памятниках Степи и Лесостепи относится ко второй половине V в. до н.э. (Черненко, 1973. С. 79).

Рассмотрев защитный доспех населения Среднего Дона скифского времени, можно сделать следующие выводы.

1. По своим конструктивным особенностям (определенные типы пластин на груди, спине, оплечье, подоле и рукавах) панцири среднедонского населения ничем не отличались от аналогичного вида защитного доспеха остальной территории Скифии.

2. Расположение панцирей в могиле (подвешивание на деревянной облицовке стен могилы или на центральном столбе, поддерживавшем перекрытие) является локальной особенностью погребального обряда населения Среднего Дона скифского времени.

3. Большая насыщенность панцирным доспехом в IV в. до н.э. составляет еще одну локальную черту среднедонских погребений. Вероятно, она объясняется пограничным расположением Среднего Дона и усилением давления соседних племен.

4. Защитные пояса, как портупейный, так и боевой, объединяют погребения Среднего Дона с синхронными памятниками Северного Причерноморья.

5. Все шлемы и поножи греческого производства, что также не противоречит материалам Причерноморской Скифии. Впервые, на Среднем Дону (с. Горки), совместно с поножами найдены костяные ворворки, использовавшиеся для закрепления доспеха на ноге.

6. Щиты как в среднедонских погребениях, так и на территории остальной Скифии, встречаются крайне редко. Можно отметить всего лишь два случая подобных находок, которые относятся к щитам с полосчатым панцирным покрытием.

7. Единство видов защитного доспеха в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья подразумевает, с одной стороны определенную моду на этот вид вооружения между Дунаем и Доном, с другой – централизованное снабжение этой огромной территории из одного или нескольких источников производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык: скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Богданова-Березовская И.В. Металлические изделия из Мастюгинских курганов (химический состав) // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.

Галанина Л.К. Греческие поножи Северного Причерноморья // Археологический сборник. Вып. 7. СПб., 1965.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). САИ. 1977. Вып. Д1-33.

Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов. Киев, 1994.

Гуляев В.И. Отчет о работах Донской археологической экспедиции ИА РАН в 2000 г. // Архив ОПИ ИА РАН. 2001.

Гуляев В.И. Донская археология, общескифские проблемы и научное наследие М.И. Ростовцева // Парфянский выстрел. М., 2003.

Гуляев В.И. Отчет о работах Донской археологической экспедиции ИА РАН в 2003 г. // Архив ОПИ ИА РАН. 2004.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 1275.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. 1965. Вып. Д1-311.

Либеров П.Д., Пузикова А.И. Отчет Лесостепной скифской экспедиции за 1965 г. // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3126.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43. СПб., 1911.

Манцевич А.П. О скифских поясах // СА. 1941. Т. VII.

Манцевич А.П. Золотой гребень из кургана Солоха. Л., 1962.

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. 1964. Вып. Д1-2.

Мелюкова А.И. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ. 1967. Вып. Д1-4.

Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. 1966. Вып. 107.

Пузикова А.И. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1969. № 151.

Пузикова А.И. Отчет о работе Курской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 9890.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.

Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Тр. отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941.

Сергеев Г.П. Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.

Сокольский Н.И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973.

Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. 1970. № 3.

Шрамко Б.А. Нові дані про господарство скіфської епохи // Вісник Харківського університету. Історична серія. Вип. 1. № 17. Харків, 1966.

Protective armour of the Scythian time on the Middle Don

E. I. Savchenko

Summary

The paper deals with the finds of the details of protective armour from the Middle Don region dating from the Scythian time. The author discusses in details the characteristics and construction of armour plates and coats of mail, their location in burial constrctions – tombs. Dense concentration of this kind of protective armour is stressed as a characteristic feature of the Middle Don population, as compared to the rest of Scythia's territory. Such finds as shoulder and battle belts, helmets, greaves and shields recovered from the burial associations of the Middle Don are characterised. A series of specific local features in the protective armour of the 5th–4th cc. BC is singled out, at the same time the author makes stress on the unified appearance of all types of protective armour both in steppe and forest-steppe Scythia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 98–106

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ИЗ ПРОХОРОВКИ

© 2006 г. А. С. Балахванцев*, Л. Т. Яблонский**

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

** Институт археологии РАН, Москва

В отчете С.И. Руденко о доследовании им в 1916 г. разграбленных местными крестьянами курганов у с. Прохоровка б. Оренбургского уезда имеется составленный им план могильника (рис. 1). План, вместе с другими материалами отчета был опубликован М.И. Ростовцевым (1918. С. 4. Рис. 2). На этом плане литерой "Б" обозначено некое сооружение, которое Руденко не рассматривал в качестве погребального. В публикации М.И. Ростовцева сказано: "...рядом с большим курганом имеется городище, положение и форма которого видны на прилагаемом плане (рис. 2, лит. Б)" (1918. С. 4). Судя по фигуре, представленной на плане, в момент его съемки "городище" представляло собой подпрямоугольную, с сильно закругленными углами обваловку. Ее длинная ось была ориентирована широтно. Сооружение уже тогда подвергалось распашке. Очевидно, именно поэтому линия внутреннего периметра обваловки была обозначена пунктирной линией – она плохо читалась на пашне. С.И. Руденко не стал исследовать это сооружение.

В 2001 г. могильник посетил сотрудник Государственного Эрмитажа В.Ю. Зуев и снял новый план памятника, опубликованный им в специальной монографии (2003. С. 54. Рис. 10). По данным автора, на момент обследования насыпь сооружения Б представляла собой "узкий сигарообразный вал, полностью задернованный, ориентированный в строго широтном направлении. Его размеры по линии З-В составляют 26.5 м, по линии С-Ю – 9.5 м. Высота вала 0.85–0.6 м. Строго по центру насыпи, нарушая ее, помещен триангуляционный знак..." (Зуев, 2003. С. 50).

В 2003 г. курганы у д. Прохоровка исследовались экспедицией Института археологии РАН. Предварительные сообщения о работе этой экспедиции уже опубликованы (Яблонский, 2004; Яблонский и др., 2004а; б; Яблонский, Мещеряков, 2004а; б).

Еще один план "городища" был снят непосредственно перед его раскопками (рис. 3). На самом деле оказалось, что насыпь сооружения Б имела в плане овальную форму с размерами 47 × 39 м, высотой до 92 см от уровня дневной поверхности в южной части, до 76 см – в северной, до 71 см – в восточной и до 96 – в западной. Полуразрушенная вышка тригопункта располагалась не в центре, а в западной половине насыпи, занимая, однако, наивысшую площадку в ее пределах. При сооружении тригопункта в насыпи была выкопана яма квадратной в плане формы размерами 3 × 3 м и глубиной до 70 см от уровня поверхности насыпи. Углами яма была ориентирована строго по сторонам света.

При раскопках насыпи на снос в ее толще были сделаны находки – детали конской упряжи раннесарматского времени, а под насыпью выявлены три древних погребения, захоронение пары конских голов и следы поздних перепланировок участка, на котором насыпь была расположена (рис. 4). В рамках этой статьи мы оставляем в стороне различные детали и обратимся лишь к тем из них, которые имеют прямое отношение к теме данной работы.

Под насыпью были прослежены остатки поздней траншеи (рис. 4). Она заглублялась в толщу материка лишь на отдельных участках, но по конфигурации этих участков и по профилям, в которых траншея фиксировалась и выше поверхности материка, можно судить о том, что в плане она образовывала прямоугольник размерами 18 × 6 м. Ширина траншеи на уровне поверхности материка составляла 50 см, а глубина – до 40 см от этой поверхности. Длинной осью этот прямоугольник был ориентирован строго широтно. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что именно эта перепланировка на месте "городища" придала ему форму прямоугольной обваловки, зафиксированной С.И. Руденко.

Под насыпью в северо-западном секторе сооружения было выявлено погр. 1, которое принадлежало грудному ребенку (рис. 4). Под восточной частью насыпи было найдено скопление беспорядочно разбросанных костей скелета (рис. 4), принадлежавшего пожилой женщине (погр. 2). Судя по тому, что часть этих костей находилась на дне траншеи, нельзя исключить, что захоронение было разрушено именно при рытье данной траншеи.

Дно траншеи заглублялось в толщу заполнения входной могильной ямы погр. 3 (рис. 4). Траншея пересекала эту яму, но само захоронение оказалось не тронутым. Именно в этом захоронении была сделана находка, о которой пойдет речь в этой статье.

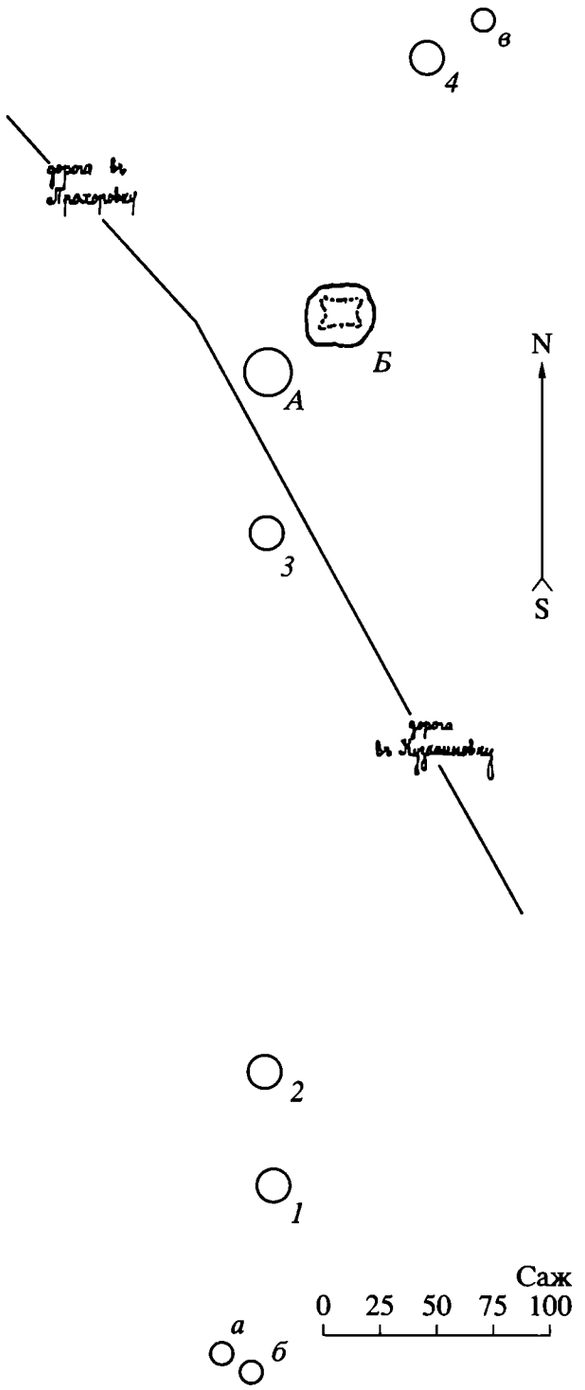


Рис. 1 План могильника у с. Прохоровка по отчету С.И. Руденко.

По форме в плане входная яма погр. 3 приближалась к широкому неправильному овалу с тотальными размерами 320 × 140 см (рис. 5). Длинной осью она была ориентирована меридионально с небольшим отклонением. Северная и южная стенки ямы гладкие, спускались в направлении дна с небольшим наклоном. Восточная стенка имела два уступа-заплечика, которые проходили по всей ее длине. Верхний заплечик шириной в 25 см располагался на уровне 100 см от поверхности погребенной почвы, нижний заплечик шириной 15 см проходил на уровне 170 см от поверхности погребенной почвы. Оба заплечика не имели отношения к

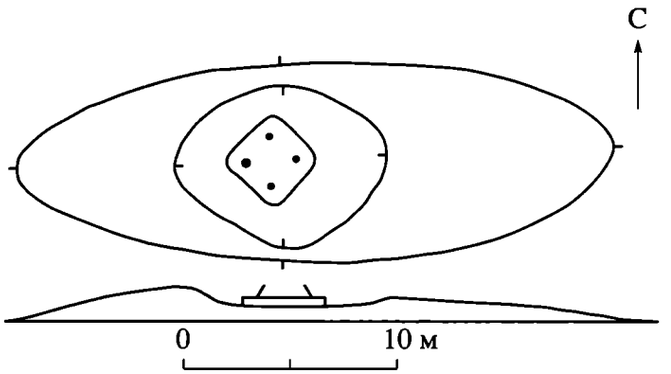


Рис. 2. План и разрез сооружения Б, опубликованный В.Ю. Зуевым.

конструкции погребальной камеры и, вероятно, были сделаны для того, чтобы облегчить процесс спуска в яму и подъема из нее в ходе совершения погребального обряда. Дно ямы располагалось на уровне 240 см от поверхности погребенной почвы. Оно было гладким и горизонтальным. В 65 см от восточной стенки входной ямы фиксировалась канавка шириной 40 см, пробитая параллельно стенке в каменистом дне. Канавка имела рваные края и неровное выщербленное дно. Дно канавки находилось на одном уровне с дном подбойной ниши. К западу от канавки дно входной ямы распространялось еще на 70 см, до края ступеньки подбойной ниши.

Ниша располагалась в западной стенке входной ямы. По форме в плане она приближалась к вытянутой трапеции со скругленными углами, с тотальными размерами 330 × 110 (в средней части) × 105 (у южной стенки) × 80 см (у северной стенки). Глубина дна ниши – 278 см от поверхности погребенной почвы. Длинная ось ниши проходила параллельно длинной оси входной ямы. В северной стенке ниши была оставлена ступеньки шириной 28 см и высотой 25 см от уровня дна подбойной ниши. Потолок подбоя обрушился в древности, и высота его свода точно не устанавливается.

На дне подбойной ниши был расчищен скелет, который принадлежал молодой женщине (рис. 5). Погребенная лежала на спине, головой на юг, лицом на запад, в "атакующей позе" – правая нога была вытянута, а левая – согнута в колене под прямым углом. Левая рука была вытянута и несколько отставлена в сторону, правая – согнута в локте под прямым углом.

При расчистке захоронения были обнаружены многочисленные предметы сопровождающего инвентаря:

В южной части входной ямы, у входа в подбойную нишу, *in situ* лежали два обломка преднамеренно сломанного железного наконечника копья – втулка и перо.

Между черепом и стенкой подбойной ниши были найдены четыре фигурные прорезные накладки на венчик деревянной чаши, сделанные из тон-

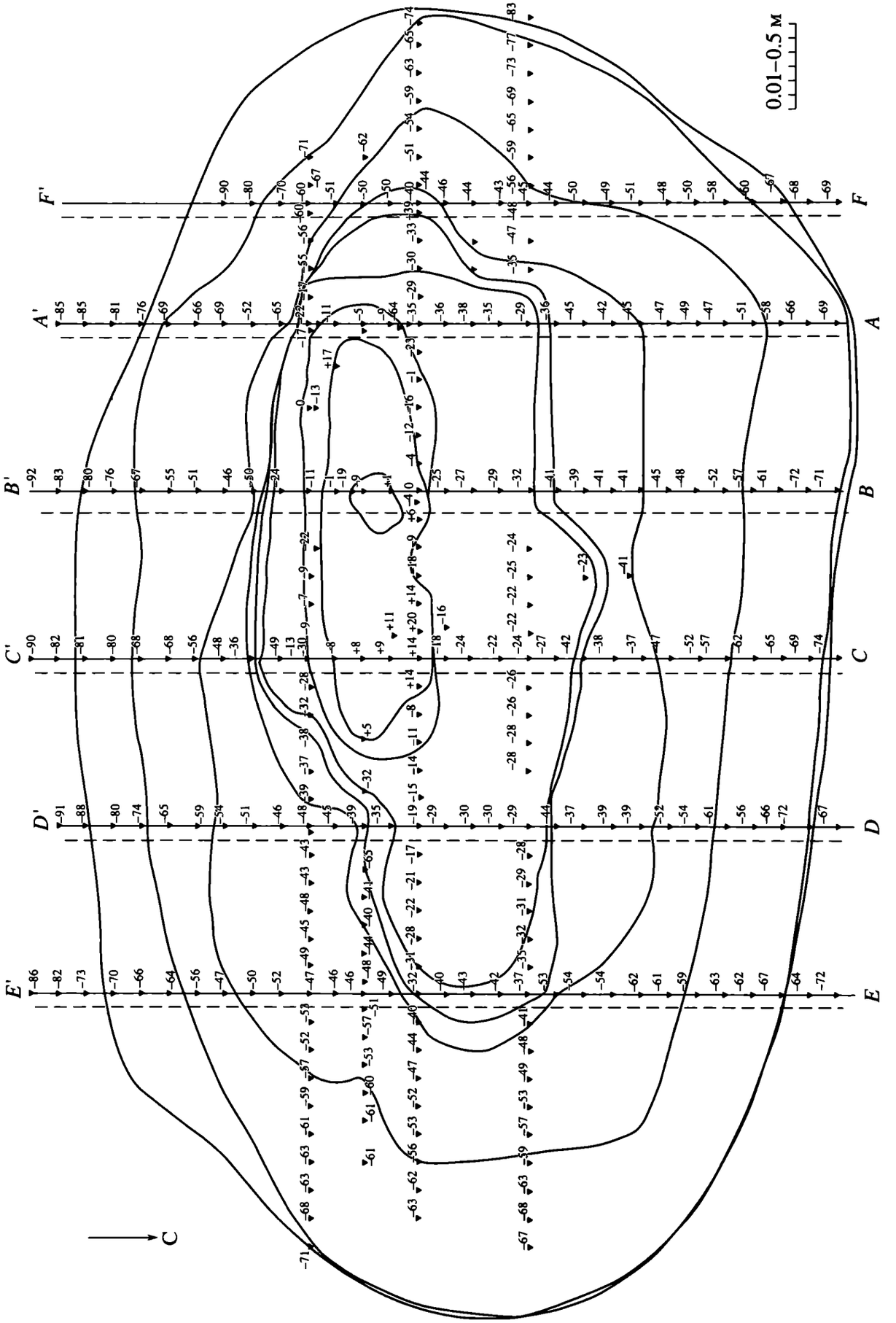


Рис. 3. План сооружения Б, снятый сотрудниками Прохоровской экспедиции ИА РАН в 2003 г.

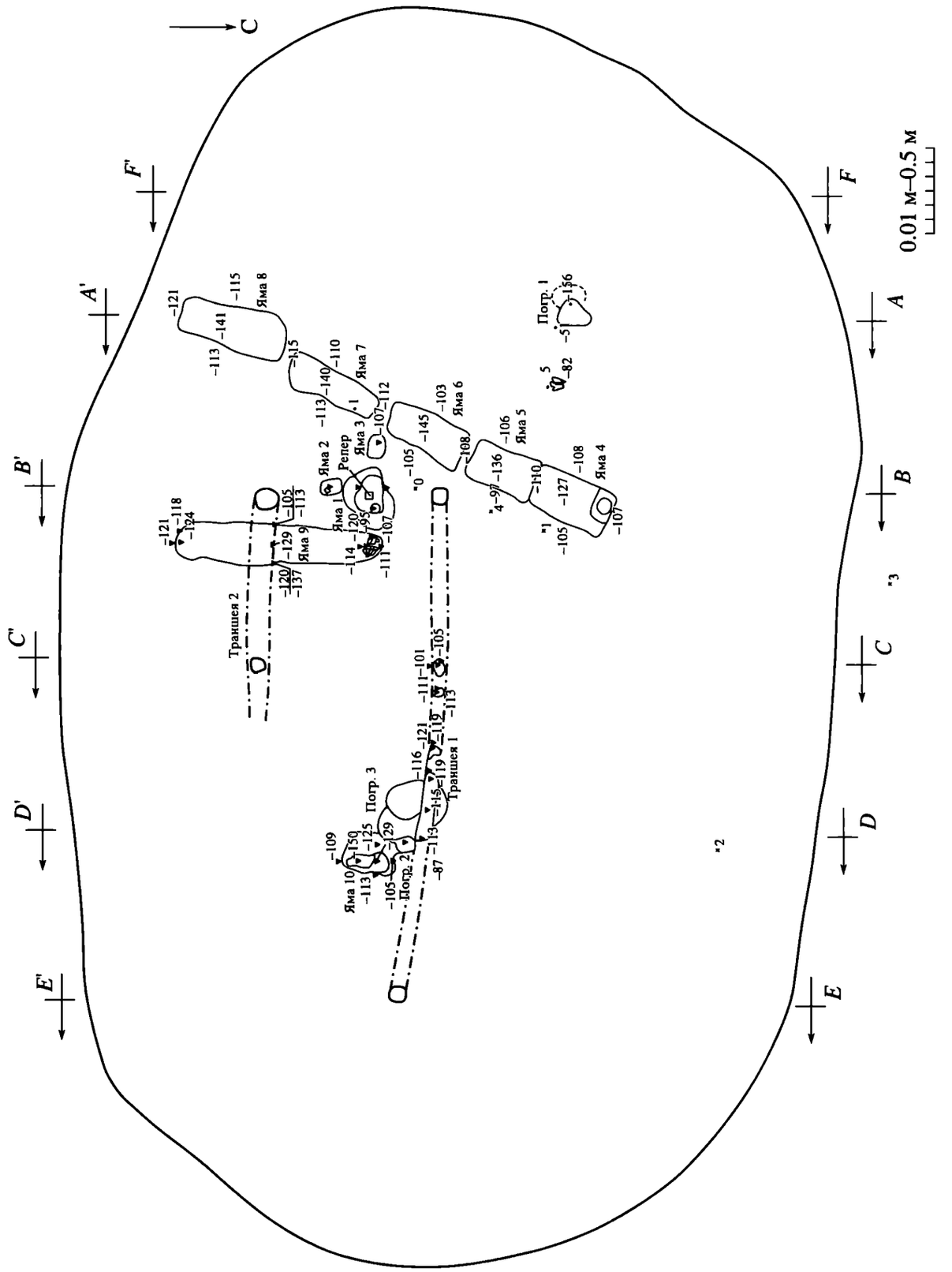


Рис. 4. План расчистки в площади сооружения Б.

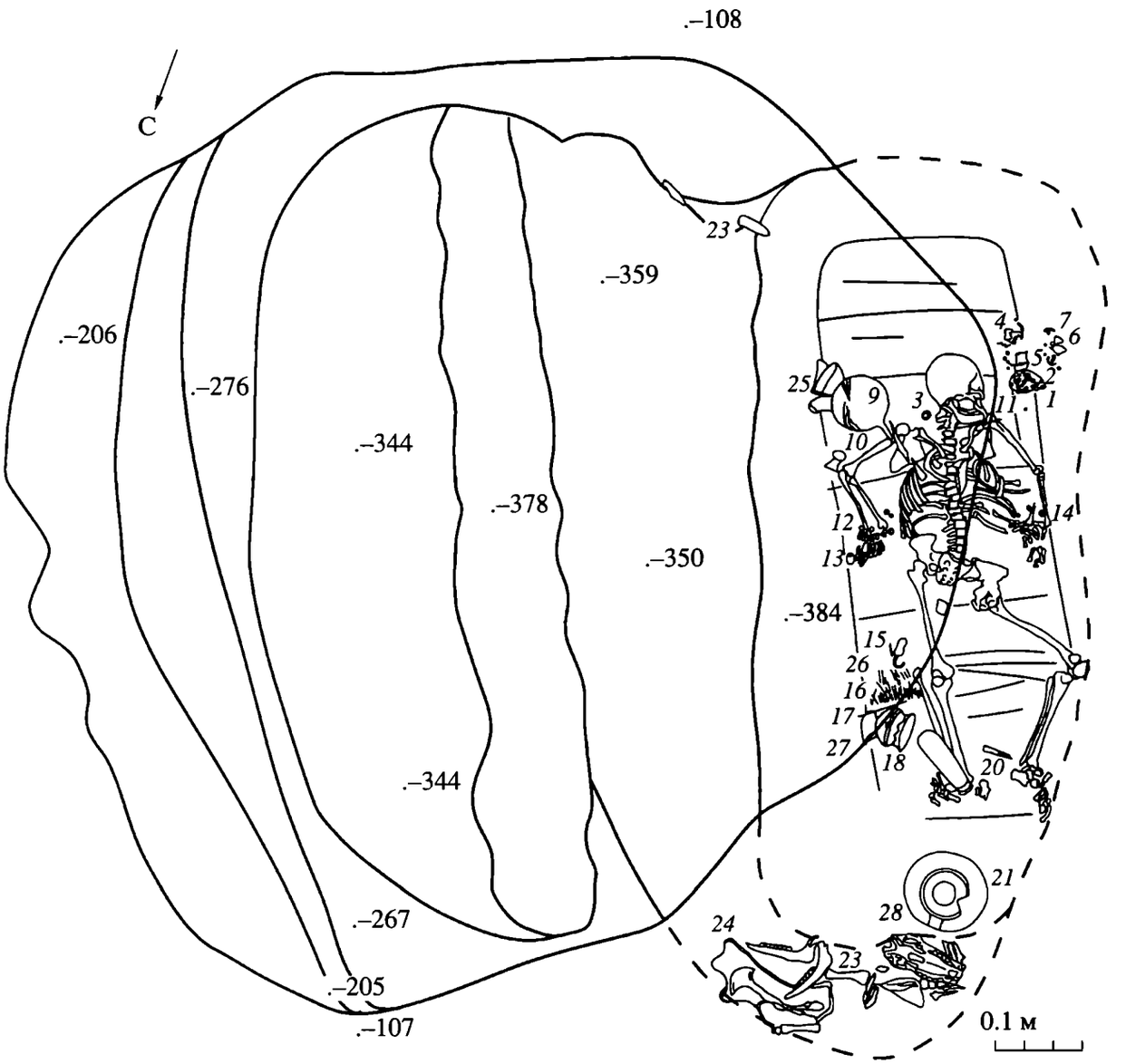


Рис. 5. План могильной ямы погребения 3. *1* – скопление бляшек золотых сферических и полусферических; *2* – скопление бляшек золотых плоских; *3* – подвеска из агата, оправленного золотом; *4* – золотая обкладка; *5* – золотая обкладка; *6* – золотая обкладка; *7* – золотая обкладка; *8* – обкладки золотые мелкие; *9* – зеркало бронзовое; *10* – пряслице; *11* – серьга золотая; *12* – бусины левого запястья; *13* – пряслице белое яйцевидное; *14* – бусины левого запястья; *15* – крюк поясной железный с золотой обкладкой; *16* – наконечники стрел железные и бронзовый; *17* – предмет железный; *18* – сосуд серебряный; *19* – сосуд из мраморного оникса; *20* – предмет из кости; *21* – сосуд глиняный; *22* – нож железный; *23* – копье железное; *24* – блюдо из рога лося; *25* – фрагменты дерева, кожи, меха футляра зеркала; *26* – фрагменты дерева колчана; *27* – фрагменты дерева с серебряной чаши; *28* – кости и череп барана.

ких листочков желтого металла (сама чаша не сохранилась), многочисленные гвоздики, фигурные и дисковидные шайбочки, которые служили для прикрепления накладок к корпусу чаши. Здесь же – узкая лента из золотой фольги в виде ломаной линии. На месте чаши плотным скоплением лежали полусферы и сферы, сделанные из желтого металла (более 500 штук); их диаметр составлял от 6 до 8 мм.

Между правой ключицей и черепом, лицевой поверхностью вниз лежала подвеска округло-линзовидной формы, сделанная из крупного отшлифованного мохового агата, оправленного в фольгу желтого металла.

У правого плеча находилось большое бронзовое дисковидное зеркало с длинной штыревидной ручкой, которая была вставлена в деревянную палку. Зеркало было обернуто в холщовую ткань тонкого плетения и находилось в футляре, сделанном из меха и покрытого тонким слоем коры.

Возле локтя правой руки лежало пряслице усеченно-биконической формы, выточенное из белого мелообразного известняка.

Под нижней челюстью была найдена серьга, сделанная из желтого металла; она имеет основу в форме полумесяца шириной 13 мм с шестью петельками в нижней части. К петелькам прикрепля-

лись витые цепочки с окончаниями в виде стилизованных амфоровидных подвесок.

Вокруг правого запястья расчищены бусы, которыми был расшит край рукава рубахи – янтарные, стеклянные, агатовая, сердоликовые, известняковая. Вокруг левого запястья расчищены бусы, которыми был расшит край другого рукава рубахи – стеклянные, египетского фаянса, сердоликовые, янтарные, известняковая.

Возле правой кисти лежало еще одно известняковое пряслице усеченно-биконической формы.

У правого колена в пять слоев расчищены железные наконечники стрел – не менее 110 штук. Все они черешковые. На верхнем слое наконечников фиксировались следы деревянного тлена, возможно, остатки колчана. Вместе с ними находился один бронзовый наконечник стрелы. Он трехлопастной, с опущенными концами перьев и выступающей втулкой.

К югу от наконечников располагался железный крюк, обернутый фольгой желтого металла. Он представляет собой фигуру фантастического животного.

К северу от наконечников стрел лежал неопределимый железный предмет плохой сохранности.

Над правым голеностопным суставом погребенной располагался туалетный сосуд, сделанный из мраморного оникса.

Между голенями погребенной был найден фрагмент костяного предмета, вероятно, от рукояти плети.

В ногах погребенной, вплотную к северной ступеньке подбойной ниши был установлен большой круговой сероглиняный одноручный кувшин.

На поверхности северной ступеньки подбойной ниши располагались блюдо, выточенное из рога лося, и кости барана, лежавшие в анатомическом сочленении. В восточной части ступеньки был расчищен череп барана (без нижней челюсти) и кости передней ноги барана в сочленении с ребрами.

Среди костей барана был найден железный нож.

Под костями скелета, на каменистом дне подбойной ниши фиксировался тонкий слой коры, под которым удалось выявить следы деревянных носилок, сделанных из жердей. По конструкции носилки напоминают лестницу длиной около 195 см и шириной 70 см. Поперечные плашки располагались параллельно друг другу, приблизительно через 20 см.

Серебряная чаша, которая стала объектом этого исследования, стояла в полунаклонном положении ниже колчана со стрелами. На поверхности чаши были зафиксированы следы деревянного тлена.

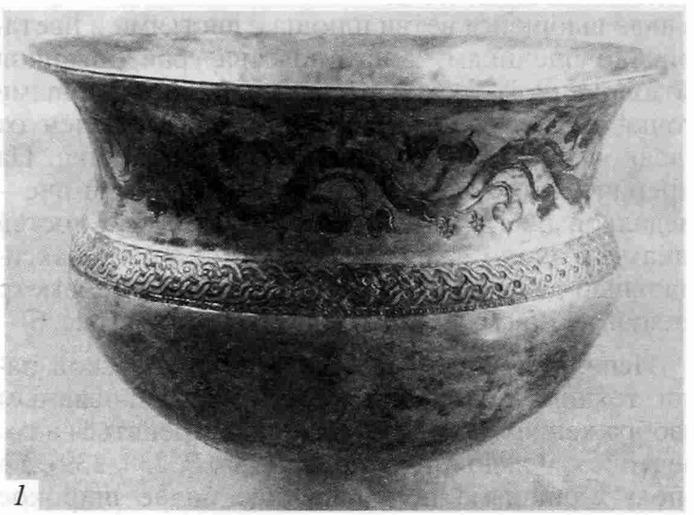
Чаша имеет полусферическое тулово с широким отогнутым горлом и отогнутым венчиком. Верхняя вогнутая часть украшена гравированным позолоченным фризом растительного орнамента в виде вьющейся ветви плюща с листьями и цветами. По плечикам чаша опоясана гравированной позолоченной трехрядной плетенкой с парными точками в завитках. Пояс плетенки отделен от гладкой нижней части полосой жемчужника. На сферическом в целом, слегка уплощенном дне – медальон из трех концентрических окружностей (диаметр около 2.5 см). Высота чаши 9.6 см, максимальный диаметр – 14 см, минимальный диаметр шейки – 11.5 см, диаметр венчика – 14 см (рис. 6).

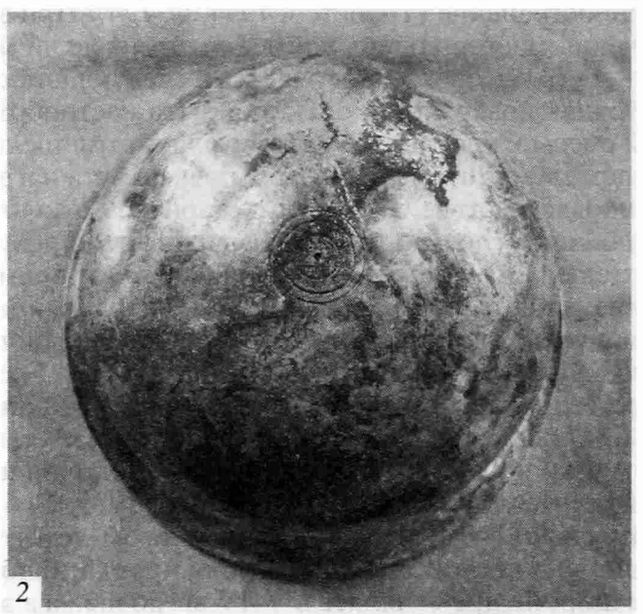
Использованная создателем прохоровской чаши техника золочения фриза с гравированным изображением и плетенки стала применяться в торевтике с V в. до н.э. (Moorey, 1988. P. 238, 239), а в эпоху эллинизма получила еще более широкое распространение (Трейстер, 1994. С. 174). При золочении мастер-торевт применил химический метод[1], суть которого заключается в следующем: серебряная поверхность была покрыта пастообразной смесью золота и ртути, взятых в соотношении один к двум. Затем смесь была подвергнута нагреванию, вследствие чего ртуть испарилась, а золото тончайшим слоем осело на гравированную лозу и плетенку. Этот метод имел очень широкое применение, и поэтому изделий, позолоченных химическим способом, до нас дошло сравнительно много. Так, в каталоге выставки античного серебра Государственного Эрмитажа изделий, позолоченных химическим способом, представлено втрое больше, чем изделий с механическим золочением (Античное художественное серебро, 1985. С. 6)[2]. Объяснение этому явлению во многом лежит в хронологической плоскости: плакировка наиболее широко применялась в V–IV вв. до н.э., а в эллинистический период самым популярным стал химический способ золочения (Strong, 1966. P. 11). К середине I в. до н.э. механическое золочение настолько выходит из употребления, что Витрувий в своем трактате "Об архитектуре" (VII.8.4) упоминает только один способ золочения – с использованием ртути. Таким образом, метод, использованный при золочении чаши из Прохоровки, указывает, скорее, на дату, не более раннюю, чем IV в. до н.э.

Форма прохоровской чаши позволяет отнести ее к весьма популярному в позднеахеменидскую и раннеэллинистическую эпоху македонскому типу ахеменидских чаш, возникшему в середине IV в.

[1] Определение метода золочения принадлежит Л.Т. Яблонскому, а затем по фотографии было подтверждено сотрудником Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяном, за что авторы статьи еще раз выражают ему свою искреннюю признательность.

[2] Пользуясь случаем, отметим допущенную авторами каталога досадную ошибку: один и тот же канфар из кургана Солоха сначала фигурирует в списке произведений торевтики, позолоченных химическим способом (Античное художественное серебро, 1985. С. 6. № 6), а на следующей странице уже отнесен к тем сосудам, при золочении которых использовалась плакировка.





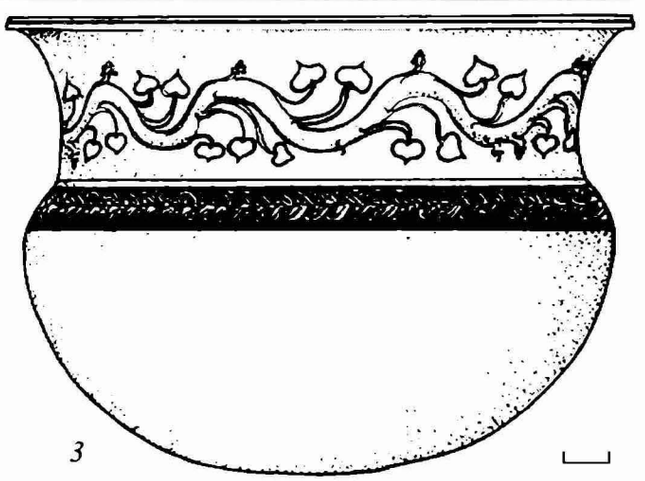


Рис. 6. Серебряная чаша из Прохоровки: *1* – фото, вид сбоку; *2* – фото, вид снизу; *3* – прорисовка, вид сбоку.

до н.э. (Pfrommer, 1987. S. 56–61)[3]. Характерными образцами данного типа являются чаши неизвестного происхождения, хранящиеся в Музее Изящных Искусств Бостона (Palmer, Vermeule, 1959. P. 4), в Гамбурге (Hoffmann, 1961. S. 98) и в Британском Музее (Walters, 1921. P. 23. Fig. 28); а также чаши из кургана Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 96. Табл. V, *2*; Abka 'I-Khavari, 1988. S. 106), Мезека в Болгарии (Велковъ, 1937. P. 134. Abb. 122), Тух-эль-Карама в Египте (Maspero, 1907. P. 61. Pl. XXVIII, *2*). Наиболее же близкие аналогии по форме и пропорциям для чаши из Прохоровки дают чаши из Никисиани в Македонии (Daux, 1960. P. 799. Fig. 12) и Салоник (Pfrommer, 1987. Taf. 43d), датируемые серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. (Pfrommer, 1987. S. 59, 234. Taf. 62).

Вместе с тем необходимо отметить, что у прохоровского экземпляра напрочь отсутствует такая неотъемлемая часть декора ахеменидских чаш македонского типа как Stabzungenornament (Pfrommer, 1987. S. 56, 64)[4], т. е. разделение полусферического тулова чаши радиально сходящимися к ее дну желобками, каннелюрами или стилизованными листьями. Это обстоятельство позволяет сблизить чашу из Прохоровки с такими образцами ахеменидских глубоких чаш V–IV вв. до н.э. с абсолютно гладкой поверхностью, как чаша из Гордиона в Малой Азии (Young, 1962. P. 154, 155. Pl. 41. Fig. 1a) и второй экземпляр из Никисиани (Daux, 1960. P. 799. Fig. 12). Поэтому уже априори можно предположить, что чаша из сооружения Б как в типологическом, так и в хронологическом плане должна занимать промежуточное положение между классическими представителями македонского типа и их ахеменидскими прототипами.

Данное предположение вполне подтверждается находкой в Скиатби (Египет) глиняной чернолаковой чаши, которая датируется последней четвертью IV в. до н.э. (Pfrommer, 1987. S. 64, 214. Taf. 46b) и является еще одной очень близкой аналогией для чаши из Прохоровки. Существование подобных глиняных чаш свидетельствует в пользу значительной популярности их золотых и серебряных прототипов среди широких слоев населения. А так как на завоевание популярности должно было уйти определенное время, то мы склонны отнести возникновение такой разновидности ахеменидских чаш, как прохоровская, к периоду не позднее середины IV в. до н.э. Впрочем, судя по всему, мода на подобные чаши оказалась сравнительно недолговечной. Материалы из Скиатби показывают, что если в последней четверти IV в. до н.э. чаши типа

[3] По прежней классификации Д. Стронга (Strong, 1966. P. 99–101) чашу из Прохоровки следовало бы включить в число "ахеменидских глубоких чаш".

[4] М. Пфроммер полагает, что идея такого орнамента восходит к ахеменидским прототипам (Pfrommer, 1987. S. 56. Anm. 309). Однако, как нам кажется, при этом нельзя исключать и местного греческого влияния, источником которого могли быть орнаментированные желобками и каннелюрами канфары, обнаруженные при раскопках Олинфа и афинской Агоры (Excavations at Olynthus, 1950. P. 294. Pl. 190. № 526; Young, 1951. P. 124. Pl. 52b. Fig. 8, *2*; Sparkes, Talcott, 1970. P. 121. Pl. 28. Fig. 7. № 691, 692). Наиболее ранние из них датируются второй четвертью IV в. до н.э.

прохоровской еще существуют параллельно с чашами, точно воспроизводящими все основные черты декора чаш македонского типа, то на рубеже IV–III вв. до н.э. первые полностью исчезают. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что чаша из Прохоровки датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.

В пользу предложенной датировки свидетельствуют, по нашему мнению, и результаты стилистического анализа орнаментального фриза прохоровской чаши. Помещенная на ней ветвь плюща, указывающая на связь с культом Диониса (Уильямс, Огден, 1995. С. 42), была одним из наиболее популярных орнаментальных мотивов на протяжении всей античности. Растительный орнамент прохоровской чаши находит ближайшие параллели на еще одной глиняной чаше из Скиатби (Pfrommer, 1987. S. 214. Taf. 46a), на серебряной чаше из южноиталийского Буччино (Cipriani et al., 1996. P. 21), на стеклянной чаше с внутренней позолотой из кургана у станицы Государственная (Античное стекло, 1997. Илл. 25), на пиксиде из Больсены (Oliver, 1977. P. 55. № 22), на золотом уборе для волос из Египта (Pfrommer, 2001. P. 47. Fig. 32a), на расписном кратериске из Ольвии (Книпович, 1941. Рис. 8), на серебряном с позолотой ритоне из Ирана (Луконин, 1977. Рис. на с. 121), на кубке из Гильдесхейма (Oliver, 1977. P. 129. № 88). Все приведенные аналогии датируются от последней четверти IV в. до н.э. до I в. н.э. Вместе с тем можно заметить, что если в сюжетном отношении ветвь плюща на прохоровской чаше не представляется чем-то необычным, то в стилистическом плане она заметно отличается от других изображений как своей толщиной, так и не столь явно выраженной симметрией в расположении листьев и цветков. Все это, на наш взгляд, также указывает на более раннюю дату создания чаши из Прохоровки, чем последняя четверть IVв. до н.э. При этом, разумеется, надо помнить, что датировка чаши не совпадает с датой ее помещения в могилу. Наличие на драгоценном сосуде небольших вмятин, потертостей и утрата позолоты на отдельных местах свидетельствует о том, что чаша использовалась ее владельцами в течение долгого времени.

Что можно сказать о месте изготовления чаши из Прохоровки? Ответить на этот вопрос нам поможет опоясывающий чашу пояс плетенки. Дело в том, что в отличие от двойной плетенки, известной уже в хеттском (Максимова, 1954. С. 286) и урартском (Есаян, 1983. Табл. IX, *1*) искусстве, и многократно встречающейся на произведениях торевтики из доахеменидского (Луконин, 1977. С. 21) и ахеменидского Ирана (Dalton, 1964. P. 13. Pl. X; The golden deer..., 2000. Fig. 68), Старой Загоры и с острова Итаки (Strong, 1966. Pl. 18; 25B), скифских курганов Куль-Оба, Солоха (The golden deer..., 2000. № 146; 157), Чертомлык (Artamonow, 1970. Taf. 166), Бабина Могила и Соболева Могила (Scythian Gold, 1999. № 141–143; 164), плетенка на чаше из Прохоровки является трехрядной, что характерно для восточногреческих центров (Kjellberg, 1940. S. 167; Максимова, 1954. С. 286). Она встречается уже на келермесском ритоне (Максимова, 1956. С. 222. Рис. 5), выполненном во второй половине VII в. до н.э. (Галанина, 1997. С. 148) мастером из Северной Ионии. Такая же рельефная трехрядная плетенка обрамляет медальоны двух серебряных киликов восточносредиземноморского происхождения из гробницы у Карантинного шоссе (Античное художественное серебро, 1985. № 26; Strong, 1966. Pl. 30A) и опоясывает два серебряных канфара из Артюховского кургана (Максимова, 1979. Рис. на с. 31; Рис. 24), которые, возможно, были произведены в Пергаме. Аналогичная плетенка имеется также на чаше из Дуванли (Филов, 1934. С. 173, 174. Табл. XI, *2*), на чаше, хранящейся в Музее Метрополитен и происходящей, возможно, из Акарнании (Pfrommer, 1987. S. 235. Taf. 43e), и на трех чашах из музея в Толедо, две из которых были найдены в Мазендеране (Oliver, 1977. № 43, 45, 46). Другие аналогии для эпохи классики и эллинизма нам пока неизвестны[5]. Учитывая относительную редкость употребления трехрядной плетенки, можно предположить, что прохоровская чаша была изготовлена в одном из городов Восточного Средиземноморья.

Наконец, каким образом чаша попала в степи Южного Приуралья? Учитывая время и возможное место ее создания, представляется, что чаша вместе со своим владельцем, служившим в армии Александра Македонского или Селевка I, проделала долгий путь от берегов Средиземного моря до Средней Азии. Здесь она поменяла хозяина и в качестве военного трофея или дипломатического дара могла оказаться в руках одного из дахских вождей, разнообразные – как враждебные, так и союзнические – отношения которых с греко-македонцами нам хорошо известны из античных авторов. Учитывая тесные связи дахов с раннесарматской (прохоровской) культурой Южного Приуралья (Балахванцев, 2005. С. 64–67), в погребальных комплексах которой присутствует значительное количество импортной среднеазиатской керамики, находка серебряной чаши в Прохоровке выглядит вполне естественно.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-01527а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.

Античное художественное серебро. Каталог выставки. Л., 1985.

[5] Кажется, что трехрядная плетенка представлена и на серебряном зеркале III в. до н. э. из Деметриады (Strong, 1966. Pl. 29A), но качество иллюстрации не позволяет судить об этом с полной уверенностью.

Балахванцев А.С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация // Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. СПб., 2005.

Велковъ Ив. Разкопкитъ около Мезекъ и гара Свиленградъ презъ 1932–1933 год // Bulletin de l' Institut Archéologique Bulgare. 1937. Т. XI.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003.

Есаян С.А. Об урартских поясах, найденных на территории Советской Армении // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Книпович Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья // СА. 1941. Т. VII.

Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх // МАР. 1894. Вып. 13.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Т. XXI.

Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Т. XXV.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. Вып. 37.

Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.

Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. Каталог выставки. СПб., 1995.

Филов Б. Надгробните могили при Дуванли. София, 1934.

Яблонский Л.Т. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // II Международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э"., посвященная памяти Б.Н. Гракова. Тез. докл. Азов; Ростов-н/Д., 2004а.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Основные результаты археологического доследования могильника у деревни Прохоровка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004б.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вест. РГНФ. 2004а. № 4 (37).

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Раскопки эпонимного могильника раннесарматской культуры у с. Прохоровка // АО-2003. 2004б.

Abka 'I-Khavari M. Die achämenidischen Metallschalen // AMI. 1988. Bd. 21.

Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen in der Ermitage. Prague, 1970.

Cipriani M., Greco E., Longo F., Pontrandolfo A. The Lucanians in Paestum. Paestum, 1996.

Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. L., 1964.

Daux G. Chronique des Fouilles // BCH. 1960. T. 84 (2).

Excavations at Olynthus. V. XIII. Baltimore, 1950.

Hoffmann H. Kunst des Altertums in Hamburg. Mainz, 1961.

Kjellberg L. Die architektonischen terrakotten. Larisa am Hermos. Bd. II. Stockholm, 1940.

Maspero M.G. Le Musée Égyptien. T. 2. Caire, 1907.

Moorey P.R.S. The technique of Gold-figure Decoration on Achaemenid Silver Vessels and its Anticedents // Iranica Antiqua. V. XXIII. Leiyden, 1988.

Oliver A. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 1977.

Palmer H., Vermeule C. Ancient Gold and Silver in the Museum of Fine Arts, Boston // Archaeology. 1959. V. 12 (1).

Pfrommer M. Studien zu alexandrinischer und großgriechischer Toreutik fruhhellenistischer Zeit. Berlin, 1987.

Pfrommer M. Greek gold from Hellenistic Egypt. Los Angeles, 2001.

Scythian Gold: treasures from ancient Ukraine. N. Y., 1999.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C. The Athenian Agora. 1970. V. XII.

Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966.

The golden deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian treasures from the Russian steppes. N. Y., 2000.

Walters H.B. Catalogue of the Silver Plate (Greek, Etruscan and Roman) in the British Museum. L., 1921.

Young R.S. Sepulturae Intra Urbem // Hesperia. V. XX (2). Baltimor, 1951.

Young R.S. The 1961 Campaign at Gordion // AJA. 1962. V. 66 (2).

Silver bowl from Prokhorovka

A. S. Balakhvantsev, L. T. Yablonsky

Summary

In 2003, when excavating the kurgan cemetery near the village Prokhorovka in the locality known as "The hillfort" three burials were discovered. One of them (burial № 3) contained skeleton of a young female furnished with rich and varied funerary gifts. Among them there was a silver bowl decorated with gilded ornamental band around its neck, another band of ornament disposed on the central part of the body consised of triple interlaced motif. For the first time such a bowl was ever discovered in clear archaeological context. By its shape and style of the ornamental compositions the bowl is close to the finds known in the territory from Southern Italy to Egypt. Taking the analogies into account, the bowl is dated to the second part of the 4th c. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 107–116

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

СТАРАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАХОДОК ИЗ ПРОХОРОВКИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2006 г. Д. В. Мещеряков*, В. К. Федоров**, Л. Т. Яблонский***

* *Государственный педагогический университет им. В.П.Чкалова, Оренбург*

** *Институт истории, языка и культуры УНЦ РАН, Уфа*

*** *Институт археологии РАН, Москва*

В последние годы вопрос о датировке курганов у д. Прохоровка (Оренбургская обл. РФ), которые дали название всему раннему этапу сарматской культуры Евразийских степей, неожиданно приобрел исключительную остроту.

В многочисленных публикациях В.Ю. Зуева (1998а–д; 1999; 2000а–в; 2001) предпринимаются попытки самым существенным образом перекроить утвердившиеся со времен М.И.Ростовцева и Б.Н. Гракова представления о хронологии и периодизации раннекочевнических древностей Волго-Уральского региона. В предложенной В.Ю. Зуевым (1998б. С. 49, 50) "новой хронологии" появляется разрыв (хиатус) между культурами ранних кочевников Приуралья V–IV вв. и II–I вв. до н.э. В этом контексте принципиальное значение В.Ю. Зуев придает проведенной им передатировке эпонимных курганов раннесарматской культуры: курганы 1 и 2 Прохоровки ("южная группа"), согласно В.Ю. Зуеву, "датируются концом II – рубежом II–I вв до н.э. (с возможным омоложением даты до первых десятилетий I в до н.э.)", а курганы 3 и 4 ("северная группа") – "второй половиной V – рубежом V–IV в. до н.э." (Зуев, 2000б. С. 327). Автор распространяет эти свои построения на всю раннесарматскую культуру Волго-Уральского региона, относя ее хронологические истоки ко времени не ранее II в. до н.э.

Нужно сказать, что серьезный типологический анализ всех категорий находок из Прохоровских курганов В.Ю. Зуевым, фактически, проделан не был. Его подменяет ряд эссеобразных штудий, посвященных некоторым категориям инвентаря, преимущественно очень редким или уникальным (кираса, фиалы-фалары, золотые обкладки ножен и т.п.). О рядовых находках, составляющих большую часть дореволюционной коллекции из Прохоровки и имеющих принципиальное значение для хронологической атрибуции курганов, сказано либо вскользь, либо ничего не сказано вовсе (Федоров, 2001а). Кроме того, пытаясь упорядочить сведения начала XX в. о составе этой коллекции, В.Ю. Зуев сам не избежал серьезных ошибок. Так, введя в комплекс кургана 4 изображение золотой серьги, происходящей из Нового Кумака, он едва не дал начало новой цепочке заблуждений, которая лишь благодаря внимательности Е.В. Лыловой оказалась своевременно прерванной (Лылова, 2002. С. 243–247; 2004).

Как бы то ни было, в своих рассуждениях В.Ю. Зуев, как и его предшественники, был вынужден опираться в основном на вещи, полученные при ограблении курганов и не имеющие, следовательно, строго привязанного археологического контекста.

Теперь ситуация изменилась. В 2003 г. Приуральская экспедиция ИА РАН доследовала курганы у с. Прохоровка[1], и все они, включая "городище", дали хорошо датирующиеся материалы, происходящие по большей части из впускных захоронений (Яблонский, 2004; Яблонский, Мещеряков, 2004а, б; Яблонский и др., 2004). Все это позволяет теперь по-новому взглянуть на датировки Прохоровских курганов. Рассмотрим вместе с новыми материалами вещевые комплексы из курганов, доследованных в 1916 г. С.И. Руденко и опубликованных М.И. Ростовцевым в 1918 г.

Курган 4. *Каменное блюдо* из коллекции С.И. Руденко относится к типу III группы 1 "каменных жертвенников" савромато-сарматской эпохи (Васильев, 1998. С. 26). Этот тип представляет компактную в хронологическом отношении группу, целиком относимую к IV в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. Рис. 7; Мещеряков, 1996. Рис. 5, *1*; Смирнов, 1977. Рис. 12, *27*; 14а, *2*; Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 30; 34; Бисембаев, Гуцалов, 1998. Рис. 2, *7*; Гуцалов, 2000. С. 11).

Примечательна находка обломка подобного блюда в кургане 5 Филипповки (Пшеничнюк, 1987. С. 6. Рис. 8, *1*), поскольку именно в филипповском материале присутствуют наиболее важные аналогии артефактам из кургана 4 Прохоровки. Это, например, золотая серьга (The Golden Deer..., 2000. P. 86, 87. № 15). Подобная серьга, но не золотая, а бронзовая, обтянутая золотом, найдена в разрушенном кургане могильника Новый Кумак вместе с известным алебастровым сосудом с надписью

[1] Начальник экспедиции Л.Т. Яблонский, зам. начальника Д.В. Мещеряков.

"Фараона великого Артаксеркса" (Савельева, Смирнов, 1972. Рис. 1б).

Редчайшую параллель в Филипповке имеет и *зеркало* из этого кургана[2]. С обратной стороны оно покрыто многочисленными пуансонными изображениями – фигурками птиц и иных животных (факт, не отмеченный в более ранних публикациях). Совершенно аналогичные пуансонные изображения несет обратная сторона зеркала из кургана 3 Филипповки (The Golden Deer..., 2000. P. 168, 169. Fig. 69). Здесь изображены также птицы, копытные и, возможно, рыбы. Некоторые раритетные импортные предметы из Филипповского могильника вполне можно датировать V или даже VI в. до н.э., но основной массив находок – вооружение, конская упряжь, керамика, зеркала – относится к IV в. до н.э. Не противоречат такой датировке и данные радиоуглеродного анализа: одна из дат – конец VI–III вв. до н.э. (Зайцева и др., 2001. С. 131, 132). Раскопки трех филипповских курганов, проведенные в 2004 г., также дали материалы IV в. до н.э. (Яблонский и др., 2005).

При раскопках 2003 г. в кургане 4 Прохоровки были впервые выявлены два впускных захоронения, планиграфически "привязанных" к центральному в соответствии с известной раннесарматской погребальной традицией. Мужское погребение содержало, в частности, железные черешковые наконечники стрел в сочетании с бронзовыми и молоточковидные предметы, находившиеся на дне лепного сосуда. В другом впускном захоронении, (детском) была найдена круговая хорезмийская хумча кангюйского типа. Эти находки позволяют датировать впускные погребения в пределах III в. до н.э., а курган 4 в целом – IV–III вв. до н.э.

Курган 3. Среди *наконечников стрел* из этого кургана[3] абсолютно преобладают формы, характерные для IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1962б. Рис. 27–30; Мошкова, 1963. Табл. 14–16).

Костяная поделка, весьма близкая прохоровской, известна по материалам могильника Елимбетово (башкирское Приуралье). А.Х. Пшеничнюк (1983. С. 101, 102) датирует ее IV–II вв. до н.э. Сходная костяная или роговая рукоять найдена также в Мечетсае (Смирнов, 1964. С. 223. Рис. 77, *19*; 1975. С. 48). К.Ф. Смирнов с полным основанием относит это погребение к IV в. до н.э. Поделки из Елембетово и Мечетсая не имеют втулок, но близки прохоровской по материалу, форме и изображению головы животного с глазом и пастью. Подобные предметы с втулками (наиболее близкие прохоровской рукоятке типологически) датируются VI–III вв. до н.э., хотя отдельные экземпляры встречаются даже во II в. н.э. (Скрипкин, Дворниченко, 2003. С. 170. Рис. 1; 2).

В кургане 3, судя по публикации М.И.Ростовцева (1918), было найдено три целых *зеркала* и осколок от четвертого. Если два из них – с широкими валиками по краю диска и плоскими прямоугольными рукоятями – характерны для IV–III в. до н.э. (см., напр.: Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 141. Рис. 7, *11*; Моргунова и др., 2003. С. 132. Рис. 83, *12*), то третье – миниатюрное, с узким валиком и оканчивающейся петелькой рукоятью, имеет более поздний облик.

Аналогичное зеркало, но без петельки на конце рукояти было найдено при раскопках 2003 г. в погребении 3 кургана "б" в сопровождении мелких дисковидных гагатовых бус, стеклянных бус с внутренней позолотой и бронзового трехлопастного наконечника стрелы со скрытой втулкой (Яблонский и др., 2004). Такой комплекс не может, очевидно, датироваться временем более ранним, чем III в. до н.э.

Между тем тип центральной камеры в кургане 3 (квадратная дромосная яма) и остальной комплекс инвентаря, включающий, в частности, характерный набор бронзовых наконечников стрел, не позволяют датировать это погребение временем более поздним, чем рубеж IV–III в. до н.э. В противном случае мы должны предположить, что зеркало с петелькой было помещено в состав инвентаря основного погребения кургана 3 ошибочно.

Таким образом, дата кургана 3 Прохоровки устанавливается в пределах IV– рубежа III вв. до н.э.

Курган 2. *Железный наконечник копья* плохой сохранности. По данным В.Н. Васильева (2001. С. 80–92), в погребениях ранних кочевников Южного Урала VI – рубежа V–IV в. до н.э. на 141 погребение, содержащее предметы вооружения, приходится шесть копий (4.2%). В группе IV – рубежа IV–III вв. до н.э. на 176 погребений учтено 24 наконечника (13.6%), в группе III–II вв. до н.э. на 108 воинских погребений приходится лишь один обломок наконечника копья. Косвенно эти данные могут указывать на раннюю дату копья из кургана 2.

В погребении 3 сооружения "Б" Прохоровки железный наконечник копья был встречен в захоронении, дата которого конец IV–I половина III в. до н.э. – более, чем вероятна (Яблонский и др., 2004; см. статью А.С. Балахванцева и Л.Т. Яблонского в этом номере журнала).

Колчан с железными черешковыми наконечниками стрел. На рисунке в публикации М.И. Ростовцева (1918) представлены лишь два наконечни-

[2] В публикации М.И. Ростовцева (1918) упомянутое выше зеркало отнесено к вещам из кургана 1. Однако В.Ю. Зуев (2000б. С. 318, 325) приводил аргументы, согласно которым на самом деле данное зеркало происходит из кургана 4. Как будет показано ниже, курган 1 датируется в пределах IV–III вв. до н.э. и, независимо от истинного происхождения данного зеркала, оба кургана синхронизируются.

[3] В 2003 г. курган 3 раскопкам не подвергался: вследствие раскопок начала XX в. и многолетних распашек его насыпь полностью снивелирована, а сам курган к моменту начала работ 2003 г. находился под высокими посевами пшеницы.

ка – трехгранных с длинными черешками; грани, вероятно, срезаны под тупым углом к черешку (тип 9.2 по А.С. Скрипкину (1990. С. 72)). Для железных черешковых наконечников, бытовавших в III–I вв. до н.э., ранними признаками являются длинный черешок и трехгранная головка (Скрипкин, 1990. С. 141), т.е. как раз те признаки, которые характерны для стрел из данного погребения. Очевидно, что хронологическая позиция их ближе к III в. до н.э., нежели к I в. до н.э.

В погребении 3 сооружения "Б" в колчане находилось свыше 110 однотипных железных наконечников стрел с длинными черешками в сопровождении единственного бронзового втульчатого (Яблонский и др., 2004). Этот комплекс также синхронизирует сооружение "Б" и курган 2.

Глазчатая бусина. Уплощенная бусина так называемого "финикийского" стекла находит многочисленные аналогии. Прохоровский экземпляр имеет четыре глазка. Все известные аналогии датируются V – рубежом V–IV в. до н.э. (Железчиков, Кушаев, 1999. Рис. 5, *8*; Пшеничнюк, 1983. Табл. XLI, *4*; Зуев, Исмагилов, 1999. Рис. 5, *11*; Мошкова, 1962а. С. 221. Рис. 8, *4*; Ведянин, Кунгуров, 1996. Рис. 12, *12–14*).

Бронзовое зеркало. Зеркала больших размеров с плоскими ручками, неизвестны в достаточно хорошо датированных сарматских комплексах II–I вв. до н.э. Зато они наиболее характерны для памятников Поволжья и Приуралья VI–IV вв. до н.э." (Скрипкин, 2000. С. 23). Большое бронзовое зеркало с плоским диском и длинной штыревидной ручкой было найдено в погребении 3 сооружения "Б", которое датируется концом IV–III в. до н.э.

Бронзовая цилиндрическая пронизь или навершие со сквозным центральным отверстием и четырьмя выступами. Типологически близкий предмет найден в основной могиле кургана 9 могильника Пятимары I (Смирнов, 1964. Рис. 24, *6*). К.Ф. Смирнов (1975. С. 37) датирует ее концом VI – началом V в. до н.э. Здесь же были найдены многочисленные бронзовые наконечники стрел и бронзовое зеркало, аналогичное зеркалу из кургана 2 Прохоровки (Смирнов, 1964. Рис. 24, *2*). Такого же рода предметы неясного назначения были найдены в могильниках Бердянка V и Шумаево II в Оренбуржье. Там они датируются в пределах III в. до н.э. (Мещеряков, 1999; Моргунова, Мещеряков, 1999; Моргунова и др., 2003). При этом предмет из Бердянки имеет аналогии в погребении IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье (Евдокимов, Фридман, 1991. С. 78, 79).

Похожая пронизь происходит из Ольвии, где она была найдена в сочетании с более чем 40 бронзовыми наконечниками стрел (как и в Пятимарах, один из них двухлопастной) и акинаком с сердцевидным перекрестьем (Капошина, 1950. С. 212, 213. Рис. 7).

Таким образом, верхняя дата предмета из кургана 2 не выходит за пределы III в. до н.э.

Кинжал с прямым перекрестьем и прямым навершием. Форма навершия и перекрестья имеет многочисленные аналогии в южно-уральских комплексах, датируемых IV – началом III в. до н.э. (Смирнов, 1975. Рис. 41, *4, 7*; 42, *6*; 51, *2*; Яблонский и др., 1994. Рис. 90, *15*; Пшеничнюк, 1995. Рис. 12, *15*; Моргунова, 1996. Рис. 10, *II–1*; Мещеряков, 1996. Рис. 9, *2*; Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 6, *1*). Есть они и в Поволжье, где также датируются рубежом IV–III в. до н.э. (Железчиков, Фалалеев, 1995. Рис. 4, *1*).

Несомненно, прав В.М. Клепиков – мечи с прямым перекрестьем и прямым навершием появляются в IV в. до н.э. и получают распространение на рубеже IV–III вв. до н.э. (Клепиков, 2002; Федоров, 2001б).

Особенный интерес представляет *двутавровая рукоять кинжала* из Прохоровки.

В.С. Горбунов и Р.Б. Исмагилов, приводя аргументы в пользу ранней даты кинжала из Талалаевки с простым антенным навершием, двутавровой рукоятью и прямым перекрестьем, указывают на "выемки на рукояти, не характерные для рукоятей прохоровского оружия, но широко распространенные в савроматскую эпоху" (1976. С. 244. Рис. 2, *25*). Талалаевский кинжал, по их мнению, должен датироваться IV в. до н.э.

В закрытых археологических комплексах "прохоровские" мечи и кинжалы с двутавровыми рукоятями встречены лишь в нескольких случаях – Бердянка V, курган 4, погр. 2 и курган 5, погр. 5 (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 125. Рис. 2, *2*)[4], Шумаево II, курган 9, погр. 13 и 18 (Моргунова и др., 2003. Рис. 79, *4*; 101, *9*), Охлебинино-441 (Пшеничнюк, 1993. С. 38, 39. Рис. 5, *1–2*; 9, *10*), Агалыксай, к. 10 (Обельченко, 1978. С. 116, 117. Рис. 1, *2*).

При раскопках 2003 г. во впускном погребении 2 кургана 2 был найден меч с двутавровой рукоятью, слабо изогутым серповидным навершием и прямым, овальным в сечении перекрестьем, с расширяющимся в средней части клинком (рис. 1, *29*). Ему сопутствовал колчан, в котором находились бронзовые наконечники стрел с выступающей втулкой и несколько железных черешковых. Такой набор наконечников может быть датирован в пределах III в. до н.э. (рис. 1, *1–28*).

Предложенную датировку впускных захоронений из кургана 2 подтверждает находка фрагмента бронзового зеркала с циркульным орнаментом из погребения 6 того же кургана, имеющего множество аналогий в памятниках Приуралья IV-III вв. до н.э. (Мошкова, Кушаев, 1973. Рис. 2, *6*; Пшеничн-

[4] В публикации по техническим причинам эта деталь меча оказалась неотраженной. Пользуясь случаем, вносим уточнение.

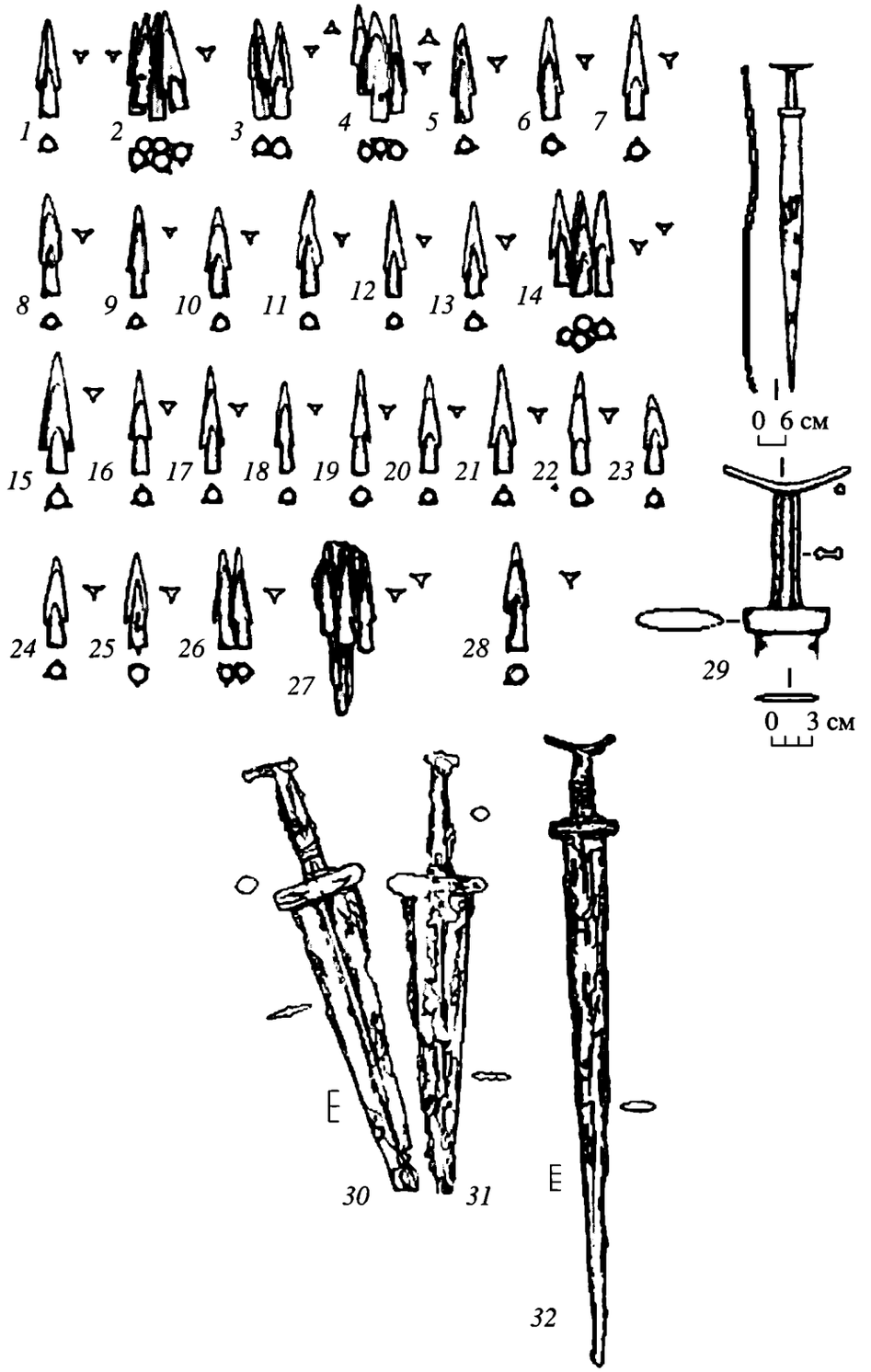


Рис. 1. Могильник Прохоровка 1. Предметы вооружения: *1–26, 28* – бронзовые наконечники стрел; *27* – бронзовые и железные наконечники стрел; *29, 32* – железные мечи; *30, 31* – железные кинжалы. *1–29* – из погребения 2 кургана 2; *30–32* – из погребения 4 кургана 1.

нюк, 1983. Табл. XLIX, *6*; LI, *9*; Зданович, Хабдулина, 1986. Рис. 3, *5*; Яблонский и др., 1994. Рис. 99, *16*; Яблонский и др., 1995. Рис. 52, *1*; Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 6, *6*; Моргунова, Мещеряков, 1999. Рис. 3, *7*; Моргунова и др., 2003. Рис. 95, *10*).

Бронзовая гривна, обложенная золотым листом. Судя по тому обстоятельству, что куски гривны из кургана 4, как выяснил В.Ю. Зуев (2000б), состыковываются с гривной из кургана 2 и составляют с нею, по всей видимости, единое целое, данный экземпляр имел не менее двух оборотов. Ближайшие аналогии датируются временем от V до рубежа IV–III в. до н.э. (Смирнов, 1975. Рис. 54, *2*; 55, *3*; Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXI, *3*; XLIX, *5*; LI, *22*; Яблонский и др., 1994. Рис. 86, *1*; 94, *20*).

В г. Уфе было вскрыто погребение с мечом "переходного" типа, в сопровождении более чем 40 бронзовых наконечников стрел с выступающими втулками и шейной гривной из бронзовой проволоки, обернутой толстым золотым листом. "Точно такие же шейные гривны, обернутые золотыми листами, найдены в Прохоровских курганах. Идентичность уфимской и прохоровской находок позволяет думать, что они сделаны руками одного и того же мастера" (Ахмеров, 1959. С. 157–159. Рис. 2–4).

В южно-уральских памятниках II–I вв. до н.э. гривен нет вообще. Находка синхронизирует курганы 2 и 4 Прохоровки.

Таким образом, наиболее вероятной датой кургана 2 является IV–III вв. до н.э. Надо думать, что центральное погребение этого кургана может датироваться временем, относительно более ранним, чем впускные. Никаких признаков II–I вв. до н.э. погребения кургана 2 (в том числе, исследованные в 2003 г.) не имеют.

Курган 1. В начале XX в. здесь были найдены железная кираса-торакс, медная, обложенная золотом гривна с зооморфными окончаниями, деревянные ножны кинжала, обложенные золотыми пластинами, бронзовый браслет. Рядовые находки из этого комплекса – длинный железный меч, железные черешковые наконечники стрел, бронзовое дисковидное зеркало, датируются достаточно широко.

Железная кираса. Долгое время этот предмет оставался уникальной находкой, но с открытием бердянских комплексов ситуация изменилась – в погребении 4 кургана 4 Бердянки V был найден совершенно аналогичный двустворчатый панцирь, так называемого мускульного типа.

Наиболее полные аналогии всем без исключения предметам, найденным в этом погребении, отыскиваются среди хорошо датированных материалов IV–III вв. до н.э. Датировку существенно облегчает и то обстоятельство, что комплекс из погр. 4 кургана 4 Бердянки V обнаруживает заметное сходство с материалами кургана 10 могильника Переволочан – второй половины – конца IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 1995).

В кургане 4 погребении 4 Бердянки V были найдены железные трехлопастные черешковые наконечники стрел – около 120 шт. (Моргунова, Мещеряков, 1999. Рис. 4, *4*). Это единственный в данном комплексе признак, традиционно считающийся относительно поздним (не ранее III в. до н.э.). Укажем, однако, на комплекс с кинжалом "переходного" типа из могильника Урнек, курган 2, где были также найдены только железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (Хабдулина, 1994. С. 51, 56. Табл. 22, *III*). Автор публикации, однако, склонна датировать и кинжал, и наконечники V–IV вв. до н.э. Дата кинжала в пределах IV в. представляется нам более предпочтительной. В погребении 3 кургана "Б" Прохоровки железные наконечники стрел (более 110 штук в сочетании с единственным бронзовым) должны датироваться временем не позднее первой половине III в. до н.э., хотя и IV в. для этого погребения не исключен (см. статью А.С. Балахванцева и Л.Т. Яблонского в этом номере журнала).

Самым поздним признаком, предположительно "уводящим" комплекс Бердянки V 4/4 из IV в. до н.э., является колчан с железными черешковыми наконечниками стрел. Все же остальные признаки прямо указывают на IV в. до н.э. Ситуация, хорошо знакомая нам по исследованиям В.М. Клепикова (2002), – две даты "зажимают" комплекс в хронологические тиски, вырвать из которых его очень сложно.

Есть все основания датировать бердянское захоронение с кирасой рубежом IV–III или III в. до н.э., не позже (Моргунова, Мещеряков, 1999)[5].

Доспех античного времени стал объектом специального исследования в монографии Б.А. Литвинского (2001). Факты, приведенные в этой монографии говорят о следующем:

В Греции железные кирасы мускульного типа существуют по меньшей мере с третьей четверти IV в. до н.э. (Литвинский, 2001. С. 310). Фрагмент нагрудной части торакса с Кампыр-тепе, по мнению Б.А. Литвинского, аналогичного прохоровскому и бердянскому, *стратиграфически* относится ко времени не позже III – первой половины II в. до н.э., а, может быть, и более раннему (2001. С. 343, 344). Это, естественно, не исключает для нее и III в. до н.э. Кираса из Продроми, которую В.Ю. Зуев приводит в качестве аналогии прохоровской (Зуев, 2000б. С. 312. Табл. II, *2*), датируется скорее всего третьей четвертью IV в. до н.э. по гробнице, из которой она происходит (Литвинский, 2001. С. 310). Нагрудник этого доспеха имеет фурнитуру, очень сходную с фурнитурой лицевой части бердянского экземпляра. Мнение А.В. Симоненко (1989. С. 70) о том, что Прохоровская кираса железная, а не бронзовая и поэтому выходит за хронологические пределы античных, не учитывает приведенных Б.А. Литвинским свидетельств о бытовании железных кирас в античной Греции (Литвинский, 2001. С. 344).

Заметим в связи с этим, что в 2004 г. при раскопках кургана 11 могильника Филипповка 1 был найден железный шлем с нащечниками, которые крепились к нему на шарнирах. Эта находка, в

[5] Б.А. Литвинский (2001. С. 344), правильно отметив заметное сходство между Прохоровской и Бердянской кирасами, не указывает дату Прохоровского экземпляра, предложенную М.И. Ростовцевым в контексте датировки могильника в целом. А при датировке Бердянского экземпляра, к сожалению, ссылается на поспешное мнение В.Ю. Зуева (1998в), тезисно высказанное им еще до полной публикации этого памятника авторами раскопок, о том, что комплекс, из которого она происходит, якобы датируется II–I вв. до н.э.

принципе свидетельствует о том, что приуральские сарматы были знакомы с железным защитным вооружением, по крайней мере с IV в. до н.э.

Таким образом, даты доспехов, приводимые Б.А. Литвинским, и даты кирас из Бердянки и Прохоровки не только синхронизируются, но и поддерживают друг друга в самых разнообразных археологических контекстах.

Деревянные ножны, обложенные золотыми пластинами, и рукоять железного кинжала. По сохранившейся рукояти с серповидным навершием и прямым перекрестьем кинжал может быть отнесен к классическим образцам клинкового оружия развитого этапа сарматской культуры.

По наличию ножен, украшенных сложным узором, выполненным в технике филиграни и перегородчатой эмали и остатков золота на рукояти, прохоровский кинжал относится к группе так называемых "парадных" мечей и кинжалов. В.Ю. Зуев (2001) посвятил им специальную работу, где проанализировал 14 подобных находок с территории Южного Урала, Поволжья, Подонья и Прикубанья. Отметив, что "хронологический разброс дат этих комплексов в традиционной периодизации сарматской археологии охватывал диапазон от IV в. до н.э. до I в. н.э. «(Зуев, 2001. С. 174, 175), автор приходит к выводу о том, что "памятники, содержащие "парадные" клинки прохоровского типа, непосредственно коррелирующие с материалами погребения в кургане 1 у дер. Прохоровка, не могут датироваться ранее периода второй половины II–I вв. до н.э.» (Зуев, 2001. С. 183).

С этим мнением нельзя согласиться. Наиболее ранним из этой серии можно считать экземпляр из Красногоровского могильника, найденный вместе с бронзовыми наконечниками стрел. "Ножны мечей Буеровского, Прохоровского и Красногорского, – писал М.И. Ростовцев, – прямые потомки ножен старых иранских акинаков, в структуру которых со временем внесены были только незначительные изменения" (1918. С. 51). Между "старыми иранскими акинаками", с украшенными золотом ножнами и рукоятями и "парадными" прохоровскими кинжалами имеется свое особое "переходное" звено – "парадные переходные" мечи и кинжалы, также отделанные золотом. Это филипповские мечи (Золотые олени Евразии, 2001. № 6, 121, 136), меч из кургана 7 Русской Тростянки (Пузикова, 2001. Рис. 11, *1*).

Какова же в данном контексте хронологическая позиция "парадного" кинжала из Прохоровки? Декор золотых обкладок не находит аналогий среди украшений ножен других клинков этой группы. Пальметки, подобные напаянным на золотые пластины кинжала из Прохоровки, являются одними из излюбленных мотивов античной торевтики. Так, подобные элементы имеются в декоре "деталей поясных украшений" из Курджипского кургана IV в. до н.э. (Галанина, 1980. С. 85). Близкие им, но не вполне идентичные пальметки украшают пекторали из Толстой Могилы, браслет из Темиргоры, части золотых головных уборов и нашивные бляшки из Чертомлыка и т.д. (Манцевич, 1949. Рис. 6; 7, *а, б*; Мозолевський, 1979. Рис. 58; 66; Алексеев и др., 1991. С. 174, 191. № 100)[6].

Но полную аналогию узорам с ножен представляют золотые подвески из погр. 5 кургана 4 Бердянского V могильника (Моргунова, Мещеряков, 1999. Рис. 11, *1*). Это одно из погребений могильника, которые датируются временем не позднее III в. до н.э. Эту же хронологическую позицию мы можем предполагать и для украшенных золотыми пластинами ножен.

Гривна. В силу уникальности этого экземпляра точно датировать ее невозможно. В.Ю. Зуев, ссылаясь на работу Е.Ф. Корольковой (2001), выступает против традиционных сближений в литературе прохоровской гривны с гривнами Ставропольского (Казинского) клада, датированного V–IV вв. до н.э. Сама же Е.Ф. Королькова возможность такого сопоставления полностью, однако, не отвергает: "сходство ставропольских гривен с прохоровской, кроме общности спирального типа, состоит в совпадении зооморфного мотива на концах самого массивного из ставропольских обручей и прохоровской гривны. Наконечники представляют собой стилизованные головки оленей, но выполнены они совершенно в различном стиле. Следовательно, их *единство* (курсив – наш) относится к области содержательного, а не формального уровня" (Королькова, 2001. С. 73).

Головы животных, изображенные на концах гривны из первого Прохоровского кургана имеют значительное сходство с изображениями голов на бердянских браслетах. Ближайшую аналогию им обнаруживаем в Сибирской коллекции Петра I – это шарнирная, состоящая из трех полых золотых трубок гривна (Руденко, 1962. С. 46. Табл. XVIII, *8*). До мельчайших деталей совпадает устройство шарниров и крепления, вплоть до замыкающей шпильки, соединенной цепочкой с корпусом. Сейчас санкт-петербургскими специалистами сибирская гривна датируется V–IV вв. до н.э. (The Golden Deer..., 2000. P. 285, 286. № 208).

Серебряные фиалы-фалары. Эти предметы не имеют близких типологических аналогий. "Палеографические характеристики прохоровских надписей, – пишет В.А. Лившиц, – ... не дают возможности определить сколько-нибудь точную дату этих надписей" (2001. С. 161). Отнесение им прохоров-

[6] Ср. мнение В.И. Мордвинцевой: "*...парадный меч из Прохоровки, судя по изделиям, сделанным в аналогичной технике (меч из Буеровой могилы, оконечники Куль-обской гривны и др.) не может датироваться позднее III в. до н.э.*" (1997. С. 140). Правда, В.Ю. Зуев утверждает, что "*в настоящее время В.И. Мордвинцева полностью пересмотрела свою точку зрения и приняла предлагаемую здесь датировку этого комплекса*" (Зуев, 2000б. С. 314), но сноска на соответствующую публикацию или устное сообщение самой В.И. Мордвинцевой у него не приводится.

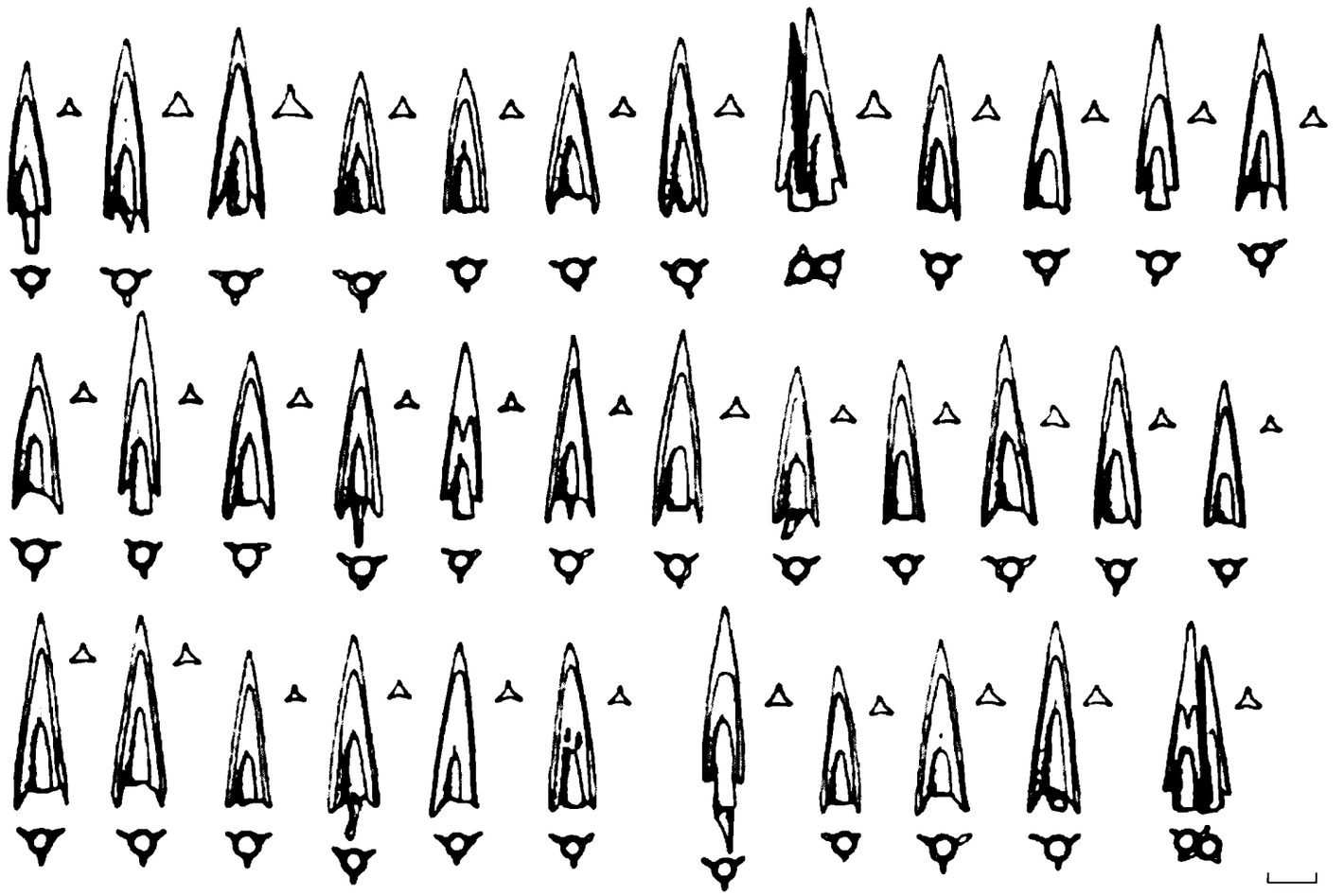


Рис. 2. Могильник Прохоровка 1, курган 1, погребение 4: бронзовые наконечники стрел.

ской надписи ко II или, скорее, к I в. до н.э. основано на орфографической форме слова tšty (Лившиц, 2001. С. 167–169) фактически на одном символе – конечном "у".

По В.Ю. Зуеву, "инвентарь обоих погребений (центральные захоронения курганов 1 и 2 Прохоровки – *Д.М., В.Ф., Л.Я.*) ... датируется концом II – рубежом II–I в. до н.э. (с возможным омоложением даты до первых десятилетий I в. до н.э.)" (2000б. С. 327) и помещен в курган "вряд ли ранее I в. до н.э." (Лившиц, Зуев, 2004. С. 10). Вероятно, датирующие возможности надписей на фиалах, все же, ограничены и не могут, во всяком случае, служить неоспоримым хронологическим репером. Датировка надписей на них еще нуждается в уточнении[7].

Раскопки 2003 г. выявили в кургане 1 семь впускных захоронений. С точки зрения их хронологической атрибуции, особого внимания заслуживает погребение 4. Это погребение воина, которого сопровождал, в частности, комплекс вооружения – колчан со стрелами, железный меч, два железных кинжала, а также круговая хорезмийская хумча.

Все наконечники (37 шт.) бронзовые (рис. 2). Среди них выделяются экземпляры со скрытой втулкой (подавляющее большинство) и с выступающей втулкой. Последние типологически аналогичны тем, что были найдены в погребении 2 кургана 2, которое было датировано не позднее III в. до н.э. (см. выше).

Длинный меч (рис. 1, *32*) имеет прямое перекрестие и слабо изогнутое серповидное навершие. Оба кинжала имеют прямые перекрестия (рис. 1, *30, 31*). У одного из них навершие почти не сохранилось, но у другого оно прямое. Все признаки позволяют отнести меч и кинжалы к раннесарматскому типу и с учетом характерного набора наконечников стрел, датировать их временем не позже III в. до н.э. Такая датировка не противоречит и общему облику хумчи "раннекангюйского" типа. То же можно сказать и относительно даты глазчатой бусины из погребения 7 того же кургана.

Таким образом, погребение 1 кургана 1 Прохоровки по совокупности находок в этом кургане (учитывая и впускные, относительно более поздние захоронения) должно датироваться временем, во всяком случае не ранее конца IV и не позже III в. до н.э.

Датировка надписи на фиале из Прохоровки требует, очевидно, новых палеографических под-

[7] Удивительно, что тщательно проработав всю коллекцию вещей из Прохоровки, хранящуюся в Оренбургском музее (Зуев, 2000б), В.Ю. Зуев в публикации 2004 г. (Лившиц, Зуев, 2004. Рис. 4) приводит фотографию надписи на фаларе № 2, сделанную еще А.В. Поповым. На этой фотографии не видны последние буквы этой надписи, хотя на самой чаше они хорошо различимы. В настоящее время А.С. Балахванцев и Л.Т. Яблонский готовят специальную публикацию по проблеме датировки надписей на фалярах.

ходов, но эти методики лежат вне пределов возможности археологии.

Материалы Прохоровских курганов еще нуждаются в более развернутом хронологическом анализе. В рамках этой статьи мы не рассматривали подробно погребения в сооружении "Б" и в кургане, обозначенном С.И. Руденко литерой "б". Курган "б" содержит, в частности, захоронения, которые могут быть датированы и II в. до н.э. (вероятно, началом этого столетия). К их числу относится, очевидно, погребение, в котором был найден кинжал с кольцевым навершием (Яблонский и др., 2004). Но и теперь можно сделать вполне определенные выводы:

Рассмотренные здесь курганы у дер. Прохоровка образуют компактную в хронологическом отношении группу и датируются IV – рубежом IV–III–III в. до н.э.

Курганы 1 и 2 "южной" (по Зуеву) группы могильника синхронны курганам "северной" группы (включая в этот ряд сооружение "Б") и образуют единый культурно-хронологический комплекс с общей датой IV–II вв. до н.э.; хронологический хиатус между отдельными курганами могильника отсутствует.

Большинство захоронений Прохоровки датируется в пределах конца IV–III вв. до н.э. Именно они, вместе с другими археологическими комплексами (Переволочаны, Бердянка, Старые Киишки, Покровские могильники и др.) хорошо документируют непрерывное развитие раннесарматской культуры Южного Приуралья в IV–II вв. до н.э.

Попытки ревизии традиционной для отечественной археологии концепции хронологии и периодизации сарматской культуры, создателями которой (с некоторыми вариациями) являются М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов, в том числе, с использованием материалов из Прохоровки, являются не продуманными, абсолютно необоснованными и не выдерживающими никакой критики с точки зрения всей совокупности данных археологической науки.

Результаты раскопок могильника у д. Прохоровка, проведенных в 2003 г., после детального их изучения еще позволят уточнить хронологическую позицию каждого кургана, но только в рамках установленной здесь общей хронологии этого памятника.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01527а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык: скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Ахмеров Р.Б. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 гг.) // СА. 1959. № 1.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // УАВ. Вып. 1. Уфа, 1998.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. Уфа, 1998.

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Галанина Л.К. Курджипский курган: памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане // НАВ. Вып. 2. Волгоград, 1999.

Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995.

Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А. и др. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. 17–21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.

Золотые олени Евразии. СПб., 2001.

Зуев В.Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат. междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998а.

Зуев В.Ю. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Русь. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. СПб., 1998б.

Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в контексте проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998в.

Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998 г.

Зуев В.Ю. Раннесарматская культура IV–III вв. до н.э.: статистический феномен и археологическая реальность (по поводу книги: "Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура". М., 1997). СПб., 1998д.

Зуев В.Ю. О путях решения "проблемы III в. до н.э." в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999. № 3.

Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Мат. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // EYEEITIA. СПб., 2000б.

Зуев В.Ю. К вопросу о выделении памятников III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Мат. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000в.

Зуев В.Ю. К разработке хронологии сарматских древностей II–I вв. до н.э. // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Мат. междунар. конф. Ч. 2. СПб., 2001.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у д. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999.

Капошина С.И. Погребение скифского типа в Ольвии // СА. 1950. Т. XIII.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001.

Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Мат. междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб., 2001.

Лившиц В.А., Зуев В.Ю. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Лылова Е.В. Золотая серьга из четвертого Прохоровского кургана // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Мат. междунар. науч. конф. Вып. 4. Ч. II. СПб., 2002.

Лылова Е.В. Золотые серьги из IV Прохоровского кургана // АПО. Вып. VI. Оренбург, 2004.

Манцевич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 1949. № 2.

Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // АПО. Оренбург, 1996.

Мещеряков Д.В. О датировке раннесарматских комплексов V Бердянского могильника // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.). Тез. докл. Челябинск, 1999.

Мозолевський Б.Н. Товста Могила. Київ, 1979.

Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Оренбург, 1996.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. "Прохоровские" погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999.

Мордвинцева В.И. Раннесарматские парадные мечи // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Мат. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962а. № 115.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962б. Вып. 89.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Вып. Д1-10.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара, 1996.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: публикация материалов. М., 2001.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1986 г. // Архив А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 1987.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. Вып. 2. Уфа, 2000.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37. Петроград, 1918.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. 1962. Вып. Д3-9.

Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3.

Симоненко А.В. Импортное оружие и сарматы // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Мат. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Скрипкин А.С., Дворниченко В.В. Новые сарматские тамги в Подонье // РА. 2003. № 3.

Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. 1963. Вып. Д1-9.

Федоров В.К. О датировке Прохоровских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. 17–21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001а.

Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э.: о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа // МАВДС. Вып. 1. Волгоград, 2001б.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Яблонский Л.Т. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // II Международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.", посв. памяти Б.Н. Гракова. Тез. докл. Азов; Ростов-н/Д., 2004а.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Основные результаты археологического доследования могильника у деревни Прохоровка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004б.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестн. РГНФ. № 4 (37). М., 2004.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Пшеничнюк А.Х. Продолжение исследований Филипповского могильника // АО-2004. 2005.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.

The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.Y., 2000.

Old collection of finds from Prokhorovka in the light of the recent archaeological investigations

D. V. Meshcheryakov, V. K. Fedorov, L. T. Yablonsky

Summary

Numerous publications by V.Yu. Zuev are regarded as the attempts to suggest a new chronology of the collection from the cemetery near the village Prokhorovka, obtained in the early XX c. and published by M.I. Rostovtzeff. V.Yu. Zuev tries to prove, in particular, late chronology of formation of the early Sarmatian culture of Prokhorovka type (not before the 2nd c. BC) and absence of the Sarmatian sites of the 3rd c. BC in the South Ural region. In 2003 field investigations of the Prokhorovka cemetery were resumed by the Uralian expedition of the Institute of Archaeology, RAS. As a result, new important data have been obtained; considered together with the old finds they give grounds to date the Prokhorovka barrows excavated in 1911 and 1916 to the chronological span from the second part of the 4th – the 3rd cc. BC. Thus, the traditional chronological column of the early Sarmatian culture in the Ural region accepted in national archaeological science has been confirmed.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 117–123

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА СЕВЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2006 г. И. В. Сергацков*, П. Е. Захаров**

** Волгоградский государственный университет*

*** Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Волгоградской области*

Сарматские памятники в северных, правобережных районах Волгоградской области, граничащих с лесостепью, довольно редки. Это была периферия основной территории обитания сарматских племен, поэтому каждый яркий комплекс, подобный публикуемому, вызывает интерес у исследователей.

В 1997 г. экспедицией Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Волгоградской области проводились охранные раскопки курганов в зоне строительства нефтепровода у с. Нижняя Добринка Жирновского района Волгоградской области (руководитель экспедиции П.Е. Захаров). Могильник, насчитывавший семь курганов, располагался на водоразделе между р. Добринка (левый приток р. Медведица) и балкой Шимякин Дол, в 6 км к ЮВ от с. Нижняя Добринка и в 5.5 км к Ю от поселка Линево. Было исследовано два кургана, к сарматскому времени относится курган 2, материалы которого и публикуются в этой статье.

Несмотря на распашку, высота кургана составляла 0.8 м, диаметр – 21.5 м. Насыпь была окружена подковообразным ровиком, разомкнутым с южной стороны. В профиле кургана четко фиксировались следы грабительского раскопа, точно попавшего в погребение. Оно было единственным под насыпью и располагалось в центральной части кургана. Могила была окружена мощным валом материкового выкида, залегавшего на древней поверхности, разомкнутого с юго-восточной стороны (рис. 1). Яма имела квадратную форму, своими стенками почти точно ориентирована по сторонам света. Ее размеры: 2.2 × 2.2 м, глубина 2.7 м от 0 (1.9 м от уровня древней поверхности). Заполнение могилы было плотным, слоистым, в нем встречались мелкие фрагменты костей, дерева, керамики и небольшой кусок охры. Дно ямы было выстлано деревянными досками шириной до 10 см. Погребение полностью разрушено, кости скелета взрослого человека (половая принадлежность точно не установлена) были сдвинуты в юго-западный угол могилы. Позу и ориентировку погребенного установить невозможно (рис. 2, *1*).

Основная часть находок была сосредоточена у дна ямы, концентрируясь в юго-западном углу, среди костей погребенного. В их числе были найдены:

1. Обломки тонких деревянных дощечек (толщиной до 0.4 см), покрытых резным орнаментом, общую композицию которого восстановить невозможно. Самый крупный фрагмент покрыт сетчатым и спиралевидным орнаментом, а по краю его прочерчена зигзагообразная линия. На одном обломке сохранились остатки ткани с шитьем черными и красными нитями (рис. 2, *2–4*). На некоторых фрагментах дощечек отпечатались следы перевернутых вверх дном бронзовых и серебряных сосудов, похищенных грабителями.

2. Среди костей скелета собраны фрагменты железных удил с псалиями. Удила двусоставные, с наружными петлями, выкованы из круглого в сечении прута. Псалии двухпетельчатые, изготовлены из овального в сечении прута. Они завершаются кольцевидными навершиями, от которых вверх и вниз отходят отростки. Навершия и петли развернуты в плоскости перпендикулярно друг другу. Псалии были инкрустированы тонкой серебряной проволокой, полностью оплетавшей их. Длина удил 17.4 см, длина псалиев около 16 см. В ту же петлю удил, в которой закреплялся псалий, продевалась петля другого железного стержня, являвшегося, предположительно частью "строгой" узды (рис. 3, *2, 3, 6, 7*). В уздечный набор входило крестообразное железное соединение ремней из квадратной рамки со сторонами по 1.7 см, от углов которой отходили отростки длиной до 1.5 см. С двух противоположных сторон рамки сохранились следы крепления двух соединительных колец. Все изделие инкрустировано серебряной проволокой (рис. 3, *4*). К этому же набору относятся железные кольца с расплющенными концами из сегментовидных в сечении прутков. Диаметр колец 1.8–2.1 см. Они также инкрустированы серебряной проволочкой (рис. 3, *5*). Всего собрано восемь целых и фрагментированных колечек. К деталям узды, вероятно, относится обломок железной прямоугольной пряжки (рис. 3, *1*).

3. На дне и в заполнении ямы собраны фрагменты сероглиняного гончарного, лощеного кувшина, который удалось полностью реставрировать. Он имел плоское дно, округлое тулово, высокое горло

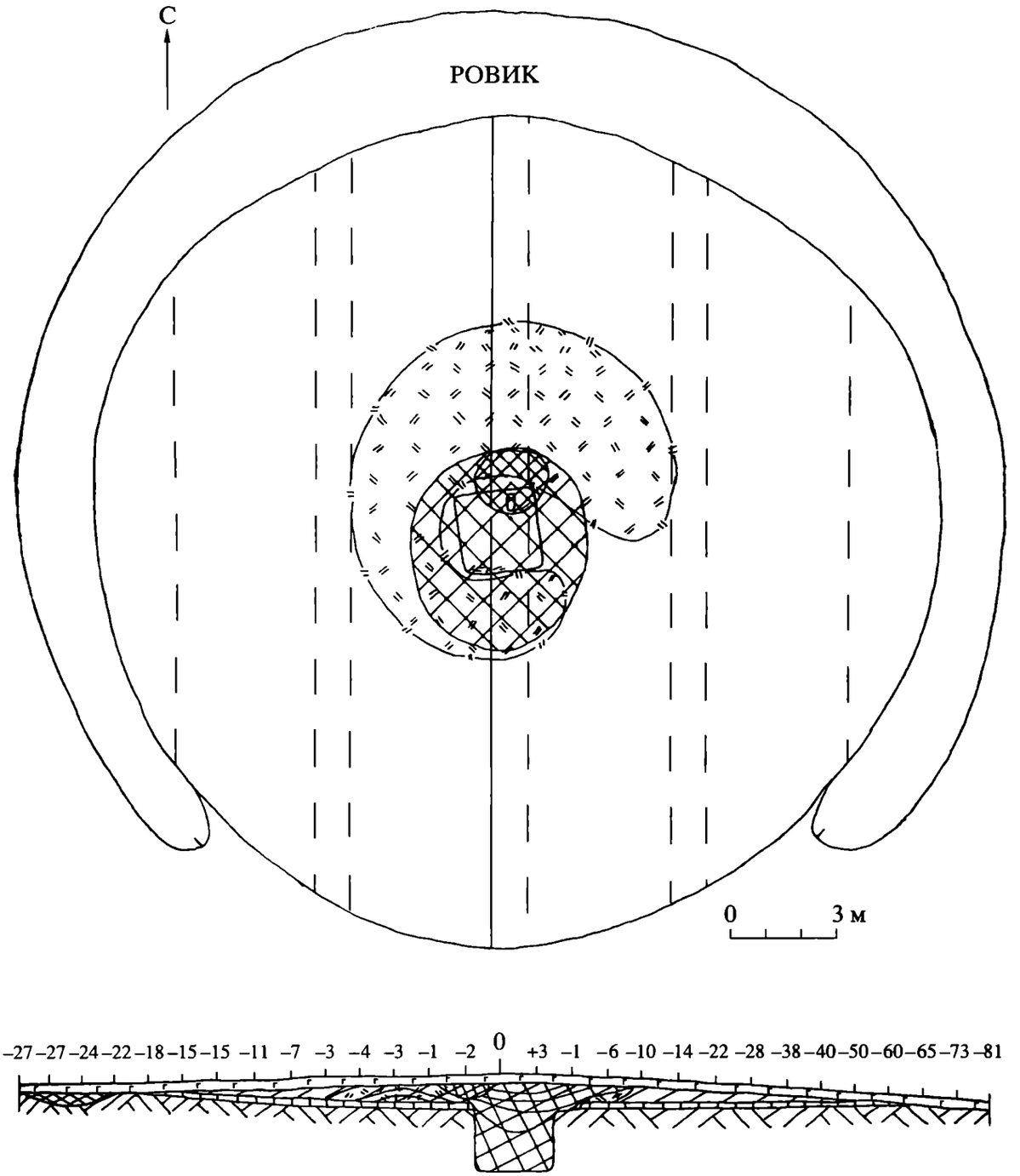


Рис. 1. План и профиль кургана у с. Нижняя Добринка.

с желобком и отогнутым наружу венчиком. Ручка отсутствовала. Сосуд изготовлен из тонкоотмученной глины. Высота кувшина 16.1 см (рис. 2, *5*).

4. У западной стенки могилы найдена лепная глиняная курильница усеченно-конической формы с отверстием в боку. Высота сосудика 3.2 см (рис. 2, *6*).

5. В южной части ямы, вместе с деревянными дощечками собраны коррозированные, спекшиеся в комки железные наконечники стрел: 5 черешковых трехлопастных наконечников с треугольными головками (рис. 4, *1*); 13 втульчатых трехлопастных наконечников с такими же треугольными головками (рис. 4, *2*). Длина наконечников 2.4–2.6 см.

6. Там же обнаружен обломок лезвия железного ножа длиной 3.5 см (рис. 4, *3*).

7. В юго-западной части ямы найден золотой наконечник ремня. Он изготовлен из тонкой пластины, в верхней части которой вырезано прямоугольное отверстие. Наконечник сужается книзу, его окончание скруглено. Его максимальная ширина составляла 1.3 см, длина – 3.2 см. По краям наконечник обрамлен напаянной рифленой проволочкой. С обеих сторон на пластину напаяны гнезда сердцевидной формы из тонкой проволочки, заполненные внутри стекловидной пастой голубого, фиолетового и белого цветов (рис. 4, *4*).

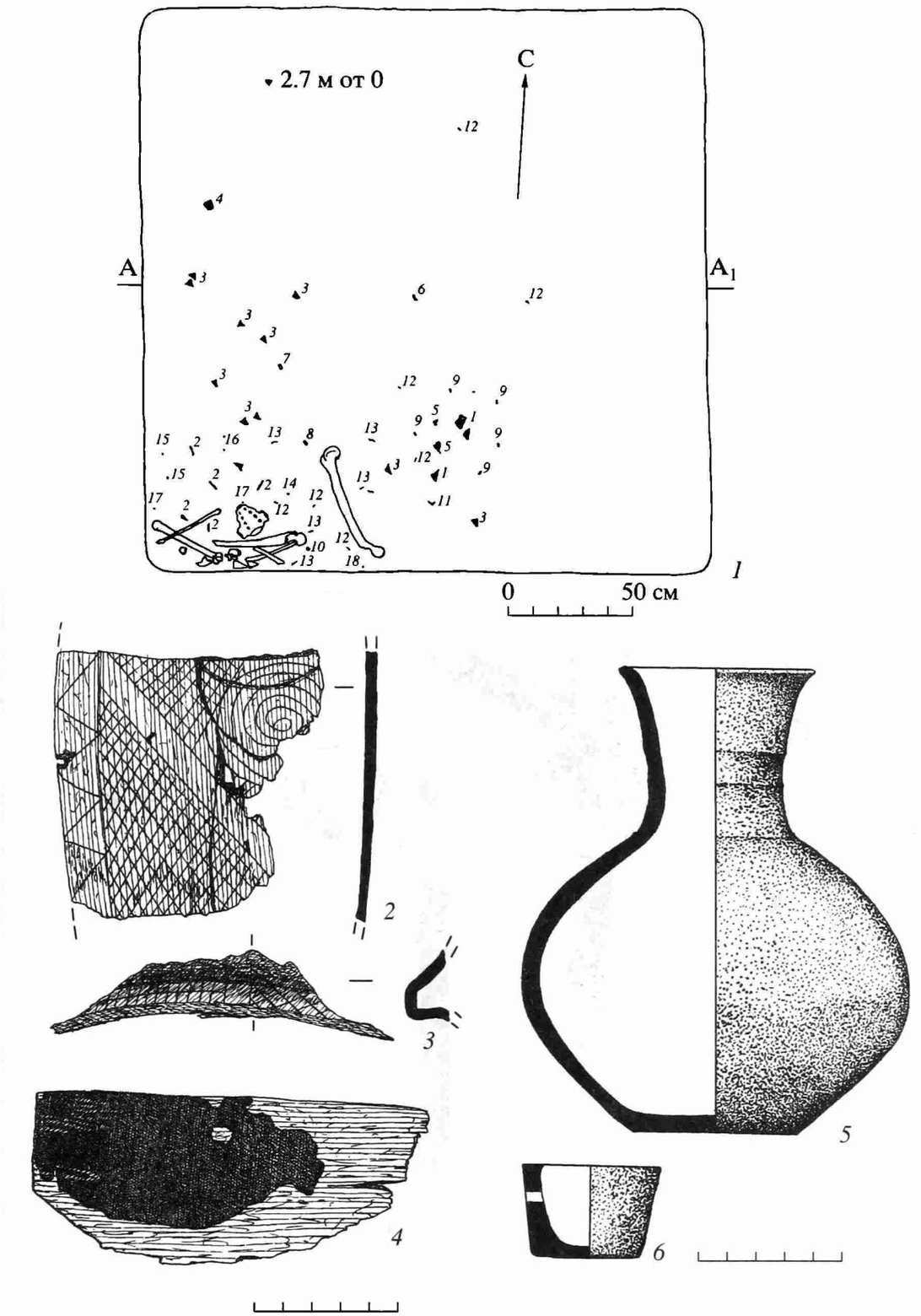


Рис. 2. План погребения (*1*) и находки из него (*2–6*).

8. Здесь же, среди костей скелета обнаружен фрагмент золотой прямоугольной пряжки (?) с поперечной перемычкой внутри. Длина обломка 1.8 см (рис. 4, *5*).

9. В заполнении могильной ямы собрано шесть золотых оковок от деревянных сосудов. Оковки прямоугольной формы изготовлены из согнутых пополам тонких пластинок. Они крепились к краю сосуда с помощью золотых гвоздиков, расплющенных с обоих концов. Все обкладки были разных размеров, самая большая из них имела длину 2 см, ширину – 1.4 см (рис. 4, *6*).

10. Там же подобран обрывок золотой фольги, обтягивавшей какой-то шаровидный предмет, возможно, деревянную бусину (рис. 4, *7*).

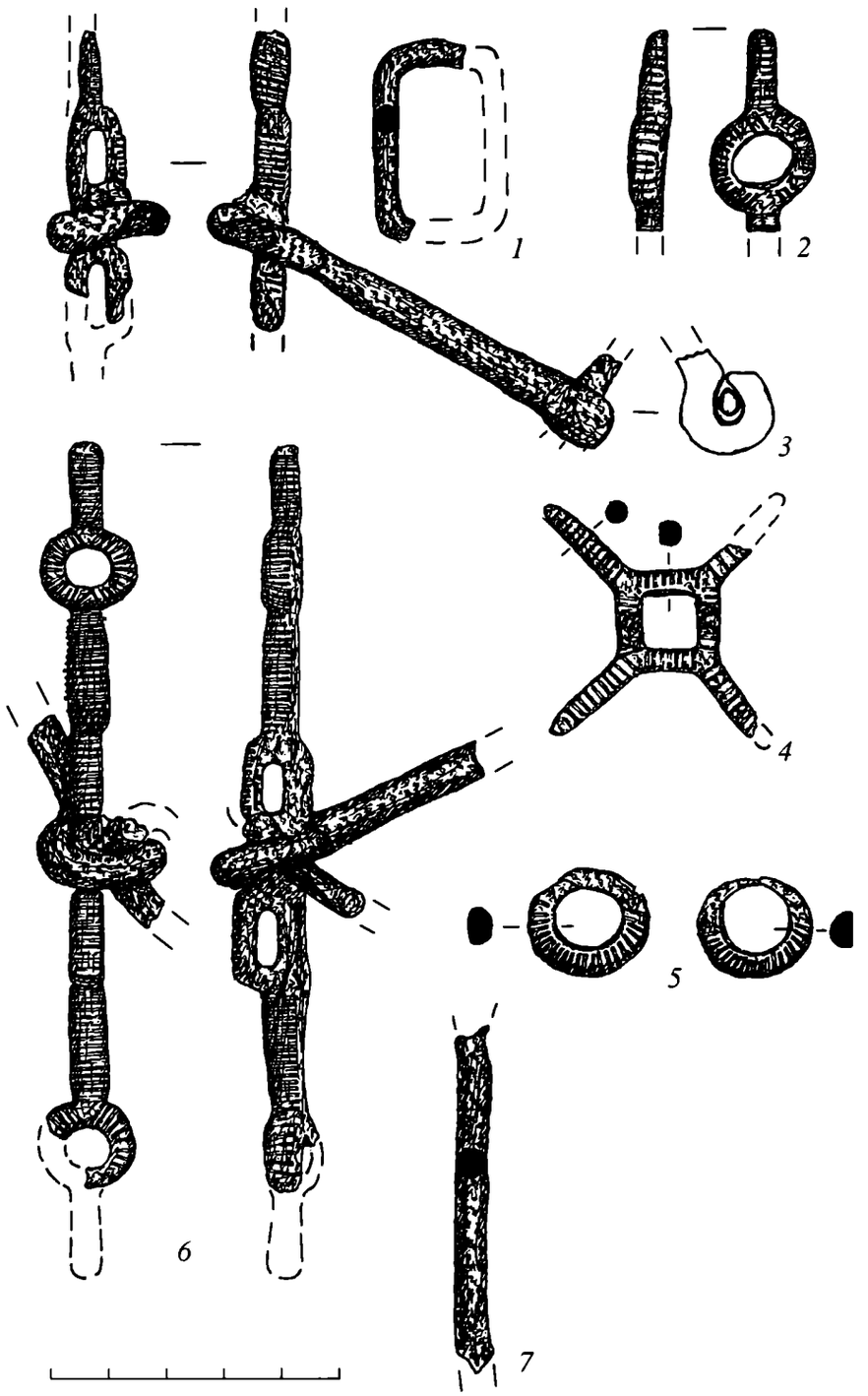


Рис. 3. Детали узды из кургана у с. Нижняя Добринка.

11. В заполнении найдена длинная узкая полоска золотой фольги. Она согнута вдвое и, вероятно, служила обрамлением какого-то деревянного или кожаного предмета. Ширина обкладки 0.3 см (рис. 4, *8*).

12. У дна ямы, в ее разных частях собрано 13 золотых рифленых трубочек-пронизок, свернутых из тонкого листочка. Длина их 1.1–1.2 см (рис. 4, *9*).

13. В разных частях ямы собрано 13 обрывков тонкой золотой ленточки, оплетавшей кожаные квадратные в сечении ремешки. Возможно, это остатки нагайки (рис. 4, *10*).

14. В юго-западном углу могилы найдена округлая гагатовая бусина диаметром 1.4 см (рис. 4, *11*).

15. Там же подобраны две бочонковидные бусины из белого прозрачного стекла диаметром 0.4–0.5 см (рис. 4, *12*).

При просеивании заполнения могилы обнаружены:

16. Две бирюзовые вставки каплевидной формы (рис. 4, *13*).

17. Две бронзовые штампованные бляшки полусферической формы диаметром 0.5 см (рис. 4, *14*).

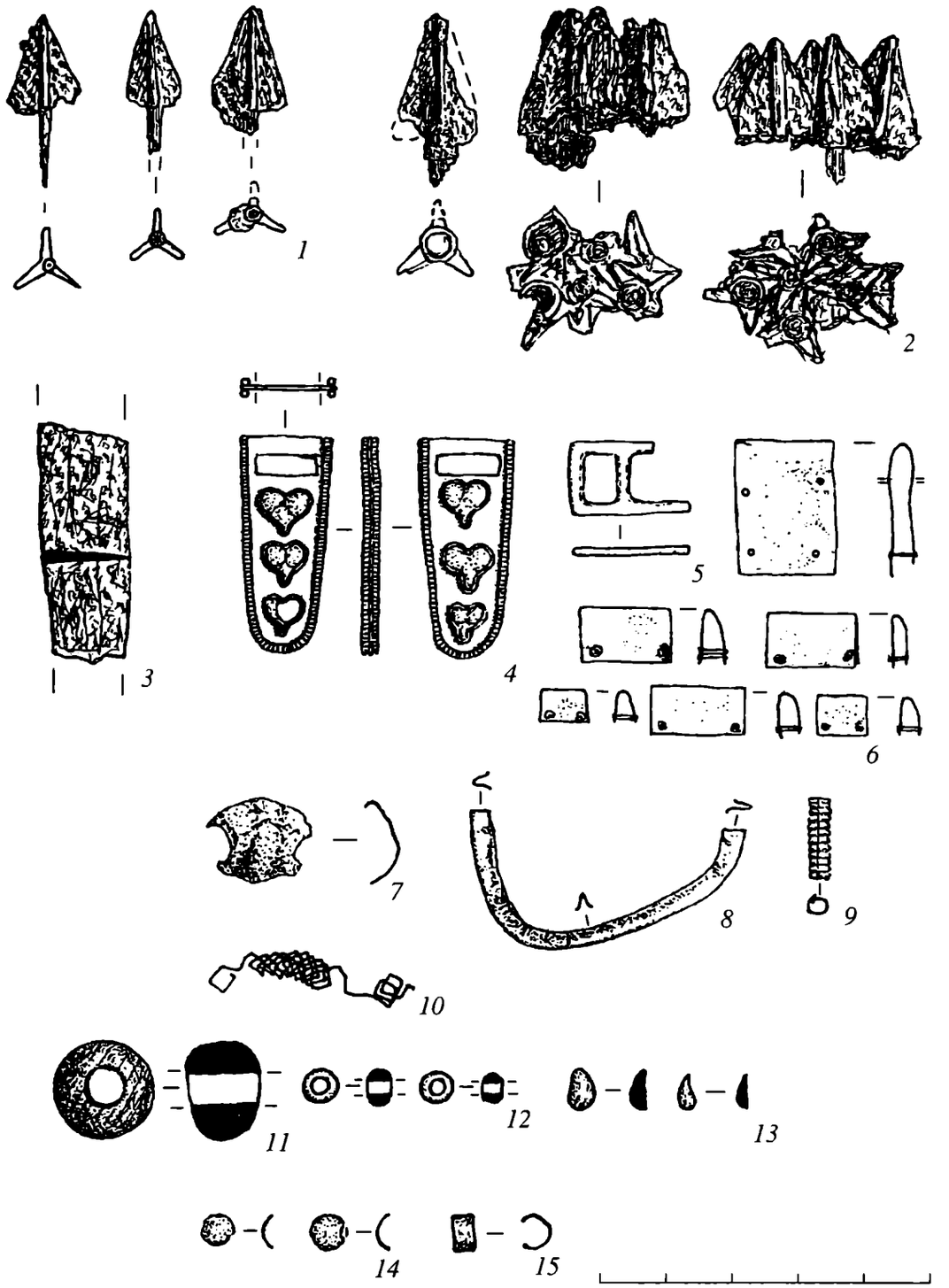


Рис. 4. Находки из кургана у с. Нижняя Добринка.

18. Фрагмент бронзовой обоймы диаметром 0.5 см (рис. 4, *15*).

19. Мелкие осколки тонкостенного серебряного сосуда, форма и размеры которого не восстанавливаются.

20. В заполнении могилы, в ее придонной части, собрано большое количество золотых нитей, которыми была расшита какая-то ткань.

Сохранившиеся детали погребального обряда, такие как захоронение под индивидуальной насыпью, квадратная могила, оформление выкида из нее кольцом вокруг ямы, характерны для сарматских памятников первых веков нашей эры. Об этом же свидетельствуют и находки из публикуемого погребения.

Детали конской узды, в частности удила и псалии, инкрустированные серебром (рис. 3, *2, 3, 6*), находят точные аналогии в известном богатом кургане I в. н.э. у поселка Октябрьский на Есауловском Аксае, в могильниках Новый и Царский на Нижнем Дону (Мыськов и др., 1999. Рис. 5; Власкин, 1990. Рис. 1, *1*; Ильюков, Власкин, 1992.

Рис. 20, *1*; 21, *1*; 24, *2–4*; 25, *7*; 29, *16*). Двухпетельчатые псалии такой же схемы известны в захоронениях рубежа эр или I–II вв. н.э. на Кубани в памятниках Зубовско-Воздвиженской группы и в "Золотом кладбище" (Гущина, Засецкая, 1989. Табл. V, *48*; XI, *125*; 1994. Табл. 49, *472*; 56, *555*). Интересно, что такая же узда имеется и в памятниках хунну в I в. до н.э. – I в. н.э. (Степная полоса..., 1992. Табл. 105, *12*). Не исключено, что такой тип узды появился в сарматской среде под воздействием каких-то групп кочевников восточного происхождения.

Вооружение представлено в погребении железными наконечниками стрел, когда-то находившимися в колчане. Черешковые наконечники (рис. 4, *1*), по типологии А.С. Скрипкина, принадлежат к типу 11, варианту 7 и являются одним из диагностирующих признаков комплекса вооружения среднесарматской культуры (Скрипкин, 1990. С. 72, 141. Рис. 24; 50). Втульчатые наконечники стрел (рис. 4, *2*) оригинальны. В сарматских памятниках Кубани, Нижнего Дона и Поволжья втульчатые наконечники доживают до первых веков нашей эры, но они имеют вытянутые пропорции и довольно длинные втулки (Ждановский, 1988. С. 54–67; Беспалый, 1992. Рис. 1, *10*; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 155; Марченко, 1996. Рис. 13–16; Максименко, 1998. Рис. 68, *16*). Все эти признаки у публикуемых экземпляров отсутствуют. Более всего они схожи с черешковыми наконечниками из этого комплекса и, возможно, являются подражанием им. Как бы то ни было, находки из Нижней Добринки следует рассматривать как новый тип или вариант втульчатых наконечников стрел, пополняющий ассортимент этой категории вооружения сарматов I в. н.э.

Золотые, серебряные и бронзовые оковки деревянных сосудов (рис. 4, *6*) – нередкая находка в погребениях знати среднесарматского времени (Сергацков, 2000. Рис. 20, *4*; 23, *16*; 25, *2*; 63, *6*; 79, *10*; 85, *6*; Мыськов и др., 1999. Рис. 6, *20*, *21*; 7, *5*, *6*). Точно так же довольно часто встречаются и гофрированные золотые пронизки (Сергацков, 2000. Рис. 88, *6*; 93, *11*).

Самой яркой находкой в погребении является золотой наконечник ремня (рис. 4, *4*). Такие детали поясной гарнитуры хорошо известны в памятниках сарматской знати I–II вв. н.э. К примеру, наконечники с прямоугольным вырезом в верхней части входят в состав портупейного набора в мужском погребении в Порогах (Симоненко, Лобай, 1991. Рис. 11, *3*, *4*). Техника декора, его орнаментальные мотивы и использование стекловидной пасты бирюзового и голубого цветов для заполнения гнезд имеют много точных, вплоть до мельчайших деталей, аналогий в богатых сарматских погребениях I – первой пол. II в. н.э. В точно такой же технике оформлены золотые поперечные скобы от ножен меча, обойма и оконечники ремней портупеи из Порогов, малые фалары оголовья коня из Дач, наконечники ремней поясного набора и футляр бритвы из Косики (Симоненко, Лобай, 1991. Рис. 4; 13; Беспалый, 1992. Рис. 6; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. Рис. 11, *7*; 12, *2*). Все приведенные в качестве аналогий находки происходят из комплексов середины – второй пол. I в. н.э. Именно в это время такая художественная традиция наиболее широко распространяется в кочевой среде Северного Причерноморья и Волго-Донских степей.

Керамика в исследованном погребении представлена лепной курильницей (рис. 2, *6*) и гончарным сероглиняным кувшином без ручки (рис. 2, *5*). Курильница традиционной формы и не дает определенной даты, а кувшины, подобные добринскому, встречаются в сарматских погребениях Поволжья в I–II вв. н.э. Посуда такого рода имеет нижнедонское или предкавказское происхождение (Сергацков, 2000. С. 108. Рис. 72, *4*; 77, *2*).

Довольно редкой и интересной находкой представляются нити пряденого золота и фрагменты золотного шитья. Остатки расшитой золотом ткани изредка встречаются в богатых сарматских захоронениях, самым известным из которых в этом отношении, безусловно, является Соколова Могила на Южном Буге. Публикуемая находка на Медведице гораздо скромнее, но имеет прямые аналогии на этом памятнике (Ковпаненко, 1986. С. 46–50, 132–135).

Вся сумма данных позволяет датировать курган у с. Нижняя Добринка второй пол. I – началом II в. н.э. и отнести его к числу среднесарматских памятников. Исследованный памятник полностью вписывается в массив погребений северной части Волго-Донского междуречья, где преобладают широкие четырехугольные и квадратные могильные ямы (Сергацков, 2002. С. 94).

Курган у с. Нижняя Добринка принадлежит к числу захоронений сарматской знати и пополняет перечень наиболее ярких памятников среднесарматской культуры в Нижнем Поволжье. Интересно, что он находится на окраине основной территории обитания сарматских племен, в пограничном с лесостепью районе. Публикуемый памятник вместе с известным курганом у Большой Дмитриевки, раскопанным еще в XIX в., и могильником у с. Верхний Колышлей, исследованным И.В. Синицыным (1932. С. 56–75), может свидетельствовать, что в I в. н.э. северные районы степного Правобережья Нижнего Поволжья были прочно освоены сарматами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.

Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника "Царского" // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – нач. II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. М., 1989.

Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение Скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-н/Д., 1992.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.

Мыськов Е.П., Киящко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Вып. 2. Волгоград, 1999.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. М., 2002.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.

Синицын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Sarmatian burial in the north of the Volgograd region

I. V. Sergatskov, P. E. Zakharov

Summary

In 1997 P.E. Zakharov excavated a small barrow near the village Nizhnyaya Dobrinka, Zhirnov district, Volgograd region. The burial had been plundered in antiquity, nevertheless, it contained rather interesting materials. These were: horse bridle details, pottery, beads, the remains of textile worked with golden thread, iron arrowheads, fragments of a wooden vessel with golden casements, golden belt-end and belt-buckle made of the same material. The burial is attributed to a representative of the Sarmatian nobility and dates from the second part of the 1st – the early 2nd cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 124–136

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ПОЗДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И ДОНА. ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

© 2006 г. М. В. Кривошеев, А. С. Скрипкин
Волгоградский государственный университет

В последнее время наметилась тенденция изучения особенностей развития сарматских культур в территориально ограниченных районах. С одной стороны, это вызвано значительным увеличением раскопанных сарматских памятников, с другой – тем, что та или иная сарматская культура, как это выясняется, имеет локальные отличия. Таким образом, исследование сарматских памятников в отдельных географических районах позволяет глубже выявить специфические особенности их погребальной обрядности, материальной культуры и в целом направленность этнокультурных процессов, которые в большинстве своем нивелируются при анализе всей совокупности памятников исследуемой культуры.

Для изучения позднесарматской культуры особое значение имеет междуречье Волги и Дона, где сосредоточено большое количество памятников этого времени. В предлагаемой статье позднесарматские памятники исследуются в южной части Волго-Донского междуречья, ограниченного с севера наибольшим сближением Волги и Дона, примерно на параллели Волгограда, а с юга рекой Маныч.

Картографирование погребений позднесарматского времени на указанной территории выявило несколько районов их наибольшего скопления. Не придавая особого значения такому распределению исследуемых памятников, поскольку оно могло быть вызвано причинами субъективного порядка, мы, тем не менее решили выявить специфику развития позднесарматской культуры в каждом из микрорайонов.

Таких районов оказалось четыре: территории, тяготеющие к правобережью Волги, куда входят северные районы Астраханской обл., северо-восточные и центральные р-ны Калмыкии (район I); бассейны рек Есауловского Аксая и Мышковы, а также более северные р-ны, вплоть до территории максимального сближения Волги и Дона, где сейчас проходит Волго-Донской судоходный канал (район II); низовья и средние течения Сала и Маныча (правый берег), Доно-Сальское междуречье, бассейн Курмоярского Аксая (район III); левобережье Восточного Маныча и юго-западные районы Калмыкии (район IV) (рис. 1).

Количество позднесарматских памятников в этих районах не одинаково. Наибольшая их концентрация отмечена в I районе междуречья, где нами учтено 256 комплексов[1] (43.7% от общей выборки); в районе II обнаружено 123 погребения (21%); в III районе – 128 (21.8%) и в IV – 79 погребений (13.5%).

Для разработки хронологии позднесарматских памятников исследуемого региона были использованы основные категории вещевого материала: керамика, фибулы, бронзовые зеркала, ременная гарнитура, вещи импортного производства. При датировании вещественного материала были привлечены разработки ряда авторов (Амброз, 1966; Скрипкин, 1977; 1984; Косяненко, 1987; 1988; 1989; Малашев, 2000; Кривошеев, 2004), на основании которых определены группы типов вещей, близких по времени своего существования (рис. 2; 3). Это дало возможность распределить исследуемые погребальные комплексы по шкале времени и проследить изменения погребально обряда, что в свою очередь позволило выделить несколько этапов в развитии позднесарматской культуры и выявить их специфику в каждом из вышеобозначенных микрорайонов.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Появление отдельных элементов позднесарматской культуры, к которым принято относить деформацию черепов, северную ориентировку погребенных, узкие погребальные ямы с подбоем преимущественно в западной стенке, в южной части междуречья Волги и Дона начинает фиксироваться с первой половины II в. н.э. Названные признаки встречаются, как правило, по отдельности в небольшом количестве погребений, в которых преобладают элементы среднесарматской культуры: Старица 11/1 (Шилов, 1960); Жутово 2/1 (Шилов, 1964); Центральный IV 20/1 (Раев, Науменко, 1993. С. 151–160); Восточный Маныч II 63/1 (Синицын, 1966). Эти единичные погребения с отдельными признаками позднесарматской культуры навряд ли следует считать началом ее становления. Они слишком незначительны на общем фоне гос-

[1] Количество памятников указано по состоянию на 2003 г.

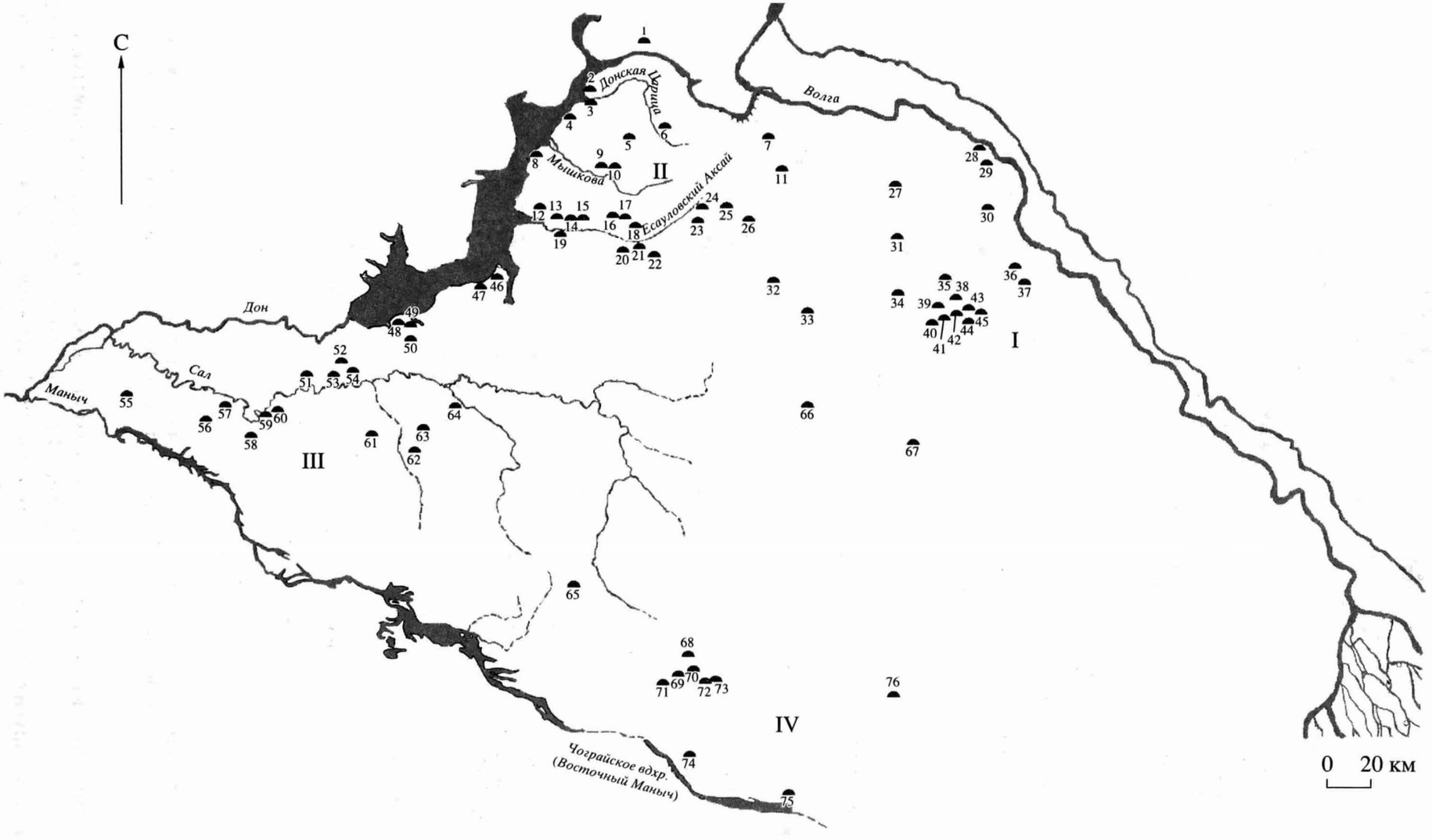


Рис. 1. Памятники позднесарматского времени южной части междуречья Волги и Дона, I–IV – микрорайоны: *1* – Новый Рогачик; *2* – Ляпичев I; *3* – Вербовский I, II, *4* – Первомайский I, VII, IX, XII, XIV; *5* – Крепь II; *6* – Степаневка II; *7* – Дубовой; *8* – Верхнерубежный I; *9* – Громославка I, II; *10* – Ивановка I; *11* – Цаца; *12* – Ромашкин I; *13* – Новоаксайский; *14* – Аксеновский; *15* – Чиковский; *16* – Октябрьский III; *17* – Антонов I, II; *18* – Жутово; *19* – Дорофеевский; *20* – Терновский; *21* – Аксай I; *22* – Перегрузное 1; *23* – Абганерово II, III; *24* – Абганеры; *25* – Абганерово IV; *26* – Шургановы курганы; *27* – Кузин хутор; *28* – Барановка; *29* – Старица; *30* – Кривая Лука; *31* – Балкин хутор II; *32* – Садовский; *33* – Заханата; *34* – Гува I; *35* – Купцын Толга; *36* – Сазонкин бугор; *37* – Никольское I; *38* – Хар Нуурин Толга; *39* – Кермен Толга; *40* – Иджил; *41* – Адрг; *42* – Курганы вдоль трассы канал; *43* – Джангар; *44* – Дюкер; *45* – У-85; *46* – Веселый III, VI; *47* – Нагавский II; *48* – Крутенький I, II; *49* – Подгорненский IV, V; *50* – Вербовый Лог I, VI, VII; *51* – Центральный IV, VI, VII; *52* – Романовский II; *53* – Терновский II; *54* – Потайной II; *55* – Четыре брата; *56* – Новосадковский; *57* – Кировский I, III, IV; *58* – Московский I, II; *59* – Новый; *60* – Криволиманский I, III, IV; *61* – Кутейников I, II; *62* – Зимовники; *63* – Большая Мазанка II, III; *64* – Дружба; *65* – Лысянский II; *66* – Чкаловский; *67* – КВЧ-160; *68* – Элистинский; *69* – Бичкин-Булук; *70* – Три брата; *71* – Цаган-Эльсин; *72* – Лолинский II; *73* – Архаринский; *74* – Чограй-VI; *75* – Восточный Маныч I, II; *76* – Цаган-Усн III, IV, XI.

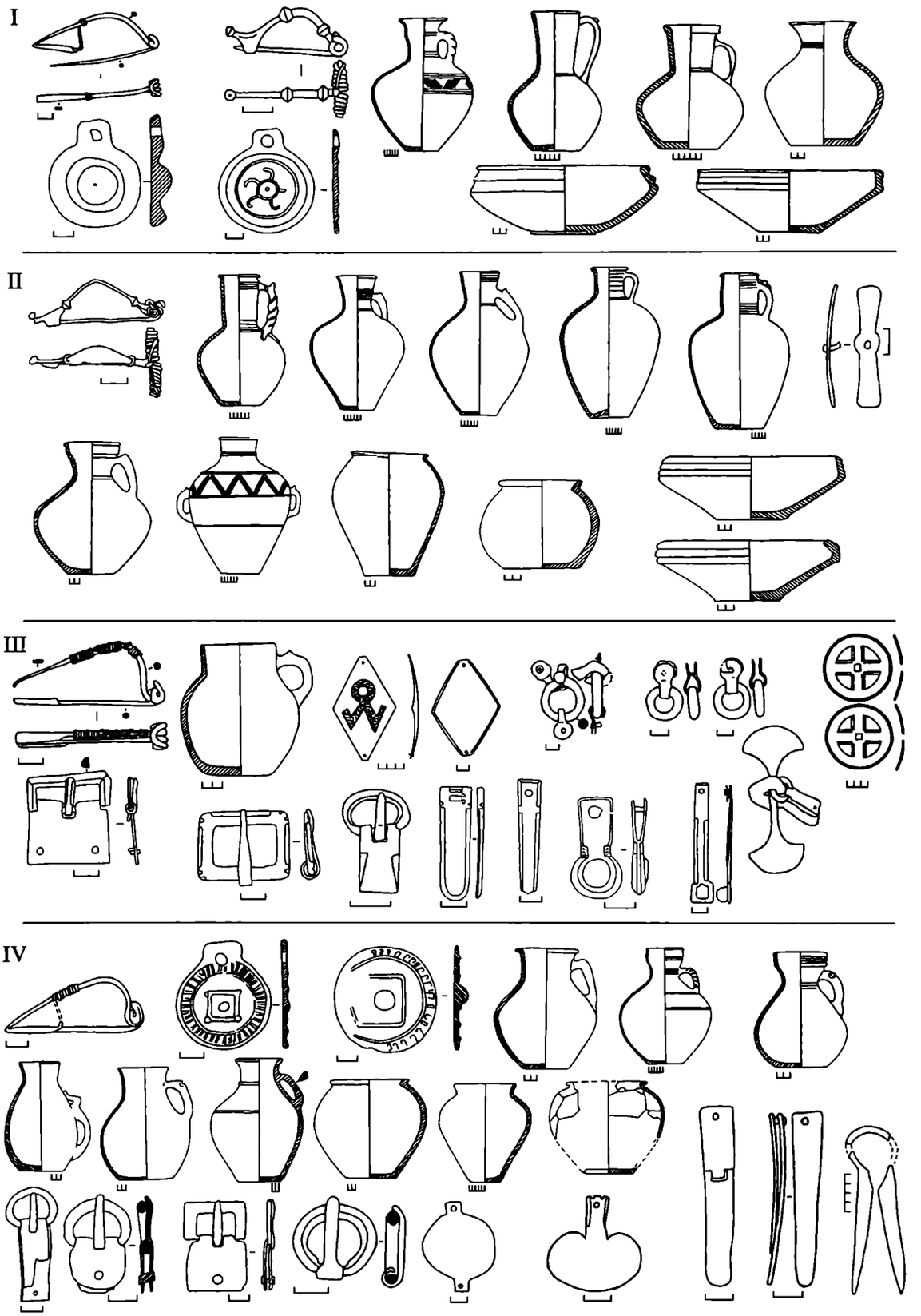


Рис. 2. Хронологические группы вещевого материала позднесарматской культуры: I – первой половины II в. н.э.; II – второй половины II в. н.э.; III – первой половины III в. н.э.; IV – второй половины II – первой половины III в. н.э.

подства традиций среднесарматской культуры в это время.

Обратившись к материалам других районов распространения позднесарматской культуры, мы обнаружим, что в большинстве их позднесарматские памятники начинают распространяться с середины II в. н.э. Это, в частности, подтверждается материалами Приуралья. Здесь в середине II в. н.э. появляются крупные курганные некрополи, где ведущим типом ям являются могилы в подбойных

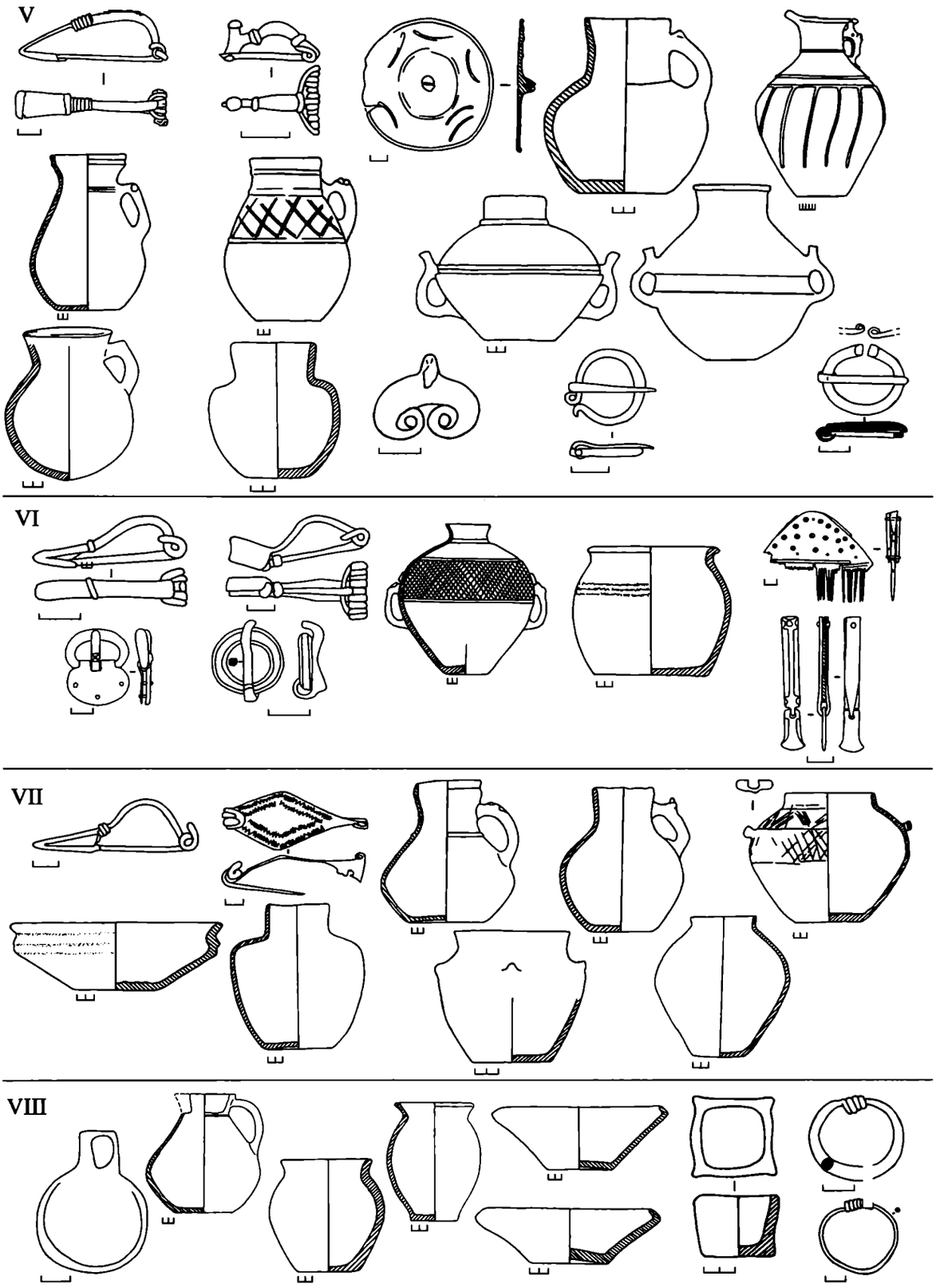


Рис. 3. Хронологические группы вещевого материала позднесарматской культуры: V – второй половины III в. н.э.; VI–IV в. н.э.; VII – второй половины III–IV вв. н.э.; VIII–II–IV вв. н.э.

и узких прямоугольных ямах с преобладанием северной ориентировки (Боталов, Полушкин, 1996. С. 190; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 142, 152, 153; Мошкова, 2004. С. 32–34).

К тому же временем относится появление позднесарматских комплексов в верхнедонском регионе (Медведев, 1990. С. 103–167; 2004. С. 90–92) и на территории Северного Причерноморья (Симоненко, 2004. С. 158).

В свое время один из авторов данной статьи, рассматривая позднесарматскую культуру Нижнего Поволжья, отмечал неравномерность ее станов-

ления на всей этой территории, в частности, отмечались специфические особенности ее развития в Волго-Донском междуречье, характеризующиеся относительно длительным сохранением здесь традиций среднесарматской культуры (Скрипкин, 1984). Теперь же становится очевидным, что и в рамках более ограниченного района, которым является южная часть междуречья Волги и Дона в различных его частях, становление и дальнейшее развитие позднесарматской культуры имеет свои особенности.

В общем, в междуречье Волги и Дона с середины II в. н.э. появление новых типов и новых категорий вещевого материала, характерных для позднесарматской культуры, совпадает с широким распространением таких черт погребального обряда, как северная ориентировка, появление узких погребальных ям, с подбоями и без них, а так же деформацией черепов погребенных. В это же время начинает проявляться и неравномерность развития позднесарматской культуры в четырех выделенных выше микрорайонах междуречья.

В целом для становления исследуемой культуры на всей территории южной части междуречья характерно сочетание в одних и тех же комплексах черт новой и старой культур, различие же заключается в характере их соотношения. Для большей наглядности особенностей становления позднесарматской культуры в каждом из микрорайонов междуречья мы разделили погребальные комплексы, датирующиеся преимущественно второй половиной II в. н.э., на три группы.

В первую группу были объединены комплексы, сохраняющие в погребальном обряде все признаки среднесарматской культуры, но датируемые уже позднесарматским временем и сосуществующие с погребениями новой культуры. Это преимущественно диагональные погребения, сохраняющие в погребальном обряде традиции среднесарматской культуры. Примером может служить погребение в кургане 55 могильника Старица на правом берегу Волги (Шилов, 1961). В широкой прямоугольной яме погребенная женщина лежала по диагонали ямы, ориентированная головой на юг. По находкам в погребении четырех профилированных фибул 1-й серии 2-го варианта и зеркала с центральной петелькой и орнаментом в виде квадрата в центре, оно датируется второй половиной II в. н.э. В кургане 35 могильника Чкаловский в Калмыкии в диагональном погребении с ориентировкой костяка головой на юг были обнаружены зеркало с боковым ушком и орнаментом в виде квадрата в центре и железные пружинные ножницы (Николаева, 1985). Эти вещи получили широкое распространение в междуречье Волги и Дона лишь после середины II в. н.э. (Кривошеев, 2004. С. 241).

Ко второй группе отнесены погребения, содержащие как признаки среднесарматской культуры (диагональное положение погребенных, южная ориентировка, широкие прямоугольные и подквадратные могилы), так и позднесарматские черты (северная ориентировка, искусственная деформация головы, узкие подбойные и прямоугольные ямы). Например, погребение из Барановки (кург. 11. погр.1) (Федоров-Давыдов и др., 1973), где погребенный был уложен по диагонали ямы головой на север. В Кривой Луке XVII (кург. 42 погр. 1) (Дворниченко и др., 1976) обнаружено женское диагональное погребение с южной ориентировкой и искусственно деформированным черепом. В захоронении встречены четырнадцатигранные бусы, получившие распространение в Нижнем Поволжье после середины II в. н.э. (Скрипкин, 1984. С. 37, 50, 51. Рис. 14, *30, 31*). В могильнике Нагавский II (кург. 12 погр. 1) встречено погребение в яме с заплечиками, которые наиболее часто использовались в среднесарматское время. Однако череп погребенной был деформирован, костяк ориентирован на север. Среди инвентаря обнаружено зеркало с центральной петелькой и три одночленные лучковые фибулы 4-го варианта, что позволяет датировать комплекс не раньше второй половиной II н.э. (Мыськов, Сергацков, 1994).

В третью группу включены погребения, характеризующиеся исключительно чертами позднесарматской культуры. Это наиболее ранние комплексы данной культуры, сосуществовавшие в одно и то же время с погребениями двух предыдущих групп. Например, в Астраханском Правобережье в могильнике Кузин хутор в кургане 46 погребенный лежал в узкой прямоугольной яме головой на север (Шилов, 1962). На черепе отмечены следы искусственной деформации. Находка в погребении профилированной фибулы 1-й серии 2-го варианта позволяет датировать его второй половиной II в. н.э. В могильнике Новый в кургане 103 (рис. 4, *9*) (Ильюков, 1983) в подбойной яме с северной ориентировкой покойной, череп которой деформирован, обнаружены три бронзовые профилированные фибулы 1-й серии 2-го варианта, сужающие дату комплекса до второй половины II в. н.э.

На наш взгляд, подобная группировка памятников, основанная на сочетании ведущих признаков погребального обряда двух культур, помогает наглядно определить характер их взаимодействия в середине – второй половине II в. н.э. с постепенным нарастанием и преобладанием признаков новой позднесарматской культуры.

На основании распределения погребальных комплексов трех групп следует, что во второй половине II в. н.э. в I и II районах междуречья складывается культура в значительной мере синкретического характера, сохраняющая черты старой – среднесарматской культуры и фиксирующая появления новой позднесарматской культуры. Материалы этих районов свидетельствуют о постепен-

ности угасания предшествующей культуры и нарастании элементов новой. Этот процесс, в течение которого происходило взаимодействие средне- и позднесарматских погребальных традиций, был достаточно длительным. Примером могут служить находки в соседних курганах одного могильника синхронных погребений обеих культур. Так в могильнике Перегрузное I в кургане 21 в широкой прямоугольной яме погребенный лежал по диагонали и был ориентирован головой на юг. Среди инвентаря найдены две профилированные фибулы 1-й серии 2-го варианта, позволяющие датировать комплекс второй половиной II в. н.э. В соседнем кургане 27 этого же могильника в узкой прямоугольной яме погребенная женщина была уложена головой на север. Череп ее деформирован. В погребении среди вещей обнаружены две такие же фибулы, что позволяет считать это погребение одновременным с предыдущим (Клепиков, Кривошеев, 2004. С. 169–175). Эти синхронные погребения указывают на сосуществование двух культурных традиций в одном могильнике, возможно, принадлежавшем одной группировке кочевников.

Продолжительность существования среднесарматских традиций в междуречье достаточно хорошо прослеживается на примере диагональных погребений, как наиболее яркого признака этой культуры (рис. 4, *1–4*). В позднесарматское время диагональные погребения постепенно приобретают черты новой культуры, выражающиеся в распространении северной ориентировки погребенных, искусственной деформации черепов (4, *5, 6*). В дальнейшем диагональный обряд трансформируется в положение погребенных в широких ямах вдоль их длинных стен (рис. 4, *7, 8*). Параллельно, среди сопровождающего инвентаря начинают преобладать вещи, типичные для позднесарматской культуры.

Завершение существования диагональных погребений в определенной мере свидетельствует об окончательном утверждении позднесарматской культуры. Во всех четырех микрорайонах южной части междуречья нами учтено 31 погребение с диагональным положением костяков, относящихся к позднесарматскому времени. Все они сооружены под индивидуальными насыпями. В 77% случаев погребенные были ориентированы в южный сектор, в 20% в северный, и в одном случае (3%) костяк ориентирован на запад. Встречаемость обычая искусственной деформации черепов в них невысокая по сравнению с общим процентом деформации в позднесарматское время и составляет около 30%. Четкую хронологическую границу между диагональными погребениями средне- и позднесарматского этапов установить сложно. Наблюдения, основанные на датах отдельных типов вещей, преимущественно фибул и зеркал, показывают, что наиболее массово черты позднесарматской культуры в них начинают проявляться примерно с середины II в. н.э. В южной части междуречья Волги и Дона, судя по имеющимся материалам, диагональные погребения в основном продолжают существовать до конца II в. н.э. Хотя отдельные из них могут датироваться началом или первой половиной III в. н.э. К ним, например, относится диагональное погребение в могильнике Подгорненский IV (кург. 11 погр. 1) (Науменко, 1987), в котором были найдены две квадратные курильницы, халцедоновое навершие меча, нередко встречаемое в позднесарматских воинских комплексах (Безуглов, 2000. С. 172. Рис. 5, *20*), и железная пряжка с утолщением в передней части рамки и спрямленностью в задней. Эти признаки становятся характерными для пряжек лишь с начала III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 209).

Значительная часть диагональных погребений позднесарматского времени (26 комплексов) располагается в I и II микрорайонах междуречья, что является их спецификой и свидетельствует о постепенном изживании здесь традиций среднесарматской культуры.

Вероятно, к наследию среднесарматской культуры следует относить комплексы в широких прямоугольных ямах с положением костяка вдоль продольной оси ямы, датируемые преимущественно второй половиной II в. н.э. Всего в южной части междуречья нами выявлено 14 таких погребений, почти все они локализуются в I микрорайоне. В подавляющем большинстве таких погребений господствует южная ориентировка погребенных (81%), деформация головы отмечена примерно в их третей части (35.7%). Выявить время прекращения этой традиции сложно в связи с трансформацией диагонального обряда погребения на положение погребенных вдоль длинных стенок ям. На основании анализа вещевого материала отдельные погребения в широких ямах с продольным положением костяков, вероятно, могут датироваться широко – второй половиной II–первой половиной III в. н.э., а некоторые, возможно, и первой половиной III в. н.э. Так в погребении этого типа из могильника Абганерово IV (кург. 3 погр. 1), в котором наряду с керамикой, характерной для позднесарматского времени, была обнаружена лучковая одночленная фибула 5 варианта с фигурной обмоткой спинки, позволяющая отнести его к концу II–первой половине III в. н.э. (Клепиков, 1995).

Подводя итог, следует отметить, что погребения в широких прямоугольных ямах, как с продольным, так и диагональным положением погребенного, в позднесарматское время встречаются преимущественно в I и II районах междуречья до конца II в. н.э. Единичные их комплексы, видимо, могут датироваться первой половиной III в. н.э.

Таким образом, становление позднесарматской культуры в I и II районах междуречья можно отне-

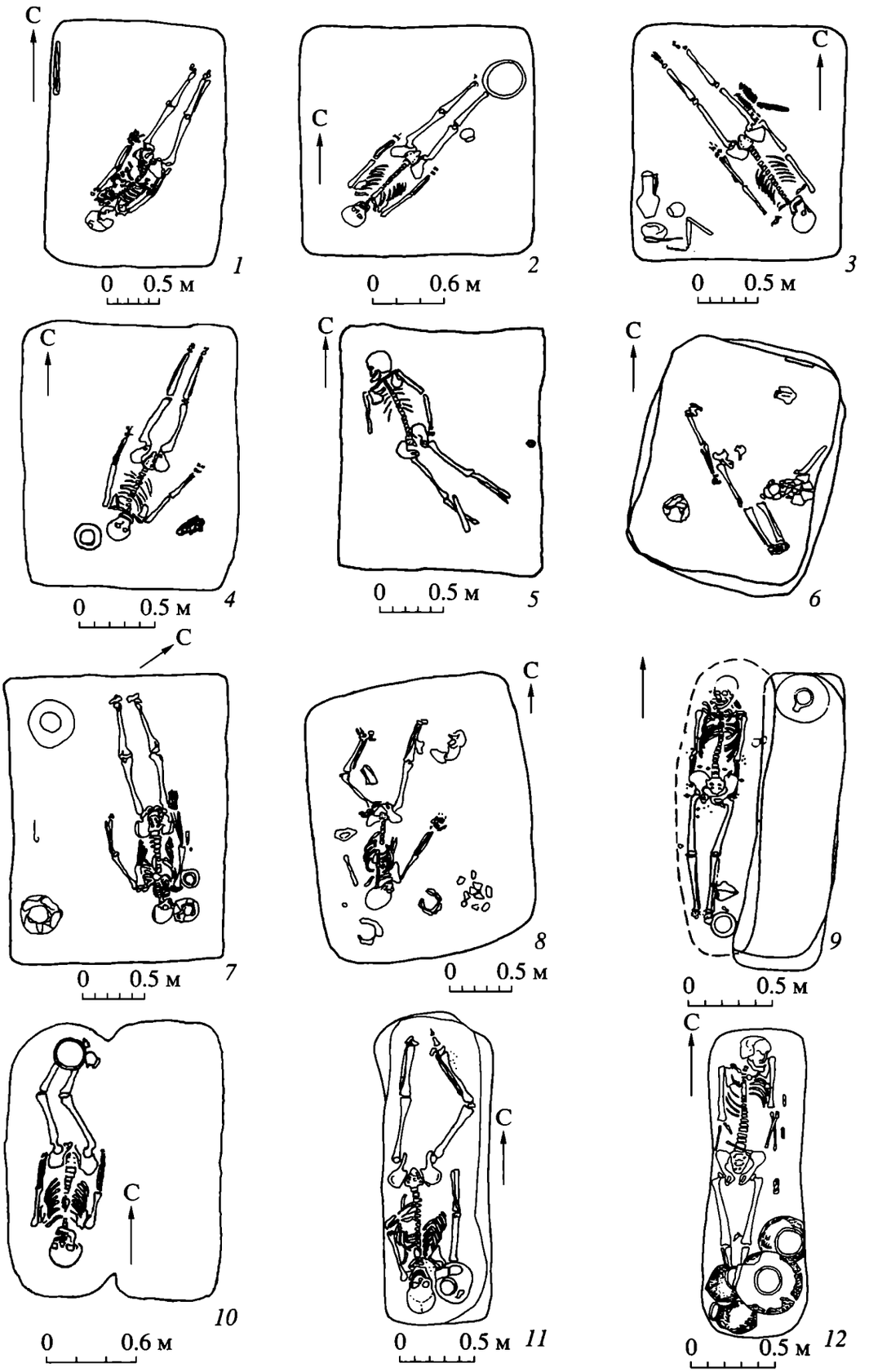


Рис. 4. Типы погребений. *1* – Джангар кург. 9 погр. 1; 2 – Восточный Маныч II кург. 53 погр. 1; *3* – Абганеры кург. 3 погр. 1; *4* – Новый Рогачик кург. 9 погр. 1; *5* – Жутово кург. 2 погр. 1; *6* – Дорофеевский кург. 6 погр. 2; *7* – Терновский кург. 45 погр. 1; *8* – Кривая Лука XVII кург. 8 погр. 1; *9* – Новый кург. 103 погр. 1; *10* – Восточный Маныч II кург. 77 погр. 1; *11* – Аксай I кург. 1 погр. 1; *12* – Перегрузное I кург. 27 погр. 1.

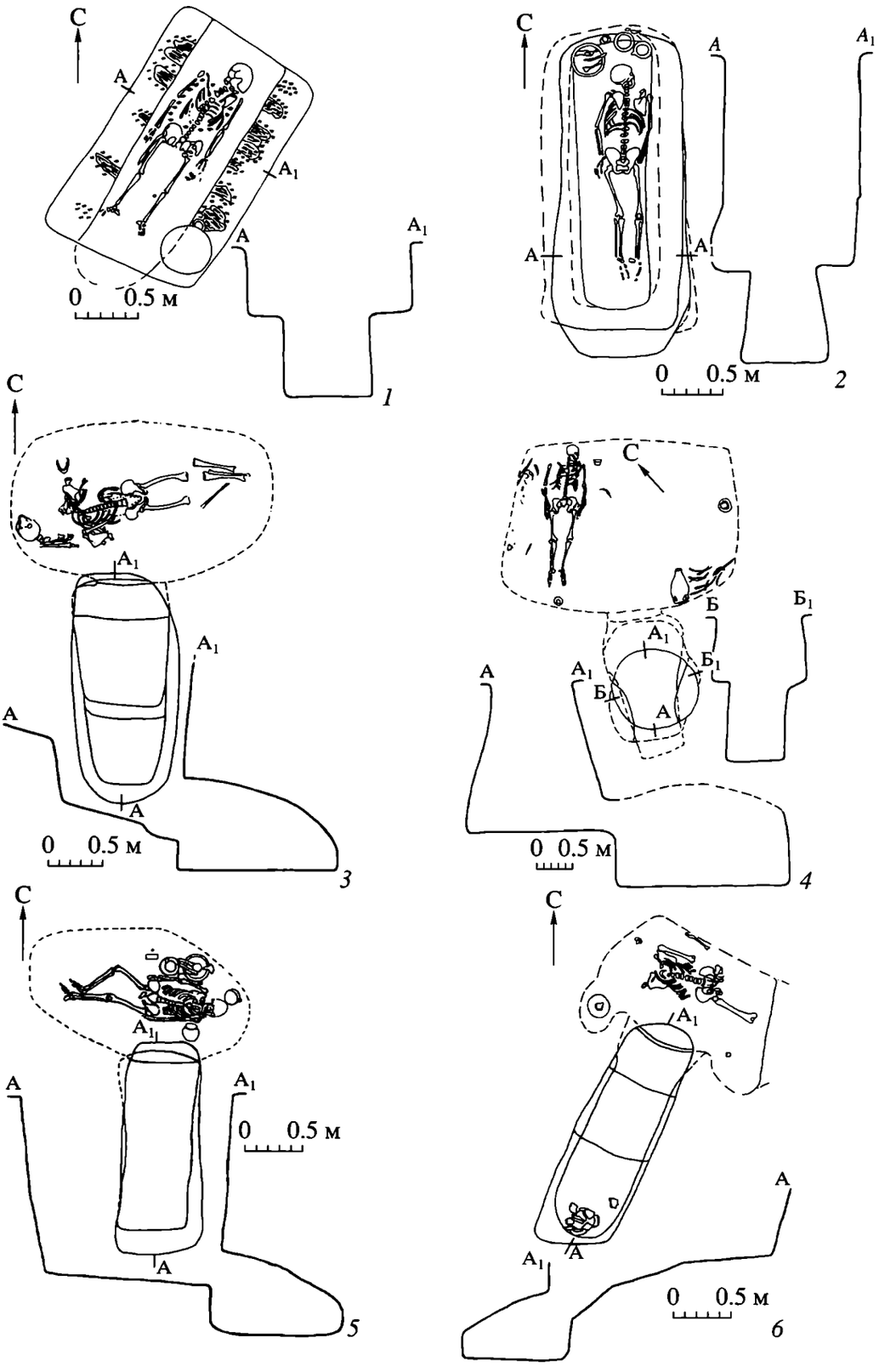


Рис. 5. Типы погребений. *1* – Кировский I кург. 1 погр. 2; *2* – Кировский IV кург. 8 погр. 1; *3* – Подгорненский IV кург. 33 погр. 1; *4* – Новосадковский кург. 18 погр. 1; *5* – Московский I кург. 22 погр. 1; *6* – Новый кург. 49 погр. 1.

сти в основном к времени с середины по конец II в. или самое начало III в. н.э. Отдельные пережитки среднесарматских традиций могли сохраняться здесь и более длительное время, подтверждением чему может являться значительная группа комплексов, несущих в себе черты среднесарматской культуры и датирующихся широкими рамками второй половины II–первой половины III в. н.э.

Несколько иная картина наблюдается в III и IV районах южной части междуречья. В III районе погребения со смешанными признаками в широких прямоугольных ямах и ямах с заплечиками,

также соотносимые со среднесарматскими традициями, датируются временем около середины II в. (рис. 5, *1, 2*) (Кировский I 1/2, Кировский III 1/1 (Ильюков, 2000. С. 100–140), Кировский IV 4/1 (Ильюков, 1982; Гугуев, Глебов, 2002. С. 103). Небольшое число комплексов синкретического характера, где сочетаются черты обеих культур, свидетельствует о более интенсивной смене здесь культурных традиций. С середины II в. н.э. в III микрорайоне отмечается массовое распространение могил в подбойных ямах, в которых преобладает северная ориентировка погребенных и высокий процент деформированных черепов. Датирующими в них являются лучковые фибулы 4-го варианта, в ряде случаев отмечены находки профилированные фибулы 1-й серии 2-го варианта, бытовавшие преимущественно во второй половине II в. н.э. (Скрипкин, 1977. С. 110). В IV районе подбойные могилы также занимают ведущее место наряду с узкими прямоугольными. Для этого района характерно отсутствие диагональных погребений, датирующихся после середины II в. н.э. как атрибута среднесарматской культуры, хотя здесь длительное время преобладает южная ориентировка погребенных, господствовавшая в предыдущее время (рис. 4, *10, 11*).

Таким образом, период становления позднесарматской культуры в III и IV микрорайонах, вероятно, был более кратким, чем в двух первых. Господство новых черт, характеризующих позднесарматскую культуру, наблюдается там уже во второй половине II в. н.э.

ПЕРИОД РАЗВИТОЙ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С конца II – начала III в. на территории междуречья происходит выравнивание диспропорции в развитии позднесарматской культуры. Она приобретает достаточно единообразный облик. Ведущим типом ям становятся подбойные могилы, северная ориентировка преобладает над южной. Диагональные погребения к этому времени практически исчезают на всей территории междуречья.

Исчезновение ведущих черт среднесарматской погребальной обрядности к началу III в. отмечается и в бассейне Иловли, к северу от исследуемой территории, где ситуация с середины II до середины III в. н.э. была близка ситуации в I и II районах южной части междуречья в это время (Сергацков, 2000. С. 241, 242).

В южном районе междуречья III микрорайон, вероятно, являлся эпицентром распространения позднесарматских новаций на территории всего региона. Скорее всего, его территория была несколько шире определенной первоначально и охватывала районы от Курмоярского Аксая до самых низовий Дона. Именно здесь открыт целый ряд позднесарматских комплексов, выделяющихся неординарностью и богатством инвентаря, относящихся к элите позднесарматского общества, таких как Новоалександровка 20/1 (Беспалый, 1985), Валовый I 9/1, 25/1, 33/1 (Беспалый, Парусимов, 1988), Нагавский II 11/1 (Мыськов, Сергацков, 1994), Центральный VI 16/8 (Копылов, 1980), Новоалександровка 20/2 (Беспалый, 1985), Камышевский I 8/1 (Житников, 1991), Веселый VI 1/1[2] и некоторые другие. Все это, а также интенсивное вытеснение среднесарматских традиций в этом микрорайоне во второй половине II в., может свидетельствовать о нахождении на Нижнем Дону и политического центра носителей новой позднесарматской культуры Волго-Донского региона.

Видимо, события, происходившие здесь в середине II в. н.э. и приведшие к широкому распространению новых культурных явлений в регионе, нашли отражение и в материалах Танаиса, которые свидетельствуют о притоке нового населения на территорию Нижнего Дона. В танаиском некрополе появляется представительная группа погребений с северной ориентировкой костяков и искусственной деформацией черепов – элементов, характерных для позднесарматской культуры, получивших широкое распространение в степях Подонья с середины II в. н.э. В танаисской ономастике во второй половине II в. н.э. была выявлена большая группа иранских имен, ранее здесь не известных. (Шелов, 1972. С. 234, 238, 239, 249). О появлении новой, активной в военном отношении группировки в этом районе свидетельствуют разрушения оборонительных сооружений и жилых кварталов Танаиса в середине II в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 2001. С. 59).

Влияние III микрорайона на всю территорию междуречья нашло отражение в появлении богатых позднесарматских комплексов воинского характера в других его частях. Обязательным атрибутом таких погребений являлся длинный меч без металлического навершия и перекрестия и конская сбруя (Абганеры 3/1 (Рыков, 1931), Жутово 1/1 (Шилов, 1964), Старица 26/2 (Шилов, 1961), Подгорненский IV 17/1 (Науменко, 1987), Центральный VI 16/8 (Копылов, 1980), Четыре брата 3/6 (Мошкова, 1978. С. 71–77) и др.) (Безуглов, 2000. С. 180; Яблонский и др., 1995. С. 41. Рис. 62–70; Мошкова и др., 1978; Безуглов, 1997). В тех районах междуречья Волги и Дона, где среднесарматские традиции были достаточно сильны, наращивание черт новой культуры происходило под влиянием группировки кочевников, оставивших свои могильники в III районе междуречья. Не исключено, что первоначальные заимствования новых культурных элементов осуществлялись элитой

[2] Раскопки Л.В. Гуренко за 2003 г. Материалы не опубликованы.

старого общества, наиболее восприимчивой к изменениям. В позднесарматское время практически все богатые в вещевом отношении погребения несут отпечаток воинской специфики, что дает возможность предположить принадлежность таких могил лицам, имеющим отношение к высшей знати позднесарматского общества.

Исследователи на основании археологических и антропологических материалов неоднократно отмечали высокий уровень военизации позднесарматского общества. Неизменным атрибутом многих воинских погребений позднесарматской культуры на всей территории ее распространения стали длинные мечи без металлического перекрестия и навершия, зачастую имеющие дополнительные детали, выполненные из камня. Выяснение вопроса происхождения этого типа мечей может косвенным образом указать на истоки позднесарматских культурных новаций. Не вдаваясь в историю исследования этой проблемы, отметим, что наиболее убедительной на сей день является точка зрения С.И. Безуглова, который, исследуя рассматриваемые мечи с территории Нижнего Дона, пришел к выводу о восточных истоках их происхождения. Прототипом длинных сарматских мечей он считает азиатские мечи последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры с территории Парфии, Бактрии, Кушанской империи, Согда (Безуглов, 2000. С. 178–180).

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С середины III в. и в IV в. н.э. позднесарматские памятниками обнаруживают определенное сходство в I, II, IV микрорайонах. На этих территориях появляются и функционируют крупные курганные могильники, преобладающим типом ям в которых являются подбойные могилы: (Абганерово II (Клепиков, Шинкарь, 1997); Купцын Толга (Шнайдштейн, 1981), Кривая Лука VI, VII, X, XIV, XVII (Дворниченко и др. 1975; 1976; 1977; 1980; Федоров-Давыдов и др., 1974), Кермен Толга (Цуцкин, 1980), Восточный Маныч (Синицын, 1966), У-85 (Николаева, 1985).

Анализ антропологических материалов из некоторых этих могильников свидетельствует о родстве оставившего их населения (Балабанова, Цыганова, 1997. Рис. 2, *3*). Нередко погребения этого времени включаются в уже существовавшие могильники. Многие типы вещей из погребений этих могильников находят аналогии в восточных районах Северного Кавказа (Абрамова и др., 2000; 2001).

В III микрорайоне междуречья происходит активное вытеснение свойственных для второй половины II – первой половины III в. погребальных конструкций катакомбами преимущественно I типа по типологии М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева (1999. С. 173), ведущим вариантом среди которых являются Т-образные конструкции (рис. 5, *3–6*). В это время появляются и продолжают существовать могильники, состоящие только из захоронений в катакомбах: Большая Мазанка (Парусимов, 1998), Новосадковский (Ильюков, 1986).

Обращает на себя внимание, что на территории I, II, IV микрорайонов практически отсутствуют импортные вещи из западных районов, хотя в IV в. в III микрорайоне междуречья получают распространение вещи черняховской культуры, что, наряду с упомянутой спецификой в погребальном обряде, свидетельствует о значительной его обособленности. Существенные отличия в погребальном обряде, в определенной мере и в вещевом материале, нижнедонской группы погребений (III микрорайон) от памятников I, II и IV микрорайонов не исключают вероятность участия в сложении заключительного этапа позднесарматской культуры на их территориях различных этнических компонентов, начиная с середины III в. н.э.

Прямое отношение к событиям, происходившим в степных районах Нижнего Дона, имеет разрушение Танаиса в середине III в н.э. Высказывавшееся ранее мнение о причастности к этому событию готов (Гайдукевич, 1949. С. 443; Шелов, 1973. С. 5) в последнее время рядом исследователей пересматривается. Более обоснованным, видимо, следует считать предположение о том, что разрушение Танаиса и других поселений на Нижнем Дону в это время связано с военно-политической активностью населения Центрального Кавказа (Яценко, 1997; Мошкова, Малашев, 1999. С. 199, 200). Существенные изменения в это время происходят на обширной территории, включающей Северный Кавказ, Кубань, степи муждуречья Волги и Дона. Прекращают существование могильники Центрального Предкавказья (Абрамова, 1993. С. 184), "Золотое кладбище". Вполне вероятно, что все эти изменения связаны с этнополитической перегруппировкой, охвативший этот регион и приведшей к утверждению на Нижнем Дону нового объединения кочевников. Столь широкомасштабные события вряд ли можно объяснить готским нашествием. К тому же достаточно очевидно просматриваются истоки этих изменений, исходящие из районов Центрального Предкавказья. Формирование там новой общности, по мнению М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, происходило на основе местного оседлого ремесленного населения, оставившего крупные городища и следовавшего традициям погребения в Т-образных катакомбах, и степного населения среднесарматского времени, использовавшего обряд подкурганных захоронений. К середине III в. н.э. новая группировка, приобретшая экономическую мощь за счет развития ремесленных центров, пытается реализовать себя в укреплении политического господства

и захвате новых территории, в частности на Нижнем Дону, следствием чего стало массовое распространение здесь Т-образных катакомб (Мошкова, Малашев, 1999. С. 199, 200). Прежнее позднесарматское население этого района, видимо, частично вошло в состав нового объединения во главе с центальнокавказскими лидерами, о чем, в частности, свидетельствует сохранение в III микрорайоне после середины III в. подбойных погребений, традиции деформации черепов, а также некоторых керамических форм, использовавшихся ранее.

Пришлое население продолжает поддерживать тесные контакты с кавказской метрополией. Об этом свидетельствует большое количество вещей кавказского производства, обнаруженных в катакомбных погребениях Нижнего Дона. Косвенным свидетельством этому может служить то, что новые хозяева низовий Дона не были заинтересованы в восстановлении Танаиса, жизнь на котором практически прекратилась (Яценко, 1997. С. 157). С IV в. на Нижнем Дону появляются вещи западного происхождения, в основном черняховского круга, что может свидетельствовать об установлении контактов с населением этой культуры.

Сейчас трудно установить какую территорию контролировало новое объединение. Возможно, центром его являлось Нижнее Подонье, примерно в пределах III микрорайона, где и сосредоточена основная масса катакомбных захоронений, а политическое влияние распространялось на более обширную область. Об этом, в частности, могут свидетельствовать отдельные катакомбы Т-образной формы, встречающиеся в других районах междуречья Волги и Дона как в южной, так и в северной его частях (Гуренко, 1997), и даже в Саратовском Правобережье (Матюхин, 1997). Но они не известны к востоку от Волги.

Все изложенное выше позволяет предложить следующую схему развития позднесарматской культуры в южной части междуречья Волги и Дона. Во всех районах южной части междуречья Волги и Дона единичные элементы позднесарматской культуры появляются в первой половине II в. н.э., но более активно начинают проявляться с середины этого века. В I и II районах период формирования новой культуры был более длительным. В течение второй половины II в. н.э. здесь встречается памятники с набором черт только среднесарматской культуры, значительно представлены комплексы со смешанными чертами как средне-, так и позднесарматской культур. В меньшей степени, по сравнению с двумя другими микрорайонами, здесь известны погребения с полным набором позднесарматских погребальных традиций.

В III и IV районах междуречья процесс становления позднесарматской культуры протекал значительно интенсивнее, здесь уже во второй половине II в. н.э. практически полностью прекращают существование погребальные традиции среднесарматской культуры и ведущее положение занимают погребения с чертами позднесарматской культуры.

Диспропорция в развитии позднесарматской культуры в южной части междуречья выравнивается в конце II – начале III в., когда черты позднесарматской культуры широко распространяются на всей исследуемой территории. Погребальный обряд становиться более унифицированным во всех микрорайонах, господствующими являются подбойные ямы с северной ориентировкой погребенных, отмечается высокий процент искусственной деформации черепов.

Во второй половине III в. н.э. значительные изменения происходят в III микрорайоне. Здесь, наряду с подбойными могилами, в большом количестве появляются новые типы погребальных конструкций – катакомбы, до того неизвестные на территории междуречья и связанные с влиянием северокавказских традиций. В IV в. катакомбные могилы занимают здесь господствующее положение, практически вытеснив подбои, встречавшиеся еще во второй половине III в. н.э.

Финалом позднесарматской культуры в южной части междуречья Волги и Дона стал конец IV в. н.э. После этого времени погребения позднесарматского времени как массовое явление на указанной территории не известны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2. М., 2000.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4. М., 2001.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. 1966. Вып. Д1-30.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в восточной части городища // Древности Боспора. Вып. 4. М., 2001.

Балабанова М.А., Цыганова О.М. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград, 1997.

Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д., 2000.

Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 г. // Архив АКМ. 1985. Ф-10489/1.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1987 г. // Архив АКМ. 1988.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Уралоказахстанских степей. Челябинск, 2000.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Сб. науч. тр. Челябинск, 1996.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Гугуев Ю.К., Глебов В.П. Рец.: Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000 // Донская археология. 2002. № 1–2.

Гуренко Л.В. Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском р-не Волгоградской обл. (у станицы Глазуновской) в 1996 г. // Архив ВОКМ. 1997.

Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В. Отчет о раскопках курганов в Черноярском р-не Астраханской обл. в зоне I очереди строительства Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив АОКМ. 1975.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М., 1977.

Дворниченко В.В., Смирнов С.А., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской обл. в 1976 г. // Архив АОКМ. 1976.

Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I очереди КАРОС в Черноярском р-не Астраханской обл. // Архив АОКМ. 1980.

Житников В.Г. Отчет о работе Камышевского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства орошаемого участка в колхозе "40 лет Октября" Цимлянского р-на Ростовской обл. в 1990 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1991. Ф-26. Д-1.

Ильюков Л.С. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском р-не Ростовской обл. в 1981 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1982. Ф-10. Д-2.

Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника у х. Нового Мартыновского р-на Ростовской обл. в 1982 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1983. Ф-10. Д-1.

Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской обл. в 1985 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1986. Ф-10. Д-5.

Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д., 2000.

Клепиков В.М. Отчет о проведении археологических исследований в Среднеахтубинском и Октябрьском р-нах Волгоградской обл. в 1995 г. // Архив археологической лаборатории ВолГУ. 1995.

Клепиков В.М., Кривошеев М.В. Комплексы позднесарматского времени могильника "Перегрузное-I" // Материалы и исследования по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2004.

Клепиков В.М., Шинкарь О.А. Позднесарматский могильник Абганерово II // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград, 1997.

Копылов В.П. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1980. Ф-3. Д-4.

Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2.

Косяненко В.М. Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Ростов-н/Д., 1988.

Косяненко В.М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956–1962 гг.) // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Ростов-н/Д., 1989.

Кривошеев М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докл. I Междунар. нижневолжской археологич. конф. Волгоград, 2004.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д., 2000.

Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов, 1997.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5-й Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004.

Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе "Четыре брата" на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5-й Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской обл. в 1978 г. // Архив археологической лаборатории ВолГУ. 1978.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2.

Науменко С.А. Отчет об исследованиях в зоне строительства Цимлянской оросительной системы в 1986 г. // Архив археологической лаборатории РГУ. 1987. Ф-12. Д-2.

Николаева Н.А. Исследование курганов у с. Чкаловский и Эвдык Приозерного р-на Калмыцкой АССР в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-I. № 15184.

Парусимов И.Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998.

Раев Б.А., Науменко С.А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. IV. М.; Саратов, 1931.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5-й Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г. // Архив ИА РАН. 1966. Р-I. № 4223.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Федоров-Давыдов Г.А., Бусяцкая Н.Н., Шнайдштейн Е.В. Отчет о раскопках Барановского могильника в Черноярском р-не Астраханской обл. // Архив АОКМ. 1973.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В. Отчет о раскопках курганов в урочище "Кривая Лука" в Черноярском р-не Астраханской обл. в 1974 г. // Архив АОКМ. 1974.

Цуцкин Е.В. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-I. № 8390.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

Шелов Д.Б. Основные итоги раскопок Танаиса и проблемы древней истории Нижнего Подонья // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н/Д., 1973.

Шилов В.П. Отчет о раскопках археологической Астраханской экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р-I. № 2155.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-I. № 2380.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-I. № 2728.

Шилов В.П. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р-I. № 3156.

Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.

Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // STRATUM + ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.

Late Sarmatian culture of the Volga-Don interfluve. The problem of formation and development

M. V. Krivosheev, A. S. Skripkin

Summary

The paper considers specific features of emergence and development of the Late Sarmatian culture in the southern part of the Volga-Don interfluve, the area near Volgograd being bordered from the north by the point where the rivers come close, and by the River Manych from the south. Within this territory four microregions of the considered culture are singled out: the area related to the Volga right bank – north districts of Astrakhan region, north-eastern and central districts of Kalmykia (region I); basins of the rivers Esaulovsky Aksai and Myshkova, and the areas situated farther north, up to the point where the Volga and the Don come close and the Volga-Don channel functions (region II); the lower and the middle flow of the rivers Sal and Manych (the right bank), the Don-Sal interfluve, and the Kurmoyarsky Aksai basin (region III); the Manych left bank and south-western regions of Kalmykia (region IV) (Fig. 1). Analysis of finds (Fig. 2, *3*) and burial rite (Fig. 4, *5*) shows that the process of formation of the Late Sarmatian culture was most active in the second part of the 2nd c. AD in region III. In regions I and II traditions of the Middle Sarmatian culture were preserved for a much more prolonged period, which had resulted in formation there of a culture with mixed features during the second part of the 2nd c. AD. From the late 2nd – early 3nd cc. the process of unification of the Late Sarmatian culture had started in the whole territory of the Volga-Don interfluve. Dominate typical of the Late Sarmatian culture niche graves and narrow rectangular graves; the dead are deposited their heads pointing north; the rate of artificial skull deformations is rather high. From the mid 3rd c. AD in region III substantial changes took place in burial rite, namely, catacomb graves similar to the North Caucasian ones widely spread, until in the 4th c. these become the principal type of burial construction. In regions I, II and IV survive the types of burial constructions typical of the preceding period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 137–142

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2006 г. А. В. Волокитин*, Н. Е. Зарецкая**, В. Н. Карманов*

* Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
** Геологический институт РАН, Москва

К началу 90-х годов XX в. исследованиями Г.М. Бурова, Э.С. Логиновой и Л.Л. Косинской на Европейском Северо-Востоке было выявлено 12 памятников камской неолитической культуры. За исключением стоянки Явроньга I на р. Пинега, все они расположены в бассейне р. Вычегда: Усть-Кулом I, Пезмогты, Эньты I, III, IV, V, Вис I, II, III, Ниремка I (пункт 6), Кочмас Б (рис. 1). В настоящее время исследователи единодушно признают, что появление этих памятников связано с проникновением части населения боровоозерско-хуторского этапа или верхне-среднекамского локального варианта камской неолитической культуры. Эта точка зрения основана на типологическом сходстве посуды вычегодских стоянок и поселений Хуторская и Боровое озеро I в Прикамье. В дальнейшем эта группа населения, по мнению исследователей, участвует в сложении вычегодско-вятской (Буров, 1967; 1986; Логинова, 1989) или печоро-двинской (Верещагина, 1989; Косинская, 1997) культуры с гребенчато-ямочной (синкретической) керамикой. В вопросе о происхождении и дальнейшей судьбе носителей гребенчатых традиций на Европейском Северо-Востоке среди исследователей нет разногласий. Однако, если Э.С. Логинова и И.В. Верещагина считают, что они являлись частью населения "культуры гребенчато-ямочной керамики" (Логинова, 1989. С. 66; Верещагина, 1989), то Г.М. Буров и Л.Л. Косинская выделяют особый камский культурный тип памятников (Буров, 1986; Косинская, 1991; 1997. С. 169–172). Высказано также мнение о возможности выделения на р. Вычегда особого локального варианта камской культуры (Косинская, 1997. С. 172; Карманов, 2004).

До последнего времени хронология комплексов камского (гребенчатого) неолита основывалась исключительно на сравнительно-типологическом методе. Надежные обоснования их возраста отсутствовали, так как особенности геохимии лесных почв, в которых залегают культурные остатки большинства известных памятников, ограничивали возможность применения естественнонаучных методов. Такая ситуация характерна как для Европейского Северо-Востока, так и Прикамья. Отсюда происходил неоднократный пересмотр периодизации и хронологии комплексов камской неолитической культуры (Бадер, 1964; 1970; 1978; Халиков, 1969), причем прослеживается тенденция их удревнения. Если в 1960-х годах Г.М. Буров вслед за О.Н. Бадером относил их появление к середине III тыс. до н.э. (Буров, 1967. С. 76), то уже в конце 1990-х годов Л.Л. Косинская (1997. С. 159) относит их к концу V – первой пол. IV тыс. до н.э. Однако предлагавшиеся определения возраста стоянок средне-, верхнекамского локального варианта или боровоозерско-хуторского этапа камской культуры ограничивались только средним неолитом. Лишь недавно пермские археологи предположили, что некоторые из них могут быть отнесены к раннему неолиту (Мельничук, 2001. С. 50, 51; Мельничук и др., 2001. С. 160).

Для установления хронологии камского гребенчатого неолита большое значение имеет исследование стоянки Пезмог IV на средней Вычегде (рис. 1). Она была открыта в 1994 г. сотрудниками Лаборатории кайнозоя Института геологии Коми НЦ УрО РАН при отборе образцов на спорово-пыльцевой и диатомовый анализы. Позднее, в 1996 г., на памятнике произведена зачистка обнажения, определены условия залегания культурных остатков (Волокитин и др., 1998). Впоследствии полевые исследования памятника были продолжены В.Н. Карамановым и А.В. Волокитиным в 1999 и 2001 гг. Общая вскрытая площадь составила около 30 м^2. В 2002 г. на памятнике Н.Е. Зарецкой были отобраны образцы на радиоуглеродный и ботанический анализы.

Пезмог IV расположен на правом берегу р. Вычегда, в 3.5 км на юго-юго-восток от пос. Приозерный или в 6.5 км выше по течению от расположенного на левом берегу пос. Усть-Локчим (Корткеросского района Республики Коми). Он связан с отложениями 4–5-м поймы в месте ее причленения к останцу боровой песчаной террасы высотой 7 м (рис. 2). Культурные остатки залегали на глубине 3.6–3.8 м от дневной поверхности и приурочены к слою темно-серого суглинка с содержанием органики 10% (высшие растения), перекры-

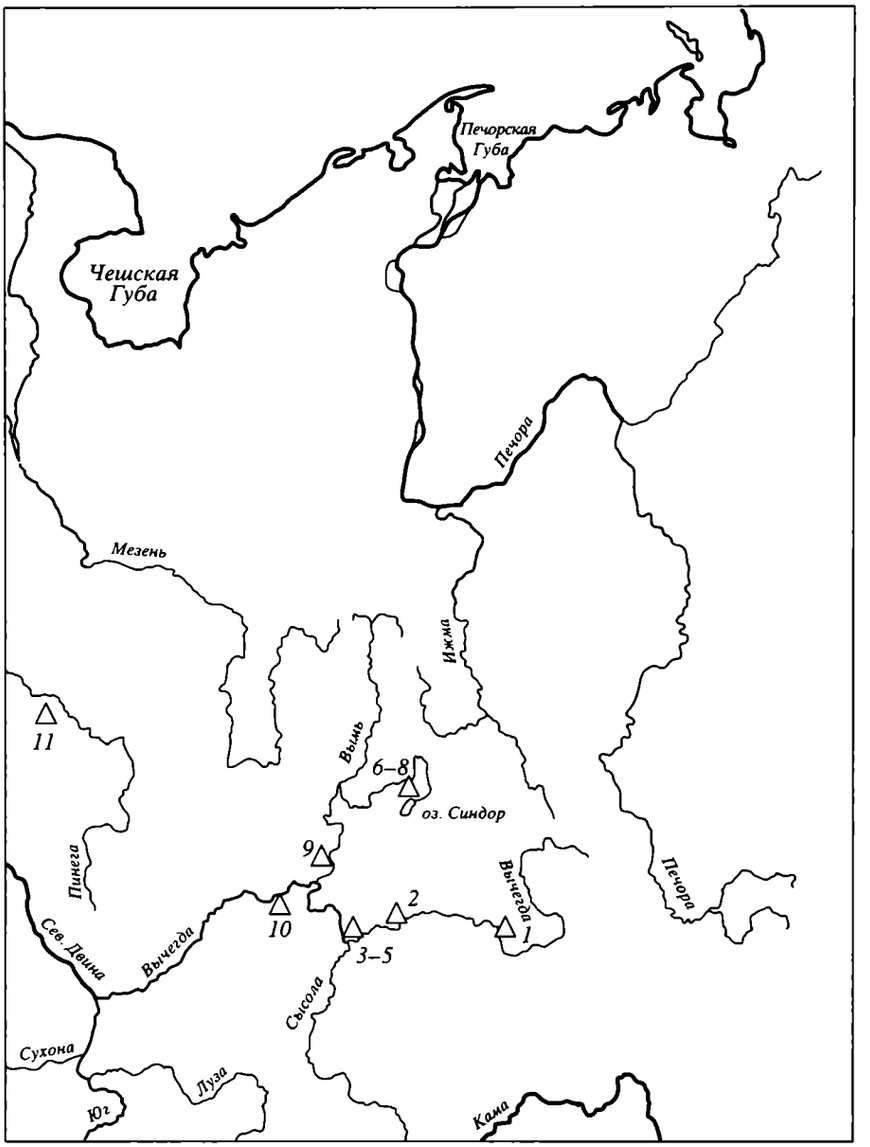


Рис. 1. Памятники камской неолитической культуры на Европейском Северо-Востоке. *1* – Усть-Кулом I; *2* – Пезмог IV; *3* – Эньты I; *4* – Эньты III; *5* – Эньты V; *6* – Вис I; *7* – Вис II; *8* – Вис III; *9* – Ниремка I; *10* – Кочмас Б; *11* – Явроньга I.

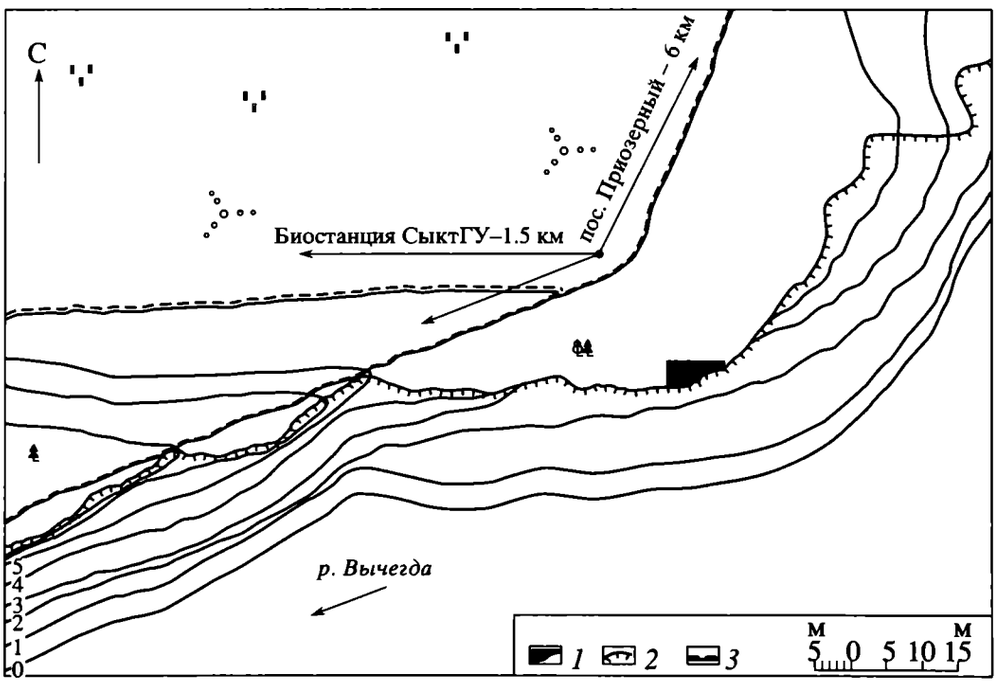


Рис. 2. Пезмог IV. Ситуационный план. *1* – раскоп; *2* – кромка обнажения; *3* – грунтовая дорога.

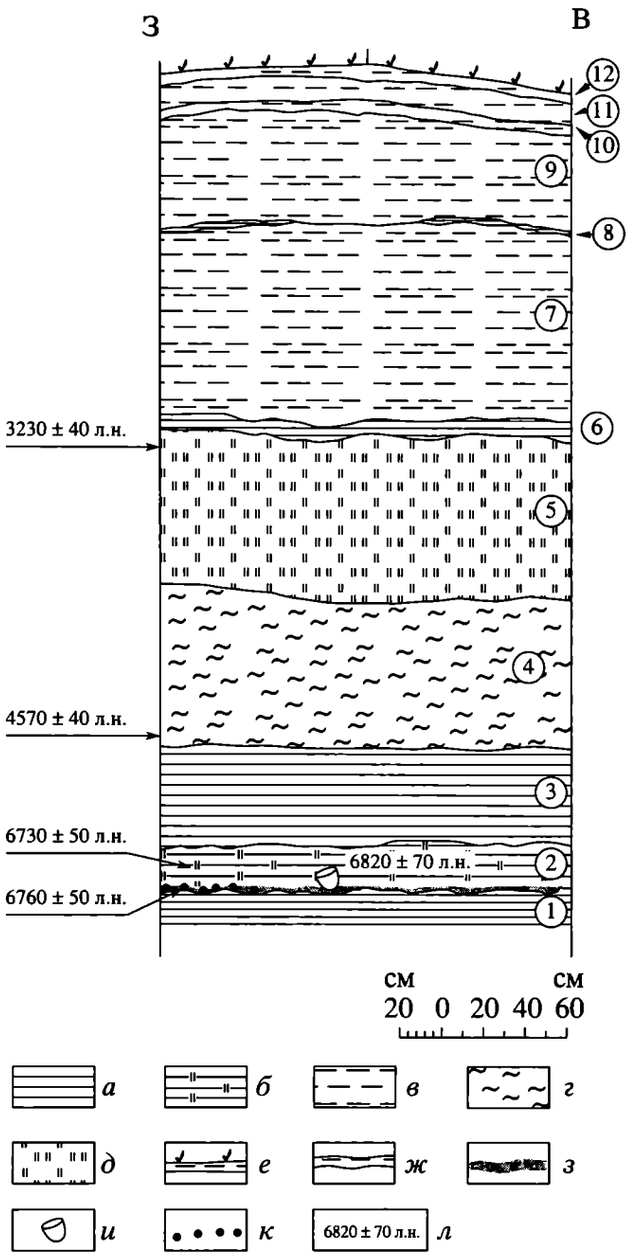


Рис. 3. Пезмог IV. Разрез отложений (1–12): *а* – глина; *б* – суглинок с содержанием органики (культуровмещающие отложения); *в* – суглинок; *г* – сапропель; *д* – торф; *е* – современная почва; *ж* – погребенная почва; *з* – песок; *и* – сосуд; *к* – рассеянный уголь; *л* – радиоуглеродный возраст образца.

того старичными и пойменными отложениями (рис. 3). Находки, обнаруженные на исследованной площади, немногочисленны и представлены 36 фрагментами двух керамических сосудов, один из которых реконструируется; тремя кремневыми изделиями (отщеп, осколок и ретушер) и двумя предметами из некремневых пород (отщеп и заготовка орудия). Благоприятные для сохранности органических остатков условия позволили применить радиоуглеродный, спорово-пыльцевой и диатомовый анализы.

Для радиоуглеродного датирования были отобраны образцы нагара с внутренней поверхности

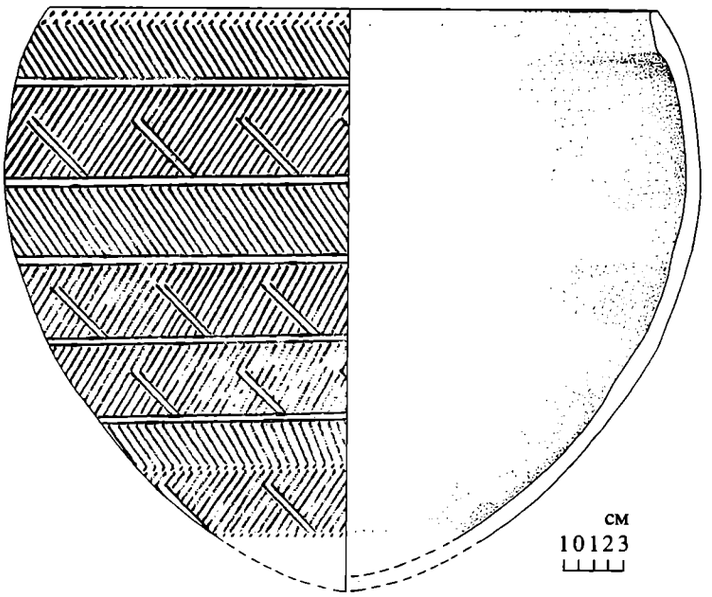


Рис. 4. Пезмог IV. Керамический сосуд. Реконструкция.

сосуда (рис. 4), древесный уголь из вмещающих отложений, сами отложения, а также образцы из верхней и нижней части залегающего выше горизонта торфа. Последние отбирались для временной привязки спорово-пыльцевых и диатомовых диаграмм.

Все образцы прошли обработку и измерены в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (Москва). Образец нагара последовательно обрабатывался слабым раствором соляной кислоты, 2%-ным раствором щелочи (NaOH) и снова слабым раствором соляной кислоты, а затем промывался в дистиллированной воде и высушивался. Методики дальнейшего приготовления счетного материала из нагара, подготовки образцов озерно-болотных отложений и угля, а также измерения возраста подробно описаны Н.Е. Зарецкой ранее (Зарецкая и др., 2000; Зарецкая и др., 2002). В тексте, без специальных оговорок, приводится некалиброванный возраст (лет назад, от 1950 г.). Калибровка радиоуглеродных дат производилась в программе OxCal, v. 3.9 (Bronk Ramsey, 2001; Stuiver et al., 1998). Полученные даты приведены в таблице и на рис. 3.

Дата по нагару была получена первой (Волокитин, Карманов, 2004), и представляется весьма надежной для определения возраста как самого сосуда, так и культурного слоя. Нагар является пока единственным видом материала для датирования, заведомо синхронным времени использования керамики. Последующее датирование культуровмещающих отложений, а также угля из данного слоя показали сходимость дат в пределах статистической ошибки. Это позволяет уверенно датировать памятник началом VI тыс. до н.э.

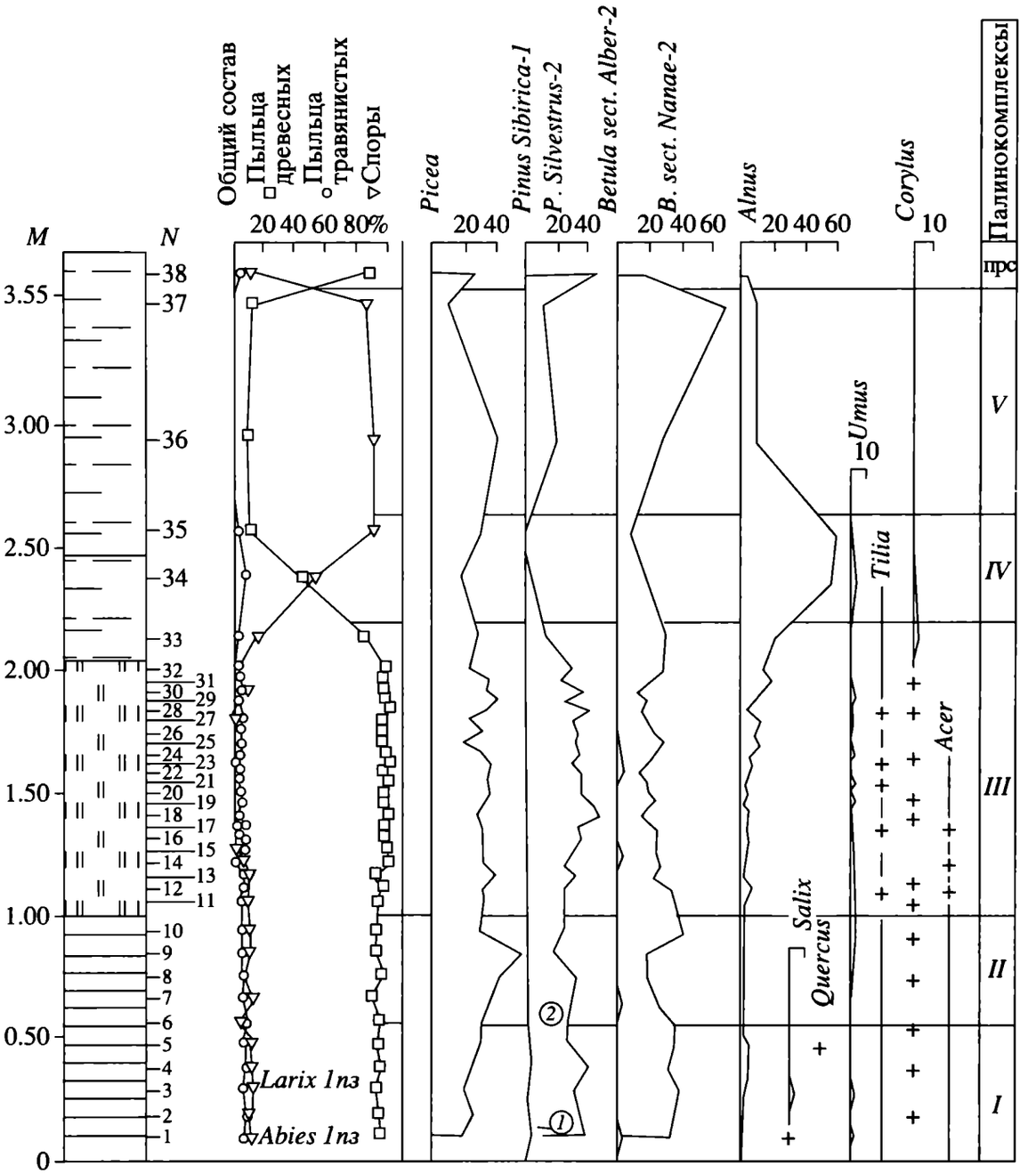


Рис. 5. Пезмог IV. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений (по Л.А. Дурягиной (Волокитин и др., 1998)).

(таблица), с наиболее вероятным календарным возрастом 7790–7480 л.н. (5840–5530 лет до н.э.).

По данным спорово-пыльцевого анализа (рис. 5), в это время произошла смена еловых лесов с сосной, березой, вязом, орешником на сосново-еловые с березой, вязом, липой, кленом, орешником. Палинологически слои глины, торфа и суглинка были отнесены первоначально к позднему атланти-

Пезмог IV. Данные радиоуглеродного анализа

№ образцов	Датированный материал	Глубина залегания образца от дневной поверхности, м	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Календарный возраст, до н.э.
ГИН-11915	Нагар	3.66–3.75	6820 ± 70	5840 (93.4%) 5610
ГИН-12322	Уголь	3.6–3.8	6730 ± 50	5730 (95.4%) 5530
ГИН-12324	Культуровмещающие отложения	3.6–3.7	6760 ± 50	5740 (88.5%) 5610
ГИН-12325	Сапропель	3.2	4570 ± 40	3380 (38%) 3260 3240 (48.2%) 3090
ГИН-12326	Торф	1.8	3230 ± 40	1610 (95.4%) 1410

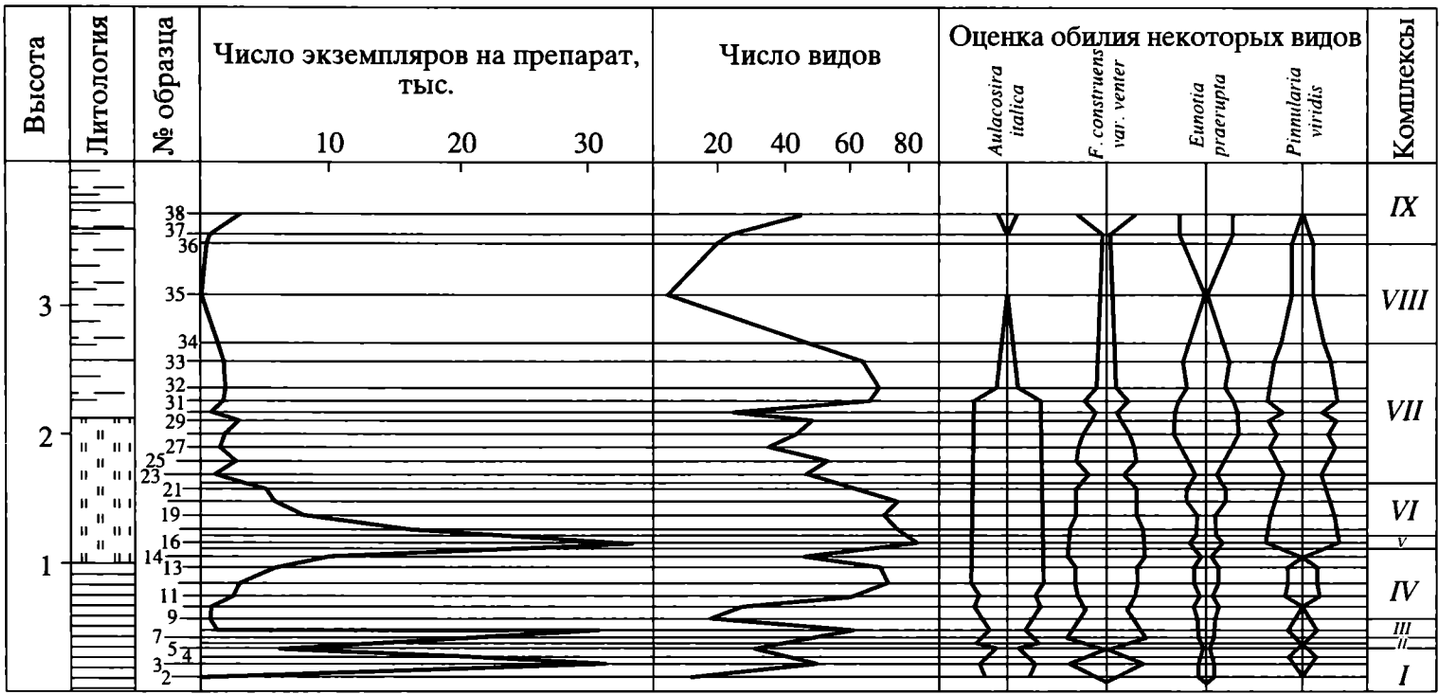


Рис. 6. Пезмог IV. Содержание диатомей в отложениях (по Т.И. Марченко (Волокитин и др., 1998)).

ческому периоду (Волокитин и др., 1998. С. 34), который, согласно существующим схемам, датируется 6000–5000 л.н. (Никифорова, 1982). Это также укладывалось в представление о хронологии неолита Прикамья и Европейского Северо-Востока на тот момент времени. Предпринятое нами радиоуглеродное датирование позволило скорректировать данные палинологии. Согласно полученным результатам и схеме развития природно-климатических событий в течение атлантического периода, стоянка Пезмог IV могла существовать в среднем атлантикуме (АТ-2). Слой сапропеля и замещающий его выше слой торфа датируются промежутком времени 4570–3230 л.н. (таблица), что указывает на суббореальный период их формирования.

Данные ботанического[1] и диатомового анализов культуровмещающих отложений (рис. 6) показали, что они накапливались в условиях неглубоких, медленно текущих вод. Скорее всего, стоянка располагалась на берегу образующейся старицы. Позднее, 4570 ± 40 л.н. (ГИН-12325), на месте памятника существовал довольно глубокий водоем – вероятнее всего, старичное озеро. Впоследствии оно заросло и на его месте образовалось болото, просуществовавшее до 3230 ± 40 л.н. (ГИН-12326).

Таким образом, проведенное на стоянке Пезмог IV комплексное исследование позволило удревнить возраст памятников камской неолитической культуры на Европейском Северо-Востоке до начала VI тыс. до н.э., отработать методику датирования керамики по нагару, а также скорректировать данные палинологии. Дальнейшая разработка хронологии камской неолитической культуры станет основой для нового понимания происхождения и взаимодействия населения неолитических культур Приуралья и лесной зоны Восточной Европы в целом.

[1] Ботанический анализ проведен О.Н. Успенской, которой авторы выражают благодарность за сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166.

Бадер О.Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М., 1967.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

Волокитин А.В., Карманов В.Н. Ранний неолит Европейского Северо-Востока // РА. 2004. № 2.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дурягина Д.А. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15. Сыктывкар, 1998.

Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское-7 // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое-4 // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.

Карманов В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.

Логинова Э.С. Поселения эпохи неолита на Средней Вычегде // Материалы VI междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.

Мельничук А.Ф. Поздний мезолит и проблема происхождения камской неолитической культуры // Тез. докл. XV Уральского археологического совещания. Оренбург, 2001.

Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П. и др. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в верхнем и среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.

Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Bronk Ramsey C. Development of the Radiocarbon Program OxCal // Radiocarbon. 2001. V. 43 (2A).

Stuiver M., Reimer P. J., Bard E. et al. INTCAL98 Radiocarbon Age Calibration, 24.000-0 cal BP // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 3.

New data on the chronology of the Kama Neolithic culture

A. V. Volokitin, N. E. Zaretskaya, V. N. Karmanov

Summary

The publication introduces into scientific circulation new data concerning the Kama Neolithic culture. The results of interdisciplinary research of the Neolithic site Pezmog IV located within the middle Vychegda river valley give grounds to suggest new earlier dates for this culture occupying North-Eastern part of the European plain. The authors attribute the discussed culture to the Early Neolithic and date it back to the early 6th millennium BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 143–147

ПУБЛИКАЦИИ

УТЮЖОК С ЛИЧИНОЙ ИЗ ЮЖНОГО ТУРГАЯ

© 2006 г. В. Н. Логвин*, О. П. Ченченкова**

* Сургутский государственный университет

** Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург

В начале 1970-х годов геологом А. Брагиным в обрыве реки Улы-Жиланшик, недалеко от центральной усадьбы совхоза Южный, был найден утюжок с человеческой личиной[1]. Позднее он был передан находчиком одному из авторов, от которого затем поступил в музей г. Аркалыка[2]. Первое сообщение о находке опубликовано в 1975 г. (Логвин, 1975. С. 491). Некоторые фотографии предмета приведены в монографии А.Х. Маргулана, а в монографии Е.Е. Кузьминой – копия рисунка личины (Кузьмина, 1994. С. 455)[3]. Учитывая оригинальность находки и большой интерес исследователей к проблеме утюжков, считаем необходимым введение в оборот более подробной информации об этом предмете[4].

Южнотургайский утюжок довольно крупный среди изделий такого рода (18 × 9.6 × 8.8 см), изготовлен из зеленоватого камня – по мнению Л.Л. Гайдученко, талькохлорита. Поверхность утюжка сплошь зашлифована. В плане утюжок имеет овальную форму (рис. 1). В поперечном сечении это высокий полуэллипс со слегка срезанной вершиной. Линия продольного сечения более всего напоминает контур грызуна, находящегося в спокойной сгруппированной позе. На узком торце выполнено небольшое рельефное изображение человеческого лица размером 3.3 × 2.3 см (рис. 2). В середине верхней поверхности утюжка имеется поперечный желобок длиной 5.8 см. Края желобка нарушены, и ширина его в этой части составляет 2 см. На уровне ненарушенной части ширина желобка 1.3 см. Глубина его 1.7 см от уровня наиболее высокой части спинки утюжка. На нижней плоскости утюжка вырезана форма для отливки плоского тесла. По свидетельству осматривавшего ее в 70-е годы старшего геолога объединения Севказгеология Ю.И. Рылова, на внутренней поверхности литейной формы фиксируются следы термического воздействия. Иными словами отливка тесел в этой форме производилась.

Изображение лица по очертаниям близко к овалу. Подбородок заострен, нос расширяется книзу, рот прямой, брови округлые. Лоб и нос находятся в одной плоскости. Глазные впадины углублены, сами глаза не показаны. Рот передан выпуклостью, губы разделены резной линией.

По способу изображения лица (возможно, и по антропологическому типу) к тургайскому утюжку ближе всего два антропоморфных жезла. Оба предмета – случайные находки в Семипалатинской области (Грязнов, 1950. С. 128–156; Кызласов, 1956. С. 14–21; Маргулан, 1979. С. 292, 307; Тельжанов, 1981. Ил. 6). Способ передачи взгляда светотенью, падающей в углубления обобщенно переданных глазниц без обозначения глаза, характерен и для антропоморфных скульптур Северного Казахстана (Ченченкова, в печати).

Среди известных утюжков имеется несколько экземпляров с зоо- и антропоморфными признаками. Фрагмент утюжка в форме фигуры человека найден на энеолитическом поселении Ботай (рис. 3, *1*)[5]. Возможно по характеру использования ему близок предмет с человеческой личиной, обнаруженный на поселении Палатки II под г. Екатеринбургом (Панина, 1980. С. 164, 165; 1988. С. 18–29). Он представляет собой плоский брусок. На одной из его широких плоскостей имеется два про-

[1] Река Улы-Жиланшик течет в южной части Тургайского прогиба и пересекает его в широтном направлении. Памятник находится приблизительно в районе 49° с.ш. и 64° в.д.

[2] В 1980-е годы утюжок временно экспонировался в Государственном музее изобразительных искусств Казахской ССР, а в начале 1990-х был возвращен в г. Аркалык.

[3] К сожалению, в работе А.Х. Маргулана место и условия обнаружения утюжка указаны неправильно (1979. С. 307, 309). К поселению Акколь он не имеет никакого отношения (Логвин, 1975. С. 492). Указанное А. Брагиным место находки утюжка обследовалось одним из авторов, оно находится в нескольких километрах от этого поселения.

[4] Сравнительно недавно достаточно полный обзор концепций и библиографии по утюжкам приведен в работах И.М. Гавриленко и В.Е. Пушкарева (Гавриленко, 2001; Пушкарев, 2002. С. 57–67).

[5] На торце утюжка в середине выделен выступ, плавно переходящий к сохранившейся (правой) боковой поверхности. Контур боковой поверхности в этом месте полукруглый. Такое оформление более всего напоминает изображение человеческого плеча с переходом к шее. Впечатление антропоморфности усиливается благодаря резному орнаменту на лицевой поверхности изделия (Зайберт, 1993. С. 77, 78, 226). Подобная орнаментальная композиция встречается и на других изделиях с поселений Ботай, которые можно интерпретировать как антропоморфные изображения (Ченченкова, 1995. С. 67). Сравнивая их с антропоморфными гальками Торгажака, Д.Г. Савинов предлагает интерпретировать орнамент в верхней части таких изображений как подвесное нагрудное украшение (2003. С. 53, 59).

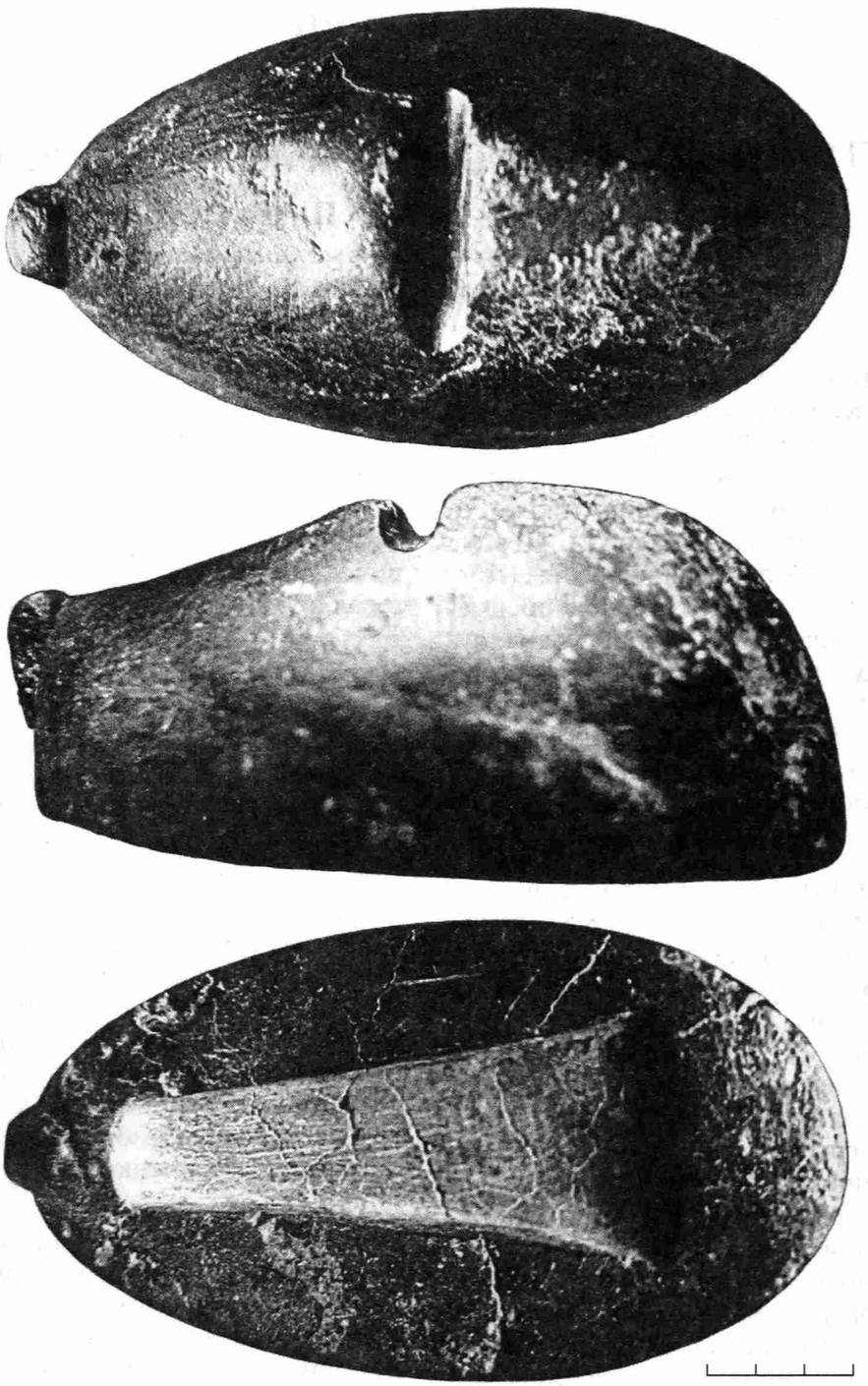


Рис. 1. Утюжок с реки Улы-Жиланшик.

дольных желобка, а на противоположной – один (рис. 3, *2*).

Фрагмент утюжка в виде головы животного обнаружен в урочище Ак-Жунас в Северном Прикаспии. Авторы публикаций относят его к хвалынскому времени и предполагают что он передает голову взнузданной лошади (рис. 3, *3*) (Васильев, 1981. С. 126, 127; Дубягин и др., 1982. С. 103–105. Рис. 9, *1*; Пушкарев, 2002. С. 65). Возможно, этот утюжок по форме в целом был наиболее близок тургайскому. Если разбить последний в той же плоскости, в какой разбит утюжок из Ак-Жунаса, то мы получим очень близкий по форме предмет (Васильев, 1981. С. 126, 127). Существенно они будут различаться только оформлением "пятачка" носовой части, если предполагать, как это делают авторы находки в Ак-Жунасе, что это изображение морды животного. Известен также энеолитический утюжок с личиной животного на торце, найденный в Хабарском районе на юге Западной Сибири (рис. 3, *4*) (Кирюшин, 2002. С. 23, 148. Рис. 42).

Рис. 2. Личина на утюжке с реки Улы-Жиланшик.

Возможно есть и утюжки с литейными формами на нижней плоскости. Так, Л.В. Серикова считает такой литейной формой выемку на одном из утюжков с Шайтанского озера на Среднем Урале (1999. С. 40, 41). Упоминавшийся выше утюжок в виде головы лошади из урочища Ак-Жунас также имеет на основании четыре продольных желобка.

Уникальность тургайского утюжка заключается в том, что он пока является единственной находкой, в которой одновременно представлены антропоморфные и зооморфные признаки в их взаимосвязи с какими-то аспектами металлообработки. Предположение о постепенном (разновременном) формировании его облика, пожалуй, следует признать несостоятельным. Против такого предположения свидетельствует композиционная завершенность изделия. Оно смотрится цельно. Нет даже намека на то, что это первоначально был один предмет, который затем трансформировали, переделали в другой. Похоже, что сравнительно большой размер утюжка определялся стандартной длиной тесла, которое должно было в нем отливаться.

Отмеченные выше факты сочетания поперечного желоба на спинке с антропо- или зооформой изделия в целом, а также с литейной формой свидетельствуют о существовании в сознании людей взаимосвязи всех этих элементов, что и предопределило неизбежность создания объектов, подобных тургайскому утюжку, в которых эта взаимосвязь демонстрируется уже физически.

К сожалению, сколько-нибудь точно тургайский утюжок датировать невозможно. Плоские тесла, подобные отливавшимся в его форме, бытовали в очень широком хронологическом диапазоне. Они известны в анаусской, майкопской и трипольской культурах, а начиная с ямной и особенно синташтинской эпохи, в евразийских степях получают широкое распространение (Мунчаев, 1994. С. 206; Массон, 1982. С. 73; Рындина, Дегтярева, 2002; Черных, Кузьминых, 1989. С. 128). Независимо от конкретной даты функционирования тургайский утюжок, равно как и приведенные выше ему аналоги, указывает на определенную преемственность между неолитической и раннеметаллической эпохами, причем речь должна идти в первую очередь о преемственности в сфере духовной жизни. Все попытки определить утюжки как сугубо утилитарные предметы нельзя признать удачными (Телегин, 1980. С. 20, 21; Викторова, Кернер, 1998. С. 63–80; Гавриленко, 2001; Кияшко, 2002. С. 157, 158; Ковалева, Шилов, 2002. С. 123; Панченко, 2000. С. 63, 64; Пушкарев, 2002. С. 57–67). Тургайский образец не может быть таковым уже в силу особенностей сочетающихся в нем элементов. Безусловно – это

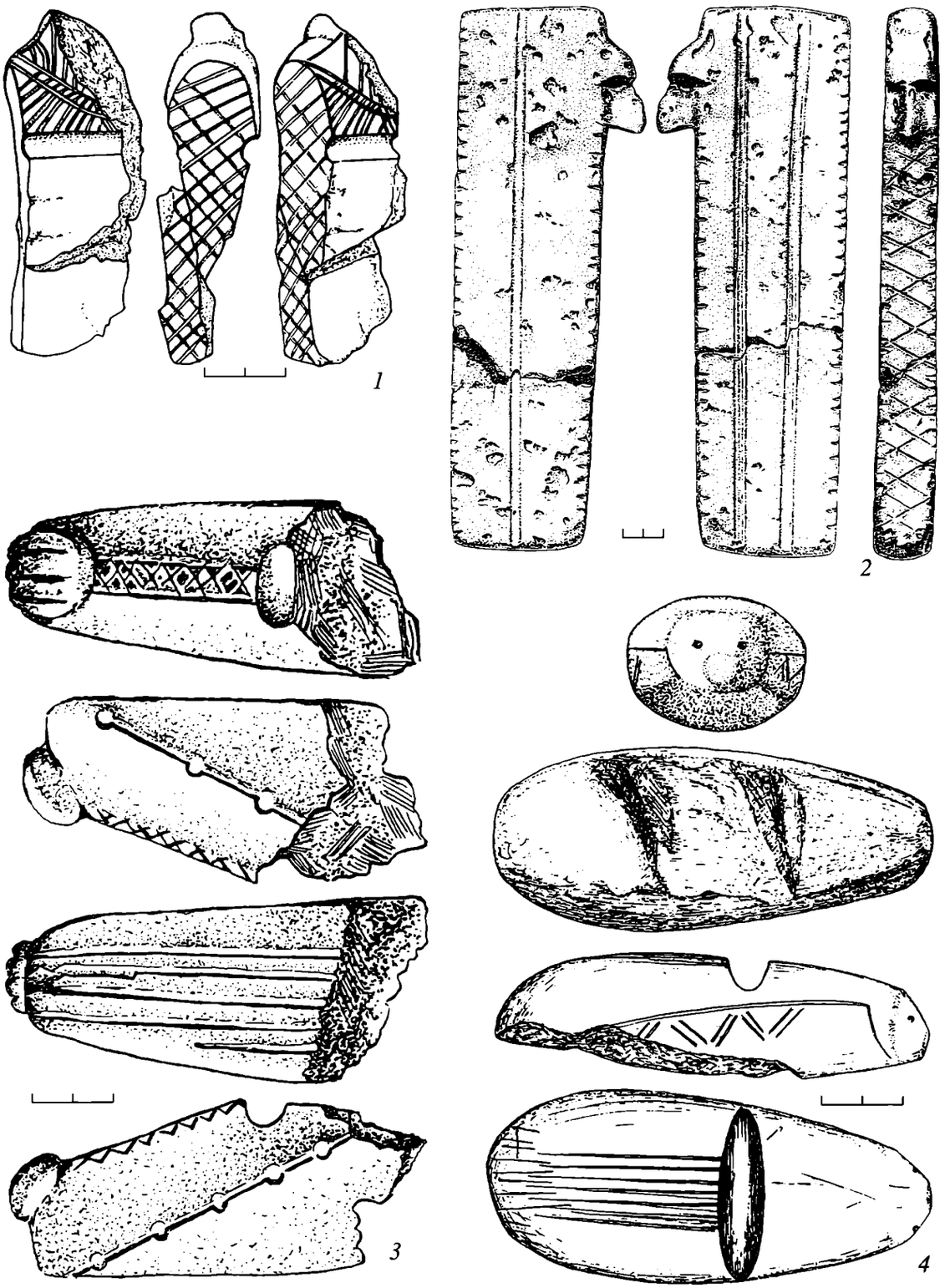


Рис. 3. Идол с желобками (*2*) и утюжки с зоо- и антропоморфными признаками (*1*, *3*, *4*). *1* – поселение Ботай; *2* – поселение Палатки II; *3* – урочище Ак-Жунас; *4* – с. Хабары.

ритуальный объект, как все утюжки предшествующего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. Работы в Среднем и Нижнем Поволжье // АО-1980. 1981.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. "Утюжки" с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23.

Гавриленко І.М. "Човники" доби мезоліту-енеоліту та проблема їхнього призначення // Восточноевропейский археологический журнал. 2001. № 5 (12).

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Вып. XII.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А. и др. Новые материалы неолита-бронзы из Северного При-

каспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Киняшко В.Я. Еще раз о проблеме "утюжков" в мезолите – энеолите Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. К столетию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб., 2002.

Ковалева В.Т., Шилов С.Н. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. 2002. Вып. 24.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кызласов Л.Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК. 1956. Вып. 63.

Логвин В.Н. Работы в Тургайской области // АО-1974. 1975.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология. М., 1994.

Панина С.Н. Экспедиция Свердловского краеведческого музея // АО-1979. 1980.

Панина С.Н. Палатки-II – поселение аятской культуры на р. Исеть // ВАУ. 1988. Вып. 19.

Панченко Ю.В. К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков // Хронология неолита Восточной Европы. Тез. докл. междунар. конф., посвященной памяти Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.

Пушкарев В.Е. Ареал распространения "утюжков" и проблема их интерпретации // Вестн. общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 2. Челябинск, 2002.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М., 2002.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14). Новосибирск, 2003.

Серикова Л.В. Культовые находки с Шайтанского озера // XIV археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999.

Телегин Д.Я. О так называемых челноках или утюжках в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тез. докл. конф. 19–22 февраля 1980 г. Оренбург, 1980.

Тельжанов К.Т. Государственный музей искусств Казахской ССР. Альбом репродукций. Алма-Ата, 1981.

Ченченкова О.П. Некоторые особенности орнаментированных костей эпохи энеолита из Северного Казахстана // Проблемы изучения окуневской культуры. Тез. докл. конф. СПб., 1995.

Ченченкова О.П. Антропоморфные каменные скульптуры из Северного Казахстана // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург, в печати.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Smoother decorated with human mask from Yuzhny Turgai

V. N. Logvin, O. P. Chenchenkova

Summary

In the paper a smoother decorated with human mask is published. The object was found in the early 1970-s by geologist A. Bragin in the outcrop of the River Uly-Zhilanshik in the southern part of the Turgai depression. The smoother shows a unique combination of anthropomorphic and zoomorphic features. These are related to some aspects of metalworking and demonstrate certain continuity from the Neolithic and the early metal period, primarily in spiritual sphere (Figs. 1; 2). The Turgai smoother should not be identified as mainly utilitarian artefact, taking into account mostly the features it shows. Undoubtedly, it is a ritual object, like all smoothers of the earlier time.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 148–156

ПУБЛИКАЦИИ

ПОГРЕБЕНИЯ V ВЕКА Н.Э. С КОНЯМИ МОГИЛЬНИКА "ГОРА ВЕЛИКАНОВ" (HÜNENBERG)

© 2006 г. Е. А. Тюрин

Калининградский государственный университет

Эпоха Великого переселения народов – один из наиболее интересных периодов европейской истории, ставший своеобразной прелюдией к раннему Средневековью. События этой бурной эпохи втянули в свой водоворот и земли юго-восточного побережья Балтийского моря. Именно с эпохой Великого переселения народов связаны изменения в материальной культуре жителей юго-восточной Балтии. На данной территории эти изменения особенно видны на примере погребений V в. н.э., значительно отличающихся от захоронений предшествовавшего римского времени. Новшества в погребальном обряде более всего проявились в захоронениях всадников. Собственно, темой погребений всадников и сопутствующих им конских захоронений V в. н.э. на территории нынешней Калининградской области никто специально не занимался. Между тем, не обращаясь к этим материалам, невозможно делать серьезные выводы как о погребальном обряде вышеозначенного периода, так и о социальной структуре этносов, населявших данную территорию, поэтому публикация погребальных комплексов V в. н.э., содержащих конские останки, найденных на могильнике "Гора Великанов" (Hünenberg) – одном из эталонных для Самбии, должна расширить представление о событиях эпохи Великого переселения народов как в Самбии, так и в других землях западных балтов[1].

Hünenberg – один из наиболее изученных могильников Самбии и остальной Пруссии, немецкими археологами на могильнике было вскрыто свыше 150 погребений (Grunert, 1944. S. 26). К сожалению, о многих работах нет точных сведений. Из всех немецких исследователей, безусловно, следует отметить Вальтера Грунерта, который смог суммировать итоги работ своих предшественников, насколько это было возможно (Grunert, 1944. S. 24–26). Изыскания, проводимые В.И. Кулаковым с 1985 по 1993 г. на данном могильнике, позволили накопить существенный материал, в том числе и по V в. н.э.

В общем массиве захоронений V в. н.э., исследованного Балтийской археологической экспедицией (далее БАЭ), содержавшем 106 погребений, были выявлены 22 погребения с конями, отобранные автором. В работе также использован материал погребения **Н-64а**, найденного в ходе раскопок В. Грунерта в 1943г. (Grunert, 1944. S. 46). Небольшая часть этих погребений (Н-47, Н-67, Н-95, Н-144, Н-180, Н-182, Н-254, Н-260) была опубликована мною в соавторстве с В.И. Кулаковым (2005. С. 115–131).

Затруднение вызывает интерпретация некоторых комплексов разрушенных сооружением окопов в 1945 г. и земляными работами последующего времени на песчаном карьере, располагавшемся на территории могильника. Это не позволяет выявить в полной мере как размеры конских захоронений, так и инвентарь, содержащийся в них. Кроме того, как уже было отмечено, мало сведений о работах немецких предшественников, что сужает рамки исследования. Материалы погребений могильника "Гора Великанов" имеют аналогии в других погребальных памятниках V в. н.э., что свидетельствует о схожести процессов, протекавших в эпоху Великого переселения народов как на Самбии, так и в западнобалтском ареале в целом.

Н-64а (1943 г.) Данный погребальный комплекс, исследованный В. Грунертом в 1943 г., представляет собой захоронение коня в яме глубиной в материке 0.70 м, заполненной переотложенным предматериком, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Погребение на уровне материка перекрыто каменной кладкой. В западном секторе могилы на ее дне обнаружен скелет коня, ориентированного черепом на юго-запад. В зубах коня найдены кольчатые трехчастные удила, согласно которым погребение датируется 425–525 гг. (Grunert, 1944. S. 29).

Н-9 – захоронение коня в овальной в плане яме размером 1.72 × 0.83 м, глубиной 0.13 м (основная масса заполнения могилы уничтожена эрозией), ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. На дне могилы обнаружен неполный костяк коня, черепом ориентированный на юго-восток. В зубах коня найдены кольчатые удила, в области таза – коса, южнее – две железные пряжки типа H11 (Madyda-Legutko, 1986. S. 63. Taf. 19). Се-

[1] Хотелось бы выразить глубокую признательность руководителю Балтийской археологической экспедиции ИА РАН д.и.н. Владимиру Ивановичу Кулакову, любезно предоставившему материалы своих отчетов в распоряжение автора.

вернее Н-9 найдена бусина синего стекла с белым орнаментом. Согласно пряжкам, погребение Н-9 можно датировать 400–500 гг. (Кулаков, 1987).

Н-3 – кремация в яме овальной в плане формы, размером 1.15 × 0.75 м, глубиной в материке 0.23 м, заполненной остатками погребального костра и ориентированной по линии север-юг. В северо-западном секторе могилы обнаружено скопление кальцинированных костей, восточнее которого в заполнении погребения выявлены два камня. В заполнении Н-3 рассеяны фрагменты двух сосудов-приставок, один из которых имел три налепа на ребре, бронзовая фибула группы Альмгрен VI,2. варианта Iz Aa 6b (по М. Шульце). Практически по центру дна могилы выявлен след прокала материка диаметром 0.25 м, перекрытый фрагментами сосуда. К востоку от Н-3 на материке найдены выбранные из могилы плугом кальцинированные кости, фрагмент бронзового кольца, обломок сосуда. По фибуле Н-3 датируется 450–525 гг. (Schulze, 1977. Taf. 12). Ниже находилось связанное с ним погребение Н-10 (Кулаков, 1987).

Н-10 (рис. 1.) – захоронение коня в овальной в плане яме размером 2.42 × 1.06 м, глубиной 0.54 м (значительная часть заполнения уничтожена эрозией), ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Обнаруженный на дне могилы костяк коня лежит по линии север-юг, его череп, покоящийся на ступеньке южного борта могилы, направлен на восток. В зубах коня зажаты кольчатые удила (рис. 1, *6*). С костяком найдены фрагменты бронзовых колец (рис. 1, *1, 2*), фрагмент сосуда-приставки (рис. 1, *4*) железная пряжка типа, Н27 (рис. 1, *9*), бронзовая пряжка с железной обоймицей (рис. 1, *7*) а также две железные пряжки типа Н16 (рис. 1, *3, 8*) (Madyda-Legutko, 1986. S. 62–64. Taf. 19; 20). Кроме того, у костяка найдена бронзовая обоймица постромок (рис. 1, *5*). Учитывая связь погребения Н-3 с данным, Н-10 датируется 450–525 гг. Этой дате не противоречит датировка обнаруженных в Литве обоймиц постромок (Kazakevičius, 1993. P. 130. Pav. 207), аналогичных однотипной находке из Н-10 (Кулаков, 1987).

Н-11 (рис. 2.) – захоронение коня в овальной в плане яме размером 1.82 × 0.60 м, глубиной – 0.36 м (значительная часть заполнения могилы уничтожена эрозией), ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. На дне могилы обнаружен обезглавленный костяк коня, лежавшего на брюхе с уклоном на правый бок, направленный на юго-запад. Поперек таза костяка найдены фрагменты ножниц (рис. 2, *6*) и скребница (рис. 2, *5*), сломанные в древности, вдоль хребта лежали четыре бронзовые пряжки с обоймицами близкие к типу Н27 (рис. 2, *1–4*), рифленая железная пряжка типа Н23 (рис. 2, *7*) (Madyda-Legutko, 1986. S. 63. Taf. 19). Последняя датирует погребение 400–450 гг. (Кулаков, 1987).

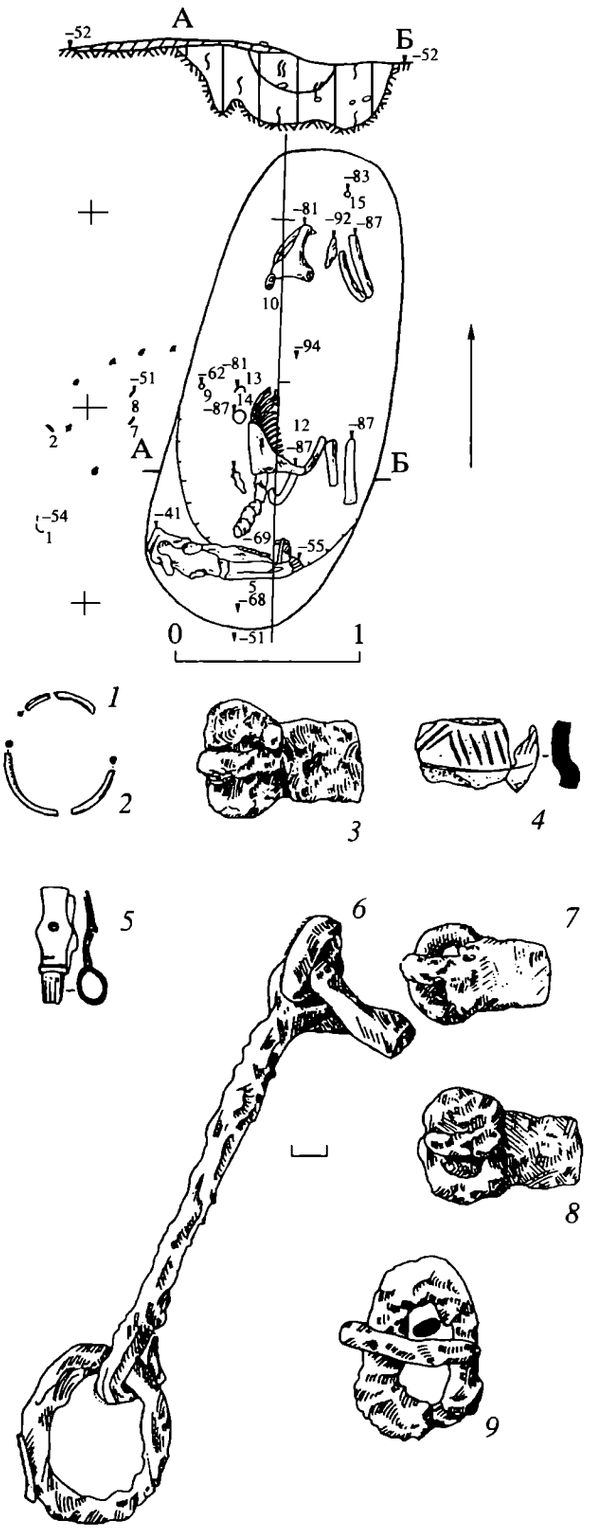


Рис. 1. План и инвентарь погребения Н-10: *1, 2* – фрагменты бронзовых колец; *3, 8,* 9 – железные пряжки; *4* – фрагмент керамики; *5* – обоймица бронзовая; *6* – кольчатые удила; *7* – бронзовая пряжка с железной обоймицей.

Н-44 – кремация и захоронение коня в прямоугольной в плане яме длинной 1.20 м, глубиной в предматерике 0.45 м. Северная часть могилы уничтожена карьером. Заполнение Н-44 составляют остатки погребального костра, ниже – прослойка древесного угля и линза песка. Ниже остатков по-

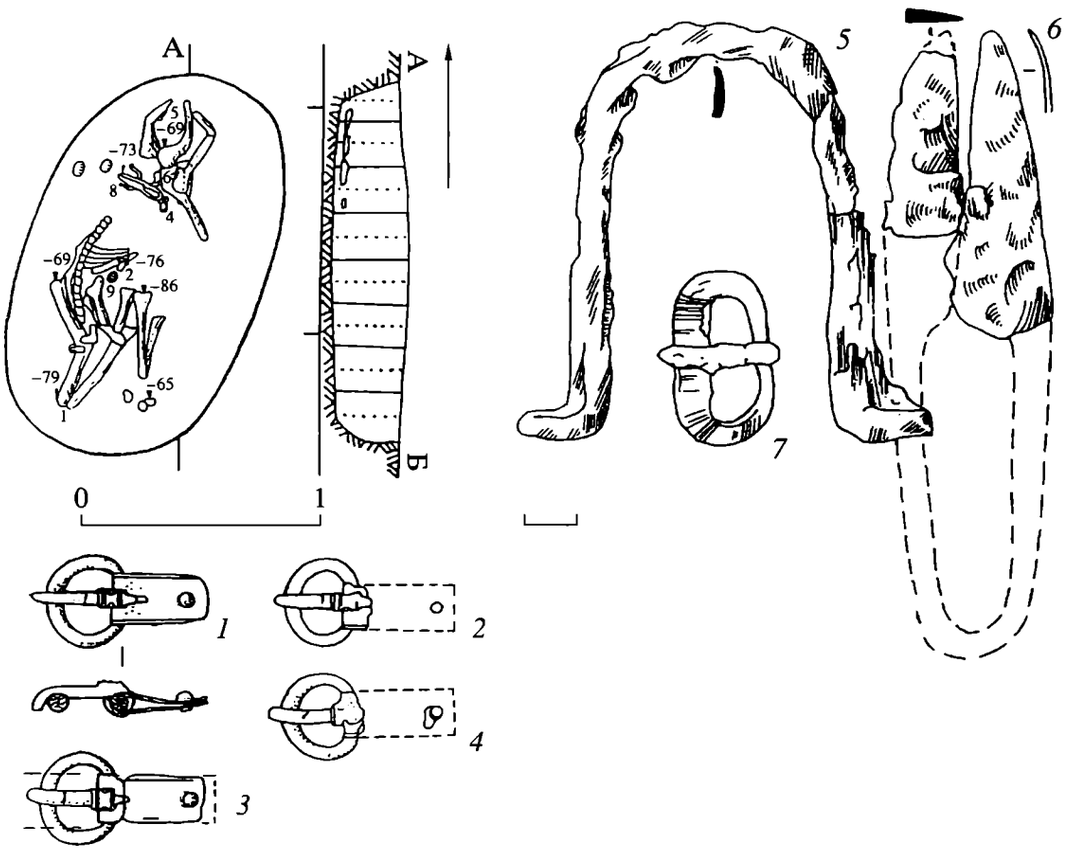


Рис. 2. План и инвентарь погребения Н-11: *1–4* – бронзовые пряжки; *5* – скребница; *6* – фрагменты ножниц; *7* – железная пряжка.

гребального костра найдено небольшое количество кальцинированных костей, 17 янтарных бусин, вытянутых по линии запад – восток (ожерелье, брошенное в могилу в виде заупокойного подношения, так как бусины не носят следов огня), две заготовки янтарных бусин, фрагменты сосуда, кусок янтаря и обломки обожженной глины. В западной части могилы выявлена яма конского захоронения в овальной в плане яме размером 1.30 × 0.30 м, глубина 0.58 м, ориентированной по линии север – юг, заполненной переотложенным предматериком с частицами органики. Костяк коня, имевшего возраст 5 лет, располагался на брюхе, головой, перекрытой камнем, – на юг. В зубах коня – кольчатые удила, восточнее, за пределами могилы – янтарная бусина и кусок янтаря. Н-44 датируется 400–500 гг. (Кулаков, 1988).

Н-23к – захоронение коня в овальной в плане яме длиной 1.10 м, глубиной в материке 1.45 м, обнаруженное в южном борту карьера 1987 г. На дне ямы – сохранившиеся от разрушения кости передней части костяка коня. Череп коня ориентирован на юго-восток. В зубах коня находились кольчатые удила, на черепе – остатки оголовья с бронзовыми накладками и бронзовая пряжка близкая к типу Н31 (Madyda-Legutko, 1986. S. 64. Taf. 20). К юго-западу от Н-23к найден фрагмент сосуда-приставки, в мае 1988 г. местные жители здесь же обнаружили копье типа I Б, согласно классификации В. Казакявичюса (1988. С. 24, 25). Согласно копью и пряжке, Н-23к датируется 400–450 гг. н.э. (Кулаков, 1988).

Н-55 – захоронение коня в овальной в плане яме размером 1.85 × 0.95 м, глубиной в материке до 1.60 м, заполненной предматериком с органикой, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Могила перекрыта каменной кладкой, причем некоторые камни носят следы обработки. В восточной части могилы находился костяк коня, ориентированный головой на юго-запад. В зубах коня были кольчатые удила. По краям ямы отмечены ямки от кольев глубиной от уровня материка до 1.20 м. Под камнями в верхней части заполнения могилы найдены 13 янтарных бусин, заготовка янтарной бусины, два куска янтаря, кремниевая пластина. Данные находки могут считаться заупокойными подношениями, хотя в верхнем ярусе Н-55 кальцинированные кости не обнаружены. В заполнении могилы выявлены фрагменты двух некомплектных сосудов. К востоку от Н-54 обнаружено связанное с ним Н-56 – кремация в овальной в плане яме размером 1.50 × 1.00 м, глубиной в материке 0.50 м, заполненной остатками погребального костра, ориентированной по линии север – юг. В заполнении могилы рассеяны мельчайшие обломки кальцинированных костей. В центре могилы и в

ее северном секторе найдены бронзовая фибула группы Альмгрен VI, варианта Iz Aa Ib (по М. Шульце) с держателем стержнем пружины, семь бусин янтарных и две заготовки для таких же бусин, фрагменты двух сосудов-приставок. По фибуле Н-56 и примыкающее к нему Н-55 датируются 375–425 гг. (Schulze, 1977. Taf. 12; Кулаков, 1989).

Н-57 – захоронение коня в овальной в плане яме размером 2.10 × 0.90 м, глубиной в материке 0.83 м, заполненной золистой супесью, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. С востока к могиле примыкает ступенька. На дне могилы найден неполный костяк коня, ориентированный черепом на юг. В зубах коня обнаружены кольчатые удила с рельефными обоймицами. В верхней части заполнения могилы найдены фрагменты трех сосудов. Северная часть могилы перекрыта каменной кладкой, на одном из камней лежала янтарная бусина. Над Н-57 обнаружены четыре янтарные бусины. Предварительная датировка Н-57 400–500 гг. (Кулаков, 1989).

Н-58 – кремация и захоронение коня в яме неправильных в плане очертаний размером 2.10 × × 1.40 м, глубиной в предматерике до 0.90 м, заполненной переотложенным предматериком с частицами органики и перекрытым каменной кладкой. Могильная яма ориентирована по линии запад – восток. С востока в могилу ведет ступенька. В бортах и на дне ямы выявлены ямки для кольев. У восточного борта ступеньки обнаружено небольшое скопление остатков погребального костра с мелкими кальцинированными костями. На уровне залегания костей в заполнении могилы рассеяны фрагменты двух сосудов, железная игла, фрагмент бронзового кольца, обломок кремниевого орудия. Выше находились 12 янтарных бусин. В западной части могилы обнаружен неполный костяк коня, ориентированный черепом на юг. В зубах черепа найдены кольчатые удила. Дата Н-58 – 400–500 гг. (Кулаков, 1989).

Комплекс **Н-62** – захоронение коня в овальной в плане яме размером 2.10 × 1.30 м, глубиной в материке 0.83 м, заполненной песком, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. На дне могилы обнаружен неполный костяк коня, ориентированный головой на юг. Череп коня покоился на ступеньке в борту могилы. По периметру ямы выявлены шесть ямок для кольев. Всадник погребенного коня покоился по соседству (кремация в яме прямоугольной формы размером 1.20 × 1.05 м, глубиной в предматерике до 0.58 м, заполненной золистой супесью, ориентированной по линии север – юг). Западная часть могилы перекрыта каменной кладкой. Кальцинированные кости преимущественно встречены в восточном секторе могилы, в остатках погребального костра. Вместе с костями здесь найдены фрагменты железной шпоры, железная пряжка типа Н11, датирующаяся 400–500 гг. (Madyda-Legutko, 1986. S. 63. Taf. 19), фрагмент железной иглы, обломки сосуда. Все находки обожжены. На и под камнями кладки найдены 39 янтарных бусин, которые можно считать заупокойной жертвой, помещенной провожавшими покойного на поверхность могилы в процессе сооружения каменной кладки, ее перекрывавшей. Как правило, на "Горе Великанов" янтарные бусины (числом более трех) встречаются в верхнем горизонте могил и являются "последними дарами" родственников умершего. Такие бусины, не находившиеся на погребальном костре, вероятнее всего, принадлежали не покойному (тем более воину из Н-62), а провожавшим его в последний путь женщинам. Согласно находке иглы, имеющей аналогии в вельбарском материале цецельской фазы (Schindler, 1940. S. 55. Abb. 5), а также по пряжке, погребения Н-61, и Н-62, датируются 400–450 гг. (Кулаков, 1989).

Н-26к – кремация и захоронение коня в двух соседних ямах овальной в плане формы. В западной яме находился костяк коня головой на юг с кольчатыми удилами и железной пряжкой, в восточной – семь янтарных бусин, куски янтаря, обломки двух сосудов. По удилам, предварительная датировка Н-26к – 400–500 гг. (Кулаков, 1989).

Н-76 – захоронение коня в подпрямоугольной в плане яме размером около 2.40 × 1.00 м, заполненной переотложенным предматериком с частицами органики, ориентированной по линии север – юг. Практически весь объем заполнения могилы уничтожен эрозией северного склона дюны, ввиду чего границы погребения в материке отмечены достаточно условно. На дне могилы найден неполный костяк коня, теменем обращенного на юг, передними зубами – на запад. Между зубов находились кольчатые удила. К северу от черепа коня обнаружена часть арбалетовидной фибулы и 35 кусков янтаря. Согласно удилам, предварительная датировка Н-76 – 400–500 гг. (Кулаков, 1990).

Н-103 (рис. 3) – кремация в яме овальной формы размерами 0.90 × 0.76 м, глубиной в предматерике 0.40 м, заполненной преимущественно супесью с различной степенью золистости, ориентированной по линии запад – восток. У дна и по бортам могила заполнена остатками погребального костра с редкими кальцинированными костями. Их основное скопление – в западном секторе. По центру могила перекрыта валуном. В восточном секторе могилы обнаружены обломки сосуда-приставки (рис. 3, II, *2*), перемещенного сюда от основного скопления кальцинированных костей брошенным в могилу валуном. Кроме того, в заполнении могилы найдены фрагменты миски (рис. 3, II, *1*), накрывавшей (?) данный сосуд-приставку, фрагменты еще двух сосудов и железная накладка с остатками дерева (рис. 3, II, *3*), интерпретированная автором

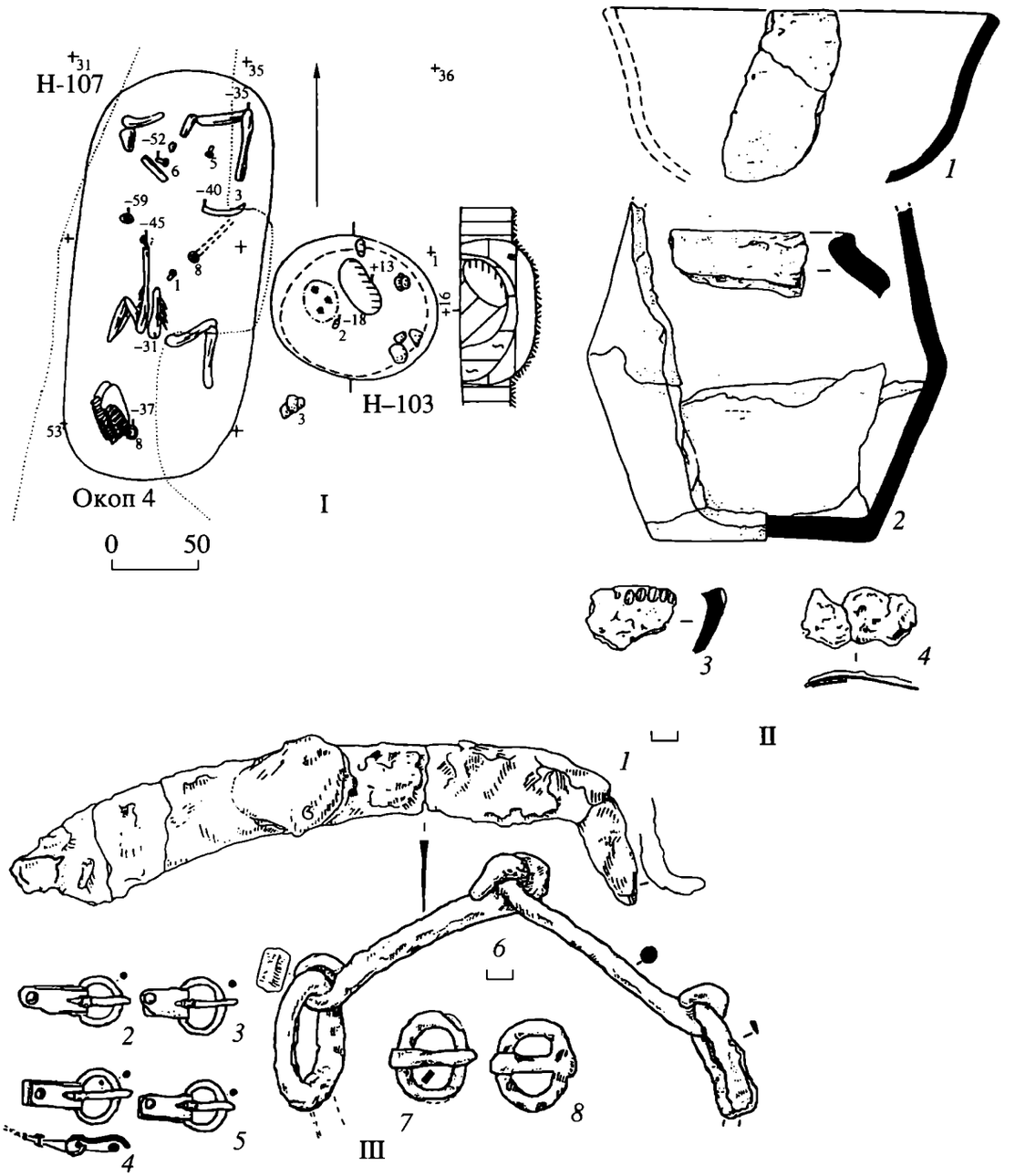


Рис. 3. I – планы погр. Н-103 и Н-107; II – инвентарь погр. Н-103: *1* – фрагмент сосуда; *2* – фрагментированный буро-коричневый сосуд с лощеной внешней поверхностью (с песком и дресвой в примеси); *3* – фрагмент железной накладки с прикипевшими остатками дерева; *4* – фрагмент оранжево-коричневого сосуда (с дресвой в примеси). III – инвентарь погр. Н-107: *1* – коса; *2–5* – бронзовые пряжки; *6* – кольчатые удила; *7, 8* – железные пряжки.

раскопок как фрагмент оковки щита. С запада находилось связанное с ним погребение Н-107 (Кулаков, 1990).

Н-107 – захоронение коня в прямоугольной в плане яме размером 2.26 × 1.00 м, значительно потревоженной при рытье окопа времен Второй Мировой войны, и вытянутой по линии север – юг. На дне могилы выявлен неполный костяк коня, передними зубами ориентированный на юго-восток. В зубах найдены кольчатые удила (рис. 3, III, *6*), севернее – две железные пряжки (рис. 3, III, *7, 8*), четыре бронзовые пряжки (рис. 3, III, *2–5*), в восточном секторе могилы – железная коса в остатками футляра из органического материала (рис. 3, III, *1*). По бронзовым пряжкам, относящимся к типу Н3 (Madyda-Legutko, 1986. S. 62. Taf. 18) Н-107, как и связанное с ним Н-103, датируются 400–450 гг. (Кулаков, 1990).

Н-255 – урновая кремация и захоронение коня в перекрытой каменной кладкой яме треугольной в плане формы, размером 2.21 × 2.02 м, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад, глубиной от уровня материка 0.97 м. В юго-западной части могилы, в ее верхнем ярусе – остатки линзы интенсивно-золистой супеси с двумя кальцинированными костями, обломками урны и сосуда-приставки.

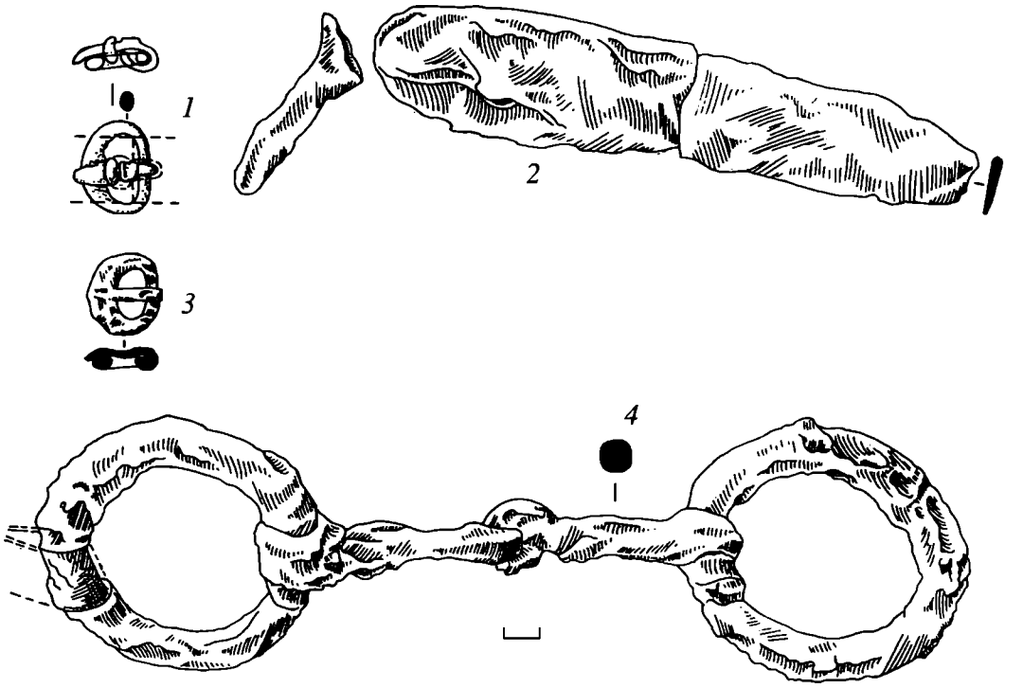


Рис. 4. Инвентарь погребения Н-270: *1* – бронзовая пряжка; *2* – коса; *3* – железная пряжка; *4* – кольчатые удила.

Верхний ярус Н-255 с трупосожжением человека явно уничтожен эрозией. У дна могилы, ближе к ее юго-западному борту, – плохо сохранившийся костяк коня, ориентированный черепом на юг. В зубах коня находились удила с зигзагообразным орнаментом (воссоздающим идею фасетирования) на железных кольцах. Судя по рифленым обоймицам трензеля удил, захоронение Н-255 можно отнести к 450–500 гг. (Кулаков, 1993).

Н-270 (рис. 4.) – захоронение коня в овальной в плане яме размером 2.28 × 1.36 м, глубиной в материке не менее 0.30 м, ориентированой по линии северо-восток – юго-запад, у дна заполнена песком, выше, до уровня материка, – переотложенным предматериковым слоем с частицами органики. Как и соседнее с востока погребение Н-279, данная могила в верхней части потревожена окопом 1945 г. К его конструкции относятся камни, перекрывающие погребение Н-270. При рытье окопа был основательно разрушен костяк коня, лежавший на дне могилы ближе к ее северо-западному борту головой на юго-запад. Его зубы частично найдены уже вне погребения. Среди разрушенных костей черепа коня обнаружены удила (рис. 4, *4*), у костей спины – фрагмент косы (рис. 4, *2*), к востоку, на борту окопа – железная и бронзовая пряжки, типов Н1 (рис. 4, *3*) и Н 26 (рис. 4, *1*), соответственно (Madyda-Legutko, 1986. S. 62–64. Taf. 18; 20). По форме бронзовой пряжки погребение Н-270 датируется 475–500 гг. (Кулаков, 1993).

Суммированные данные по погребениям могильника "Гора Великанов" приводятся в табл. 1 и 2.

Средняя глубина залегания конского костяка в могиле 1 м с небольшими отклонениями, связанными как с рельефом местности, так и с разрушениями в ходе земляных работ на карьере.

Крайне скудный инвентарь погребений всадников на могильнике "Гора Великанов" связан как с эрозией, так и с разрушением самих могил, средняя глубина которых 0.45 м. В результате эрозии и земляных работ верхние ярусы погребальных комплексов подверглись значительному разрушению. Скорее всего это обстоятельство объясняет отсутствие в погребальных комплексах таких характерных для прусских древностей V в. н.э. элементов снаряжения всадника, как оружия, шпор и фибул в погребениях Н-44, Н-58, Н-103, Н-255, Н-270 и др.

Таким образом, на основе материала погребений и данных, приведенных в табл. 1 и 2, можно сделать некоторые выводы, являющиеся, правда, довольно условными ввиду малой репрезентативности выборки. На протяжении V в. н.э. в связи с протекавшими миграционными процессами в эпоху Великого переселения народов, на территории Самбийского полуострова происходят радикальные изменения в материальной культуре. На смену культуре эстиев, упомянутых Тацитом, приходит новая культура – культура пруссов. Эти изменения в культуре наиболее заметны на примере трансформации погребального обряда, особенно захоронений с конями. Если у эстиев римского времени погребения с конями носят в массе своей аристократический характер и довольно редки (менее 2–3% от всего массива погребений римского времени), то со второй половины V в. н.э. аналогичные захоронения принимают почти массовый характер

Таблица 1. Материал конских погребений могильника Hünenberg

№ погребений	Удила	Ножницы	Косы	Скребницы	Пряжки	Размеры погр. (м)	Ориентировка погребения	Условная датировка (годы)
H-9	1		1		2	1.72 × 0.83	СЗ–ЮВ	400–500
H-10	1				4	2.42 × 1.06	СЗ–ЮВ	450–525
H-11		1		1	1	1.82 × 0.60	СВ–ЮЗ	400–450
H-44	1					1.30 × 0.30	С–Ю	400–500
H-47	1					1.60 × 0.60	СВ–ЮЗ	450–500
H-55	1					1.85 × 0.95	СВ–ЮЗ	375–425
H-57	1					2.10 × 0.90	СЗ–ЮВ	400–500
H-58	1					2.10 × 1.40	З–В	400–500
H-62						2.10 × 1.30	СВ–ЮЗ	400–450
H-67	1				1	1.83 × 0.80	СВ–ЮЗ	400–500
H-76	1					2.40 × 1.00	С–Ю	400–500
H-95	1				1	2.06 × 1.26	СВ–ЮЗ	400–425
H-107	1		1		6	2.26 × 1.00	С–Ю	400–450
H-144	1			1	1	1.34 × 0.48	С–Ю	400–500
H-180	1	1	1	1	1	1.78 × 0.68	СВ–ЮЗ	400–500
H-182	1	1		1	1	1.64 × 0.74	С–Ю	400–500
H-254	1	1	1	1	1	3.96 × 2.25	СВ–ЮЗ	450–500
H-255	1					2.21 × 2.02	СВ–ЮЗ	450–500
H-260	1	1	1		4	4.20 × 3.13	СЗ–ЮВ	475–500
H-270	1		1		1	2.28 × 1.36	СВ–ЮЗ	475–500
H-23к	1					1.10 × ?	Ю–В (череп коня)	400–450
H-26к	1				1	?	Ю (череп коня)	400–500
H-64a	1					?	СЗ–ЮВ	425–525

(порядка 20% от всех погребений V в. н.э. могильника). Эта же тенденция проявляется и на других могильниках Самбии и Натангена эпохи Великого переселения народов (Кулаков, 2003. С. 316) и является следствием культурного импульса из номадического (гуннского) ареала (Klindt-Jensen, 1957. P. 247, 248). Любопытно, что в римское время конь помещался в могилу целиком; наиболее наглядный пример – погребение коня на могильнике Изобильное (Klein Fließ), раскопанном И. Хейдеком в 1897 г. (Heydeck, 1896–1900. S. 56. Taf. V); в то время как в эпоху Великого переселения народов на примере погребальных комплексов даже одного могильника Hünenberg видно многообразие подтипов погребального обряда (это прежде всего касается конских захоронений). Конь мог помещаться в могилу целиком, как в погребениях H-255, H-270 и др., так и расчлененным, например в погребениях H-44, H-182 и др. (Кулаков, Тюрин, 2005. С. 125). Позднее, с VI в. н.э. появляются еще варианты конских захоронений – помещение в могилу конской шкуры, иногда головы и удил, а иногда и просто наличие одних удил (Скворцов, 1995; 1996). Единственное, что не меняется, так это ориентировка конского погребения на север и черепа на юг с небольшими отклонениями. Причем ориентировка конских захоронений остается неизменной с римского времени вплоть до завершения эпохи Великого переселения народов, что позволяет говорить о преемственности культур эстиев и пруссов. При этом сохраняется и даже увеличивается количество конских захоронений в массиве погребений в целом. Думается, что новые варианты захоронений коня являются развитием и продолжением традиции помещать в могилу уже расчлененный костяк коня, о чем свидетельствуют как весьма не-

Таблица 2. Снаряжение всадников, сопровождавшихся захоронениями коней

№ погребений	Фибулы	Оружие	Шпоры
H-3	1		
H-56	1		
H-62			1
H-76	1		
H-23к		1 копье	

большие размеры могильных ям, так и неестественное расположение костей. Такого рода традиции помещения в могилу неполного или расчлененного конского костяка находят прямые аналогии в кочевом мире IV–VI в. Так, И.П. Засецкая отмечает факт распространения в южнорусских степях новых, отличных от позднесарматских, форм оружия, узды и захоронений конских шкур, что, по ее мнению, связано с образованием крупного племенного союза под властью гуннов (1994. С. 8). Исследовательница делит общий массив погребальных памятников на три группы, из которых к кругу западнобалтских древностей наиболее близка группа III во всех ее вариантах, связанных с этнической пестротой гуннского союза (Засецкая, 1994. С. 13, 22, 23). Другая аналогия с номадическим миром отчетливо видна на примере погребений Н-10, Н-58 и Н-62, отличительной чертой которых является наличие своеобразной "ступеньки" в восточном борту могилы, где в двух случаях из трех покоился конский череп. Такое положение конского черепа также характерно для древностей кочевого мира эпохи Великого переселения народов (Амброз, 1981. С. 19).

Анализируя элементы конской упряжи, можно сделать вывод о том, что помимо мистической роли в погребальном ритуале конь перестает быть показателем статуса его владельца, как это было в римское время, о чем свидетельствуют затейливые оголовья, зачастую с поводьями в виде бронзовых цепей, типа Vimose и разнообразные удила (Wilbers-Rost, 1994. S. 164–213), а становится неотъемлемым атрибутом погребения воинов-всадников, наряду с боевыми ножами, ножами-кинжалами и копьями. В V в. н.э. преобладают кольчатые удила простых форм, изготовленные без каких-либо технических или художественных изысков, за редким исключением. Начиная с V в. н.э., помещение коня в могилу становится обязательной нормой и определяющим признаком практически для всех мужских захоронений, за редкими исключениями. Другое, бросающее в глаза отличие – примитивизация элементов конской сбруи и уменьшение диаметра колец удил. Этот факт говорит не столько о примитивной технологии, сколько о массовости и унификации, что привело к удешевлению производства элементов конской упряжи и, как следствие, делало ее доступной для всех полноправных членов социума. Кроме того, это говорит о прекращении прежних традиций изготовления элементов упряжи под влиянием кочевого мира. Вместе с изменением обряда захоронений с конями происходит и постепенный отказ от обычая урновой кремации. И если ранее урна соседствовала с погребением коня (к востоку от него), то теперь погребения выглядят как двухъярусные – под слоем кальцинированных костей (останки кремированного всадника) находятся останки коня, т.е. всадник "садится" на коня, что опять же указывает на большую (по сравнению с эстиями) предрасположенность пруссов к номадическим обычаям. Элементы конского снаряжения в V в. н.э. чаще всего находятся в комплексе со следующими предметами погребального инвентаря всадника: 1 – лепными биконическими сосудами, выполняющими роль "временных урн", имеющими аналогии в материалах римского времени о. Борнхольм (Vedel, 1886. S. 110. Fig. 250–254); 2 – ножами-кинжалами и крупными янтарными бусинами, украшавшими их навершие; 3 – арбалетовидными фибулами со звездчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska II (тип Коврово), встречающихся не только в ареале западных балтов, но и в синхронных материалах второй половины V в. н.э. островов Готланд, Борнхольм и Оланд (Bitner-Wróblewska, 1991/1993. Fig. 6); 4 – арбалетовидными фибулами с трапециевидной ножкой типа Bitner-Wrblewska III, имеющими аналогии в том же ареале (Bitner-Wróblewska, 2001. P. 233. Pl. XXXV); 5 – арбалетовидными фибулами типа Duraton; 6 – пряжками группы H типа Madyda-Legutko (Madyda-Legutko, 1986. S. 62–64. Taf. 18–21). Перечисленный выше погребальный инвентарь датируется сер. V – нач. VI в., причем, если фибулы имеют массу аналогий в древностях Скандинавии (Bitner-Wróblewska, 1991/1993. Fig. 6), то пряжки группы H типа Madyda-Legutko обнаруживают поразительное сходство с синхронными им пряжками, найденными в Крыму и Северном Причерноморье (Засецкая, 2003. Табл. 12), что в очередной раз демонстрирует культурную связь ареала западных балтов с территориями "державы Аттилы" и Скандинавией. Из территорий, входивших в состав "гуннской державы" и оказавшей мощное культурное воздействие на ареал западных балтов, следует отметить Подунавье, пограничный регион, в котором слились традиции нескольких культурных миров: римского, германского и полиэтничного кочевого мира (Шименас, 1992. С. 100).

Резкое увеличение количества конских захоронений в V в. н.э. говорит о трансформации пехотинца-общинника римского времени во всадника эпохи Великого переселения народов. Отмечается, что погребальный инвентарь всадников в целом гораздо богаче погребального инвентаря рядовых общинников, погребенных без лошадей. Отсутствие орудий труда, за исключением кос и ножниц, не говоря о наличии различного оружия, в конских захоронениях свидетельствует о принадлежности такого рода погребальных комплексов к кругу воинских древностей. И, несмотря на то что в V–VI вв. воины-общинники еще не превращаются в профессионалов дружинников, можно с уверенностью говорить о распаде родовой общины у западных балтов, а также о становлении в их ареале крупных племенных образований: куршей, скальвов, пруссов, ятвягов, и др. (Michelbertas, 1986. P. 237–241). Затянувшийся распад родовой общины в этот период достигает своей кульминации, признаком чего стало появление "княжеских"

погребений типа Варникам, Таурапилис, Кляйнхайде и Видгиряй. События эпохи Великого переселения народов, особенно "гуннские войны", мобилизовали огромные массы воинов из различных этносов, среди которых скорее всего были и западные балты. Неудивительно, поэтому что уход в 512 г. в Скандинавию ряда племен (в основном германоязычных), возглавляемых герулами, известный по письменным источникам (Иванов и др., 1991. С. 210–212), затронул и земли западных балтов, о чем свидетельствует появление новых видов керамики и оружия (Шименас, 1992. С. 96–100). В результате культурного влияния Скандинавии и Подунавья на ареал западных балтов образовалась новая, существенно отличающаяся от предыдущей культура пруссов, динамично развивавшаяся до прихода на их земли Тевтонского ордена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Засецкая И.П. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прокопий Кесарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991.

Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-I. № 11895.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-I. № 12554.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-I. № 13482.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-I. № 15479.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993. Р-I. № 17585.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков В.И., Тюрин Е.А. Комплексы V в. н.э. могильника "Гора Великанов" // РА. 2005. № 2.

Скворцов К.Н. Отчет о работе Натангийского отряда БАЭ в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р-I. № 19799.

Скворцов К.Н. Отчет о работе Натангийского отряда БАЭ в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-I. № 20266.

Шименас В. Боевые ножи-кинжалы в Балтийском ареале в V–VI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992.

Bitner-Wróblewska A. Et baltisk smykke. Forbindelser melem Bornholm og Balticum i Folkevandringstiden // Fra Bornholms Museum. Kjøbenhavn, 1991/1993.

Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. Warszawa, 2001.

Grunert W. Vom Hünenberg bei Rantau, Kr. Samland // Alt-Preußen. 1944. Jrg. 9. H. 1/2.

Heydeck J. Fündberichte (Eine kultur- und Grabstätte in Forsterei Kl. Fließ, Kr. Labiau) // Prussia. 1896–1900. Bd. 21.

Kazakevičius V. Plinkaigalio kapininas // Lietuvos archeologija. 1993. T. 10.

Klint-Jensen J. Bornholm i folkevandringstiden og forudstningerne i tidlig jernalder. Kjøbenhavn, 1957.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // British Archaeological Reports. T. 15. Oxford, 1986.

Michelbertas M. Senasis geležinies amžius Lietuvoje. Vilnius, 1986.

Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden in unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig, 1940.

Schulze M. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibel mit festem Nadel (Gruppe Almgren VI, 2) // Antiquitas. 1977. R. 3.

Vedel E. Bornholms. Oltidsminder og oldsager. Kjøbenhavn, 1886.

Wilbers-Rost S. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania Libera. Oldenburg, 1994.

Burials of the 5th c. AD with horse skeletons from the cemetery Hünenberg

E. A. Tyurin

Summary

During the 5th c. AD in relation with the processes of the Great migration a sharp cultural shift occurred in the Sambian Peninsula. These are most obvious, when considering the transformations in the burial rite; primarily the burials containing horse skeletons, such as the published associations from the cemetery Hünenberg ("Giants' mountain"), the basic site in the Kaliningrad region. As for the Roman time, burials containing horse skeletons are rather rare and regarded as graves of aristocracy, but beginning from the second part of the 5th c. burials of this kind acquired practically mass character. Moreover, the traditional orientation NE-SW known from the Roman period changed to NW-SE. Another difference is lesser diameter of bit rings, which may have been connected with advanced horse-breeding practiced by the Prussians, unlike the Estians described by Tacitus. This phenomenon was probably mirrored by more developed production of horse harness details. The change in burial rite is accompanied by disappearance of the rite of cremation in urns. In the preceding period urns were deposited near horse burials, whilst later burials look stratified: horse bones are superimposed by the layer of rider's ashes, so that the rider is "riding on a horseback". The described situation points to the influence nomadic customs exerted on the Prussians' culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 157–163

ПУБЛИКАЦИИ

ЗАСТРОЙКА "СТАРОГО ГОРОДА" КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ДАННЫМ ДЕНДРОАНАЛИЗА (ИВАНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ)

© 2006 г. Н. Б. Черных, А. А. Карпухин

Институт археологии РАН, Москва

Настоящая статья – одно из звеньев планируемой серии публикаций по результатам дендроанализа строительной древесины построек Кирилло-Белозерского монастыря. В ней речь пойдет о сооружениях только одной части "Великой Государевой крепости" – Малого Ивановского монастыря.

За годы, истекшие со времени поступления в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН первых дендрообразцов из построек Кирилло-Белозерского монастыря (конец 60-х – начало 70-х годов прошлого века), коллекция дерева ивановских сооружений пополнилась довольно незначительно по сравнению, например, с коллекцией другой части крепости – Успенского монастыря. Это связано, в первую очередь с явным недостатком "археологической" древесины. Позволим себе кратко напомнить, что мы подразумеваем под категориями "археологическое" и "архитектурное" дерево.

"Архитектурное" дерево объединяет дендрообразцы (спилы и керны), полученные из конкретных архитектурных объектов. В эту категорию попадают деревянные детали всех частей сооружений – от кровли до свай и лаг фундамента. Именно последние играют решающую роль при установлении времени начала строительных работ на изучаемом объекте. Как правило, для этих построек имеется документальная база.

Термин "археологическое" дерево применим к тем безымянным деревянным конструкциям массовой застройки, которые сохраняются в культурном слое.

На рис. 1 выделены те постройки (*1–5*), и нанесен единственный раскоп (*6*), из которых происходят образцы древесины с территории Ивановского монастыря, имеющиеся в нашем распоряжении, а в таблице приведено количественное распределение дендрообразцов по этим сооружениям.

Как видно из таблицы, к категории "археологического" дерева из коллекции Ивановского монастыря может быть отнесена только одна конструкция – настил, выявленный в раскопе 1.

Характеризуя этот материал в целом, необходимо обратить внимание на значительную долю кернов, что обычно существенно осложняет процедуру дендроанализа. Однако то, что каждая постройка представлена не единичными образцами, создает благоприятные условия для синхронизации кривых погодичного прироста.

Рассмотрим коллекцию древесины с территории Ивановского монастыря по отдельным сооружениям (комплексам).

1. Оборонительные стены (рис. 1, *1*; таблица, № 1)

Выборка образцов, поступившая в лабораторию ИА РАН в начале 1970-х годов, состояла из 13 спилов. Они были получены при проведении работ, связанных с укреплением фундаментов стен в прибрежной части монастырской территории, где при неоднократных реконструкциях, надстройках и утолщениях стен, имевших место в течение всего XVII в., произошла перегрузка фундамента, заложенного в болотистом грунте, что привело к крену конструкции (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 93).

Точные места отбора образцов нам неизвестны. По сообщению С.С. Подъяпольского, образцы брались только с бревен, забитых в фундаментную траншею и имевших хорошую сохранность древесины (Подъяпольский, 1982. С. 215). Интересен факт использования для свай бревен разных древесных пород, который наблюдается в коллекции Ивановского монастыря. Здесь в выборке из 13 спилов по крайней мере 4 ствола принадлежат ели. Кроме того, в фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника храниться серия свай[1] представленных, по определению сотрудника ВСРПО "Союзреставрация" Н.Ф. Сергеевой, дубовыми бревнами. Однако среди свай стен непосредственно примыкающего Успенского монастыря, выборка которых насчитывает в нашей коллекции 34 спила, такого явления не зафиксировано. Единственный известный нам случай использования древесины смешанного состава при строительстве оборонительных сооружений отмечен во внутривальных конструкциях Коломны, датируемых XIV в. (Черных, Карпухин, 2004. С. 97–99. Табл. 2).

Возраст изученных бревен составляет от 25 до 93 лет. Несмотря на наличие среди спилов бревен двух хвойных пород, была обнаружена идентичность развития погодичного прироста (рис. 2).

[1] В общих подсчетах не учитывались.

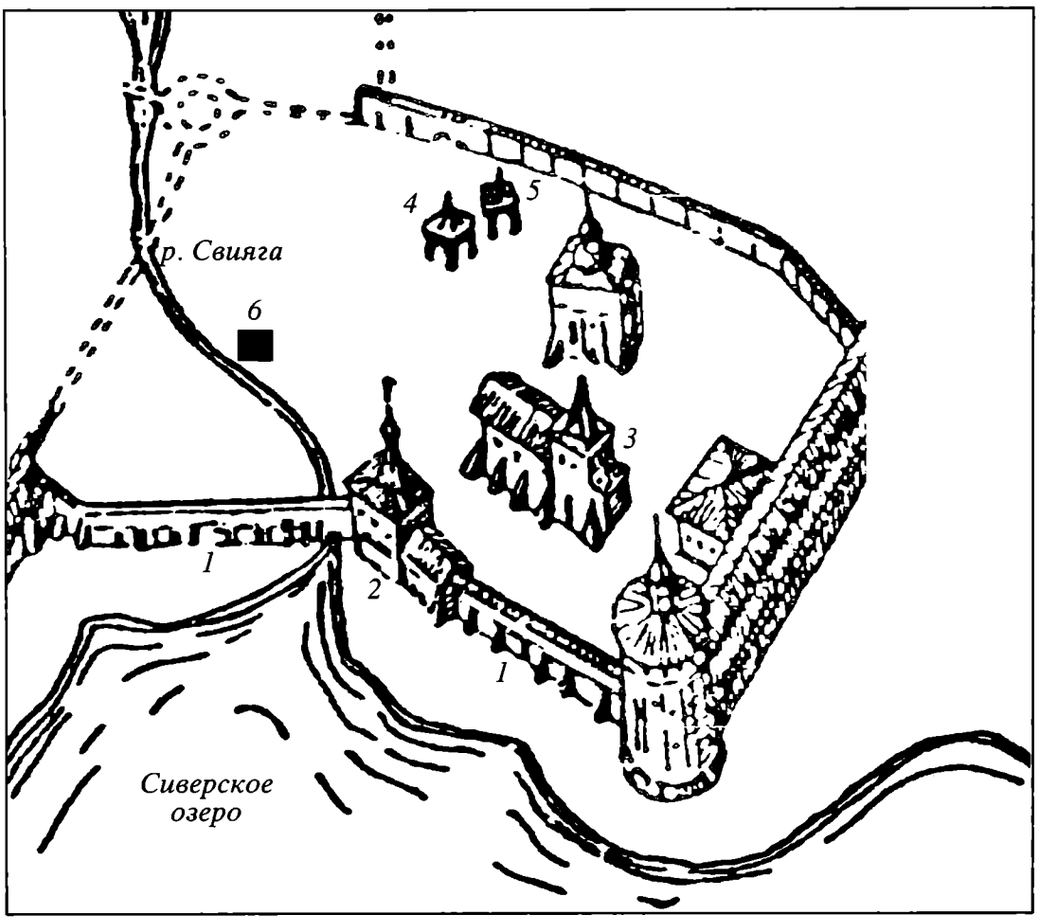


Рис. 1. Сооружения Ивановского монастыря (*1–5*) и раскоп 1 (*6*), из которых происходят исследованные образцы древесины. Нумерация приведена в соответствии с таблицей. Схема дана по рисунку С.С. Подъяпольского (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10).

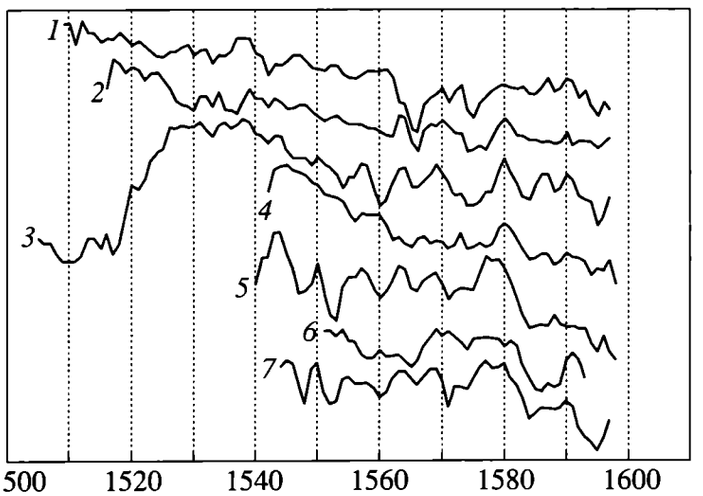


Рис. 2. Синхронизированные кривые погодичного прироста свай и лаг фундамента оборонительных стен Ивановского монастыря. *1–3* – лаги фундамента (сборы 1967 г., образцы № 1–3); *4–7* – сваи фундамента (сборы 1969 г., образцы № 30, 32, 36, 37).

Средние величины показателя сходства изменчивости и коэффициента корреляции, рассчитанные для этой группы, составляют 64% (47–85%) и 0.28 (0.10–0.62) соответственно. Последовательность годичных колец, построенная для этой выборки, имеет протяженность в 93 года. Разброс в датах последних сохранившихся годичных колец составляет 5 лет (1594–1599 гг.).

При статистической корректировке результатов, полученных в начале 70-х годов XX в. (Черных, 1982. С. 212), обнаружен сдвиг в одно кольцо в сторону омоложения для сосновых бревен и в два года для еловых.

Что касается двух датированных кернов из сборов Н.Ф. Сергеевой 1987 г., отобранных со связей стен, то они относятся к более позднему времени (даты последних колец 1716 и 1745 гг.). Вероятно, они должны маркировать какие-то ремонтные работы или надстройку стен, однако, поскольку установить наличие последних колец на образцах-кернах отбираемых с "археологической" и "архитектурной" древесины, а не с живого дерева, всегда довольно проблематично, использовать эти даты для хронологических выводов необходимо с особой осторожностью. Кроме того, они не позволяют получить надежного отрезка взаимного перекрытия с кривыми погодичного прироста свай, и соответственно включить их в эту последовательность годичных колец.

2. Глухая (Котельная, Вощеная) башня (рис. 1, *2*; таблица, № 2)

Количественное распределение дендрообразцов по сооружениям Ивановского монастыря

№	Годы сборов	Автор	Сооружение (комплекс)	Элементы конструкции	Количество образцов		
					спилы	керны	датировано
1	1967	Подъяпольский С.С.	Оборонительные стены	Сваи и лежни фундамента	3	–	3
	1969	Подъяпольский С.С.			10	–	8
	1987	Сергеева Н.Ф.	Оборонительные стены между Кузнечной и Глухой башнями	Связи	–	4	2
2	1971	Кирпичников А.Н.	Глухая башня	Сваи фундамента	10	–	9
3	1980	Сергеева Н.Ф.	Ц. Сергия Радонежского	Кровля, дверная колода, связи четверика	4	3	5
4	1980	Сергеева Н.Ф.	Ч. Кирилла	Венцы стен, балки перекрытия каменных сеней		6	2
5	1980	Сергеева Н.Ф.	Кресты Кирилла	Основание, перекладины	–	8	–
6	1998	Суворов А.В., Папин И.В.	Настил в раскопе 1	Бревна	4	–	2
			Всего		31	21	31

Это одна из двух башен Ивановского монастыря, выходящих на берег Сиверского озера. Дата ее возведения, как и всего оборонительного комплекса Старого города, определяется исследователями рубежом XVI–XVII вв. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 71). Выборка древесины, представленная сваями фундамента (10 спилов), изучалась нами одной из первых (Черных, 1982). Новых поступлений с тех пор не было. Рассматривая эти материалы повторно, мы можем лишь полностью подтвердить прежние выводы.

Были синхронизированы кривые роста девяти образцов. Составленная последовательность годичных колец имеет протяженность в 140 лет (рис. 3)[2]. Величины *Cx* и *r* в среднем составляют 63% (50–81%) и 0.26 (0.01–0.68) соответственно. Разброс дат последних колец – 12 лет (1584–1596 гг.).

3. Церковь Сергия Радонежского с трапезной (рис. 1, *3*; таблица, № 3)

Строительство самой церкви осуществлялось между 1560 и 1594 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10, 56). В дальнейшем, в 40-х – 50-х годах XVIII в. имели место ремонт и перестройка трапезной (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 113). При реставрационных работах, проводившихся в наше время, архитекторами-реставраторами высказывалось мнение, что в начале XIX в. была обновлена кровля церкви (Сергеева, 1981. С. 4).

Из выборки дендрообразцов (15 спилов и кернов), полученных Н.Ф. Сергеевой нам оказались доступны замеры толщин годичных колец только семи (4 спила и 3 керна). Среди них оказались образцы балок кровли (4 спила и 1 керн), а также некой "дверной колоды" и связи четверика.

Наибольший интерес представляет комплекс балок из конструкции кровли. Поскольку имеет место подтес бревен и, следовательно, серьезно нарушены заболонные части стволов, точно установить возраст использованного дерева не представилось возможным. На них сохранилось от 53 до 177 годичных колец.

Синхронизированы были кривые прироста четырех образцов, и составленная последовательность годичных колец имеет протяженность в 177 лет (рис. 4). Хронологический разброс последних сохранившихся годичных колец очень велик – 75 лет. На таблице синхронизированных кривых видно, что эта группа отличается весьма своеобразной динамикой погодичного прироста, что служит признаком принадлежности использованных бревен одному местопроизрастанию. Подтверждением такому выводу, в некоторой степени, являются довольно высокие показатели *Cx* и *r*. Для первого эти цифры в 60% (47–72%), а для второго 0.28 (–0.06–0.72)[3]. Очень большой разрыв в датах

[2] Один образец (№ 1 по описи сборов) не представлен на рисунке из-за небольшого возраста, который не позволяет корректно провести статистическую проверку выполненной синхронизации. Тем не менее визуальный анализ динамики погодичного прироста не противоречит сказанному.

[3] Минимальные показатели коэффициентов получены при сравнении только одной пары образцов (рис. 4, № 2, 4), однако поскольку диапазон их взаимного перекрытия (35 лет) явно недостаточен для корректной статистической оценки, то, по-видимому, ими можно пренебречь. Косвенным подтверждением правильности выполненной синхронизации может служить тот факт, что при сравнении кривых прироста каждого из этих образцов с остальными (№ 1, 3), когда диапазон перекрытия существенно больше (для № 2 – 52–53 года, а для № 4 – 65 лет), показатели коэффициентов вполне удовлетворяют требованиям дендроанализа.

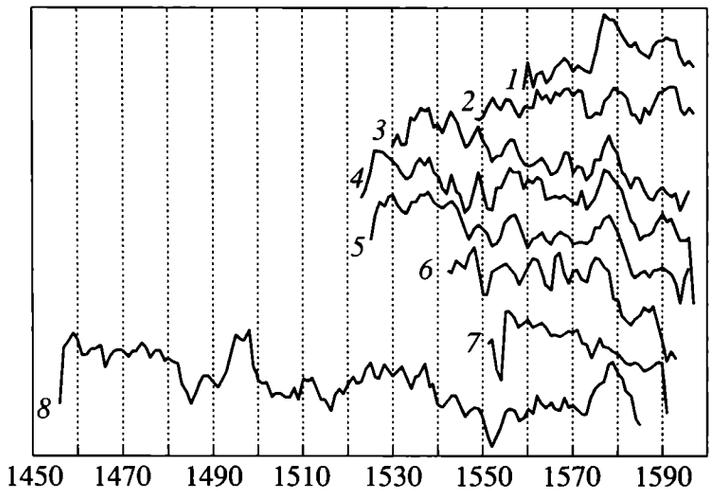


Рис. 3. Синхронизированные кривые погодичного прироста свай фундамента Глухой башни. *1–8* – образцы № 2, 3, 7, 10, 4, 5, 9, 8 по описи сборов.

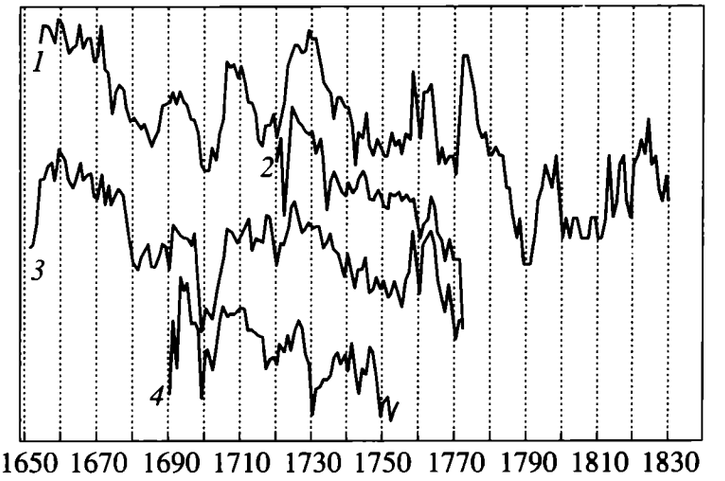


Рис. 4. Синхронизированные кривые погодичного прироста балок кровли ц. Сергия Радонежского. *1–4* – образцы № 6, 5, 1, 4 по описи сборов.

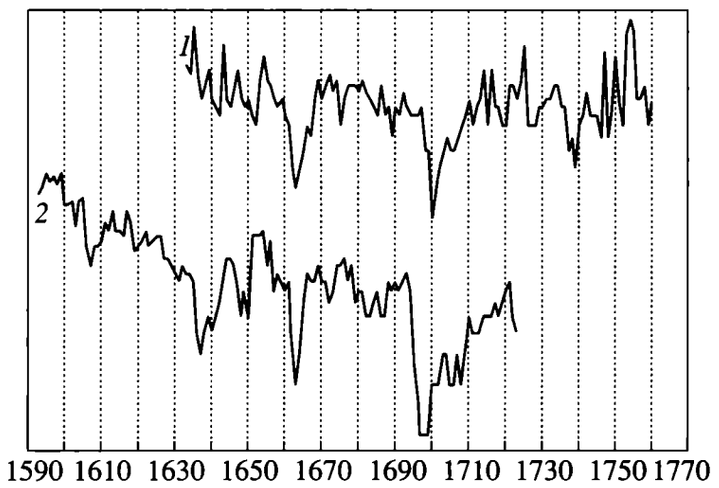


Рис. 5. Синхронизированные кривые погодичного прироста венцов часовни Кирилла. *1* – образец № 17, пятый южный венец; *2* – образец № 19, пятый северный венец.

последних колец, по-видимому, имеет единственное объяснение – почти полная потеря заболони при подтесе балок.

Что касается еще одного датированного (1585 г.) образца дерева, полученного с северной связи четверика, поскольку мы имеем дело с единичным керном, то каких-либо серьезные выводы о хронологии строительства храма делать преждевременно. В целом, полученная дата не противоречит приведенным выше (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10, 56) известным датировкам.

4. Часовня Кирилла (рис. 1, *4*; таблица, № 4)

По преданию, деревянная часовня была поставлена основателем монастыря Кириллом в 1397 г. Существующая ныне постройка – поздняя ее копия (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 56). Над часовней расположены каменные сени.

Образцы дерева – керны были отобраны Н.Ф. Сергеевой в 1980 г. в количестве 13 экземпляров. Ввиду плохой сохранности сразу же было отбраковано более половины образцов. Из оставшихся шести – два принадлежали третьему и пятому венцам южной стены четверика, два венцам северной стены и два южным балкам перекрытий. Заболонные части древесных стволов сильно повреждены при подтесе. Число сохранившихся на образцах годичных колец колеблется от 58 до 131.

Нам удалось синхронизировать кривые роста годичных колец двух образцов – венцов четверика – пятого южной стены и пятого северной. Полученная последовательность годичных колец имеет протяженность в 168 лет (рис. 5). Величины *Cx* и *r* достаточно надежны – 60% и 0.22 соответственно. Разброс в датах последних сохранившихся колец составляет 37 лет (1723 и 1760 гг.).

Относительно времени возведения часовни мы располагаем следующими сведениями. Н.Ф. Сергеева сообщает, что в срубе часовни использовано дерево двух хронологических пластов, ранний – 30-е годы XVIII в., и поздний – 50-е годы XVIII в., когда произошла замена части венцов, в частности пятого венца северной стены (1982. С. 11). Действительно, сопоставляя последовательности годичных колец, построенные для дерева из ц. Сергия Радонежского и часовни Кирилла, бросается в глаза сходство в динамике кривых. Сам этот факт указывает на синхронность роста этих стволов на каком-то отрезке их жизни.

5. Кресты Кирилла (рис. 1, *5*; таблица, № 5)

По поводу крестов нам известно немногое. На момент отбора образцов (1980 г.) один из них хранился в экспозиции Кирилло-Белозерского музея заповедника, а второй – в помещении часовни Кирилла. Дерево обладало очень плохой сохранностью, но, несмотря на это, было высверлено семь

кернов из перекладин и оснований крестов. Н.Ф. Сергеева сообщает, что время их изготовления – первая четверть XVII в. (1982. С. 16).

Учитывая очень плохое качество кернов, а также малое число годичных колец, сохранившихся на них, мы сочли нецелесообразным пытаться проводить их синхронизацию.

6. Настил раскопа 1 (рис. 1, *б*; таблица, № 6)

Во влажном слое торфа был выявлен настил, состоящий из четырех бревен. Сохранность древесины отличная. Возраст стволов от 53 до 135 лет. Удалось синхронизировать кривые роста годичных колец двух бревен с возрастом 102 и 135 лет, и была получена последовательность, имеющая протяженность в 135 лет (рис. 6). Величины *Cx* и *r* очень велики – 74% и 0.57. Разброс дат последних годичных колец составляет один год. По мнению автора раскопок И.В. Папина (НПЦ "Древности Севера", г. Вологда), данная конструкция датируется концом XV–XVI вв., что не противоречит полученным дендродатам последних годичных колец (1594 и 1595 гг.).

Все изученные, рассмотренные по вышеуказанным сооружениям, материалы можно разделить на две хронологические группы – раннюю и позднюю.

Дерево ранней группы рубилось в конце XVI – первой пол. XVII в. Сюда попадают материалы оборонительных конструкций Ивановского монастыря – стен и Глухой башни, а также настила из раскопа 1.

В позднюю группу могут быть включены материалы кровли церкви Сергия Радонежского и венцы стен часовни Кирилла.

При работе с материалами ранней группы первоочередной задачей являлось нахождение точных абсолютных реперов, поскольку все выполненные ранее привязки осуществлялись по древесине из удаленных от Кириллова регионов. Эта проблема была решена на базе комплексов второй пол. XVII в., для которых удалось получить достаточно обширный фон из дат после завершения работ с материалами Успенского монастыря, а также частичной обработки древесины из оборонительного комплекса "Нового города".

При синхронизации кривых прироста дерева построек XVI–XVII вв. отмечалась очень своеобразная картина их динамики, что было признано специфической особенностью материалов этого времени. Такое наблюдение наводило на мысль, что для строительства использовалась древесина из какого-то единого лесного массива, эксплуатация которого продолжалась по крайней мере "в течение трех десятков лет" (Черных, 1982. С. 211).

Предположение о едином источнике строительной древесины нашло свое подтверждение и в новых материалах из Успенского монастыря. Так в

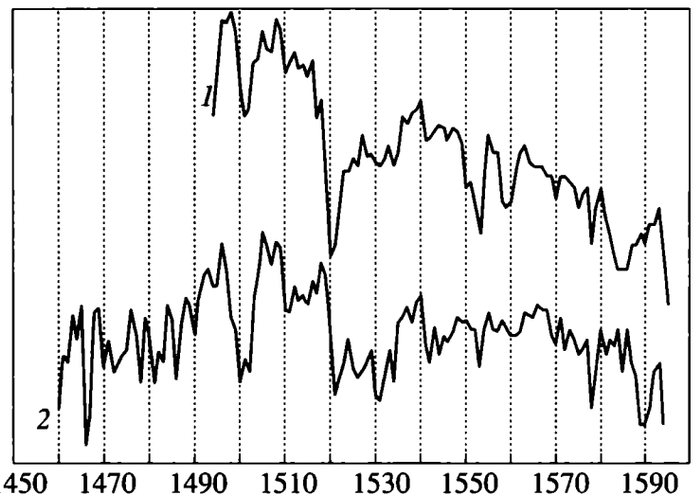


Рис. 6. Синхронизированные кривые погодичного прироста бревен настила раскопа 1. *1–2* – образцы № 2, 1 по описи сборов.

шурфах 3 и 5, заложенных в 1999 г. в северной части его территории (раскопки И.В. Папина), были выявлены сваи и "режи" фундамента оборонительных стен. Кривые роста, построенные для многолетних стволов, демонстрируют поразительное сходство рисунков кривых с образцами дерева построек Ивановского монастыря.

Однозначно локализовать место происхождения этой древесины довольно сложно, однако в качестве одного из вариантов можно предложить районы, расположенные к юго-западу от монастыря, по левому берегу р. Шексны. Основанием для этого является грамота царя и великого князя Ивана Васильевича "в Пошехонье в Милобуцкую волость да в Иванов бор" лесным целовальникам о даче в монастырь "на строение ... хоромного лесу" после пожара случившегося при игумене Матфее около 1557 г.[4] (Никольский, 1897. С. 33. Сноска 4). Вероятно, древесина из этих мест могла попадать в монастырь не только в качестве царской дачи, но и систематически закупаться там монастырем (Никольский, 1897. Приложение к главе I, грамота от 28 апреля 1559 г.). Впрочем, эта тема, по-видимому, заслуживает отдельного источниковедческого исследования.

Что касается аналогий в динамике кривых погодичного прироста древесины других памятников, то здесь мы можем указать на материалы двух деревянных церквей, расположенных, хотя и значительно южнее Кириллова, но тем не менее в бассейне реки Шексны – Никольской церкви с. Дмитриево (вторая пол. XVII в.) и ц. Успения Бо-

[4] Возможно, время пожара известно специалистам более точно, однако мы не можем предоставить исчерпывающей информации по этому поводу. В данном случае, мы опираемся только на мнение Н.К. Никольского, основывающегося на сведениях, по которым суздальский владыка Афанасий "в 1557/1558 (7066) году послал на монастырское строение после пожару 50 рублей" (Никольский, 1897. С. 33).

городицы с. Нелазское (середина 90-х годов XVII в.). Оба села располагаются на правобережных притоках Шексны (Череповецкий р-н Вологодской обл.), Сходные, хотя и в меньшей степени, тенденции прироста годичных колец можно уловить и среди образцов Успенской церкви Александро-Куштского монастыря (недалеко от устья р. Кубены, Усть-Кубенский р-н Вологодской обл.), датируемой 30-ми годами XVII в. Некоторое своеобразие древесины последнего памятника, возможно, связано с его близостью к Кубенскому озеру. На сложность работы с дендроматериалами, происходящими с озерных территорий, неоднократно указывалось в трудах дендроклиматологов (Галазий, 1967; Пакальнис, 1971). Впрочем, никакими конкретных данными о происхождении древесины этих храмов мы не располагаем, а судя по информации указанного выше письменного источника, при активном строительстве поставки леса могли происходить из довольно удаленных районов.

Теперь обратимся к материалам, отнесенным к поздней группе. На таблицах сопряженных кривых (рис. 5; 6), где представлены графики прироста древесины из ц. Сергия Радонежского и часовни Кирилла, можно отчетливо проследить общие тенденции развития годичных колец дерева этих двух сооружений, что указывает на синхронность жизни этих стволов на определенном временном отрезке.

Несколько сложнее, чем в случае с материалами ранней группы, обстоит дело с поисками абсолютных реперов. Основными ориентирами здесь послужили сведения, о которых мы уже упоминали выше. Для ц. Сергия Радонежского это сообщение о реконструкции кровли в середине 40-х годов XIX в., а для часовни Кирилла – о замене венцов северной стены в 50-х годах XVIII в. Фоном для абсолютных привязок синхронизированных кривых роста дерева двух культовых построек явились комплексы графиков погодичного прироста ряда несколько более ранних сооружений Успенского монастыря, а именно Оружейной палаты, Больших Больничных палат, Северных братских и Поваренных келий, Поваренной башни. Большинство этих построек имеет более или менее точные строительные даты, впрочем о них более подробно речь пойдет в следующей публикации. Перекрестное сопряжение с кривыми роста дерева этих построек увенчалось успехом. Однако судить о порубочных датах бревен довольно сложно в связи с отсутствием заболонных частей древесных стволов.

Подведем итоги вышеизложенному.

Построена абсолютная дендрошкала дерева пяти сооружений с территории Ивановского монастыря. Она состоит из двух частей.

Первая (ранняя) покрывает отрезок середины XV – рубежа XVI–XVII вв. Базу ее составляют 22 кривые роста годичных колец дерева трех комплексов – оборонительных стен, Глухой башни и настила из раскопа 1.

Строительные даты этих сооружений могут быть определены достаточно точно. Для участка оборонительных стен это, по-видимому, 1598–1599 гг. (порубочные даты 11 бревен распределяются в хронологическом диапазоне ограниченном 1593 и 1598 гг.). Глухая башня начала возводиться, примерно, в это же время (порубочные даты 1585–1597 гг.), а настил раскопа 1 сооружен около 1595 г. (1594 и 1595 гг.). Бревна всех этих сооружений принадлежат единой дендрологической группе, что указывает на единый лесозаготовительный (строительный?) этап.

Вторая (поздняя) часть дендрошкалы построена на материалах двух построек – церкви Сергия Радонежского и часовни Кирилла. База ее состоит из 6 кривых роста годичных колец (четыре образца дерева конструкции кровли церкви и два стен часовни). Она охватывает отрезок рубежа XVI–XVII – 30-х годов XIX в. Даты, полученные для этих сооружений, могут рассматриваться только как "terminus post quem".

Для дерева конструкции кровли церкви Сергия Радонежского последние сохранившиеся кольца датируются 1755, 1773, 1774 и 1832 гг. Единственный образец из основного объема храма – связь северной стены четверика, дает порубочную дату 1585 г., что не противоречит известному периоду строительства храма 1560–1594 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10).

Последние сохранившиеся годичные кольца двух бревен венцов часовни Кирилла датируются 1723 и 1760 гг.

Абсолютная шкала, построенная для построек Ивановского монастыря, демонстрирует полное совпадение в тенденции развития погодичного прироста с материалами Успенского монастыря. Особенно четко это проявляется на отрезке середины XVI – середины XVII в. По-видимому, это еще раз подтверждает единство в застройке и планировке обеих частей Старого города Кирилло-Белозерского монастыря.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 03-01-00229а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галазий Г.И. Динамика роста древесных пород на берегах Байкала в связи с циклическими изменениями уровня воды в озере // Геоботанические исследования на Байкале. М., 1967.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая Государева крепость. Л., 1972.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897.

Пакальнис Р. Применение методов дендроклиматологии при изучении влияния подтопления на ширину годичного кольца // Радиоуглерод. Вильнюс, 1971.

Подъяпольский С.С. О датировке некоторых построек Кирилло-Белозерского монастыря на основе дендрохронологических исследований (к статье Н.Б. Черных) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982.

Сергеева Н.Ф. Дендрохронологическое датирование памятников архитектуры Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Промежуточный отчет за 1981 г. // Архив ВСРПО "Союзреставрация". 1981.

Сергеева Н.Ф. Дендрохронологическое датирование памятников архитектуры Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Отчет. 1982 г. // Архив ВСРПО "Союзреставрация". 1982.

Черных Н.Б. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. 2004. Вып. 216.

Constructions of "The Old City" of the Kirillo-Belozersky monastery according to the data of dendrochronological analysis (Ivanovsky monastery)

N. B. Chernykh, A. A. Karpukhin

Summary

The paper presents the results of the dendrochronological analysis of timber samples taken from archaeological and architectural constructions revealed during the investigations of Ivanovsky monastery. This assemblage is an intergral part of "The Old city" of Kizillo-Belozersky monastery on the Lake Beloe. Dendrochronological dates of 31 samples of timber have been established, their majority originating from five constructions: the defensive walls, Glukhaya tower, the church of St. Sergius of Radonezh, St. Cyril's church, and the corduroy along the River Sviyaga bank. The samples falling within the chronological span from the mid 15th till the turn of the 16th and 17th cc. show certain regularities in common in their annual growth. This gives grounds to suppose single source of constructive timber actively exploited during this period. According to the written sources, the spot of tree-felling must have been located on the River Sheksna left bank, to the south-west from the monastery. The investigation of these materials has resulted in compiling the absolute dendrochronological scale of the constructions of Ivanovsky monastery covering the period from the mid 15th till the 30-s of the 19th c.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 164–175

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

"Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse" / M. Levine, C. Renfrew, K. Boule (Eds). Cambridge, 2003. 428 p., 192 il., 40 tab.

В 2003 г. в серии монографических исследований Мак-Дональдовского института вышел монументальный том, посвященный проблемам доместикации коня, использования его в хозяйстве, военной и политической жизни на фоне широкого круга вопросов освоения евразийского пояса степей.

Книга издана под редакцией М. Левин, К. Ренфрю и К. Бойль и включает в себя статьи 32 авторов, представляющих научные школы более чем 25 стран. Книга разбита на 3 части и 25 глав, прекрасно издана, снабжена высококачественными оригинальными иллюстрациями, индексами, таблицами и графиками цифровой информации, картами. Она является публикацией материалов международного симпозиума 2000 г., проведенного в Кембридже, посвященного использованию евразийских степей в древности.

Круг исследователей, встретившихся на симпозиуме и объединенных рассматриваемым изданием, отражает широкий спектр стран: Великобритания, Россия, Украина, Франция, Молдова, Германия, США, Испания, Ирландия, Италия, Китай, – тогда как рассматриваемая проблема ограничена достаточно четко. Как подчеркивает в первой главе М. Левин, целью симпозиума было обратить внимание на те белые пятна, которые характеризуют проблему времени и характера доместикации коней в евразийских степях при различиях в подходе к ней в зависимости от принадлежности ученых к различным академическим традициям. Основными темами были выделены: 1) социальный, биологический, экологический и исторический аспекты доместикации коня; 2) эволюция в разведении и использовании коня в качестве вьючного, упряжного и верхового; анализ конского снаряжения и упряжи; 3) изменения, которые происходили в обществах, использовавших домашнего коня (демографические, социальные, в области торговых сношений – их интенсивности, направлений, характера, протяженности и т.д.); 4) характер и динамика развития кочевого пастушества (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 1). Далее М. Левин раскрывает эти задачи в десяти практических проблемах содержательного либо методического плана, которые определяют структуру коллективной монографии.

Книга настолько объемна, информативна и содержательна, что с одинаковой полнотой рассмотреть все поставленные в ней вопросы невозможно. Основное внимание в рецензии будет обращено на статьи, посвященные коню и его доместикации, использованию его в качестве подвижного запаса мясной пищи, вьючного, упряжного и верхового животного, особенностям его использования в степях, лесостепи, горах Евразии, на Ближнем Востоке, в Иране и Китае[1]. Выделенные географические регионы резко различаются между собой как по объему, характеру и степени изученности материала, так и по разнообразию точек зрения исследователей на его интерпретацию. Кроме того, следует отметить, что в русскоязычной литературе из тем, представленных в рецензируемой монографии, именно коневодческая проблематика была обойдена вниманием. В абсолютном большинстве случаев она представлена иностранными авторами, мало известными у нас. Вопросы же, связанные с пастушеством, экологией окружающей среды, географическим подходом, взаимоотношениями скотоводов и земледельцев как для всей полосы евразийских степей, так и для отдельных культур эпохи ранней и поздней бронзы, – это традиционное направление отечественной науки, хорошо разработанное российскими исследователями и не требующее перевода содержания статей с английского языка на русский.

Рассматриваемые нами статьи составляют II часть монографии под общим названием "Лошадь и ее использование в Евразийских степях" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 45–202), представленную 10 главами, и две главы III части "Происхождение пастушества" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 213–268). Книга объединяет почти всех ведущих ныне здравствующих специалистов мира по вопросам доместикации и использования лошадей в Старом Свете в IV–I тыс. до н.э. В статьях использованы самые последние данные в области методических разработок и статистических обсчетов вновь полученных в результате археологических раскопок и ранее известных палеозоологических коллекций. Причем следует отметить, что с территории евразийской степи и лесостепи для изучаемого периода количество обработанного массового остеологического материала составляет многие сотни тысяч образцов. В посмертно изданной монографии нашего крупнейшего палеозоолога В.И. Цалкина эти материалы сведены в 53 таблицы и 13 приложений, что до сегодняшнего дня остается отправной точкой для любого серьезного исследования на тему о доместикации всех видов животных Старого Света (1970).

Большинство рецензируемых статей выдержано в пространственно-временном плане, когда авторы рассматривают проблему в рамках определенного региона (западная или восточная часть Степного коридора, Ближний Восток, Иранское нагорье, Китай). Работы несут более частный или более общий характер, когда вопрос анализируется во временной динамике. Объединение всего материала, опубликованного в монографии, дает достаточно полную и всеобъемлющую характеристику поставленной проблемы с учетом тех споров и взаимных несогласий, которые ее характеризуют. К этому я и перехожу согласно принятой в книге последовательности глав.

В 1 главе "Focusing on Central Eurasian Archaeology: East Meets West" М. Левин подробно останавливается на дискуссионности проблемы доместикации лошадей в евразийских степях, в особенности в их западной части.

Проблема эта в 1960–1980-е годы решалась в пользу ранней доместикации коня на территории Днестро-Донецкого междуречья в эпоху неолита – энеолита на основании высокого процента костей лошади среди остеологических коллекций из поселений, находок роговых предметов, определенных в качестве псалиев, выявления ритуального захоронения коня и собак в Дереивке, сопоставления размеров и пропорций ря-

[1] Прим. ред.: в связи с превышением допустимого редакцией объема рецензии с согласия автора из рассмотрения исключены разделы о лошадях Ботая (авторы – Н. Бенеке, А. Фон ден Дриш, С. Ольсен) и о материалах евразийских степей (автор – Е.Е. Кузьмина).

да костей лошади из ранних памятников с аналогичными костями у диких и домашних популяций лошадей Восточной Европы.

Первым ударом по принятой точке зрения была статистическая обработка костей лошади, проведенная М. Левин, причем не по нескольким возрастным группам, а с учетом абсолютного количества (и процента) лошадей, употребленных в пищу (от нескольких месяцев до 19 лет с подсчетом по годам; Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. Il. P. 2 1, *1*). Эти цифры, сопоставленные с этнографическими данными о возрастной структуре использованных в пищу домашних и/или диких лошадей, показали с полной очевидностью, что изученный М. Левин остеологический материал свидетельствует о том, что лошади не были одомашнены. Правда, М. Левин подчеркивает, что ее основной вывод – следующий: "мы не знаем, когда и где впервые была одомашнена лошадь (для использования – *В.К.*) в качестве пищи или для верховой езды. Ясно, что ранняя доместикация, засвидетельствованная в погребениях с колесницами, относится к началу II тыс. до н.э... Логика говорит нам, что скорее всего лошадь сначала была использована в качестве верховой, а потом – упряжной, но реально нет оснований доказать это" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 2). Мне кажется, что это – наиболее взвешенная на сегодня постановка вопроса, хотя меня не убеждают аналогии, приводимые исследователями для тех предметов, которые отождествлялись с псалиями, и призванные свидетельствовать об их ином использовании. Очевидно, только трассологический анализ мог бы однозначно решить эту проблему. М. Левин рассматривает и вопрос о том, можно ли скипетры с изображениями головок коней считать свидетельством доместикации последних, и приходит к отрицательному мнению (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 4). Не анализируя подробно дискуссию между Д. Энтони, Д. Браун, Д. Телегиным, М. Гимбутас, с одной стороны, и А. Хеуслером, М. Левин и Ю. Рассамакиным – с другой, М. Левин подробно на многочисленных примерах показывает, что наиболее яркие изображения лошадей, как, например, палеолитические из Франции и России, безусловно являются изображениями диких животных, в такой же мере, как изображения оленей, снежных барсов, пантер в скифском и сарматском искусстве.

В качестве рабочей гипотезы М. Левин выдвигает предположение, что между эпохой неолита и ранней бронзы происходили неоднократные случаи приручения отдельных жеребят, попавших в руки человека во время охоты, в возрасте скорее всего от двух месяцев до года, и ставших домашними любимцами детей и взрослых. Открытием для человека явилось то, что их оказалось возможным использовать для работы, для перетаскивания тяжестей или, скорее всего, для езды верхом (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 4, 5). Но саму проблему отделения диких форм лошадей от домашних, по мнению М. Левин, можно будет решить, только используя междисциплинарный и многоаспектный подход.

В главе 5 Д. Энтони и Д. Браун "Eneolithic Rituals and Riding in the Steppes: New Evidence" мы видим пример статьи, отражающей противоположную предшествующей точку зрения относительно времени доместикации коня и характера его использования.

Начинают свою статью авторы с драматического для данной проблемы факта – с опровержения самого непреложного аргумента в пользу ранней доместикации коня. Ритуальное захоронение лошади и двух собак в Дереивке, открытое в 1964 г., после проведения радиокарбонных анализов в конце 1990-х годов перешло из круга энеолитических памятников в эпоху раннего железа (для черепа коня дата – 790–520 гг. до н.э., для зуба – 410–200 гг. до н.э.). Можно добавить, что на зубах коня авторами данной статьи в 1990 г. были обнаружены следы от давления костяных или металлических строгих удил, что позволило говорить об упряжных животных эпохи энеолита. От этого положения тоже следует сегодня отказаться (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 55).

Но Дереивка оказалась не единственным памятником, где на зубах лошади удалось обнаружить следы от давления удил. Как пишут авторы, "следы изнашивания от удил изучены также в Ботае, энеолитическом поселении в Казахстане, датированном примерно 3500–3000 гг. до н.э., и новые свидетельства продолжают поддерживать гипотезу, что лошади были доместицированы и использованы как верховые по крайней мере в 3500–3000 гг. до н.э. – возможно, и ранее – в евразийских степях" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 55). На рис. 5, *5* в статье показана схема расположения удил (имеется в виду металлическое грызло), лежащих на беззубом крае нижней челюсти лошади и оказывающих давление на зубы, так же как и получающиеся в результате этого выщербины на зубах. Последние отсутствуют у диких лошадей и выявлены у лошадей из Ботая и Утевки (как и на зубах домашних лошадей как эпохи бронзы, так и современных). Как справедливо написали авторы в этой связи, «кажется логически несостоятельным, с одной стороны, принимать употребление удил по изношенности зубов в Утевке VI как реальное, поскольку они встречены у коня эпохи бронзы, погребенного с псалиями, с другой стороны, отбрасывать этого же типа свидетельства для Ботая, поскольку для Ботая это "слишком рано"» (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 64, 65).

Следы изношенности на зубах лошадей Ботая соответствуют изношенности на зубах современных верховых лошадей, взнузданных удилами из веревки или кожи при проведении экспериментов. Находки на поселении Ботай in situ почти полных костяков лошадей подтверждают, что лошади были приручены, и их держали недалеко от поселения. С. Ольсен показала, сколь большое место занимало кожевенное производство среди ремесел жителей Ботая. В частности, кожаные ремни (очевидно, сыромятные, что, по этнографическим данным, широко использовалось в недавнем прошлом для изготовления конской узды) могли употребляться при производстве недоуздков, арканов и другого конского снаряжения.

В статье Д. Энтони и Д. Браун большое место отведено истории проблемы доместикации лошадей и изменениям взглядов на хозяйственную деятельность населения средне-стоговской культуры, ее ареалу, периодизации и хронологии, связям и внутреннему развитию, культовой роли коня в жертвенниках и погребениях человека, изображениям и т.д. (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 55–63). В результате рассмотрения нового материала для европейских степей между Волгой и Дунаем Д. Энтони и Д. Браун остаются сторонниками точки зрения, господствовавшей в середине и третьей четверти прошлого века, – опираясь на то, что на этой территории как объект охоты существовали дикие лошади и другие эквиды. Вместе с тем уже между 5200 и 4500 гг. до н.э. с Нижнего Дуная сюда проникли традиции одомашнивания крупного и мелкого рогатого скота, следовательно, оказались в наличии основные предпосылки для доместикации лошади (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 59). Лошадей разводили, по мнению авторов, для специального использования в погребальном ритуале уже в 5000 г. до н.э., когда они играли свою потестарно-престижную роль наряду с домашним крупным и мелким рогатым скотом. Нет прямых свидетельств о верховой езде в западных степях, но, к сожалению, очень мало костных остатков лошадей подверглось необходимому анализу для позднеолитического и раннеэнеолитического времени. С другой стороны, на протяжении 4500–3500 гг. до н.э. в западных степях отмечены важные культурные изменения, которые, по

мнению Д. Энтони, могут быть связаны с освоением верховой езды. На западе она появилась раньше, чем в Казахстане, а именно в эпоху раннего энеолита, в восточной части евразийских степей – в 3500–3000 гг. до н.э., в Центральной Европе – в 3000–2500 гг. до н.э. (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 65, 66).

Для понимания процесса доместикации лошадей в евразийских степях особенно важно содержание тех глав, авторы которых имеют в своем распоряжении значительно более разнообразный и полный материал – не только остеологию, но и письменные источники и иконографические данные. Это относится к главе 9 Д. Оутс "A note on the Early Evidence for Horse and the Riding of Equids in Western Asia". Данная тема хорошо обеспечена материалом. Она была проанализирована в большом числе исследований, которые в целом рисуют достаточно полную и непротиворечивую картину. Одомашненная лошадь появилась в Месопотамии и Сирии с последних веков III тыс. до н.э., но верховая езда на эквидах и ослах была документирована ранее. Ослы, одомашненные скорее всего в Северной Африке, использовались в IV тыс. до н.э. в качестве вьючных, упряжных и верховых животных (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 115, 116). Для середины III тыс. до н.э. имеются сведения о гибридах онагра и осла, причем по текстам из Эблы 2300 г. до н.э. известно, что гибриды стоили в 40 раз дороже осла. Дикая лошадь была распространена в Леванте до конца плейстоцена и выявлена на многих памятниках. В Анатолии дикая лошадь дожила до IV тыс. до н.э., тогда как кости домашних лошадей происходят с памятников конца III тыс. до н.э. (Хабур, Брак-Нагар, Годин-Тепе). К этому же времени относится шумерское название лошади – "осел с гор", восходящее к аккадскому и, как предполагают исследователи, заимствованное из индо-европейских языков (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 117). Д. Оутс приводит ряд письменных свидетельств и изображений всадников в военных и охотничьих сценах, позволяющих определить посадку ("посадка как на осле") у крупа, одна рука у передней подпруги, другая – у основания хвоста; средства управления – сильно согнутые в коленях ноги, стек и поводья, связанные с кольцом в носу – что специфично для ослов и эквидов. Постепенно статус коня повышался, но все же, согласно аккадской традиции, восходящей к III тыс. до н.э., владетель страны должен был пользоваться для передвижения не верховым конем (опасно и непрестижно!), а мулом в колесничной запряжке (позднее пароконной колесницей).

В статье приводятся сведения о "верховых курьерах" и гонцах, о "красной" и "белой" масти, об использовании по векам боевых колесниц, их важной роли и количестве использованных запряжек (40, 80 и т.д.). Между 1500 и 1200 гг. до н.э. Амарнская переписка связывает лошадей с Месопотамией, что свидетельствует в пользу их северного или восточного происхождения. Египтяне и хетты просят лошадей в Вавилоне, причем хетты подчеркивают, что им нужны молодые жеребчики для акклиматизации к анатолийским холодам (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 122).

На основании исследования ассирийских рельефов в работе показано, как наряду с колесницами появились всадники, причем в первое время один из всадников правил своей и соседней лошадью, держа щит, тогда как стрелял тот всадник, конем которого правил другой, т.е. оставалось то же разделение труда между возничим, "правчим", браздодержцем и воином, которое было среди колесничих (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 123).

В VIII в. до н.э. ассирийские источники указывают на две породы лошадей, разнящиеся по росту в холке. Крупные, полученные из Египта, – для колесницы, и малорослые – для кавалерии, полученные из северо-западного Ирана, возможно, из областей, соседствующих с Урарту и славящихся лучшими верховыми лошадьми. По представлениям Д. Оутс, всадники в это время больше использовали маневренность, чем резвость, стремительность и сила коней нужны были в колесничных упряжках, тогда как маневренность всадника значительно превышала такую же у колесницы.

Представляет интерес лингвистический экскурс Д. Оутс. Автор отмечает, что для слова "лошадь" было использовано пять различных корней. В контексте привнесения в Месопотамию и Северную Сирию одомашненной лошади заметен хурритский/прото-северокавказский компонент. Последние свидетельства из района Хабур в Северной Сирии подтверждают тот факт, что конь здесь появился в сочетании с хурритоговорящим народом (не митаннийцами?), впервые идентифицированным в клинописных сведениях времени Нарамсина (2254–2218 гг. до н.э.). Д. Оутс приводит разработки В.В. Иванова 1998 г., разбиравшего возможные соотношения между названием лошади в хурритском, шумерском, аккадском, армянском и лувийском языках. Однако, как заключает Д. Оутс, "..наши знания о ранней доместикации лошади, так же как о распространении северокавказских, хурритских... диалектов в настоящее время не могут разрешить эти вопросы" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 124).

Очень интересным дополнением к данной главе является статья известного английского палеозоолога Дж. Клаттен-Брок о находках из Телль-Брака "Where the Donkeys of Tell-Brak (Syria) Harnessed with a Bit?" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 126, 127). В Телль Браке (древний город Нагар) в слоях IV тыс. до н.э. найдено ритуальное захоронение шести ослов. В процессе изучения костей были определены следы от удил на зубах и патологии на костях, которые свидетельствуют о том, что ослы были конюшенного содержания; использовались для верховой езды и/или как вьючные; были взнузданы. Свидетельства конюшенного содержания проявляются в зазубринах на передних зубах (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. Рис. 9, *11*) у трех из шести; следовательно, животные много времени проводили в стойле и грызли дерево от скуки, что наблюдается у современных лошадей и считается "конюшенным пороком". У одного осла обнаружены заломы на копытном роге, что бывает связано с использованием на тяжелом грунте. Были набиты позвонки от тяжелого груза (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. Рис. 9, *12*).

У трех ослов из шести был прослежен зеленый оттенок в тех местах зубов, о которые могло производиться трение грызла или веревки. На этом основании высказано предположение, что животные были взнузданы.

Анализ, проведенный в Департаменте минералогии музея Натуральной истории в Лондоне А. Хартом, Д. Спрэттом и П. Джерри, не подтвердил содержание меди в костном материале, хотя следы обнаружены именно на тех зубах, на которые опирается звено удил. Появление зеленого налета, как поверхностного, так и проникшего в корень зуба, остается неясным, поэтому вывод о том, что это следы давления строгих удил на зубы, не снимается.

Ясно, что ослы находились в стойле, часто были использованы как вьючные, упряжные или верховые животные и были взнузданы удилами или веревкой, что оставило следы давления, а может, даже травмировало зубы.

Глава 10 "Equids in the Northern Part of the Iranian Central Plateau from the Neolithic to Iron Age. New Zoogeographic Evidence" написана М. Машкур. В ней представлены результаты научной обработкой около 70 тыс. костей, происходящих из раскопок 70-х годов прошлого века на ряде памятников Казвинской высокогорной равнины, датирующихся от VI–V тыс. до II–

I тыс. до н.э. Ряд поселений характеризуется серой керамикой, которая, как и лошади, является индикатором распространения индоиранских племен на Иранском плато (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 131).

В статье приведена обширная информация по этим памятникам: новые радиокарбонные и термолюминесцентные даты (табл. 10, *1*), материалы по анализу окружающей среды, спектр фаунистических находок, обобщенных в таблицы и графики палеозоологических данных. Выявлена большая роль диких животных в рационе населения, особенно в эпоху бронзы и раннего железа (до 40%). Наиболее важен факт обнаружения костей дикой лошади в неолите. Проблема интересна тем, что до недавнего времени свидетельства о диких лошадях в Иране ограничивались материалами из палеолитических пещер Загроса, тогда как материалы из памятников каменного века вокруг Каспия отсутствовали. М. Машкур предложен табличный метод сопоставления между собой размеров ряда костей, происходящих из археологических коллекций, с костями куланов, лошади Пржевальского, ослов и позволяющих определить взаимное положение этих популяций (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 134).

При анализе остеологического материала выявлены наиболее древние свидетельства о домашних лошадях Ирана (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 135, 136), происходящих из Годин IV (3000 г. до н.э.). М. Машкур подчеркивает, насколько продуктивны полевые археологические работы для получения палеозоологичеких данных относительно роли эквидов в жизни населения Древнего Ирана. Остается только неясным, можно ли те наблюдения, к которым приходят исследователи на основании изучения материалов из трех поселений Казвинской равнины VI–I тыс. до н.э., распространить на всю территорию Ирана, или они отражают некоторые локальные особенности.

Следующие две главы (11 и 12) посвящены истории коневодства в Древнем Китае. В статье исследователя из Университета Питтсбурга (США) К. Линдуф "A walk on the Wild Side: Late Shang Appropriation of Horses in China" объединены все свидетельства об использовании лошадей в качестве пищи и в погребальном обряде населения северо-западного Китая вплоть до того, как они использовались элитой Аньяна в Шанском Китае.

В каменном веке на территории Китая и Монголии обитали дикие лошади Пржевальского. Наиболее ранними датированными находками были два зуба и фаланга лошади в Банпо (4500–3000 гг. до н.э.) (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 142). Кости диких лошадей происходили также из поселений II тыс. до н.э., составляя всего 1.13% от общего количества материала. В это время уже были одомашнены свиньи, крупный рогатый скот, овцы и козы. Возможно, лошади в результате охот попадавшие в неволю, также начинали одомашниваться (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 147). Процесс протекал очень медленно. Ряд исследователей определяет время доместикации лошадей в Китае 2800 г. до н.э., но этот вопрос дискуссионен. Для Аньянского периода, примерно с середины XIII в. до н.э., использование коней в ритуальных колесницах с колесами с большим количеством спиц уже безусловно. В погребениях археологи находят по 2–4 коня, но в некоторых из них число лошадей может доходить до 37 (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 148). Иногда колесницы находят с полным конским снаряжением. Неожиданное появление колесниц в Аньяне при отсутствии ранних прототипов и не прослеживающаяся линия их развития на месте вызывают много вопросов о том, откуда они появились. Сопоставление ряда их признаков (размер кузова 1.2 × 0.7 м, наличие 10–12 спиц) с более западными образцами, в частности, приуральскими и казахстанскими, свидетельствует в пользу их западного степного происхождения (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 154). По надписям на гадательных костях Аньяна мы знаем об использовании колесниц в царских охотах, боевых действиях и в погребальном обряде. Коней, тренеров и возничих получали не как добычу, а путем обмена с соседями (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 155). Кони, использованные для колесниц, обозначались разными терминами: описаны различные масти, особенности характера, резвости, роста, степени тренированности и съезженности. В I в. до н.э. циньское царство использовало лошадей, привезенных из Ганьсу, в качестве упряжных для колесниц, а из Монголии – для верховой езды. Эти различия между двумя типами животных наблюдались на терракотовых моделях в мавзолее Цинь Ши Хуанди 210 г. до н.э. Китайских коней II–I тыс. до н.э. мы знаем по изображениям, скульптурам, петроглифам, письменным свидетельствам и остеологическим данным, следовательно, имеем возможность изучать их комплексно.

В главе 12 «The horse in Late Prehistoric China: Wresting Culture and Control from the "Barbarians"» В. Майра, исследователя из Филадельфии (США), тема, рассмотренная в главе 11, находит свое развитие и продолжение, прежде всего, хронологическое. Особое место в этой статье занимают археолингвистические штудии. В. Майр поставил основные вопросы о том, когда, откуда, кем и для каких целей были приведены доместицированные кони в Китай? Как они использовались, как упряжные или верховые, и когда произошел этот переход? В отличие от проблемы доместикации коня в Казахстане проблема использования коня в Китае при опоре на разные группы источников решается однозначно. В. Майр показывает, как на протяжении веков китайцы получали от своих северо-западных и западных соседей первоклассных "небесных", "потокровных" коней, в которых мы узнаем современных ахалтекинцев, непревзойденных ни в древние времена, ни сегодня по красоте, резвости и силе.

Начиная с династии западных Хань (III в. до н.э.), проводились регулярные и многочисленные экспедиции за конями, которых меняли на шелк – основное богатство Китая. Продолжались эти контакты и в Средневековье (X–XII вв.). В ретроспективном анализе поступления и использования коней в Китае В. Майр указывает на время доместикации ряда пород (свинья, собака, крупный и мелкий рогатый скот) и подчеркивает позднюю доместикацию коня (вторая половина II тыс. до н.э.). По мнению исследователя, в Китае позднее, чем на Ближнем Востоке, не говоря уже о степях, начали и использование лошадей для верховой езды (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 181). Попали они в данный регион не через Таримский бассейн, а через степи, естественное место их обитания, с севера и северо-запада. Кони очень быстро вошли в потестарно-политическую культуру танцев и китайский ритуал. В первые века н.э. в Китае наблюдалось такое же увлечение гуннскими модами в одежде, верховой езде, танцах (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 174), как в Риме – аланскими модами – тоже в воинской экипировке, красочном оружии, верховой посадке... Правда, мы видим в изображениях, что китайцы не чувствовали себя верхом комфортабельно – это не "приросшие" к спинам коней варвары-кочевники. Грумами, тренерами оставались иноземцы.

В. Майром проведены реконструкции древнекитайских слов, связанных с конской тематикой. В частности, китайское название коня м(m)ă имеет соответствия в древнеирландском, древнегерманском, английском (marc, marah, mare) языках. Этот же корень имеют слова, обозначающие лошадь во всех лингвистических семьях Восточной Азии, что свидетельствует, по мнению автора, о появлении коней из одного региона и продвижении их вплоть до Юго-Восточной Азии и Тайланда.

В главе 13 "Horseback Riding: Man's Access to Speed" У. Диц разбирает очень важный и далеко еще не решенный вопрос о времени использования коня в качестве верхового животного и тех возможных путях, какими человек смог прийти к этому в разных странах света, имея за плечами разные формы его использования. В отличие от многих других вопросов, разбиравшихся ранее, данный связан не только с кабинетными штудиями, но требует практических знаний и обладания опытом общения с конем, что чувствуется в данной статье. Как пишет автор: "Вопрос заключается в том, что в действительности значит верховая езда для животного, как можно держать его в подчинении, особенно в опасные моменты и в критических ситуациях?" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 190). Речь идет о том, что лошади – животные табунные, со стадным инстинктом. Человек, обладая длительной традицией загонной охоты на коня, использовал это уже с эпохи палеолита. При культурном коневодстве такие инстинкты могли найти применение при парной запряжке или в квадриге, позднее при атаке кавалерийской лавой, но для объездки лошади они играют отрицательную роль. Тут, как правильно указывает У. Диц, следует использовать ту естественную иерархию, которая складывается в табуне с выделением лидера, и задача человека – стать повелителем в его взаимоотношении с конем. Далее человек должен вызвать в лошади чувство доверия, что могло случиться, если в раннем возрасте был приручен дикий жеребенок. Немаловажно и то, что положение всадника на спине коня не только непривычно, но вызывает у него чувство опасности, поскольку поза человека подобна положению нападающего хищника, поэтому при объездке жеребят как конюшенного (что мне пришлось неоднократно видеть на конном заводе для английских чистокровных, ахалтекинцев и терцев), так и пастбищного содержания в горах Карачая или Тянь-Шаня – во всех случаях это стресс и борьба, как если бы это была объездка мустанга. Появлению верховой езды предшествует факт доместикации и некоторый период обитания человека и лошади в непосредственном соседстве.

В статье разобраны письменные свидетельства о верховой езде в странах Древнего Востока, сопоставленные с разнообразным иконографическим материалом. У. Диц опирается на обширную научную литературу, поскольку эта тема на протяжении десятилетий привлекала к себе внимание широкого круга исследователей. Показано, что верховая езда, как правило, бывает второй стадией после использования коня как вьючного животного и/или упряжного; наряду с такими средствами управления, как недоуздок и уздечка, можно использовать собственный вес всадника, управление корпусом, равновесием, давлением ног, а также палочку-стек вместе с поводом. Подробно рассмотрены разные детали конского снаряжения, сохранившиеся в археологических материалах из евразийских, северокавказских, европейских и переднеазиатских памятников (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 194–196). Автор подчеркивает необходимость знания поведения лошади для того, чтобы использовать не только ее способность к перевозке тяжести, но и к тому, чтобы за короткий срок преодолевать большие пространства, быть маневренной в боевых условиях. У. Диц призывает к дальнейшему выделению на костяке доместицированной лошади следов ее использования в качестве верховой, что было начато в конце 90-х годов прошлого века М. Левин и безусловно является наиболее объективным свидетельством способа ее использования.

Глава 15 Э. Шеррата "The Horse and the Wheel: the Dialectics of Change in the Circum-Pontic Region and Adjacent Areas, 4500–1500 BC" является компендиумом всех представленных в монографии проблем при четко проводящейся оригинальной точке зрения автора на многие из них.

Эта объемная статья (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 233–252) заслуживает самого глубокого и пристального рассмотрения, поскольку ее отличает прекрасное знание предмета, жесткая логика построений, понимание органичной связи между теми изменениями, которые на протяжении рассматриваемого времени происходили, с одной стороны, в Передней Азии и Закавказье, с другой – в евразийских степях, включающих в себя предкавказские.

Не все звенья этой цепи одинаково доказательны, часть их может быть принята с оговорками или как предмет для обсуждения, но важно то, что предложена новая глубоко разработанная концепция. Нашей задачей остается убедиться, в какой мере она не противоречит имеющимся в распоряжении ученых фактам, рассмотренным остальными участниками симпозиума в статьях, которые изданы в рецензируемой монографии.

Степи Э. Шеррат рассматривает как специфический мир, в котором развиваются различные общества, связанные между собой как широтными, так и меридиональными связями с южными и северными соседними народами, что и позволяет считать их перекрестком путей. Причем в каждый момент развития степной мир оказывается включен в определенный, иной по сравнению с предшествующим и последующим этнокультурный контекст (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 233, 234). В степной евразийской модели основным является существование в окружающей среде огромного количества диких копытных. Определенное соответствие этой ситуации Э. Шеррат видит в специфике ассирийских степей, которые в III тыс. до н.э. стали областью специализированного производства шерсти в Месопотамии (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 234). Разбирая положение о том, что степи никогда не были изолированы, автор подробно анализирует две группы важных с культурной точки зрения технологий – металлургию (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 235–237) и использование животных для транспорта.

В процессе доместикации животных на Ближнем Востоке автор выделяет два отделенных друг от друга четырьмя тысячами лет этапа. С появлением ранних сельских поселений в VIII–VII тыс. до н.э. связан первый этап, когда были одомашнены мелкий и крупный рогатый скот, свиньи и собаки, с появлением городов в IV–III тыс. до н.э. – приручение и использование эквидов и камелидов. "Доместикация транспортных животных была связана с развитием торговых путей, по которым перевозилось производственное сырье для городских ремесленных производств или циркулировали экзотические предметы роскоши для городской элиты" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 238).

Первыми транспортными животными, использованными в повозках и под вьюками, были ослы, эквиды, их гибриды и верблюды. Ослы, одомашненные, скорее всего, в Северной Африке, известны для IV тыс. до н.э. в южном Леванте, Шумере и Эламе. Верблюды-бактрианы в конце IV тыс. до н.э. были доместицированы на плоскогорье Ирана (или же в Туркмении или Афганистане) для использования на дальнем трансконтинентальном "лазуритовом пути" с востока в Месопотамию и Египет. Арабские верблюды впервые были доместицированы, возможно, как локальная замена бактрианов в Бахрейне и Омане в III тыс. до н.э.[2]

Э. Шеррат приходит к логическому выводу о том, что, если в IV–III тыс. до н.э. на Древнем Востоке в контексте урбанизации и при усилении роли торговых путей были домести-

[2] На докладе в ИА РАН 14 апреля 2005 г. ведущий палеозоолог проф. Г. Юрпманн указал на то, что, по его мнению, арабские верблюды не могли быть доместицированы ранее XII в. до н.э.

цированы два вида верблюдов и один вид эквидов, то по этим же причинам в указанное время могло произойти и одомашнивание Equus ferus caballus по модели доместикации осла.

Судя по материалам майкопской и куро-аракской культур (находки на Галюгаевском поселении костей осла, эквидов и лошади), в середине IV тыс. до н.э. на Северный Кавказ наряду с проникновением достижений металлургии могли проникнуть в качестве вьючных животных ослы. По мнению Э. Шеррата, тот факт, что одомашненные ослы достигли в IV тыс. до н.э. области распространения дикой лошади, кости которой известны на памятниках Анатолии, Верхнего Евфрата и Закавказья, "подтверждает, что первоначальный очаг доместикации коня в степных регионах лежал ближе к Кавказу, чем к Уралу" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 239), причем в равной мере процесс доместикации мог происходить "в любом из районов – Закавказье, Северном Кавказе или в близлежащих степях" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 240). С этой территории домашние лошади распространялись на запад через степи в Центральную Европу вплоть до Британии и Ирландии, где у них не было диких предшественников, и Испании, с одной стороны, и в Месопотамию, евразийские степи и Центральную Азию – с другой.

К этому же времени относится распространение колесного транспорта – бычьих запряжек в массивную повозку с дисковидными колесами и плуга. Оно происходило двумя путями: на рубеже III тыс. до н.э. через Большой Кавказ в степи и через Балканы в Европу. Как писал об этом автор, "в понтийских степях после 3000 г. до н.э. запряженные быками повозки встретились с использованием доместицированной лошади, чтобы стать фундаментальным явлением жизни" (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 243). И к следующему тысячелетию произошло объединение этих двух инноваций в создании стремительной пароконной колесницы. Поскольку о колесницах, их конструкции, технических особенностях, развитии во времени, способах управления конем и т.д. написаны многие сотни страниц, снабженные рисунками и словарями, мы не пересказываем то, что можно прочесть на с. 244–247. Основной вывод Э. Шеррата таков: "проникновение ближневосточных влияний по двум путям (Кавказскому и Анатолийскому, через западное побережье Черного моря – *В.К.*) было основным стимулом для создания колесниц на обоих берегах Черного моря в начале II тыс. до н.э." (Prehistoric Steppe Adaptation..., 2003. P. 246). Отмечается, что именно в степях создана оптимальная форма контроля над упряжным конем в виде псалий, имеющих свою линию развития, что на много столетий вперед предопределило направленные контакты на восток в Китай и на переднеазиатский юг, куда в XVI в. до н.э. попала и колесница в своей сложившейся к этому времени целостности. В самих же степях комбинация достижений в металлургии и новое значение конного транспорта произвели фундаментальные изменения, в еще большей мере, чем раньше, включив степи в далекие трансконтинентальные связи, способствовавшие их дальнейшему развитию, закончившемуся номадизмом и всадничеством, открывшим новую страницу в истории.

Обобщать то, что на протяжении многих страниц я пыталась передать, ставя своей задачей не упустить все то важное, чем изобиловала каждая из глав, столь разных по своему содержанию, задача неблагодарная. Монография представляет собой монументальное полотно, но мозаичное и достаточно разнородное, и даже выбор основного предмета рассмотрения, спектра проблем, связанных с конем, не позволяет нам так сузить тему, чтобы получить стройный текст. Слишком велик хронологический размах – в 4–5 тысячелетий; не менее впечатляет и пространственный – весь пояс евразийских степей, цивилизации Ближнего Востока, Ирана, Китая. А содержательная сторона включает в себя огромную информацию, являясь суммой самых разнородных фактов, объединенных проблемой взаимоотношения человека и коня в указанном пространственно-временном континууме. Если к этому еще прибавить дискуссионность многих интерпретаций, спорность и недостаточность фактов и материалов, субъективность научных построений, то положение автора рецензии и ее читателей осложняется еще больше. Важно здесь то, что мы столкнулись с разработками различающихся по своей специализации исследователей, дополняющими друг друга. Мы получили одномоментный срез сложнейшей проблемы, над которой нужно еще думать и думать, но одно ясно: для дальнейших действий в этом плане данная монография – необходимый этап исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

Prehistonic Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003.

Институт археологии РАН,
Москва

В.Б. Ковалевская

Bill Adel. "Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Bezichungen zu den Steppenvölkern". Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 96. Bonn: Habelt, 2003. 269 s. ISBN 3-7749-3192-5

Археология периода поздней бронзы и раннего железного века Кавказа всегда привлекала самое пристальное внимание специалистов всего Евроазиатского субконтинента. И это не случайно. В силу географического положения, а также природно-климатической специфики историко-культурные процессы, протекавшие здесь, были значимы для обширнейшей территории, населенной как кочевническими сообществами скотоводов, так и носителями вполне сформировавшихся древних цивилизаций Евразии. В этом отношении появление рецензируемой монографии молодого германского ученого Адели Билл следует воспринимать как важное событие, серьезное обобщение значительного по объему, весьма разрозненного и труднодоступного материала. В работе аккумулирован представительный комплекс источников, в том числе и изданных на грузинском языке, что делает эти материалы доступными для всего научного сообщества. Кроме того, моно-

графию сопровождает обширное приложение, в которое входит подробный каталог-описание погребальных комплексов, являющихся основой работы, показательный альбом иллюстраций, насчитывающий 193 таблицы, а также библиографическая сводка, демонстрирующая, кстати говоря, широкий кругозор автора. Сама же монография состоит из введения, обзора физико-географической ситуации исследуемого региона, истории изучения проблемы и историографии, анализа письменных урартских и греко-римских источников, анализа археологических источников (по существу, главного раздела книги), анализа проблем хронологии. Следует особо отметить, что А. Билл проводила свои исследования не только на основании публикаций и письменных источников. Она неоднократно бывала в Грузии, где работала с находками и полевой документацией, обсуждая проблематику с авторами раскопок.

В первой главе, посвященной анализу физико-географической ситуации исследуемого региона, автором рассматривается не только Грузия, но и весь Кавказ, а также Северное Предкавказье. Для проблемы, изучаемой в монографии, подобные географические рамки представляются целесообразными, поскольку Большой Кавказ никогда не был для человека преградой, а напротив, служил "мостом" для носителей различных культур, начиная с майкопской в Предкавказье и куро-аракской в Закавказье.

В историографическом обзоре большое внимание уделяется немецким путешественникам (Julius Heinrich von Klaproth) и археологам (Friedrich Bayern, Rudolf Virchow), сыгравшим важную роль в становлении грузинской археологии. Правильно указывается на то, что до Великой Отечественной войны археологическая деятельность на территории Грузии была более разносторонней, тогда как после 50-х годов XX в. главную роль стали играть две археологические экспедиции: Ванская и Мцхетская. При этом основной тенденцией являлось изучение так называемого Колхидского царства, а также столицы Восточногрузинского царства – Мцхета. Автор совершенно справедливо указывает на тот факт, что до сих пор грузинскими археологами не опубликован полностью ни один могильник раннего железного века. На роль кочевников в культурном развитии региона VI–I вв. до н.э. никто не обращал внимания, погребальный обряд этого времени еще практически не изучался. Большинство источников опубликовано на грузинском языке, поэтому недоступно для подавляющего большинства исследователей.

В следующей главе рассматриваются урартские, греческие/латинские и старогрузинские письменные источники, а также нумизматические и эпиграфические данные. Автор приходит к выводу о том, что сведения о Золотом Руне и златообильной Колхиде скорее всего следует отнести к разряду легендарных. До сегодняшнего дня, по существу, нет аргументов, говорящих в пользу существования Колхидского царства: Западная Грузия, в силу своего очень влажного климата и обширных болотистых местностей, не имела условий для развитого овцеводства, а найденные в погребениях золотые вещи до сих пор не были исследованы специалистами. Существование Колхидского царства, по мнению автора монографии, не только не подтверждается информацией письменных источников, более того: Колхида – это скорее географический термин и с V в. до н.э. связывается со скифами.

Разумеется, вывод, предлагаемый А. Билл, не бесспорен, тем не менее, подобная постановка проблемы побуждает исследователей к активному поиску и плодотворным дискуссиям.

Главное место в рецензируемой монографии уделяется анализу погребальных комплексов, в достаточно большом количестве исследованных на территории современной Грузии.

Наиболее важны для А. Билл ингумационные погребения в грунтовых ямах и в каменных ящиках, которые были распределены ею на типы A и B.

Могильники типа A содержат небольшие каменные ящики и грунтовые погребения. По мнению исследовательницы, их можно разделить на две группы: в первой исключительно все могилы содержали простой инвентарь, во второй одно погребение отличалось более богатым инвентарем, тогда как конструкция и размеры могилы не выделялись какими-либо особенностями.

Могильники типа B состоят из небольших погребений без деревянных конструкций, содержат мало инвентаря, тем не менее, они больше и богаче по сравнению с погребениями типа A. Среди них находится несколько больших могил, выделяющихся определенными признаками: сопровождающее конское захоронение и часто обусловленная этим величина могильной ямы, деревянная конструкция, сопровождающие человеческие погребения (захоронения зависимых людей), а также богатый инвентарь. Погребения с выделяемыми автором признаками обычно расположены в центре могильника.

Этому, по существу, одному из главных выводов, который делает А. Билл, предшествовал скрупулезный анализ всего доступного ей материала. В работе с публикациями автор монографии помимо языковых проблем столкнулась с другими сложностями: размеры погребений часто неточные или вообще не приведены; кромлехи, которые иногда встречаются, не описаны; ориентировка погребений не всегда указана; иногда общая информация о могильнике не соответствует данным по отдельным погребениям; часто упоминаются только "скорченные" костяки, причем не указано, на каком боку. "Периферийные" погребения могильников типа B характеризуются только в редких случаях; отсутствуют половозрастные определения.

Несмотря на все эти изъяны в исходном материале автор монографии приходит к вполне обоснованному выводу о том, что на территории современной Грузии имеют место могильники, оставленные не только автохтонным, но и пришлым населением. К числу первых, по мнению исследовательницы, относятся могильники типа A, тогда как могильники типа B следует связывать с сильным влиянием на аборигенов евразийских кочевников.

В погребениях таких могильников представлена "скифская триада": характерное оружие, конское снаряжение, сюжеты скифо-сибирского звериного стиля. Все эти элементы, а также особенности погребального обряда находят аналогии в степной полосе Евразии, что свидетельствует о принадлежности указанных черт к евразийским номадам. О том, что евразийские кочевники осели в рассматриваемом регионе, по-видимому, говорит и тот факт, что на данной территории были обнаружены скифские каменные стелы.

Таким образом, в результате изучения погребальных конструкций и инвентаря А. Билл приходит к следующему выводу: наиболее близкие параллели богатым погребениям типа B находятся в кочевнической среде – в скифских и савроматских погребениях Предкавказья, Поволжья и Сибири. В рассматриваемое время население территории современной Грузии составляло часть греко-скифского мира, сложившегося на побережье Черного моря и имеющего свою специфику, обусловленную присутствием евразийских кочевников. Об этом свидетельствуют не только данные погребального обряда, но и керамика, и монеты. Все вместе перечисленные материалы

говорят о близких связях между Северным Причерноморьем и Западной Грузией.

В целом следует заключение, что Адели Билл удалось серьезное исследование, вносящее несомненный вклад в науку. Дискуссионность ряда высказанных ею положений делает монографию весьма привлекательной свежестью взгляда на источники и некоторые концепции, казавшиеся долгое время незыблемыми. Монография будет несомненно полезна и востребована широким кругом специалистов, занимающихся эпохой раннего железного века Евразии.

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск
Немецкий археологический
институт, Берлин

В.И. Молодин

А. Наглер

"Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры". Коллектив авторов. Харьков: Майдан, 2004. 732 С., ил.

Рецензируемая монография коллектива авторов является первым выпуском многотомного обобщающего издания, посвященного истории и культуре Херсонеса Таврического в эпоху античности и в средние века. В ходе археологических раскопок этого крупнейшего древнего центра Северного Причерноморья, продолжающихся уже более 175 лет, получена огромная масса самого разнообразного материала, касающегося всех областей жизни Херсонеса и его округи. Библиография работ по истории и археологии этого центра насчитывает многие сотни названий. Тем не менее издание, начало которому положено рецензируемым томом, является большим вкладом в изучение истории и культуры не только Херсонеса, но и всего Северного Причерноморья. Оно представляет собой комплексное обобщение и систематизацию на современном научном уровне как результатов раскопок последних лет, так и материалов, полученных предшествующими поколениями исследователей. Эта работа по полноте охваченных вопросов и глубине анализа не имеет аналогов в библиографии Херсонеса Таврического. Предыдущие обобщающие исследования были посвящены или отдельным аспектам исторического развития города на протяжении относительно коротких отрезков времени, или являлись краткими очерками, лишь в общих чертах обрисовывавшими проблемы истории и культуры Херсонеса (обзор библиографии см.: Херсонес Таврический..., 2004. С. 14 и сл.).

Рассматриваемый том посвящен Херсонесу римского времени. Он состоит из предисловия, введения, двух частей основного текста, заключения, пространного английского резюме, списков литературы, архивных материалов и сокращений. Две основные части работы разделены на 13 глав. В каждой главе рассматривается один из аспектов исторического и культурного развития города на соответствующем этапе. Издание содержит большое количество иллюстраций. К сожалению, видимо, по техническим причинам, размеры некоторых из них очень малы, что сказалось на их качестве.

Работу отличает высокий научный уровень. Значительная часть рецензируемого тома посвящена обоснованию периодизации развития Херсонеса, рассмотрению проблем его политической и экономической истории и культуры в римское время. Эти вопросы неоднократно привлекали внимание исследователей, в том числе и авторов рассматриваемой монографии (Зубарь, 1994; 1998; 2004; Крыжицкий, 1993; Сорочан, 1981; Кадеев, Сорочан, 1989 и др.). Полученные ими ранее результаты лежат в основе большинства построений, представленных в работе.

Вместе с тем в монографии не только обобщаются и систематизируются материалы исследований прежних лет, но и рассматриваются результаты новейших раскопок. В последние годы были сделаны интереснейшие археологические и эпиграфические открытия, содержащие новую информацию для исторических реконструкций. В монографии впервые дан развернутый анализ некоторых из этих открытий, результаты которого позволяют проверить и уточнить прежние гипотезы и пересмотреть интерпретацию ряда сделанных ранее находок. Конечно, не все предлагаемые авторами монографии исторические реконструкции являются окончательными и бесспорными. Это прекрасно понимают и сами исследователи. В работе привлекают та обстоятельность, такт и отсутствие категоричности, с которыми, как правило, они выдвигают различные гипотезы. К сожалению, в современной научной литературе так бывает не всегда. К достоинствам издания относится и то, что при рассмотрении проблем древней истории и культуры, имеющих политическое или идеологическое звучание, авторы остаются на строго научных позициях.

Предложенная в монографии периодизация истории Херсонеса и всего Северного Причерноморья отличается в деталях от схемы, применяющейся многими исследователями. В частности, может быть дискуссионным включение в римский период в качестве его заключительного этапа хронологического отрезка со второй пол. III по первую пол. VI в. По признанию самих авторов, некоторые специалисты рассматривают это время как самостоятельный исторический период (Херсонес Таврический..., 2004. С. 9, 15, 16). Но в целом, на мой взгляд, предложенная система достаточно обоснованна и имеет право на существование.

Также, по моему мнению, совершенно справедливо пересмотрена роль Римской империи в истории Херсонеса и всего Северного Причерноморья и характер римского военного присутствия в регионе, что четко сформулировано в монографии (Херсонес Таврический..., 2004. С. 17, 18). Отказ от односторонней оценки римского присутствия в Северном Причерноморье как "оккупации" некоторых его областей наметился ранее в работах ряда современных исследователей. В рецензируемой книге этот подход последовательно применяется при рассмотрении самых разнообразных проблем, что позволяет получить интересные разносторонние выводы и построить обоснованные исторические реконструкции.

В краткой рецензии невозможно подробно охарактеризовать все многообразие проблем, поднимаемых в монографии. Следует лишь отметить, что ряд выводов, полученных авторами при изучении конкретного материала, имеет принципиальное значение для понимания политической, экономической, социальной, этнической и культурной истории Херсонеса. Среди них можно назвать заключение о заметной замкнутости и даже консервативности херсонесского общества, которое на протяжении первых веков н.э. сохраняло мно-

гие черты эллинистической эпохи в культуре, языке, религии, социальной и экономической организации и т.п. В частности, это нашло отражение в незначительном варварском влиянии на культуру города и на этнический состав горожан (Херсонес Таврический..., 2004. С. 223, 250–252), в слабой романизации населения Херсонеса, которая затронула в основном лишь социальную верхушку города (Херсонес Таврический..., 2004. С. 165–167), в сохранении здесь дорийского диалекта до второй половины II в. н.э. (Херсонес Таврический..., 2004. С. 431, 432), в живучести античных языческих культов, в первую очередь, специфического культа Партенос (Херсонес Таврический..., 2004. С. 334–340) и др. В экономической и социальной сферах относительная стабильность развития херсонесского общества в римское время выразилась в сохранявшемся преобладании мелкого и среднего гражданского землевладения античного типа (Херсонес Таврический..., 2004. С. 188–190, 210) и в существенной роли, которую играли в материальном производстве города мелкие свободные производители (Херсонес Таврический..., 2004. С. 218, 219). Безусловно, в различных сферах жизни херсонесского общества происходили постепенные изменения, но их масштабы, глубину и скорость преобразований, как справедливо отмечают авторы монографии, не стоит преувеличивать. Определенный консерватизм и традиционализм являются особенностями исторического и культурного развития Херсонеса на протяжении римского периода, что убедительно показано в книге.

Можно только приветствовать присутствие в рецензируемом томе таких разделов, как "Повседневная жизнь" и "Культурные традиции и новшества". Они дают представление о частной жизни рядовых херсонеситов и позволяют как бы заглянуть на улицы этого города и в дома его жителей. Подобные экскурсы нечасто встречаются в современных отечественных научных изданиях.

Интересна также глава, посвященная искусству Херсонеса первых веков нашей эры. При этом хотелось бы отметить, что, на мой взгляд, ее текст перенасыщен чисто искусствоведческими детальными описаниями тех или иных произведений искусства, в первую очередь, изобразительного. Вероятно, можно было бы несколько сократить описания, но добавить иллюстраций, так как не все даже важнейшие произведения, рассматриваемые в этой главе, представлены в рисунках. Кроме того, возможно, в тексте стоило бы четче разделять произведения херсонесских мастеров и импортные. Это позволило бы более наглядно показать характерные особенности херсонесского искусства.

Представляет большой интерес и глава, посвященная проникновению и распространению христианства в Херсонесе. Херсонес (Херсон, Корсунь) играл особую роль в христианизации Древней Руси, поэтому понятно то внимание, которое проявлялось к вопросам религиозной истории города многими отечественными учеными. Эта проблематика особенно активно разрабатывалась в XIX – нач. XX в., когда многие исследователи стояли на клерикальных позициях. В последнее время эти вопросы вновь привлекают внимание специалистов. Рассматриваемая глава является заметным вкладом в их решение. Авторы монографии помимо письменных источников в своих построениях широко опираются как на новые, так и на уже давно известные археологические материалы, переосмысливая их. Это позволяет им сделать вывод об относительно позднем проникновении христианства в Херсонес и о его постепенном распространении здесь. Широкая христианизация населения города началась лишь в VI–VII вв. (Херсонес Таврический..., 2004. С. 621). Предложенный в монографии критический анализ различных видов источников, который дал возможность прийти к важным заключениям, представляется вполне обоснованным.

Вместе с тем любое научное исследование такого масштаба, как рецензируемая монография, не может быть совсем свободно от спорных или даже ошибочных построений и положений. Как отмечалось, на гипотетичность некоторых из предлагаемых реконструкций прямо указывают сами авторы тома. На мой взгляд, проблематичной является, в частности, реконструируемая система римских укреплений, кастелов и сторожевых башен, якобы существовавшая на восточных границах херсонесских владений во второй пол. II – первой пол. III в., а также перечень пунктов дислокации римских подразделений в Западном Крыму (Херсонес Таврический..., 2004. С. 119–123 и сл.). Анализу имеющихся данных по этому вопросу посвящена специальная статья Т. Сарновски и Л.А. Ковалевской (2004). Содержащаяся в ней критика материалов, служащих основанием для предположений о дислокации римских войск в том или ином пункте, представляется убедительной.

Можно выделить три группы источников, свидетельствующих о присутствии римских войск в конкретном пункте. Они различаются надежностью и степенью информативности по рассматриваемой проблеме. К источникам первой группы относятся отдельные характерные бытовые предметы, имеющие обычное функциональное назначение или особую материальную ценность (специфические римские формы керамики и стеклянных изделий, украшения, металлические сосуды и фурнитура, серебряные монеты и т.п.), находимые на некоторых поселениях или в погребениях. Они не свидетельствуют о непосредственном присутствии в данном месте римских военнослужащих или вообще римского населения. Такие вещи могли попадать на памятники как вместе с их "исконными" владельцами, так и в результате торгового обмена, в качестве военной добычи, даров и т.п.

К источникам второй группы относятся объекты, характерные для римского образа жизни и духовной культуры, которые не могли найти применения в быту других, в первую очередь, варварских народов, а также типично римские гражданские сооружения или постройки, выполненные с использованием римских строительных приемов или материалов. Обычно это находки специфических римских или провинциально-римских культовых объектов, латинские надписи и граффити гражданского содержания, римская клейменая черепица и т.п. Они определенно свидетельствуют о присутствии в данном пункте гражданского римского или романизированного населения. Прямых указаний на размещение римских войск источники этой группы не содержат.

Наконец, к источникам третьей группы относятся объекты, связанные с римской армией. Это характерные оборонительные и бытовые сооружения, надписи с упоминанием военнослужащих, находки предметов римского вооружения и снаряжения, специфические предметы культа и т.п. Они, как правило, свидетельствуют о непосредственном присутствии римских воинских соединений в данном месте.

Исходя из указанных критериев, уверенно можно говорить о размещении римских войск, помимо Херсонеса и Харакса, лишь в Балаклаве-Кадыковке и на высоте Казацкой (Сарновски, Ковалевская, 2004. С. 48). Постоянное присутствие римской армии во всех остальных пунктах, в том числе на высоте Безымянной (ср.: Херсонес Таврический..., 2004. С. 181. Прим. 31), в балке Бермана, на перешейке Маячного полуострова, Усть-Альминском городище, городище Альма-Кермен и других можно только предполагать с различной степенью вероятности[1]. Альтернативную гипотетическую ре-

[1] В этом плане представляется совершенно справедливой критика авторами монографии (Херсонес Таврический..., 2004. С. 406, 407) предположения С.Б. Ланцова о расположении римского сторожевого пункта на Сакской пересыпи (Ланцов, 2003. С. 39–41).

конструкцию системы организации обороны херсонесских владений в регионе предложили в своей работе Т. Сарновски и Л.А. Ковалевская (2004. С. 48, 49).

Также вызывают возражения некоторые воссоздаваемые в монографии события истории позднескифского населения Северо-Западного Крыма и Нижнего Поднепровья. Так, на с. 57, 58 говорится о гибели городищ Северо-Западного Крыма в результате десантных операций войск Плавтия Сильвана (см. также: Зубарь, 2004. С. 162, 163). Этому прямо противоречит утверждение на с. 201 о том, что во II–III вв. большинство этих городищ превращается в обширные земледельческие неукрепленные поселения. Оба утверждения не согласуются с результатами анализа массового керамического материала с этих памятников. Находки, в первую очередь, остатков амфорной тары свидетельствуют, что гибель всех указанных населенных пунктов не была одновременной и относится к другому времени. Раньше прочих прекращается жизнь на городище Чайка. На нем за 45 лет исследований обнаружено менее полутора десятков фрагментов узкогорлых светлоглиняных (позднегераклейских) амфор (Внуков, 1984а. С. 54, 56, 60), широко представленных по всему Северному и Западному Причерноморью со второй четверти I в. н.э.[2] Следовательно, городище фактически прекращает существование до времени их распространения и не доживает до экспедиции Плавтия Сильвана (Внуков, 1984б. С. 68; Попова, 1998. С. 190).

Жизнь на других исследованных поселениях региона продолжалась до кон. I – нач. II в. н.э. Обнаруженные на них самые поздние массовые разновидности тары (например, узкогорлые сосуды варианта В (Колтухов, 1999. С. 24, 25; Уженцев, 2001. С. 166. Рис. 7; Внуков, 2005), появляющиеся не ранее времени Домициана) аналогичны амфорному комплексу, представленному в слоях дакийских городищ, погибших в ходе войн Траяна (Căpitanu, 1976. P. 59, 60. Fig. 35, *4, 5*; 36, *2–4*; Sanie, Sanie, 1992. P. 71, 80. Pl. I, *3a, b*; III, *1, 1b*; V, *3, 4, 7* и др.; Ursachi, 1995. Pl. 178, 180 и др.). Следовательно, позднескифские поселения Северо-Западного Крыма переживают экспедицию Плавтия Сильвана. На некоторых из них, в частности, на городище Кара-Тобе один из горизонтов временного запустения можно связать с действиями римских войск в указанный период (Внуков, 1999. С. 210). Но это разрушение не было тотальным. Жизнь на поселениях скоро возрождается и продолжается еще несколько десятилетий.

Лишь на городищах Тарпанчи и, возможно, Калос-Лимен имеются небольшие комплексы находок и незначительные строительные остатки, которые можно относить ко II–III вв. (Колтухов, 1999. С. 25). Но заселенность Северо-Западного Крыма в это время не идет ни в какое сравнение с численностью населения региона в предыдущий период. Поэтому нет оснований говорить об обширных земледельческих поселениях в Северо-Западном Крыму во II–III вв., поставлявших сельскохозяйственную продукцию в Херсонес (Херсонес Таврический..., 2004. С. 201). Данные А.Н. Щеглова по этому вопросу (1968. С. 342; 1978. С. 135), на которые ссылаются авторы монографии, в настоящее время устарели.

Таким образом, в конце I – начале II вв. н.э. позднескифское население Северо-Западного Крыма покидает этот регион, и, видимо, переселяется в Юго-Западный и предгорный Крым (Дашевская, 1989. С. 128; Колтухов, 1999. С. 97). Возможно, приток населения стимулировал экономический подъем в указанных областях во II–III вв., справедливо отмеченный в публикации. Также не исключено, что свидетельством перемещения населения из Северо-Западного в Юго-Западный Крым является распространение здесь в это время погребений младенцев в сосудах (Херсонес Таврический..., 2004. С. 174). Они встречаются на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма (Чайка, Кара-Тобе и др.) в более раннее время.

Также, на мой взгляд, требуют уточнения время и обстоятельства прекращения существования нижнеднепровских позднескифских городищ. Эти проблемы изложены в работе довольно расплывчато. Авторы монографии связывают гибель поселений в Нижнем Поднепровье с появлением новой волны сарматских племен с востока где-то во II в. н.э. (Херсонес Таврический..., 2004. С. 168; см. также: Зубарь, 2004. С. 168, 169). К сожалению, более определенная дата в работе не указывается, хотя это принципиально важно для восстановления исторической ситуации в регионе. Судя по контексту, авторы, видимо, полагают, что рассматриваемые события могли происходить около середины столетия. По всей видимости, имеется в виду появление носителей позднесарматской культуры. Многие исследователи именно к этому времени относят их продвижение в Северное Причерноморье (Arsen'eva, Bötger, 1997. С. 461; Симоненко, 2001. С. 78; Безуглов, 2001. С. 22; Гугуев, Глебов, 2002. С. 102).

При обращении к проблеме гибели нижнеднепровских городищ авторы рецензируемого тома ссылаются лишь на работы исследователей 50–60-х годов XX в. Вместе с тем массовый керамический материал раскопанных в регионе памятников свидетельствует, что и здесь большинство позднескифских поселений прекращает существование в разное время на протяжении I в. н.э. и не доживает до второй четверти II в. н.э. В частности, как показал анализ керамических коллекций, на городищах Гавриловка и Золотая Балка узкогорлые светлоглиняные амфоры отсутствуют (Погребова, 1958. С. 217, 218) или представлены буквально единичными обломками (Вязьмітіна, 1962. С. 166, 167). Жизнь на этих поселениях, как и на городище Чайка, вопреки мнению ряда исследователей, прекращается до распространения указанного вида тары. Амфорный комплекс других поселений (Любимовка и др. (Вязьмітіна, 1962. С. 161)) свидетельствует о том, что они функционируют на протяжении всего I в. н.э. Но лишь единичные позднескифские памятники региона продолжают существовать во II в. н.э. (Дашевская, 1989. С. 145). Поэтому нет бесспорных оснований связывать гибель всех нижнеднепровских городищ с "появлением новых сарматских племен, двигавшихся с востока" около середины II в. (Херсонес Таврический..., 2004. С. 168).

Исходя из этого, прекращение функционирования большинства позднескифских городищ Нижнего Днепра не может быть синхронно погребению "аланского военачальника" из Неаполя Скифского (Херсонес Таврический..., 2004. С. 168), но ситуация здесь обратная. Вопреки мнению Т.Н. Высотской (1979. С. 203), это погребение относится не к началу II в., а ко времени не ранее середины столетия (Внуков, 2005). В частности, в нем найдена светлоглиняная узкогорлая амфора варианта С. Подобные сосуды сменяют амфоры варианта В во второй четверти II в. Они отсутствуют на позднескифских городищах Нижнего Днепра, Северо-Западного Крыма и на дакийских памятниках, погибших в ходе римского завоевания, но представлены в ранних слоях римского лагеря в Кадыковке, построенного примерно в середине II в. (Клёнина, 2000. С. 123, 128).

Таким образом, около середины II в. Неаполь Скифский (и не только он – см.: Гугуев, Глебов, 2002. С. 102), видимо, действительно был разрушен племенами позднесарматской культуры, отражением чего явились, в частности, захоронения на территории городища (Херсонес Таврический..., 2004. С. 168). Но эти события произошли после гибели большинства позднескифских городищ Нижнего Днепра и Северо-Западного Крыма и хронологически никак с ней не связаны.

[2] Подробно о датировках понтийских амфор римского времени здесь и далее см.: Внуков, 2005.

Завершая рассмотрение вопросов, затрагивающих массовые археологические находки, хочется остановиться еще на некоторых моментах. Авторы монографии совершенно справедливо отмечают, что порой качество первичной фиксации материалов раскопок Херсонеса или их публикаций, а также недостаточная степень исследованности тех или иных категорий находок не дают возможности получить достаточно надежные реконструкции (Херсонес Таврический..., 2004. С. 274). Очень наглядно это проявилось в разделах, касающихся архитектуры и, особенно, торговых связей Херсонеса. Анализируя торговлю, авторы наряду с прочим рассматривают и керамический импорт в город. При этом основное их внимание уделено бытовым изделиям – краснолаковой керамике, светильникам и т.п. Огромный массив импортной амфорной тары Херсонеса остается практически вне рамок рассмотрения. Вместе с тем именно товары, перевозившиеся в амфорах, составляли основной физический объем поступавшего импорта (Херсонес Таврический..., 2004. С. 255. Прим. 50). Большое значение амфорной тары для изучения торговых связей центров древнего мира не вызывает сомнений. Однако амфорный материал Херсонеса римского времени до сих пор остается практически неисследованным на современном научном уровне.

Считаю возможным сделать еще несколько небольших конкретных замечаний. В некоторых работах (Кадеев, Сорочан, 1989. С. 19; Клёнина, 2000. С. 128 и др.), как и в рецензируемой монографии (Херсонес Таврический..., 2004. С. 197), встречается расхожее утверждение, что в светлоглиняных амфорах перевозилось вино и оливковое масло. Но, как показали исследования последних лет, все эти сосуды изготавливались в римское время в Гераклее Понтийской (Внуков, 1993; Arsen'eva et al., 1997). Как известно, Гераклея не производила и не экспортировала оливкового масла. Древние авторы прямо указывают на то, что в Гераклее культурное оливковое дерево не произрастало (Xen., Anab, VI, 4, 6; ср.: Strabo., II, I, 15). Таким образом, светлоглиняные позднегераклейские амфоры были исключительно винной тарой.

Также вызывает возражения предположение о налаживании производства краснолаковой посуды скифами Юго-Западного Крыма (Херсонес Таврический..., 2004. С. 204). Для этого необходимо достижение определенного общего уровня развития керамического ремесла и овладение быстрым ножным гончарным кругом. Все имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют, что поздние скифы не владели не только быстрым, но и более простым медленным ручным кругом. По всей видимости, низкое качество античной посуды, часто встречаемой на варварских поселениях вокруг Херсонеса, действительно следует объяснять ее массовым производством в условиях высокого спроса на этот товар, а также низкими требованиями к качеству посуды, специально приобретаемой для погребений (Херсонес Таврический..., 2004. С. 204).

Не могу согласиться и с утверждением авторов о том, что склепы с овальными или круглыми камерами в Юго-Западном Крыму следует связывать исключительно с инфильтрацией сарматов (Херсонес Таврический..., 2004. С. 229). Подобные погребальные сооружения встречаются в некоторых позднескифских некрополях Северо-Западного Крыма I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э., когда сарматское влияние в регионе не прослеживается. В некрополе Кара-Тобе открыты склепы этого времени с овальными камерами, в точности соответствующие сооружениям, приведенным в монографии на рисунках 91, *3, 4* (Внуков, Лагутин, 2001). Возможно, не стоит столь однозначно связывать подобные погребальные конструкции с сарматами. Не исключено, что их распространение в Юго-Западном Крыму в первые века н.э. хотя бы отчасти может быть вызвано предполагаемым переселением в этот район позднескифского населения из Северо-Западного Крыма в начале II в.

В этой связи вызывает вопросы рисунок 91 на странице 229. Неясно, какое отношение к рассматриваемым проблемам имеют склепы с прямоугольными камерами, объединенные на нем в группу I. Эти склепы не упоминаются в тексте и не соответствуют имеющейся подрисуночной подписи.

При создании столь объемной коллективной монографии возникают особые сложности при редакторской подготовке издания. В частности, они проявились в бросающейся в глаза стилистической разнородности некоторых глав. Главы 6 и 8, посвященные быту и культуре Херсонеса, написаны просто, живым языком, достаточно популярно. Конечно, этому способствовали и сами рассматриваемые сюжеты. В то же время глава 4, в которой исследуется государственное устройство Херсонеса, написана довольно сухо, тяжело и изобилует специальными терминами. Фразы типа: "В надписях эллинистического периода номофилаки выступают в роли коллегиальной магистратуры, которая вместе с диойкетом имела пробулевтические функции" (Херсонес Таврический..., 2004. С. 263) явно рассчитаны лишь на узких специалистов. Безусловно, добиться полной однородности всей монографии практически невозможно, тем не менее, сглаживание резких стилистических различий текста некоторых глав пошло бы только на пользу изданию.

Помимо этого в разных частях работы иногда встречаются положения, противоречащие друг другу. На одно из них, касающееся времени существования и обстоятельств гибели позднескифских городищ Северо-Западного Крыма, было указано выше. Кроме того, в монографии неоднократно отмечалось, что вторая элевтерия была получена Херсонесом в самом конце 30-х – 40-х годов II в. (Херсонес Таврический..., 2004. С. 67, 629 и др.), т.е. в правление Антонина Пия, что соответствует данным письменных источников[3]. В то же время на странице 438 это событие почему-то отнесено к 30-м годам II в.

Рецензируемая монография высветила также проблемы, возникающие при анализе отдельных материалов, полученных в результате исследований прошлых лет. Как отмечалось, порой это связано с недостаточным методическим уровнем проведения некоторых полевых работ (Херсонес Таврический..., 2004. С. 274). Специфической проблемой, с которой неоднократно сталкивались не только авторы монографии, но и другие исследователи, является отсутствие полных публикаций данных о ряде важнейших памятников, объектов или комплексов Херсонеса (Херсонес Таврический..., 2004. С. 274, 501). Научная общественность уже долгие годы ожидает введения в научный оборот материалов раскопок таких ключевых объектов, как херсонесский театр, римская цитадель, могильник "Совхоз № 10" и многих других. В рассматриваемой работе также отчетливо проявилась важность тщательного учета и изучения массового археологического материала для получения обоснованных исторических заключений. Поэтому хочется надеяться, что выход в свет данной монографии послужит дополнительным стимулом для активизации деятельности по обработке и публикации накопленных материалов, в том числе и массовых.

[3] В последней своей опубликованной монографии В.М. Зубарь присоединился к мнению В.А. Сидоренко, который на основании анализа нумизматического материала относит получение Херсонесом элевтерии ко времени после 142 г. (Зубарь, 2004. С. 175). Это уточнение представляется вполне обоснованным.

Хочется также отметить, что рецензируемая книга, написанная интернациональным коллективом, является ярким примером плодотворного сотрудничества украинских и российских ученых. Раскопки Херсонеса и изучение его материалов традиционно отличает высокий уровень международного научного сотрудничества, взаимовыгодного для всех его участников.

Таким образом, несмотря на представленную критику и сделанные замечания, выход в свет рецензируемой монографии является заметным событием в исследовании древней истории Северного Причерноморья. Данный труд подводит итог длительному периоду изучения Херсонесского государства и представляет значительный научный интерес. Хочется надеяться, что и остальные подготавливаемые тома этого издания будут не менее удачными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Внуков С.Ю. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1984а. № 6.

Внуков С.Ю. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки) // СА. 1984б. № 2.

Внуков С.Ю. Применение метода сравнительного петрографического анализа для определения центра производства светлоглиняных амфор // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993.

Внуков С.Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 1999.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II (петрография, хронология, проблемы торговли). СПб., 2005.

Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

Вязьмітіна М.І. Золота Балка. Київ, 1962.

Гугуев Ю.К., Глебов В.П. Рец.: И.В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000 // Донская археология. 2002. № 1–2.

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989.

Клёнина Е.Ю. Тарная керамика // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.

Погребова М.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.

Попова Е.А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Сарновски Т., Ковалевская Л.А. О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. № 2.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4.

Сорочан С.Б. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н.э. – V в. н.э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

Уженцев В.Б. Калос-Лимен в I в. до н.э. – начале II в. н.э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001.

Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Arsen'eva T.M., Bötger B. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996 // Eurasia Antiqua. 1997. V. 3.

Arsen'eva T., Kassab Tezgor D., Naumenko S. Un depotoir d'atelier d'amphores a pate clare. Commerce entre Heraclee du pont et Tanais a l'epoque Romaine // Anatolia Antiqua. 1997. V. V.

Căpitanu V. Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice in aşezarea geto-dacică de la Răcătău (judeţul Bacău) // Carpica. T. VIII. Bacău, 1976.

Sanie S., Sanie Ş. Cetăţuia geto-dacică de la Barboşi (IV) // Arheologia Moldovei. 1992. T. XV.

Ursachi V. Zargidava. Cetatea dacică de la Brad // Bibliotheca thracologica. T. X. Bucureşti, 1995.

Институт археологии РАН,
Москва

С.Ю. Внуков

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 1, с. 176–190

ХРОНИКА

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "СКИФЫ И САРМАТЫ В VIII–III ВВ. ДО Н.Э."

В г. Азове с 13 по 17 декабря 2004 г. прошла II Международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.", посвященная 105-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. Она была проведена при поддержке РФФИ (грант № 04-06-85067) под председательством академика Г.М. Бонгард-Левина (сопредседатели – В.И. Гуляев, С.И. Лукьяшко и В.Е. Максименко). К началу работы был выпущен сборник тезисов докладов «II Международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э."» (Азов; Ростов-н/Д., 2004).

Первая конференция по проблемам скифо-сарматской археологии, посвященная памяти выдающегося российского археолога, стоявшего у истоков отечественного скифо- и сарматоведения, Б.Н. Гракова, проходила в г. Дедовске (Московская обл.) в декабре 1999 г. В соответствии с принятой тогда резолюцией установлена периодичность проведения конференций по избранной тематике: один раз в пять лет. Место для собрания исследователей в 2004 г. было определено не случайно. В последние годы наблюдается заметное увеличение числа изученных памятников скифского времени в Приазовье. Интерес к этому географическому и историко-культурному району Великой степи возрастает. После образования на бывшей территории СССР независимых государств центр практических работ российских археологов в области скифоведения сместился на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области и Приазовья. К тому же Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, на базе которого проходила конференция, приурочил к началу ее работы открытие специальной выставки, составленной из лучших экспонатов археологических сокровищниц Азовского и Краснодарского музеев.

Конференцию открыл *В.И. Гуляев*, который в коротком приветственном слове поздравил собравшихся с началом работы и отметил огромный вклад в развитие скифологии в России Б.Н. Гракова.

Приветственное выступление проф. *В.Е. Максименко* сопровождалось коротким любительским фильмом, отснятым на предыдущей конференции в г. Дедовске. С экрана улыбались те, кто еще недавно активно трудился вместе с ныне здравствующими исследователями. За прошедшие пять лет из жизни ушли крупные специалисты в области скифо-сарматской археологии: А.И. Мелюкова, М.П. Абрамова, Д.С. Раевский, Б.Ф. Железчиков, В.В. Дворниченко, В.С. Ольховский. Присутствующие вставанием почтили память коллег. В кулуарах конференции отмечалось старение сообщества скифологов как России, так и Украины, и необходимость выведения образовательных задач в ранг важнейших в высшей школе и науке.

В выступлении *С.И. Лукьяшко* были отмечены тенденции, свидетельствующие о падении престижа археологической науки в глазах государственных чиновников. Кроме того, уходят из жизни кадры преподавателей в высшей школе. Нет современных учебников, нет адекватных нынешнему времени разработок по методике полевых исследований. С обретением независимости Украиной и Грузией археологическое антиковедение сократилось до границ Восточного Приазовья и черноморского побережья Краснодарского края. Стремительно развивающийся процесс приватизации земли ставит памятники истории и культуры, особенно те из них, которые сегодня еще не выявлены и не поставлены на учет, в ситуацию, близкую к положению в Причерноморье и Приазовье в XVIII – начале XIX в. На юге России появились кладоискатели, которые организуются в общества, и, при поддержке недобросовестных и некомпетентных журналистов, получают статус "черных археологов", тем самым соотносясь в массовом сознании с "альтернативной постсоветской" наукой. Они обретают легальное положение и активно грабят памятники, пополняя находками антикварные рынки не только в стране, но и за рубежом. Все эти вопросы нуждаются в компетентном и серьезном государственном регулировании. В таких условиях научное сообщество не может бездействовать, необходимы немедленная организация и проведение Всероссийской научно-практической конференции с участием археологов, инспекций охраны памятников, юристов и представителей земельных комитетов.

Рабочая часть конференции была открыта докладом *В.И. Гуляева* "Донская археология и некоторые общескифские проблемы". Докладчик отметил важное значение среднедонских памятников для археологии скифского времени. Он ясно сформулировал основную проблему доклада: "...входила ли лесостепь Северного Причерноморья в территорию Скифии?". Было отмечено значительное разнообразие мнений по этому поводу. С точки зрения В.И. Гуляева, подкрепленной археологическими, антропологическими и палеоэкологическими наблюдениями, скифы присутствовали в лесостепи и вне зависимости от их количества составляли здесь господствующую силу. По-видимому, эта территория входила в состав скифского государства, скифы держали под контролем все прочие народы и племена. Исследователь находит большое сходство между нижнедонскими и среднедонскими памятниками скифского времени, поддерживая тем самым тезис о скифской принадлежности населения Нижнего Дона. Общий вывод доклада утверждает существование единого военно-политического объединения – Европейской Скифии, в составе которой были и лесостепные районы Среднего Дона; восточной периферией ее была Донская Скифия. Заметим, что на первой скифо-сарматской конференции 1952 г. термин "Донская Скифия" не фигурировал.

В докладе *А.П. Медведева* "О "скифах на Среднем Дону" была представлена противоположная точка зрения. По мнению исследователя, не следует включать в название культурных комплексов термины, имеющие этническое содержание. Как показывает опыт, такого рода определения впоследствии могут довлеть над археологическим комплексом и придавать ему не вытекающую из его содержания характеристику. Вызывает у докладчика возражения и маркирование этнической составляющей культуры по престижным предметам, которые как для Среднего Дона, так и для Причерноморской Скифии являются продукцией одних и тех же ремесленных центров, и если и несут этническое содержание, то в весьма незначитель-

ном количестве. А.П. Медведев обратил внимание на то, что при внешнем сходстве материальной составляющей культур скифского времени степи и лесостепи налицо явные отличия в признаках погребальной обрядности. Поэтому он считает, что среднедонскую культуру следует отнести к кругу скифоидных культур Восточной Европы. По его мнению, существенным недостатком гипотезы "о присутствии этнических скифов на Среднем Дону" является полное игнорирование материалов из многочисленных городищ и поселений. При всем внешнем сходстве поселенческого и курганного комплекса у ст. Елизаветинской и аналогичных памятников на Среднем Дону они при ближайшем рассмотрении передают различные системы связей и не должны объединяться в рамках одной культуры. По мнению А.П. Медведева, археологический комплекс памятников скифского времени Среднего Дона может быть соотнесен с гелонами и будинами Геродота, что возвращает нас к старой гипотезе П.Д. Либерова.

В.Е. Максименко представил на конференции доклад "Река Танаис в античной традиции". Под этим именем древним грекам была известна не одна река. Но именно на Дону был отстроен "соименный" город, поэтому докладчик не сомневается в безусловной справедливости сопоставления нижнего течения реки Дон с Танаисом греческих источников. Как пролегало течение Танаиса выше устья, какая из степных рек, Дон или Северский Донец воспринималась, как Танаис в древности – эти вопросы и составили предмет исследования в докладе. В.Е. Максименко справедливо замечает, что и во времена Страбона о направлении течения реки полного представления не было. Он допускает, что древние греки вполне могли считать Северский Донец основным руслом, а не притоком, поскольку и сегодня русла Дона и Северского Донца не имеют существенных различий в месте слияния. Опираясь на сообщения античных авторов о границах между скифами и савроматами, восходящие к Геродоту, исследователь проводит границу между этими этническими образованиями по Северскому Донцу, что позволяет делать вывод о принадлежности памятников междуречья Дона и Северского Донца круга Шолоховского комплекса к историческим савроматам. К тому же, по справедливому замечанию В.Е. Максименко, памятники этого типа отличаются от классических скифских.

Доклад вызвал бурную реакцию аудитории. В выступлении С.И. Лукьяшко отмечалось, что аргумент, касающийся современного облика устья реки Северский Донец, зависит от персонального восприятия ситуации В.Е. Максименко. В действительности русло Северского Донца меньше русла Дона. Кроме того, название "Донец" – это уменьшительно-ласкательная форма, производная от названия "Дон". В казачьей мифологии известна легенда о Доне Ивановиче и его сестре, которая соревнуется с братом в беге и изнемогает, избив ноги о камни. Благородный брат подхватывает ослабевшую сестру и доносит ее до моря. Таким образом, и в средневековье сомнений в том, какая из упомянутых рек является главной, не было. Что касается археологической составляющей гипотезы, то следует отметить, что комплекс северодонецких памятников так же далек от савроматских материалов Поволжья, как и от скифских древностей Причерноморья. В погребальной обрядности и в материальной культуре северодонецкого населения налицо связи со среднедонскими памятниками скифского времени. Этническая интерпретация рассматриваемых материалов в значительной степени зависит от определения исходных для распространения культуры комплексов. Памятники круга Шолоховского кургана обозначают южную периферию скифских древностей среднедонского облика. А.П. Медведев отметил, что точка зрения В.Е. Максименко не может быть обоснована, исходя из античных источников. Автор доклада и сам обратил внимание на то, что представления о течении Дона выше устья реки у античных географов были нечеткими и в постскифское время. Изучение письменных источников требует специальных лингвистических знаний. Обращаясь без должной подготовки к анализу античной традиции, археолог вносит излишнюю путаницу в и без того сложный процесс реконструкции географических представлений древности.

С.В. Махортых выступил с докладом "Оселки из киммерийских погребений Северного Причерноморья". Докладчик систематизировал значительный материал, отметив, что оселки являются характерной частью киммерийской культуры и сопровождают новочеркасские и черногоровские погребения. Особенно много их встречается в Поднепровье и в Крыму. В Побужье и Орельско-Самарском междуречье они пока известны исключительно в черногоровских памятниках. Оселки находят, в основном, у пояса погребенных, изредка – у груди слева и (единичный случай) в кисти правой руки.

С.И. Лукьяшко выступил с докладом "Лепная керамика кочевого населения Нижнего Дона скифского времени". Он обратил внимание на неразработанность понятийного археологического аппарата, которая сдерживает сегодня развитие науки. Донской материал скифского времени был разделен докладчиком на две большие группы: правобережную и левобережную. Из представленной типологической схемы следует, что наборы керамических форм левого и правого берегов Дона отличаются между собой; заметны различия и между подкурганными комплексами степи и поселенческим материалом.

Донская тематика была затронута и в докладе *Л.С. Ильюкова* "Каратаевский могильник – памятник раннего железного века в низовьях Дона". Этот необычный для скифского мира памятник обнаружен на правом коренном берегу правого дельтового русла р. Дон, носящего название Мертвый Донец, на расстоянии прямой видимости от Елизаветинского поселения. Исследованы около 40 погребений. Датируется могильник V–IV вв. до н.э. Л.С.Ильюков предположил, что погребения были подкурганными, но насыпи не сохранились. Общий вывод докладчика сводится к тому, что население Нижнего Дона было полиэтничным, оно включало и группы оседлого населения, втянутые в орбиту экономических связей греко-варварского мира.

А.С. Скрипкин представил доклад "К проблеме истории Нижнего Дона в IV в. до н.э.", в котором обратил внимание на изменение традиционной ориентировки погребенных и зарождение обычая их диагонального положения в могильной яме. Археологические данные позволяют связывать ранний пласт захоронений этого типа с Южным Приуральем, в дальнейшем они получили распространение в Поволжье и на Нижнем Дону. Диагональные погребения в волго-донском регионе датируются IV в. до н.э. А.С. Скрипкин обратил внимание на воинский характер рассматриваемой группы комплексов, в которых встречаются полные наборы вооружения: меч, колчан, копье. Учитывая, что диагональные погребения на Нижнем Дону и Волге сопровождались и новыми типами погребальных сооружений, находящими аналогии в Южном Приуралье, докладчик предполагает достаточно массовое проникновение кочевого населения с исходной территории на запад. Новая группировка интегрировала в свой состав предшествующих савроматов и могла носить название сирматы.

Д.В. Каравайко в докладе "Последние исследования памятников юхновской культуры" подвел итоги изучения юхновских поселений и городищ в Черниговской области Украины. В 2002 г. исследовалось городище "Песочный Ров" об-

щей площадью 150 м^2. Открыты семь хозяйственных ям и постройка. Датировка городища и поселения, предложенная в свое время А.Е. Алиховой – IV в. до н.э. – подтверждается современными исследованиями.

Л.Т. Яблонский в соавторстве с *Д.В. Мещеряковым* сделали доклад "Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры". Авторы обратили внимание на то, что дореволюционные материалы Прохоровского могильника стали предметом современной дискуссии о раннесарматской хронологии и периодизации культур сарматского типа. В 2003 г. Прохоровская археологическая экспедиция Института археологии РАН доследовала объекты, обозначенные на плане С.И. Руденко. В результате раскопок более чем трех десятков погребений уточнены и подтверждены представления о хронологии могильника, изложенные в работе М.И. Ростовцева 1918 г., и неопровержимо доказана принадлежность всех захоронений памятника к единой ступени раннесарматской культуры (IV – нач. II в до н.э.), причем значительное число комплексов датируется в пределах III в. до н.э. Таким образом, материалы могильника у д. Прохоровка не противоречат традиционной периодизации сарматских древностей, предложенной в свое время Б.Н. Граковым и К.Ф. Смирновым, а лишь подтверждают ее.

В дискуссии по докладу выступающие отмечали, что представленные новые данные наряду с другими действительно свидетельствуют о полной беспочвенности и несостоятельности попыток бездумной ревизии концепции Б.Н. Гракова – К.Ф. Смирнова. Ничего, кроме путаницы и недоразумений, подобные попытки в науку не вносят и отвлекают внимание исследователей от реальных проблем сарматоведения.

Совместный доклад *С.А. Скорого* и *Я. Хохоровски* "Металлические средства защиты боевого коня (по материалам элитного кургана Скифская Могила)" был зачитан С.А. Скорым. Было выдвинуто предположение о широком использовании средств защиты коня в скифском воинском быту, но отмечено, что до недавних пор такие изделия археологически были представлены преимущественно налобниками. В настоящее время коллекция металлических средств защиты боевых коней расширилась в результате исследования в 2001–2003 гг. элитного кургана Скифская Могила начала V в. до н.э., входившего в состав курганного могильника Мотронинского городища. Находки в Скифской Могиле позволяют, по мнению авторов доклада, предполагать наличие у скифов тяжеловооруженной конницы и селективной деятельности по выведению специализированных пород лошадей.

В.П. Копылов и *С.Ю. Янгулов* представили доклад "Погребения "амазонок" в курганах Елизаветинского могильника". Начало исследования этого вопроса было положено *Э.В. Яковенко*, поэтому авторы доклада сочли возможным включить покойного исследователя в число соавторов. Были выделены предметы и их сочетания в комплексах, по которым диагностируется пол погребенных (сохранность костного материала в исследуемом могильнике плохая, что в высшей степени затрудняет определение пола по костям скелетов). Женщины, захороненные с оружием, были встречены в разных группах погребений могильника; в этом ряду имеются и социально престижные комплексы, что, по мнению докладчиков, свидетельствует о высоком положении женщин в Елизаветовском обществе. Вместе с тем В.П. Копылов и С.Ю. Янгулов решительно выступили против тезиса об исключительно савроматской принадлежности погребений женщин с оружием. При обсуждении доклада С.И. Лукьяшко заметил, однако, что использование методики определения пола по сопровождающему инвентарю всегда носит характер предположения.

Коллективный доклад *В.Г. Петренко, В.Е. Маслова, А.Р. Канторовича* "Погребение знатного подростка из могильника Новозаведенное-II" был посвящен результатам многолетних исследований раннескифского могильника у с. Новозаведенное в Ставропольском крае. Представленный в докладе материал относится к кургану 17, высотой более 5 м и диаметром 40–42 м. Погребение датируется VI в. до н.э. Важны гендерные наблюдения о том, что в могильнике были встречены два погребения подростков (курганы 6 и 17). Погребение в кургане 17 уникально не только из-за надмогильного сооружения, но и по составу инвентаря, что позволяет отнести его к всаднической верхушке общества.

Совместный доклад *А.М. Лескова* и *В.В. Кропотова* "Курган у с. Кринички в Восточном Крыму (по материалам работ 1957 г.)" был зачитан В.В. Кропотовым. Докладчик сообщил, что в центре кургана был обнаружен каменный склеп, ограбленный в древности, его свод не сохранился. Остатки погребального инвентаря датируют сооружение II–I вв. до н.э. Склеп выделяется среди серии подобных позднескифских сооружений "античным" обликом. Позже в насыпь кургана было впущено погребение II в. н.э. с гончарным кубком и сильно профилированной фибулой.

В докладе *Т.В. Рябковой* "История исследования 1-го Разметного кургана близ станицы Костромской" были представлены результаты архивных изысканий, которые показали, что 1897 г. был для Н.И. Веселовского очень напряженным. С 20 мая по 17 сентября он руководил раскопками в Майкопе, станицах Костромской, Андрюковской, Царской, Белореченской, осматривал по поручению ИАК курганы в станицах Бесленеевской и Баталпашинской, древние храмы и развалины города на реке Зеленчук. В результате в отчетной документации и описи имеются существенные ошибки. Отредактированный и переработанный отчет был опубликован в ОАК в 1900 г. Неточности и ошибки в отчете Н.И. Веселовского требуют осторожного отношения к материалам указанного кургана.

Рабочие заседания продолжил доклад *С.С. Вострикова* "К вопросу о теоретической и информационной обоснованности использования баз и банков данных в археологии". Докладчик попытался проследить развитие в археологии методов статистической обработки материалов и обратил внимание на то, что формализации и созданию алгоритмов описания археологических артефактов препятствует уровень разработки понятийного аппарата науки.

В выступлении по этому докладу Л.Т. Яблонский выразил сожаление, что в историографической части докладчик не упомянул имени Г.А. Федорова-Давыдова, который стоял у истоков разработки статистических методов в археологии. Далее он отметил, что с появлением компьютеров десятки коллективов в различных археологических центрах принялись составлять базы данных археологических материалов, что само по себе отрадно. Плохо то, что из-за отсутствия согласованности в действиях коллективов, представляющих иногда одно и то же направление в археологии, и терминологического разнобоя эти базы оказываются мало сопоставимыми. Настало время разработки типовых форм для таких баз с целью их унификации, что, в свою очередь, требует прежде всего разработки унифицированной терминологии. Это замечание вызвало поддержку аудитории.

С.Б. Вальчак и *Н.В. Тарасова* представили тезисы доклада "Семантика шлемовидных бляшек и лунниц предскифского времени". Эта категория предметов материальной культуры хорошо известна специалистам и является деталью как уздечки лошади, так и головного убора человека. Систематизиро-

вав все известные находки этой группы, авторы доклада предложили их типологию. По мнению исследователей, шлемовидные бляхи предскифского времени являются своеобразным "геометризированным" изображением головы солнечного или лунного быка.

В ходе обсуждения доклада С.И. Лукьяшко обратил внимание на то, что подобная трансформация образа вполне вписывается в представление об эволюционном развитии культур поздней бронзы и раннего железного века и является еще одним аргументом в пользу концепции автохтонного происхождения скифов Б.Н. Гракова.

Интерес вызвали также тезисы коллективного доклада *С.Б. Вальчака, В.И. Гуляева* и *Е.И. Савченко* "Об одной из деталей скифской уздечки Восточной Европы". Исследователи проанализировали группу находок, оказавшихся вблизи или в составе конской упряжи в погребениях; это пластинчатые дуговидные предметы с петлями по краям и четырьмя заостренными уступами на внутренней стороне. По их мнению, на определенном этапе развития конской упряжи возникла необходимость усилить строгость управления лошадью, поэтому появились системы, известные в экипировке лошади под названием "капсюль". Причины такого усовершенствования связываются исследователями с возникающей в походах необходимостью смены хорошо обученных лошадей лошадьми из табунов, не прошедшими соответствующего тренинга.

В.Е. Максименко и С.И. Лукьяшко согласились с предложенной реконструкцией функционального назначения рассматриваемых объектов, но возразили против включения в число изделий этого круга железного предмета из Шолоховского кургана.

К представленному в тезисном виде докладу *Е.Ф. Батиевой* "Ранние кочевники Нижнего Подонья по антропологическим данным" были привлечены данные о 30 скелетах. Низкая плодовитость женщин и очень низкая продолжительность их жизни свидетельствуют о неблагоприятной демографической ситуации. Статистический анализ показывает, что в низовьях Дона и Маныча в местах, благоприятных для жизни, численность учтенных групп больше и демографические показатели приближаются к нормальным. Исследовательница отметила также различия в сериях донской предскифской и украинской черногоровской групп. Сравнение изученных черепов показывает их близость, прежде всего, к широколицым сериям: скифам Северного Причерноморья, савроматам Поволжья и средним сарматам.

М.В. Добровольская представила тезисы доклада "К антропологии среднедонского населения скифского времени". Ею подведены итоги многолетней работы Потуданской (донской) экспедиции, исследовавшей курганные могильники вблизи сел. Терновое и Колбино. Собрана коллекция материалов по 75 индивидам. Анализ серии показал высокую смертность у мужчин в третьем и четвертом десятилетии, что свидетельствует об их активном образе жизни. Возрастная динамика смертности у женщин близка к мужскому варианту, пик смертности не попадает на наиболее активный детородный период. Учет маркеров стресса позволяет считать группу достаточно благополучной.

В тезисах доклада *А.П. Бужиловой* и *М.А. Соколовой* "Травмы и социальное окружение (по материалам сарматских погребальных комплексов)" отмечен высокий показатель распространения черепных травм, что является маркером агрессивности и неблагополучия социальной атмосферы в популяции. Анализ ситуации позволил авторам сделать вывод о повсеместном распространении военных конфликтов в сарматскую эпоху.

Е.Е. Фиалко представила тезисы доклада "Округлодонные чаши в знаковой системе скифов". Проанализировав большой массив находок, она пришла к выводу, что деревянные чаши с золотым декором можно рассматривать как признак мужского воинского погребения, как знак особой отваги и заслуг. Автор отметила, что чаши могут быть и хронологическими индикаторами: наиболее ранними являются пластины со сплошным орнаментом, покрывающим большую часть их поверхности; по мере приближения к концу IV в. до н.э. они становятся более схематичными, появляются прорези и ажурность. Ручки с объемными фигурами животных характерны для рубежа IV–III вв. до н.э.

Конференция приняла ряд важных постановлений. Решено провести следующую скифо-сарматскую конференцию памяти Б.Н. Гракова не через пять лет, а через три года в Ростове. Также было принято решение о подготовке энциклопедического словаря "Скифы", создан оргкомитет словаря и решено подготовить к марту 2006 г. словник, который оргкомитет обсудит в рабочем порядке и определит приглашенных к участию в проекте авторов. Оргкомитету предложено заняться поиском финансовых возможностей для осуществления этого проекта.

Институт археологии ИА РАН,
Москва
Южный научный центр РАН,
Азов

В.И. Гуляев, Л.Т. Яблонский

С.И. Лукьяшко

КОНФЕРЕНЦИЯ "АРХЕОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ"
(К 90-летию со дня рождения Б.А. Колчина)

1–3 ноября 2004 г. состоялась конференция "Археология и естественнонаучные методы", проводившаяся Институтом археологии РАН при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-14030г). На конференции был рассмотрен круг вопросов, связанных с применением методов естественных наук при изучении исторических процессов.

Конференция была посвящена памяти основоположника нового направления в археологии Бориса Александровича Колчина. Научная деятельность которого неразрывно связана с созданной им в Институте археологии Лабораторией естественнонаучных методов. Б.А. Колчиным намечены основные направления применения новых методов в археоло-

гии, которые продолжают успешно развиваться и в настоящее время.

С приветствием к участникам конференции обратился проф. Радомир Плейнер (Институт археологии Чешской академии наук), который отметил , что Б.А. Колчин был выдающимся ученым и организатором науки. Проф. Р. Плейнер подчеркнул, что полученные Б.А. Колчиным результаты служат образцом успешных работ в области археометаллургии.

Участники конференции представляли ведущие академические, музейные и университетские научные центры России – Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Владивосток, Псков, Великий Новгород, Ульяновск, Тулу. С докладами выступили ученые из Чешской Республики и Республики Украины.

Открывая конференцию, директор Института археологии РАН чл.-корр. РАН *Н.А. Макаров* отметил роль Бориса Александровича Колчина как открывателя ряда новых направлений в археологии. Естественные науки смогли предложить целый арсенал методов, позволяющих по-новому рассмотреть археологические материалы. Сегодня естественнонаучные методы перестали восприниматься как нечто новое, они стали обычными приемами в археологических исследованиях. Проведение настоящей конференции показывает, что интерес к применению археометрии велик и это направление, несмотря на все трудности, продолжает развиваться.

В докладе "Лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН: итоги и перспективы" председатель Оргкомитета конференции, заведующий Лабораторией естественнонаучных методов ИА РАН д.и.н. *Е.Н. Черных* остановился на проблемах применения естественнонаучных методов в археологии и деятельности коллектива подразделения в последние годы. Было отмечено, что с возникновения лаборатории и до настоящего момента успешно развиваются три основные научные направления: история древних производств, история производящего хозяйства и датировка средневековых деревянных сооружений.

Выступление *Н.В. Рындиной* "Уроки Б.А. Колчина" было посвящено личности ученого, сумевшего не только внедрить в науку новое направление, но и создать коллектив единомышленников и продолжателей начатого им дела.

П.Г. Гайдуков в своем докладе "Прикладное искусство Новгорода Великого (ненаписанная книга Б.А. Колчина)" основное внимание уделил анализу научного наследия Б.А. Колчина по архивным материалам.

Тематически доклады на конференции были разбиты на пять секций: "Древняя металлургия и металлообработка", "Археохронология", "Археобиологические методы", "История стеклоделия" и "Компьютерная обработка археологических данных". Кроме того, на конференции было представлено семь постерных докладов.

На секции "Древняя металлургия и металлообработка" (руководители секции д.и.н. Н.В. Рындина, к.и.н. Л.И. Авилова и к.и.н. С.В. Кузьминых) сделано 15 докладов. В совместном докладе *В.И. Завьялова, Л.С. Розановой* и *Н.Н. Тереховой* (ИА РАН) подводятся итоги осуществленных в последние годы археометаллографических исследований древнего кузнечного ремесла. Намечен круг основных вопросов, связанных с изучением фундаментальной проблемы традиций и инноваций в производственной культуре древних народов.

Н.В. Рындина (МГУ) в докладе "Закономерности развития древнейшей медной металлургии Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы" обобщила накопленные к настоящему времени металлографические данные. Ею был сделан вывод, что из всех существующих схем динамики технологических знаний наиболее адекватной является "родословное древо" металлургии Г. Коглена: кузнечная обработка самородной меди → литье самородков в открытые формы → выплавка меди из руд и усложнение литья (закрытые формы) → → переход к бронзам.

В докладе *Г.А. Вознесенской* (ИА НАН Украины) "О технологических традициях в кузнечном производстве древнерусской Шестовицы" были подробно проанализированы результаты металлографических исследований кузнечной продукции из Шестовицкого археологического комплекса.

Доклад *И. Гошека* (Институт археологии Чешской академии наук) был посвящен археометрическому изучению ранних железных предметов с территории Чехии, сварные швы которых находятся между перлитными и мартенситными структурами. Такие сварные структуры обычно обогащены никелем и в меньшей степени кобальтом.

Доклад *Ю.А. Семыкина* (Ульяновский университет) "Металлургия железа и кузнечное производство Волжской Болгарии (раннеболгарский – золотоордынский периоды)" посвящен характеристике металлургического и железообрабатывающего производств на территории Среднего Поволжья с конца VII до XIV вв.

Доклад *И.Г. Равич* (НИИ реставрации) "Некоторые типы горячекованых зеркал сарматского времени и их технические особенности" вводит в научный оборот новые данные, посвященные химико-технологическому анализу горячекованых высокооловянных сарматских зеркал.

В докладе *Л.И. Авиловой* и *Н.Н. Тереховой* (ИА РАН) "Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века" представлен массив данных по слиткам металлов (медь-бронза, золото, серебро) с территории Ближнего Востока (Анатолия, Месопотамия, Палестина, Иран).

Л.В. Конькова (ИИАЭ ДВ ДВО РАН) в докладе "Раннесредневековые бронзы и этнокультурные процессы на юге Дальнего Востока России" показала, что изделия из меди и ее сплавов, обнаруженные в археологических памятниках VIII–XI вв. на юге Дальнего Востока России, имеют отчетливые морфологические и химико-технологические различия, которые отражают сложные этнокультурные процессы этого периода.

Доклад *Е.И. Гака* (ГИМ) был посвящен проблемам изучения металлургии и металлообработки катакомбных культур эпохи средней бронзы юга Восточной Европы.

Н.В. Ениосова (МГУ) и *Т.Г. Сарачева* (ГИМ) в выступлении "Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов" ознакомили участников конференции с результатами комплексного изучения новых находок металлических литейных форм и матриц. Ими был проведен поиск соответствующих аналогий среди известных инструментов и готовой продукции ювелиров, а также исследование химического состава и структуры металла.

В докладе *Н.В. Жилиной* (ИА РАН) "Методика визуального изучения технологии филиграни (с использованием бинокулярной лупы типа МБС и микрофотографирования)" сформулированы принципы технологической интерпретации филиграни на изделиях, а также сделаны общие выводы относительно технологии этого художественного ремесла на Руси.

А.П. Зыков (ИИА УрО РАН) посвятил свое выступление обобщению аналитических исследований большой серии кузнечных изделий II–IX вв. н.э. из Северо-Западной Сибири.

В докладе *И.Е. Зайцевой* (ИА РАН) "Ювелирные мастерские селища Минино (XI–XIII вв.)" рассмотрены четыре производственных комплекса по изготовлению металлических украшений, зафиксированные на поселении Минино-I в Вологодской области. Детальное изучение сооружений, инструментов, тиглей, сырья-слитков, проволоки, пластин, лома, а также самих изделий позволило представить облик древнерусских сельских ювелирных мастерских.

Т.Ю. Закурина (Псковский музей-заповедник) в докладе "Орудия железообработки и оборудование мастерских в средневековом Пскове" представила набор железообрабатывающего инструментария, детали станков и оборудования, связанного с кузнечным производством. По находкам в Пскове дана археологическая характеристика кузнечной мастерской. Предложена классификация материала и его датировка.

А.Н. Наумов (музей-заповедник "Куликово поле") остановился на итогах изучения металлургических мастерских по производству сыродутного железа на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XIV в. Рассмотрены сооружения и постройки мастерских, технологические процессы, экономические показатели, трудозатраты сыродутного процесса, сырье, топливо и готовая продукция металлургического производства.

Семь докладов было заслушано на секции "Археохронология" (руководители секции д.б.н. С.Г. Шиятов и к.и.н. С.В. Кузьминых).

В докладе *Е.Н. Черных* и *Н.Б. Черных* (ИА РАН) "Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии" рассмотрены три основных источника археологического датирования: письменные свидетельства, дендрохронология и радиоуглеродный анализ. Сделан вывод о желательности синтеза этих источников, что на практике достижимо лишь в крайне редких случаях.

В совместном докладе группы ученых из Института экологии растений и животных УрО РАН "Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири", который был зачитан *С.Т. Шиятовым* представлены итоги и перспективы использования древесно-кольцевых хронологий для датировок археологических, исторических и этнографических памятников.

Ю.Л. Щапова (МГУ) в докладе "К проблеме периодизации истории древностей" представила алгоритм периодизации древностей, основанный на законах их эволюции.

В докладе *Н.Б. Черных* и *А.А. Карпухина* (ИА РАН) "Застройка территории Старого города Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа" приводятся результаты изучения распределения строительной древесины, отнесенной к нескольким дендрологохронологическим группам, по отдельным архитектурным и археологическим объектам.

О.А. Тарабардина (Новгородский музей-заповедник) в докладе "Дендрохронологические исследования в Новгороде в 1995–2004 гг." рассмотрела задачи, методику и результаты дендрохронологических исследований, проводимых с 1995 г. в Новгороде лабораторией археологического центра Новгородского музея, и перспективы дальнейшего развития новгородской дендрохронологии.

Доклад *М.И. Кулаковой* (Псковский музей-заповедник) посвящен обобщению результатов дендохронологического анализа коллекции дерева из Казанских раскопов в Пскове.

На секции "Археобиология" (руководитель секции д.и.н. Е.Н. Черных) было заслушано семь докладов.

В докладе *Е.А. Спиридоновой, А.С. Алёшинской* и *М.Д. Кочановой* (ИА РАН) "Особенности природной среды в окрестностях Рюрикова городища и воздействие на нее человека в средневековье" на основе комплексного использования естественнонаучных методов на естественных разрезах и археологических памятниках выявлены основные закономерности формирования природного комплекса средневековья на обширной территории Северо-Запада Русской равнины путем изучения последовательных и очень непродолжительных событий.

В докладе *Е.Ю. Лебедевой* (ИА РАН) "Зерновые находки в древнерусских городах и сельских поселениях: проблемы интерпретации археоботанических данных" рассмотрены основные вопросы, связанные с интерпретацией археоботанических материалов.

Е.Е. Антипина (ИА РАН) в докладе "Мясная продукция в средневековом городе – производство или потребление?" предприняла попытку интерпретировать соотношения костей домашних животных различных видов в кухонных остатках из средневековых городов и селищ.

Коллеги из Института географии РАН в докладе "Катастрофические изменения среды обитания населения в XIV–XVIII вв. в связи с распашкой водоразделов центра Русской равнины", озвученном *С.А. Сычевой*, представили анализ изменений рельефа, почв и геосистем в эпоху позднего средневековья.

Четыре доклада было представлено на секции "История стеклоделия" (руководитель секции д.и.н. Ю.Л. Щапова).

Доклад *Ю.М. Лесмана* (Государственный Эрмитаж) "Цветовая гамма новгородских стеклянных изделий и массовая психология" посвящен изменениям цветовой гаммы стеклянных изделий древнерусского производства. Автор приходит к выводу, что тенденции смены цветовых предпочтений достаточно надежно фиксируются в Новгородском материале для XII – первой половины XIV в. и позволяют реконструировать изменения в массовой психологии.

В докладе *Е.К. Столяровой* (РГГУ) "Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы" сделана попытка на основании новых данных о химическом составе стеклянных перстней Москвы золотоордынского периода, известных в литературе как "западноевропейские", уточнить происхождение этой группы украшений.

Е.М. Веремейчик (Черниговский университет) в докладе "Стеклянные изделия сельских поселений междуречья низовий Десны и Днепра" на основании спектрального анализа браслетов, перстней, бус и посуды приходит к выводу, что некоторые из этих предметов могли быть изготовлены в мастерских на сельских поселениях Черниговщины.

Е.А. Беговатов (Казанский университет) на основании закона Чейшнера-Вебера предложил заменить семейство гипербол, используемое Ю.Л. Щаповой для анализа древнего стекла, на семейство дробно рациональных функций, не имеющих особенностей в зоне реального изменения состава стекол.

На секции "Компьютерная обработка археологических данных" (руководитель секции к.и.н. В.И. Завьялов) было заслушано четыре доклада.

Доклад *Ю.А. Лихтер* (ЦАИ Москвы) был посвящен принципам взаимодействия вещественного источника и базы данных.

В докладе "Компьютерное моделирование культурного слоя археологических памятников" *Д.В. Груздев* и *И.В. Журбин* (Физико-технический институт УрО РАН) рассмотрели методику и программное обеспечение формирования прост-

ранственной модели культурного слоя. На реальных примерах продемонстрированы возможности компьютерного моделирования для визуализации и анализа археологических материалов.

Доклад *Д.А. Салангина* и *А.Е. Устиной* (Удмуртский университет) посвящен экспериментальным работам Камско-Вятской археологической экспедиции в 2001–2004 гг.

По итогам конференции готовится сборник статей и тематический выпуск Кратких сообщений Института археологии. Материалы конференции размещены на сайте "История древнего ремесла" (URL: http://www.ancientcraft.ru).

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Завьялов

ДЕСЯТАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ" (КАЛУГА, 2003)

25–27 марта 2003 г. в г. Калуге состоялась X, юбилейная конференция, посвященная проблемам изучения Верхнего Поочья, в которой принимали участие ученые из Калуги, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России и Европы. Как и прежде, на конференции работала секция археологии Верхнего Поочья и сопредельных территорий. 26 участников секции представили 19 докладов, посвященных результатам археологических исследований, а также различным проблемам археологии верхней Оки и прилегающих регионов – Верхнего Москворечья, Верхнего Поднепровья и Подесенья. Отдельные вопросы рассматривались в контексте древнейшей истории Восточной Европы.

Работа секции началась с выступления *В.В. Гараничева* (Смоленск) на тему "О возможностях использования старинных схем, планов и карт XVI–XVII вв. в историко-археологической экспозиции краеведческого музея". Автор представил старинные картографические произведения, в частности, карты Герберштейна из фондов Смоленского государственного музея-заповедника как уникальные памятники культуры и яркий экспозиционный материал, отражающий представления людей о мироздании. Основное внимание было уделено возможностям использования старинных схем и рисунков как в построении музейной экспозиции, так и в изучении исторической топографии городов. Ярким примером таких источников, по мнению автора, является рукописный фолиант XVI в. "Описание путешествия купца Альберта Колгера с сыном по Московскому государству" (Библиотека Министерства иностранных дел Швеции, Стокгольм), где имеются уникальные изображения Смоленска того времени, а именно, Успенского собора, соборного холма, "опорной стены" и др. Большой интерес представляет и офорт Георга Келлера 1610 г. с видом Смоленска во время его осады Сигизмундом III, где изображена крепость с 38 башнями, в том числе с мощным круглым донжоном в средней части. Анализируя другие источники, докладчик пришел к убедительному выводу, что в составе укреплений Смоленска донжона не существовало. В свою очередь, наличие донжона – атрибута средневекового европейского замка – не подтверждается и археологическими данными. С другой стороны, в результате археологических исследований В.В. Гараничеву удалось подтвердить существование в Смоленске ряда фортификационных объектов, изображенных на офорте Гондиуса 1636 г.

Доклад *А.К. Станюковича* и *Л.Д. Сулержицкого* (Москва) "К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников Верхнего Москворечья (поселение Саввинская Слобода 2 близ Звенигорода)" содержал результаты радиоуглеродного датирования образцов древесного угля из слоя и отдельных комплексов поселения. Полученные калиброванные даты исследователи разделили на пять хронологических групп, каждой из которых соответствуют найденные на поселении артефакты: группа 1 – начало I – начало III в. н.э. (поселение с находками дьяковской культуры – сетчатой керамикой, грузиком "дьякова типа" и т.п.); группа 2 – V – первая половина VII в. (поселение позднего этапа дьяковской культуры с лощеной и заглаженной керамикой, колокольчатыми привесками и т.п.); группа 3 – конец VIII – третья четверть X в. ("славяно-финское поселение" с элементами роменской культуры – керамикой роменского облика, глазчатыми бусами и т.п.); группа 4 – вторая четверть XI – третья четверть XII в. (древнерусское поселение, предшествовавшее Звенигороду, с круговой древнерусской керамикой, семилопастными кольцами деснинского типа и т.п.); группа 5 – вторая четверть – конец XIV в. (остатки сельца на Усть-Розвадне духовных грамот XIV в. с круговой красноглиняной, грубой керамикой). По мнению авторов, поселение могло существовать непрерывно и в результате дальнейших исследований хронологические лакуны между отдельными группами будут заполнены.

Наиболее широко на секции археологии была представлена позднесредневековая и древнерусская тематика.

В докладе *И.В. Болдина* (Калуга) "Жилые постройки летописного Любутска" были рассмотрены основные типы жилых сооружений города XIV–XV вв. В результате многолетних раскопок на городище (городище 1 у д. Троицкое Ферзиковского р-на Калужской обл.) изучено 524 м^2 памятника при его защищенной площади в 2.2 га. Полученные материалы позволяют датировать культурный слой и остатки сооружений в пределах XIV–XV вв. Основными критериями для выделения жилых построек автору служили такие признаки, как наличие отопительных устройств, подполий и фундаментов. В соответствии с ними выделены два типа жилищ: углубленные и наземные. К 1-му типу относятся остатки только одной постройки – полуземлянки (размеры около 2.7 × × 3.7 м и глубина 0.6–0.9 м) со следами отопительного устройства (глинобитной печи?). Ко 2-му типу относятся остатки не менее трех по-

строек со следами глинобитных печей и подпольями, вероятно, имевших наземные срубные конструкции.

Ю.Г. Екимов и *С.В. Зацаринный* (Тула) в докладе "Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища" (средневековый г. Алексин на р. Оке) на основании стратиграфических наблюдений, анализа находок в культурном слое (исследовано 700 м^2 при мощности до 0.6 м) и сведений письменных источников выделили и обосновали четыре этапа функционирования данного укрепленного поселения. 1-й этап (древнерусская круговая керамика, шиферные пряслица, грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью и т.п., остатки девяти наземных построек с подпечными и хозяйственными ямами) датируется XI–XIII вв. По мнению авторов, в XIII в. поселение было заброшено, о чем свидетельствуют следы пожара, относящиеся к этому времени. Возобновление жизни на памятнике происходит только в конце XIV в. 2-му этапу его заселения – концу XIV – третьей четверти XV в. – соответствует круговая керамика, в том числе красноглиняный ангобированный кумган, монета рязанского князя Ивана Федоровича и т.п., остатки сгоревшей деревянной усадьбы, ряд ям. Завершение данного этапа докладчики связывают с захватом и сожжением Алексина ханом Ахматом в 1472 г. 3-й этап – конец XV – первая половина XVI в. – характеризует круговая керамика, в том числе темнореная и лощеная, тверское пуло чекана конца XV – начала XVI в. и т.п., ряд построек и хозяйственных ям, следы от оград-частоколов. Завершение третьего этапа также связано с пожаром на поселении, в результате которого погибли все исследованные в пределах раскопов постройки. К четвертому этапу – второй половине XVI – началу XVII в. – относится преобладание круговой серо- и чернолощеной посуды, деньга Ивана IV чекана 1550-х годов и т.п., остатки трех срубных построек и ряд хозяйственных ям. И этот, последний, этап функционирования городища также закончился пожаром, связанным, по мнению авторов доклада, с событиями Смутного времени.

Сообщение *В.П. Челяпова* и *Д.А Иванова* (Рязань) было посвящено анализу материалов древнерусского времени, полученных в результате раскопок многослойного поселения Городок 1 в бассейне р. Прони. Основную массу древнерусских находок составляют фрагменты круговых сосудов (2043 экз.). Согласно созданной И.Ю. Стрикаловым классификации круговой посуды рязанского Поочья керамический материал с поселения Городок 1 отнесен к типам 9–11, датирующимся концом XII–XV в. Подтверждает древнерусскую датировку поселения и находка фрагмента стеклянного браслета. Памятник находился на отрезке торгового пути между Окой и Доном.

И.И. Елкина (Звенигород) в докладе "Текстиль из древнерусских погребальных памятников округи Звенигорода" представила реконструкции типов тканей, орнаментов, функций сканых лент из курганных погребений XII – первой половины XIII в. Выяснилось, что сохранившиеся в погребениях ленты являлись только декоративными элементами костюма, сама же одежда, шившаяся из льняных и конопляных тканей, не сохранилась в грунте. Разносторонние исследования фрагментов тканей показали, что они могли быть остатками простейших головных уборов: платков и т.п. Назначение сканых лент непосредственно связано с одним из способов ношения семилопастных колец, которые вставлялись своими дужками в протяжки основы ленты, крепившейся в свою очередь к головному убору. Другим способом ношения таких колец, выявленным автором, было продевание их в ухо – три кольца одно над другим так, "что они создают украшение типа рясны". Материалы, представленные в докладе, за редким исключением, ранее не вводились в научный оборот.

Процесс освоения верхней Оки в древнерусский период по данным археологии был освещен в докладе *О.Л. Прошкина* (Калуга) "Этапы освоения территории верхнего Поочья в IX–XIII в.". Этот процесс докладчик разделил на два основных периода – IX – первая половина XI в. (роменская культура) и вторая половина XI–XIII в. (древнерусская культура). В научный оборот введены новые материалы, полученные в результате исследований последних 20 лет. Первый этап отражен материалами 65 поселений, 13 курганных могильников и 13 кладов. Основные районы концентрации памятников этого периода ярко показывают два основных направления продвижения на верхнюю Оку славянского населения: с юга (Подесенье, Подонье) и с северо-запада (верхнее Поднепровье). Характерной чертой расселения было расположение большинства поселений на берегах крупных рек (Ока, Упа и т.п.) и в районах с наиболее плодородными почвами. В XI в. происходят значительные изменения, связанные в первую очередь с освоением племенных земель киевскими князьями. Распространяются предметы так называемых "общедревнерусских типов". Второй этап отражен на материалах уже 203 поселений, 30 курганных могильников и 7 кладов. Характерной чертой расселения было расположение поселений как на берегах главных рек, так и на их более мелких притоках. На участках с наиболее плодородными почвами формируются гнезда поселений: городище и ряд связанных с ним селищ. К XIII в. формируются поселения, имеющие археологические признаки "малого города" (Серенск) и административно-хозяйственных центров (Спас-Городок и др.).

Доклад *А.В. Григорьева* (Москва) "Структура начального заселения славянами бассейна р. Упы" четко обозначил характер развития процесса заселения этой территории в IX в. По убедительному мнению докладчика, первые славянские поселения на р. Упе появляются на рубеже VIII–IX вв. – одновременно с началом функционирования Донского торгового пути, с которым они были непосредственно связаны (Щепилово, Уткино, Торхово и др.). Особая роль отводилась поселению Супруты, расположенному в центре рассматриваемой территории и контролировавшему большую часть торгового пути. В первой трети X в. большинство поселений в бассейне р. Упы погибло и данный участок пути перестал функционировать.

М.П. Жидков, Э.А. Лихачева, А.И. Евина и К.В. Горецкий (Москва) в докладе "Геоморфологические и тектонические условия расположения древнерусских городищ на территории Калужской области" проанализировали условия расположения древнерусских и позднесредневековых городов. Наиболее крупные из них (Калуга, Козельск, Боровск и др.) находятся в пересечениях зон активных разломов. Такие зоны, по мнению авторов, "имеют своеобразные геоморфологические и геологические условия", которые создают как благоприятные, так и неблагоприятные условия для их исторического развития.

Ряд выступлений был посвящен древнейшей истории лесной полосы Восточной Европы I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Большой интерес вызвал доклад "О заселении славянами Верхнего Поднепровья и смежных территорий Подвинья и Поочья" *Е.А. Шмидта* (Смоленск). На основании археологических материалов докладчик выделил три основных этапа заселения. Первый этап (I–II вв. н.э.) характеризуется проникновением зарубинецкого населения в бассейн верхнего Днепра, результатом чего явилось возникновение культуры типа "среднего слоя городища Тушемля". На втором этапе (III–IV вв. н.э.) отмечается появление в верховьях Днепра и Двины

носителей киевских традиций и типа Адаменки, что привело к формированию "новой археологической культуры – собственно тушемлинской". Третий этап (с VIII в. н.э.) был связан с населением культуры смоленских длинных курганов, "а окончательное освоение славянами этих территорий" завершилось "только в ранний период древнерусского государства".

Доклад *М.Г. Гусакова* (Москва) "К вопросу хронологии лесной полосы Восточной Европы в железном веке" содержал анализ имеющихся материалов по дьяковской культуре. По мнению автора, существующая хронология дьяковской культуры требует корректировки на основе разработанной общеевропейской периодизации. Этапы развития дьяковских древностей хорошо совмещаются с хронологическими границами европейских культур раннего железного века. Так, ранний период существования дьяковских памятников соответствует гальштатскому периоду в Европе (IX–V вв. до н.э.), наиболее развитой ("период стабилизации ДК") – латенскому (V в. до н.э. – рубеж эр), период появления новых культурных традиций – лощеной керамики и т.п. – римскому времени (I–IV вв. н.э.) и т.д. Применение европейской хорошо датированной шкалы даст новые возможности для понимания многих процессов внутри не только дьяковской, но и других культур лесной полосы Восточной Европы. В результате разностороннего анализа дьяковских материалов автор доклада высказал мнение о "растянутости" хронологии данной культуры. В частности, "классический период" культуры не выходит за пределы V в. до н.э. – V в. (?) н.э.

В докладе *Г.А. Массалитиной* (Калуга) "Браслеты Мощинского клада" были подробно рассмотрены происхождение и датировка этой категории украшений. Мощинский клад, обнаруженный Н.И. Булычевым при раскопках городища Мощины в 1885 г., до настоящего времени остается неопубликованным. Нет единого мнения о его происхождении и дате. Одна из категорий предметов клада – бронзовые литые браслеты (14 экз.), относящиеся к двум типам: 1) узкие прямоугольные в сечении с несомкнутыми утолщенными концами (4 экз.); 2) широкие трехгранные в сечении с гребешками на ободе (10 экз.). По имеющимся достаточно малочисленным аналогиям (погребение из Двораков-Пикут, Межигорский и Шишинский клады и др.), браслеты Мощинского комплекса датируются в пределах III–IV вв. н.э., а само Мощинское городище является "пунктом максимальной концентрации браслетов рассмотренных типов".

Завершило тематику раннего железного века и раннего средневековья выступление *В.Н. Гурьянова* (Брянск) "Лепная керамика селища Хизовка 3", в котором были представлены результаты изучения лепной посуды с поселения у д. Хизовка на р. Болве (Брянская обл.). Рассмотренный материал относится к двум культурно-хронологическим группам: периодам поздней бронзы (среднеднепровская и абашевская культуры) и раннего средневековья (почепская культура). Основная масса лепной керамики (более 600 фрагментов) с поселения принадлежит к почепской культуре. По технологии изготовления сосуды делятся на груболепные и с заглаженной поверхностью. Лощеная керамика составляет минимальный процент (6%). Автором выделены два основных вида посуды: "груболепная кухонная" и "лощеная столовая", что характерно для почепских памятников верхнего Подесенья I–II вв. н.э. В результате анализа материалов этого периода с селища докладчик сделал вывод о том, что рассматриваемое поселение, как и ряд других в бассейне р. Болвы, возникло в связи с продвижением почепского населения на верхнюю Оку, "где оно приняло участие в складывании мощинской культуры".

Четыре выступления были посвящены изучению памятников каменного века.

А.А. Чубур (Брянск) проанализировал находки фигурных кремней из многослойного поселения в устье р. Госома у с. Хотылево, являющиеся первыми известными находками "такого рода" в Верхнем Подесенье. Данный факт – яркое свидетельство контактов поздненеолитического населения верхней Десны с населением более северных территорий – верхней Оки и верхней Волги.

Совместный доклад *А.Н. Мазуркевича* (Санкт-Петербург), *П.М. Долуханова* (Ньюкасл), *Д. Гроненборна* (Франкфурт), *Л.А. Савельевой, М.А. Кульковой, Д.Ю. Гук* и *С.В. Морозова* (Санкт-Петербург) "Восточно-Европейский неолит в европейском контексте" касался проблем неолитизации в Европе на основе изучения серий радиоуглеродных дат из свайных сооружений озерного поселения Сертея 2 (Смоленская обл.). Полученные данные позволили авторам доклада сделать вывод о том, что неолитизация в Европе была единым процессом.

А.Е. Кравцов (Москва) представил результаты последних исследований памятников палеолита и мезолита на Верхней Оке. Основными объектами изучения стали стоянки Ладыжино 3 и 3А близ г. Тарусы на р. Оке. Материалы стоянки Ладыжино 3 обладают "общеиеневскими" признаками. Вместе с тем в числе выделенных планиграфически групп находок имеются материалы, отнесенные исследователем к финальному палеолиту. Автор показал особую важность материалов стоянок для разработки хронологии и культурной периодизации окского палеолита и мезолита.

Тема верхнего палеолита Верхней Оки была продолжена *Б.В. Грудинкиным* (Калуга). По условиям залегания и типологии кремневого инвентаря с ряда верхнеокских стоянок и местонахождений (Калуга, Троицкое 3 и 4 и др.) докладчик выделил материалы верхнепалеолитического облика. По его мнению, начало освоения людьми верхнеокского бассейна относится к периоду молого-шекснинского межледниковья, а расселение по всему окскому бассейну произошло в конце позднего Валдая.

Завершающим работу археологической секции стал доклад *Е.Р. Барбашова* (Белев) "Культовые камни Белевского района" Тульской обл. Кроме достаточно подробного описания самих камней и их современного топографического положения автор представил и очень интересный этнографический материал – связанные с камнями легенды и предания. Большой интерес представляет так называемый Сныховский камень, обнаруженный и изученный автором у с. Сныхово на р. Оке. Это гранитный валун размерами около 1.2 × 0.7 м, на поверхности которого изображена композиция, состоящая из водоплавающего животного (бобр ?), рыбы и других элементов. Высказано предположение о его поздненеолитическом происхождении.

В заключение работы секции были обсуждены представленные доклады и сообщения. Уровень большинства из них был достаточно высоким. Следующее заседание секции археологии Верхнего Поочья и сопредельных территорий состоится в процессе работы очередной, 11-й конференции "Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья" в г. Калуге в 2005 г.

Калужский областной
краеведческий музей

О.Л. Прошкин

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛИИ ВАДИМОВНЫ РЫНДИНОЙ

21 февраля 2006 г. исполняется 70 лет Наталии Вадимовне Рындиной, профессору кафедры археологии исторического факультета МГУ, виднейшему специалисту в области древней цветной металлургии и металлобработки.

Н.В. Рындина родилась в Москве, ее отец В.Ф. Рындин был главным художником Большого театра, действительным членом Академии художеств, а в огромной семейной библиотеке ее прадеда А.И. Черепнина, нумизмата и археолога, одного из основателей Рязанского музея, хранились старинные археологические издания. В творческой атмосфере семьи, в круг общения которой входили такие известные историки, как Л.В. Черепнин, сформировался интерес Наталии Вадимовны к истории и был сделан выбор жизненного пути. В 1953 г. она поступила на исторический факультет МГУ, который заканчила с отличием в 1958 г. по кафедре археологии. Ее научным руководителем был Б.А. Колчин, предложивший в качестве темы дипломной работы исследование новгородского ювелирного дела. Эта работа под названием "Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв." была опубликована (1963) и до сих пор сохраняет свое значение. В качестве молодого специалиста Н.В. Рындина была оставлена на кафедре археологии, где прошла путь от художника-реставратора до профессора.

Н.В. Рындина обладает уникальными для археолога знаниями по металловедению, полученными в ходе специализации в Институте стали и сплавов. Ее специальностью стало изучение технологии металлообработки и металлургии меди и бронзы в энеолите и бронзовом веке. Методическая база ее исследований – комплексный подход к археологическому источнику с применением целого спектра методов анализа металла: морфологического, технологического и химико-металлургического. Особенность исследовательской работы Н.В. Рындиной – сочетание предельной тщательности, внимания к мельчайшим техническим деталям с широкой постановкой исторической проблемы.

Приоритетная область ее деятельности связана с разработкой проблем истории древнейшей металлургии и металлообработки Старого Света, истории и археологии культур энеолита-бронзы Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья, истории средневековых производств с использованием естественнонаучных методов.

На базе лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ Н.В. Рындиной разработана авторская методика металлографического изучения древних изделий, открывшая новое направление в историко-металлургических исследованиях. Реконструкция закономерностей развития металлопроизводства существенно расширила исследовательскую базу традиционной классификационно-типологической археологии (Рындина, 1971; Рындина, Равич, 1989). Свыше 5000 анализов цветного металла – результат многолетней работы лаборатории под руководством Н.В. Рындиной. Исследование археологических материалов было подкреплено созданием в сотрудничестве с И.Г. Равич эталонов микроструктур кованой меди, сплавов медь-мышьяк, рядом экспериментов по моделированию древних производственных процессов (Равич, Рындина, 1984; Рындина, Равич, 1989). В результате создана уникальная база данных по экспериментальным эталонным структурам литой и кованой меди в различных температурных режимах (Ryndina, Ravich, 1995), позволяющая диагностировать технологическую схему археологического металла. С помощью этой методики были сделаны подлинные открытия в области истории металлургии: использование графитовых литейных форм, сульфидные плавки в энеолите Балкан, литье "навыплеск" в среднем бронзовом веке Юго-Восточной Европы и т.д. (Рындина и др., 2002; Ryndina et al., 1999; Ryndina, Ravich, 2000; 2001; Ryndina, 2002). Методика нашла применение во многих лабораториях России, ближнего и дальнего зарубежья.

Н.В. Рындина – не только кабинетный ученый-аналитик. Начиная с 1955 г. она работала в археологических экспедициях МГУ в Новгороде, руководила работами на Неревском (1956–1960) и Ильинском (1962, 1965–1967) раскопах. В 1979 г. Н.В. Рындина организовала Трипольскую экспедицию Московского университета и провела раскопки трипольских поселений в Молдавии (1979–1984 гг.) и на Украине (1985, 1986 гг.). В ходе этих работ был исследован и введен в науку ряд новых энеолитических памятников.

Анализ полученных экспедицией материалов потребовал разработки широкого круга проблем. В их ряду особое место заняла периодизация трипольских поселений раннего этапа (Рындина, 1978). Особое внимание было уделено также вопросам домостроительства. Тщательное полевое изучение строительных остатков ("площадок") способствовало подтверждению смелой гипотезы В.И. Маркевича о том, что многие трипольские жилища могли быть двухэтажными. В 1982 г. находки из молдавских поселений Друцы I и Старые Куконешты были представлены на выставке ВДНХ "Древнейшие земледельцы Юго-Запада СССР". За участие в этой выставке Н.В. Рындина была награждена золотой медалью ВДНХ (1983 г.).

Работая в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ, Н.В. Рындина вначале сконцентрировала свой

интерес на исследовании медных изделий трипольской культуры. Полученные ею выводы были положены в основу кандидатской диссертации "Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы", защищенной в 1967 г.; впоследствии работа была опубликована как монография (1971). Круг научных интересов Н.В. Рындиной закономерно расширялся, в него вошли коллекции неолитического и энеолитического металла Болгарии (Рындина, 1998; Ryndina, 1993), древнейшего металла степной и лесостепной зон Европы (Ryndina, 2003).

Исследовательнице удалось показать, что начало разработки медных месторождений Юго-Восточной Европы относится к неолиту (V тыс. до н.э.). Неолит расценивается ею как время накопления древними металлургами эмпирических знаний и опыта получения и обработки металла, его спорадического использования в виде украшений и колюще-режущих орудий (Рындина, 1992; 1993). С энеолитом Н.В. Рындина связывает культуры, которым присущи регулярное распространение медных изделий, в том числе орудий и оружия ударного действия, а также открытие упрочняющего характера ковки. Зарождение производства меди в Юго-Восточной Европе связано с продвижением переднеазиатских мастеров на Балканы в поисках меднорудных выходов. Под воздействием импульса из Западной Азии начинается независимое мощное развитие металлопроизводства в Юго-Восточной Европе, превосходящее по масштабам Ближний Восток. Взрывоподобный взлет металлургических достижений в энеолите рассматривается Н.В. Рындиной в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП). Металлографические данные, основанные на результатах микроструктурного изучения сотен находок с территории Северных Балкан, Карпат, Поднестровья, Северного Причерноморья и Поволжья показали единство традиций в рамках провинции – производственной системы тесно взаимодействовавших друг с другом очагов металлургии и металлообработки. На раннем этапе основным был гумельницкий очаг фракийско-нижнедунайского региона Юго-Восточной Европы. Отсюда мастера продвигались на восток, распространяя балканское сырье и методы его обработки. На втором этапе лидировали очаги тисско-трансильванского региона. Металлургия гумельницкого очага основана на использовании смешанных окисленных и сульфидных руд, перерабатываемых с помощью прямых восстановительных плавок в горнах сложной конструкции. Эти выводы были затем подтверждены и для других регионов Старого Света. Образующие провинцию очаги металлопроизводства были охарактеризованы с точки зрения приемов и технологических приспособлений обработки металла, путей получения исходного сырья, металлургических процессов его выплавки, организации и структуры производства (Рындина, 1994; 2000; 2004).

Яркое явление "металлургического бума" эпохи энеолита Н.В. Рындина объясняет удивительными по совершенству техническими открытиями древних мастеров: в ту раннюю эпоху широко использовались графитовые литейные формы и графитовое напыление на стенки форм, мастера виртуозно владели всеми видами кузнечной обработки металла (Ryndina et al., 1999).

Итогом многолетних исследований стала защищенная в 1993 г. докторская диссертация "Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите)". Полученные Н.В. Рындиной выводы послужили базой для разработки целого ряда общих методических и теоретических положений, нашедших отражение в фундаментальной монографии (1998). Главным итогом работы было создание периодизации древнейшего металлопроизводства Восточной Европы.

Выделено четыре этапа – от первых шагов в добыче руды и освоении производства до его расцвета, сопровождающегося специализацией и стандартизацией продукции, что привело к интернационализации и интеграции технологических схем и приемов, к унификации связей между регионами, направленных с запада на восток.

В ряде работ Н.В. Рындиной рассматриваются проблемы генезиса культур раннего бронзового века Юго-Восточной Европы. По ее заключению, наиболее ярким индикатором генетических связей культур является технологическая преемственность в производстве. Этот вывод надежно аргументирован исследованием традиций металлообработки носителей культур шнуровой керамики Западной Украины (Рындина, 1980).

Чрезвычайно важные результаты удалось получить Н.В. Рындиной при исследовании усатовского металла Северо-Западного Причерноморья. Химико-технологический анализ дал возможность заключить, что основная часть находок является продукцией местных мастеров, работавших на привозном балканском и отчасти кавказском металле. Импортные изделия – "большие" усатовские кинжалы, которые, как показали морфологические и технологические исследования, были привезены из Анатолии, изготовлены с применением специфических ближневосточных технологий, ведущих к появлению блестящей серебристой оболочки на поверхности изделий (Рындина, Конькова, 1982).

Исследования ранних материалов закономерно привели Н.В. Рындину к металлу Ближнего Востока – родины металлургического производства (Рындина, Яхонтова, 1985). В зоне ранних цивилизаций ей удалось найти аналоги и истоки редких технологий, которые служат своеобразными реперами для выяснения взаимосвязей в производственной и культурной сферах между Кавказом, Анатолией, Месопотамией и Ираном (Рындина, 2005).

Профессор Н.В. Рындина ведет активную педагогическую работу на кафедре археологии МГУ: преподает раздел истории раннего металла в общем курсе "Археология" (Рындина, Дегтярева, 2002); ведет спецкурсы "Энеолит юга Восточной Европы", "Археология и металлография: история древнего металлопроизводства меди и ее сплавов", "Энеолит и бронзовый век Северо-Западного Причерноморья", семинары по истории древней металлургии, археологии бронзового века Старого Света, практикум по археологической металлографии. Особую известность приобрел ее семинар "История древних производств" (с 1995 г.); в его работе принимают участие не только начинающие археологи, но и зрелые ученые, здесь обсуждаются многие новейшие открытия специалистов. Долгое время Н.В. Рындина читала разделы в курсе "Естественнонаучные методы в археологии", а также курсы лекций в зарубежных университетах (Кишинев, Ужгород, Львов, София, Пловдив). Ее преподавательский стиль отмечен подлинной увлеченностью и широкой эрудицией, эти черты делают лекции и семинары Наталии Вадимовны привлекательными и чрезвычайно информативными.

Наталия Вадимовна – требовательный и заботливый педагог. Под ее руководством закончила кафедру целая плеяда археологов: было написано 35 дипломных работ, 16 ее учеников защитили кандидатские диссертации, двое стали докторами наук. Эти научные кадры достойно представляют школу Московского университета в России и за рубежом.

Научные труды Н.В. Рындиной хорошо известны в нашей стране, многие из них переведены на иностранные языки и изданы в Болгарии, Германии, Японии, США. Она – постоянный участник общероссийских и международных научных симпозиумов и конференций по археометрии и археометаллургии (Чикаго, Будапешт, Амстердам, Сарагоса, Оксфорд, Милан). Н.В. Рындина является членом историко-металлургического общества (Великобритания).

Н.В. Рындина – автор 120 научных трудов, в том числе двух монографий и учебного пособия по истории энеолита и бронзового века.

Поздравляя Наталию Вадимовну с юбилеем, желаем ей крепкого здоровья, новых научных открытий и, конечно же, новых учеников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Равич И.Г., Рындина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь-мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. № 9 (39). М., 1984.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестн. МГУ. Сер. История. 1978. № 6.

Рындина Н.В. Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни // СА. 1980. № 3.

Рындина Н.В. О периодизации древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (неолит-энеолит) // Вестн. МГУ. Сер. История. 1992. № 6.

Рындина Н.В. Новые данные о древнейшей металлургии Болгарии // Pulpudeva Semaines Philippopolitains de l'histoire et de la culture Thrace. № 6. Sofia, 1993.

Рындина Н.В. Две фазы в развитии Балкано-Карпатской металлургической провинции // Проблеми на найранната металлургия. София, 1994.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). М., 1998.

Рындина Н.В. О литейных формах эпохи энеолита Северо-Восточных Балкан // РА. 2000. № 2.

Рындина Н.В. О закономерностях развития древнейшей медной металлургии Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы // Добруджа. Т. 2. Варна, 2004.

Рындина Н.В. Возможности металлографии в изучении меди и ее сплавов (эпоха раннего металла) // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.

Рындина Н.В., Гак Е.И., Хаютин С.Г. Технология отливки бус среднебронзового века на Северном Кавказе и в Восточной Европе // РА. 2002. № 3.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М., 2002.

Рындина Н.В., Конькова Л.В. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. 1982. № 2.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Методика металлографического изучения древних кованых изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.

Рындина Н.В., Яхонтова Л.К. Древнейшее медное изделие северной Месопотамии // СА. 1985. № 2.

Ryndina N. Die Technologie der Kupfergeräte aus dem Grab vom Reka Devnja // Saarbrücker Studien und Materialen zur Altertumskunde. № 2. Bonn, 1993.

Ryndina N. Eneolithic casting moulds from the North-East Balkans // Archaeometry. V. 98. Proceedings of the 31 Symposium. Budapest, April 26 – May 3 1998. V. II. Oxford, 2002.

Ryndina N. Earliest Copper Axes of Eastern Europe: Centres of Production and Spreading Ways // International Conference "Archaeometallurgy of Europe", 24–26 September 2003, Milano, Italy. Proceedings. V. 2. Milan, 2003.

Ryndina N., Indenbaum G., Kolosova V. Copper production from polymetallic sulphide ores of the Northeastern Balkan Eneolithic cultures // J. Archaeological Sci. V. 26. N.Y.; Toronto, 1999.

Ryndina N.V., Ravich I.G. Early Copper-Arsenic Alloys and the Problems of their Use in the Bronze Age of the North Caucasus // Bulletin of the Metals Museum. V. 23. Sendai (Japan), 1995.

Ryndina N.V., Ravich I.G. Eneolithic Balkan-Carpathian metallurgical province (BCMP) as a unique center of the origin and development of the earliest metallurgical activity. Part I // Bulletin of the Metals Museum. V. 32. Sendai (Japan), 2000.

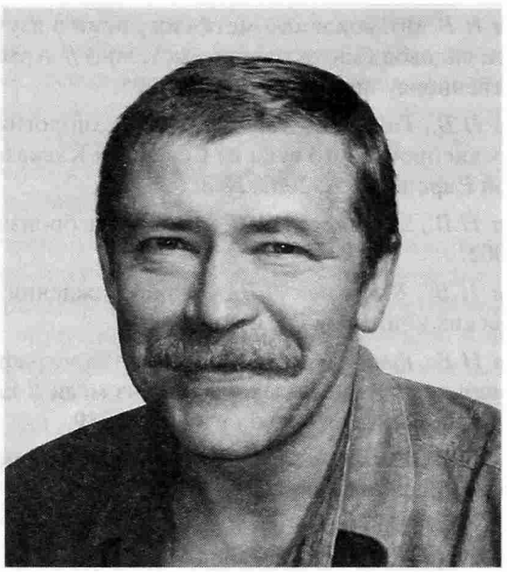
Ryndina N.V., Ravich I.G. Eneolithic Balkan-Carpathian metallurgical province (BCMP) as a unique center of the origin and development of the earliest metallurgical activity. Part II // Bulletin of the Metals Museum. V. 34. Sendai (Japan), 2001.

Институт археологии РАН, Москва — *Л.И. Авилова*

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень — *А.Д. Дегтярева*

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток — *Л.В. Конькова*

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГЕННАДЬЕВИЧА АТАВИНА



26 мая 2004 г. скоропостижно скончался Андрей Геннадьевич Атавин, научный сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН.

Он родился 13 января 1954 г. в простой московской семье. Детство и первые школьные годы прошли в большой коммунальной квартире на Плющихе. В середине 1960-х годов он с мамой переехал в маленькую квартирку в пятиэтажке на юге Москвы. Там в 1971 г. окончил среднюю школу № 531, которая без всякого перерыва стала первым местом его работы (33 года из 50 лет жизни были отданы трудовой деятельности). До осени 1973 г. он работал в своей школе лаборантом и воспитателем.

Интерес и тяга к археологии проявились рано. В 1971–1973 гг. А.Г. Атавин посещал занятия в кружке Р.Л. Розенфельда, через который прошли многие. С этим кружком были связаны и первые раскопки, и разведки на окраинах Москвы, и первые успехи – в Битцевском лесу им была найдена славянская курганная группа. В 1973 г. он перешел в археологический отдел Музея истории и реконструкции Москвы, где работал в должности научного сотрудника до марта 1975 г. В 1972 г., еще работая в школе, поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, где учился на кафедре археологии.

В 1975 г., студентом 3-го курса, А.Г. Атавин был принят на работу в Институт археологии АН СССР на должность лаборанта камеральной лаборатории. Благодаря Ирине Николаевне Мартыновой там царила на редкость доброжелательная обстановка, при этом ее маленькому коллективу удавалась поистине огромная работа. Очень скоро А.Г. Атавин овладел квалификацией реставратора-металлиста и за 11 лет отреставрировал более 6 тыс. находок из железа, бронзы, серебра, олова и свинца, около 5 тыс. бус из камня, бисера и стекла, более 100 керамических сосудов, предметов из кости, камня и кожи. Им были полностью обработаны коллекции Л.В. Алексеева, Е.М. Алексеевой, Г.Е. Афанасьева, С.А. Беляева, Л.А. Голубевой, О.Д. Дашевской, И.С. Каменецкого, К.И. Комарова, Э.Я. Николаевой, Т.Н. Никольской, Б.Г. Петерса, Г.Н. Пронина, А.И. Пузиковой, М.В. Седовой, З.М. Сергеевой, К.А. Смирнова, И.Н. Фролова и многих других исследователей, зачастую сдававших ему свои находки каждый сезон. Через год после окончания МГУ, в 1979 г., А.Г. Атавин был переведен на должность старшего лаборанта.

Надо сказать, что природа наделила его острым и независимым умом. Всегда его отличали усидчивость и дотошность, стремление разобраться во всем до конца – избави Бог, чтобы о чем-нибудь он высказался необоснованно, без достаточных знаний и размышлений. Диплом он писал у Г.А. Федорова-Давыдова. Работа была посвящена анализу особенностей захоронения чучел коней в погребениях кочевников X–XIV вв. Позднее она была опубликована в "Советской археологии" и удостоена второй премии на конкурсе работ молодых ученых Института археологии. Памятники средневековых кочевников восточноевропейской степи стали первой из двух главных тем, которыми он занимался всю жизнь. Второй темой была средневековая Фанагория. Еще работая в лаборатории, в 1980 г. А.Г. Атавин поступил в заочную аспирантуру Института археологии, где его руководителем по этой теме была С.А. Плетнева.

В то время он уже имел значительный опыт полевых исследований на памятниках Подмосковья (экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы, 1974), Маяцком городище и могильниках салтово-маяцкой культуры (Советско-Венгерско-Болгарская экспедиция, 1975, 1977, 1978), курганах эпохи бронзы (Донская экспедиция, 1976), в Заполярье (Шпицбергенская экспедиция, 1979), на двух замечательных античных и средневековых городищах (Фанагорийская экспедиция, 1979, 1980; Херсонесская экспедиция, 1981) и памятниках Таманского полуострова (Разведочный отряд, 1981). Кроме первой, все перечисленные экспедиции были оранизованы Институтом археологии. В 1982–1985 гг. А.Г. Атавин проводил самостоятельные раскопки на Фанагории (Фанагорийский средневековый отряд). Целью их было определение стратиграфии средневековых слоев городища.

В 1986 г. он был переведен на должность младшего научного сотрудника в отдел славяно-русской археологии, откуда через два года перешел в отдел охранных раскопок. Следует прояснить некоторые важные обстоятельства этого перехода. Дело в том, что в запланированном объеме тема "Средневековая Фанагория", над которой работал А.Г. Атавин, не могла быть разработана ни в то время, ни сегодня. Таманский полуостров до настоящего времени считается заповедником античной археологии. Средневековые материалы из раскопок всегда рассматривались антиковедами как второстепенные. Даже сейчас, спустя долгое время после открытия, они не поддаются ни систематизации, ни анализу, попросту говоря, не могут служить надежным источником. Однако выяснилось это далеко не сразу и через многие муки и "спотыкания". Остается лишь сожалеть, что в свое время об этом не состоялся серьезный разговор и не было заявлено вслух – с одной стороны, и понято и воспринято – с другой. Необходимо добавить, что требовательность к себе и ответственность перед наукой, которые А.Г. Атавин проявлял в любом деле, исключали какой-либо компромисс или лукавство в работе.

В те годы его квартирка превратилась в лабораторию. Весь пол был занят керамикой из Фанагорийского раскопа, которую он бесконечно перебирал в поисках стыкующихся фрагментов не только из разных штыков, но и из разных квадратов. Позже им были опубликованы две статьи, посвященные лощеной керамике средневековой Фанагории и краснолаковой керамике IV–VI вв. этого же памятника – единственные в литературе по этой тематике. Кроме информации о своих раскопках, помещенной в трех выпусках "Археологических открытий", в отдельных публикациях А.Г. Атавин разби-

рал на примере Фанагории влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова. Можно сказать, что из крохотного стратиграфического раскопа он извлек все, что поддавалось анализу и осмыслению. Отдельная небольшая статья была посвящена средневековым погребениям из раскопок М.М. Кобылиной. В 1988 г. А.Г. Атавин выступил с докладом о средневековой Фанагории и ее значении среди одновременных памятников Северного Причерноморья на конференции, проходившей в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. В настоящее время в печати находится его статья "Историография средневековой Фанагории".

В отделе охранных раскопок, которым в те годы руководил Г.Е. Афанасьев, А.Г. Атавин успешно разработал и доложил ряд плановых тем: "Погребения VII–VIII вв. из Восточного Приазовья" (1990); "Разработка и заполнение информационно-поисковой системы "NOMAD", предназначенной для анализа погребального обряда средневековых кочевников в треугольнике Дон–Волга–Северный Кавказ (печенеги, торки, половцы)" (1994); "Погребения печенегов в районе междуречья Дона и Волги и Северного Кавказа" (1997); "Погребения половцев в районе междуречья Дона и Волги" (2000); "Создание каталога погребений хазарского времени юга России" (2003). Впервые в науке им были выделены погребения протобулгар эпохи Великой Болгарии на территории Восточного Приазовья. Итоги отдельных исследований отражены в ряде публикаций А.Г. Атавина. Совместно с Г.Е. Афанасьевым в 2002 г. он выступил на Втором международном коллоквиуме по хазарам, проводившемся в Москве, с докладом, посвященным проблемам материала, археологического анализа и интерпретации хазарского погребального обряда. Без преувеличения можно сказать, что по мере выполнения своих тем шаг за шагом он становился авторитетным и в своем роде единственным специалистом в области средневековых кочевников. Последний доклад А.Г. Атавина на заседании отдела был признан предварительным сообщением о диссертации. Ее темой было изучение процессов этногенеза и социальной дифференциации кочевников VII–XIII вв. юга России. Если собрать вместе все главное, созданное им, то получилась бы небольшая, но очень ценная книга. Многие годы к ней обращались бы исследователи средневековой Фанагории и поздних кочевников восточноевропейских степей.

В середине 1980-х годов А.Г. Атавин был уже опытным полевым работником, хорошо разбиравшимся не только в многослойных, сложных и трудоемких памятниках юга нашей страны. Круг экспедиций, в которых он работал как участником, так и руководителем раскопок, увеличивался от сезона к сезону. Все они были экспедициями Института археологии: Восточно-Крымская экспедиция (1986), Понурский отряд Северо-Кавказской экспедиции (1988), Фанагорийская экспедиция (1989), 3-й отряд Подмосковной экспедиции (1991), Патрейский отряд Таманской экспедиции (1992), Дивногорский (Маяцкий) отряд (1994, 1995), Ингушская экспедиция (1996), Разведочный отряд Поволжской экспедиции (1997), Деснинская экспедиция (1998), Смоленская экспедиция, Межрегиональная экспедиция по трассе 3-го московского кольца, Поволжская экспедиция (1999), Московская межрегиональная экспедиция, Смоленская и Поволжская экспедиции (2002). В 1998 г. он принимал участие в раскопках меровингского могильника в Лонгруа (департамент Верхняя Нормандия, Франция). В последние годы он тесно сотрудничал с В.В. Дворниченко – замечательным археологом-полевиком. Необходимо отметить, что, несмотря на разницу в возрасте, их связывало чувство глубокого взаимного уважения.

Следует сказать также, что во всяком деле А.Г. Атавина отличали не только умение и сноровка, но и то, что называется "легкая рука". Удача иногда проявлялась самым неожиданным образом. В 1981 г., спускаясь под обрыв на одном из античных поселений Таманского полуострова, он оперся о камень, который вывернулся из земли и остался в руке. Он повернул его и увидел, что держит мраморную головку Афродиты. А в 1988 г. в Понурском отряде именно ему посчастливилось найти болгарское погребение с золотым поясным набором. Может ли быть что-либо более символическое, чем эта находка?

Помимо прямых обязанностей, А.Г. Атавин имел и дополнительные нагрузки: он выполнял обязанности секретаря по международным связям Института археологии РАН (1994, 1995, 2003), ученого секретаря отдела охранных раскопок (1998–2000), несколько лет вел в Институте воинский учет, входил в состав оргкомитета Научно-практического семинара в г. Суздале (1989). Большое место среди дополнительной работы занимало участие в юношеских конференциях в роли члена жюри секции археологии (следует отметить, что в 1992 г. им было написано около 10 небольших статей в "Энциклопедический словарь юного археолога"). Вероятно, его первая работа – лаборантом и воспитателем в школе – была неслучайной. Общение с детьми давалось ему легко. Они всегда испытывали к нему доверие и тягу.

Если кратко выразить его душевную сущность, то прежде всего это была доброта. Один лишь вид его подтянутой и аккуратной фигуры вселял в собеседника радость еще до начала общения.

Жизнь оборвалась внезапно. 22 мая случился инфаркт; к вечеру, уже в больнице, – кровоизлияние в мозг и потеря сознания. На четвертые сутки А.Г. Атавин умер. С его кончиной у кого-то не стало отца, у кого-то – любимого человека, а у кого-то – друга. Все, знавшие его, потеряли доброго и отзывчивого товарища. Его отпевали в храме святого Николая в Голутвине. Похоронен Андрей Геннадьевич Атавин на Покровском кладбище.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.Г. АТАВИНА

1. Исследования в Подмосковье // АО-1974. 1975. С. 52, 53 (в соавт. с А.Г. Векслером, А.К. Станюковичем, О.М. Даниловой).
2. Простейший полевой зонд для археологических разведок // СА. 1975. № 4. С. 280–282 (в соавт. с А.К. Станюковичем).
3. Применение метода электромагнитной индикации в археологических разведках и раскопках // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып. 2. Мат. студенч. конф. МГУ. М., 1977. С. 151–155 (в соавт. с А.К. Станюковичем, О.М. Даниловой, Ю.Г. Кулешовым).
4. Работы Советско-Венгерской экспедиции // АО-1977. 1978. С. 77, 78 (в соавт. с С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьевым, А.З. Винниковым, А.В. Кашкиным, В.С. Флеровым).
5. Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // АО-1978. 1979. С. 49 (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым, В.Е. Нахапетян, Е.А. Молевым).
6. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–143.
7. Работы Средневекового отряда в Фанагории // АО-1982. 1984. С. 107, 108.
8. Погребения поздних кочевников из с. Новоселицкого // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 95–101 (в соавт. с В.А. Кореняко).

9. Раскопки в Фанагории // АО-1984. 1986. С. 90, 91.

10. Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262–266.

11. Влияние природных факторов на жизнь древнего города Фанагории на Таманском полуострове // Человек и Природа. 1987. № 2. С. 78–84 (в соавт. с А.С. Голенцовым).

12. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 29–35.

13. Работы Фанагорийского отряда // АО-1985. 1987. С. 126.

14. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Тез. докл. М., 1988. С. 21–23.

15. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 151–155 (в соавт. с Я.М. Паромовым).

16. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. № 1. М., 1992. С. 173–211.

17. Информационно-поисковая система "Номад" (кочевники южнорусских степей) // Археология и история юго-востока Древней Руси. Мат. научн. конф. Воронеж, 1993. С. 94–96.

18. Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // Боспорский сборник. № 2. М., 1993. С. 149–171.

19. Древности нашего Отечества. Новые археологические открытия // Археологический бюллетень. № 1 (17). М., 1994. С. 5–16 (колл. авторов).

20. Информационно-поисковая система "Номад" (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М., 1995. С. 34–52.

21. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 208–264.

22. Половецкое святилище из Ставрополья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь, 1998. С. 231–237 (в соавт. с М.В. Андреевой).

23. Результаты работ Ингушской экспедиции // АО-1996. 1998. С. 217, 218 (в соавт. с В.Ю. Малашевым, К.В. Ворониным, Д.С. Коробовым, О.В. Лопан, В.Е. Масловым).

24. Экажевское поселение эпохи бронзы в Ингушетии // XX Крупновские чтения. Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 17, 18 (в соавт. с О.В. Лопан, В.Е. Масловым).

25. Отдел охранных раскопок // Институт археологии сегодня. М., 2000. С. 184, 185 (в соавт. с А.С. Смирновым).

26. Результаты работ на меровингском могильнике в Лонгруа // АО–1998. 2000. С. 369–371 (в соавт. с Э. Мантель, М.М. Казанским, А.В. Мастыковой, З.Х.-М. Албеговой, Д.С. Коробовым).

27. Раскопки в Смоленске // АО–1999. 2001. С. 57, 58 (в соавт. с О.В. Лопан, Р.А. Нигматуллиным).

28. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 162–166.

29. Харинка – средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 266–307 (в соавт. с И.С. Каменецким).

30. Что такое хазарский погребальный обряд? (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тез. докл. М., 2002. С. 14–16 (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым).

31. Средневековые монеты из Фанагории // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 2003. С. 53, 54 (в соавт. с В.Н. Чхаидзе).

32. Историография средневековой Фанагории // Кочевники восточноевропейских степей и средневековые города Причерноморья. Сборник статей памяти А.Г. Атавина. В печати.

33. Курганный могильник Колобовка-IV в окрестностях Царевского городища (материалы раскопок 2000 г.) // Кочевники восточноевропейских степей и средневековые города Причерноморья. Сборник статей памяти А.Г. Атавина. В печати (в соавт. с В.В. Дворниченко, О.В. Лопан).

Институт археологии РАН,
Москва

Я.М. Паромов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА УрГУ	– Архив кабинета археологии Уральского Государственного университета.
АО	– Археологические открытия. М.
АПО	– Археологические памятники Оренбуржья.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.).
АКМ	– Азовский краеведческий музей.
АОКМ	– Астраханский областной краеведческий музей.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей.
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет.
ВССА	– Вопросы скифо-сарматский археологии. М.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. СПб. (Петроград).
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР (РАН). М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
МАВДС	– Материалы по археологии Волго-Донских степей.
МАД	– Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МАДИСО	– Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб. (Петроград)
МГУ	– Московский Государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России.
МИСКМ	– Материалы и исследования Ставропольского краевого музея.
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник.
ОПИ ИА РАН	– Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук.
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
РА	– Российская археология. М.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд.
РГУ	– Ростовский государственный университет.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УАВ	– Уфимский археологический вестник.
ЭО	– Этнографическое обозрение. М.
AJA	– American Journal of Archaeology. N. Y.
AMI	– Archaologische Mittelungen aus Iran. Berlin.
BBV	– Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Berlin.
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
CIPA	– International Committee for Architectural Photogrammetry.
EEGS-ES	– Environmental and Engineering Geophysical Society, European Section.
SAGEEP	– Symposium of the Application of Geophysics to Engineering and Environmental Problems (USA).